

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ:

ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 19, № 3, 2026

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы
- 5.2.5. Мировая экономика
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии
- 5.4.2. Экономическая социология
- 5.4.3. Демография
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.5. Политическая социология
- 5.4.6. Социология культуры
- 5.4.7. Социология управления

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к. с. н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHESS), Центр исследований индустриализации (CEMI), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конек, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Багирова А.П., д. э. н., проф. (Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лаженицев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Балацкий Е.В., д. э. н., проф. (Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Некиселов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социальноэкономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES:

FACTS, TRENDS, FORECAST

Vol. 19, no. 3, 2026

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties:

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance
- 5.2.5. World economy
- 5.4.1. Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.2. Economic sociology
- 5.4.3. Demography
- 5.4.4. Social structure, social institutions and processes
- 5.4.5. Political sociology
- 5.4.6. Sociology of culture
- 5.4.7. Sociology of management

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)
Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)
Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)
Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)
P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)
Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)
Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)
Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)
Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)
A.P. Bagirova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia)
E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)
K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda, Russia)
O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)
M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)
P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)
I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)
Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)
D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Moscow, Russia)
E.V. Balatsky, Doc. Sci. (Econ.), professor (Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)
S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)
D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)
E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)
G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)
A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.volnc.ru>

© VoIRC RAS, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Волконский В.А. О психологических факторах в исторических процессах	9
---	---

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Изотов Д.А. Динамика влияния санкций на внешнюю торговлю Дальнего Востока России	30
Мыслякова Ю.Г. Формализация экономического иммунитета индустриальных регионов: опыт пилотной апробации	48
Чижова Л.А., Хадыко А.И. Особенности социально-экономического развития северного региона: стратегии и ожидания (на примере Архангельской области)	65

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Мальцев А.А., Чичилимов С.В. Рейтинговая оценка состояния агропрома Урала: узловые проблемы и возможные точки роста	86
Авдони娜 Н.С., Кондратов Н.А., Куприков Н.М., Куприков М.Ю., Ларичкин Ф.Д., Ромашева Н.В., Фадеев А.М. Опыт цифровизации в нефтегазовой сфере и его внедрение в Арктической зоне РФ	105

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Тихонова А.В., Малкова Ю.В. О влиянии налога на доходы физических лиц на трудовую миграцию	123
--	-----

СОЦИАЛЬНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Шабунова А.А., Медведева Е.И., Крошилин С.В. Тренды реформирования российского образования в прогностических оценках демографических показателей	144
Вавилова Д.Д., Касаткина Е.В., Файзуллин Р.В. Анализ и прогноз структуры и динамики численности выпускников российских вузов	165
Соболева И.В., Леонидова Г.В., Белехова Г.В. Работа и благополучие: эмпирический анализ на региональной базе данных	186

Каргаполова Е.В., Кошкин А.П., Новиков А.В. Социокультурное пространство столичного мегаполиса в ценностных установках жителей	209
Гужавина Т.А., Ясников Н.Н. Индикаторная модель измерения инновационного потенциала городского сообщества	228
Косыгина К.Е., Макарова С.П. В поисках патриотического активизма: между декларацией и реальностью	246

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	263
Правила приёма статей	274
Информация о подписке	275

CONTENT

PUBLIC ADMINISTRATION

Volkonsky V.A. On Psychological Factors in Historical Processes	9
---	---

REGIONAL ECONOMICS

Izotov D.A. The Dynamics of Sanctions' Impact on the Foreign Trade of the Russian Far East	30
Myslyakova Yu.G. Formalizing the Economic Immunity of Industrial Regions: A Pilot Testing Experience	48
Chizhova L.A., Khadyko A.I. Specifics of the Socio-Economic Development of a Northern Region: Strategies and Expectations (the Case of the Arkhangelsk Region)	65

BRANCH-WISE ECONOMICS

Maltsev A.A., Chichilimov S.V. A Rating Assessment of the Condition of the Urals' Agro-Industrial Complex: Key Problems and Potential Growth Points	86
Avdonina N.S., Kondratov N.A., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu., Larichkin F.D., Romasheva N.V., Fadeev A.M. Digitalization Experience in the Oil and Gas Sector and Its Implementation in the Russian Arctic Zone	105

PUBLIC FINANCE

Tikhonova A.V., Malkova Yu.V. On the Impact of Personal Income Tax on Labor Migration	123
---	-----

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Shabunova A.A., Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. Trends in Russian Education Reform in the Predictive Estimates of Demographic Indicators.....	144
Vavilova D.D., Kasatkina E.V., Faizullin R.V. Analysis and Forecasting of the Structure and Dynamics of the Number of Graduates of Russian Universities.....	165
Soboleva I.V., Leonidova G.V., Belekova G.V. Work and Well-Being: An Empirical Analysis Using the Regional Database	186

Kargapolova E.V., Koshkin A.P., Novikov A.V. The Socio-Cultural Space of a Capital Megalopolis in the Residents' Value Orientations	209
Guzhavina T.A., Yasnikov N.N. An Indicator Model for Measuring the Innovative Potential of an Urban Community.....	228
Kosygina K.E., Makarova S.P. In Search of Patriotic Activism: Between Declaration and Reality	246

MONITORING STUDIES

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	263
Manuscript Submission Guidelines	274
Subscription Information	275

О психологических факторах в исторических процессах

**Виктор Александрович
ВОЛКОНСКИЙ**

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: volk-econom@rambler.ru

Аннотация. Одна из ключевых движущих сил истории и развития ее субъектов (народов, социальных слоев, отдельных деятелей) — функционирование и развитие их индивидуальных и коллективных психических систем. Психологические факторы оказывают серьезное влияние на экономические процессы (установка на увеличение или сокращение потребления или вооружения, готовность к риску и пр.), на устройство общества и т. д. Но в исторических исследованиях, особенно в российской исторической науке, этому фактору обычно уделяется недостаточно внимания. Причиной является недостаточная разработанность многих проблем социальной психологии, а также недостаточное знакомство научной общественности с этой тематикой. В западных странах уже в течение нескольких десятилетий развивается научное направление психоистория, цель которого — изучение взаимодействия исторических процессов с процессами развития индивидуальной и коллективной психики. В статье показана роль таких факторов, как психологические установки и типы, в частности типы пассионариев, новаторов и консерваторов. Рассматривается способность концентрировать и подчинять большую часть состояний и функций психики единому центру, высшему смысловому принципу, доминирующей установке — способность, лежащая в основе религий и иных идеологических движений. Исследовано взаимное влияние психологических установок и «общеисторических» систем (производственно-технологических, социально-экономических, институциональных, нравственных) в эпохи христианства, Нового времени, современности. Различия между западной и российской цивилизациями рассматриваются на основе различия характерных черт их психологических

Для цитирования: Волконский В.А. (2026). О психологических факторах в исторических процессах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 9–29. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.1

For citation: Volkonsky V.A. (2026). On psychological factors in historical processes. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 9–29. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.1

систем. Психоисторические исследования имеют значение не только для теории. Они могут и должны стать важным инструментом при разработке стратегических планов и прогнозов в таких областях, как социально-экономическая сфера, образование, оборона, геополитика.

Ключевые слова: власть, война, новаторы, консерваторы, пассионарии, доминантная установка, эпоха Модерна, идеология превосходства, производственно-технологический прогресс, человечность.

Введение (общее течение истории и психологические факторы)

Подходы к структурированию истории во времени и пространстве, к описанию процессов и событий в общих терминах абстрактной модели, как правило, ограничиваются процессами и понятиями социально-экономическими, производственно-технологическими, отношениями прав и обязанностей, институтами власти и управления. Редко и мало используются представления и система категорий, выработанных психологией, хотя все перечисленные системы знаний представляют интерес, в первую очередь с точки зрения восприятия, оценки, реакции человека, т. е. его психики, индивидуальной и коллективной. Препятствиями для использования психологии в исторических исследованиях являются недостаточная разработанность социальной психологии и недостаточное знакомство научной общественности с этой тематикой.

Значимый вклад в рамках преодоления этих барьеров внес Л. Гумилев, введя в исторические исследования и систематически учитывая психологический тип пассионариев. В США и Западной Европе эту роль выполняют представители научного направления психоистория (подробнее — в следующих разделах статьи). В связи с существованием названных препятствий в первой части статьи приходится подробнее, чем хотелось бы, излагать содержание психологических факторов, взаимодействующих с факторами исторического развития.

Современный человек относится к своей жизнедеятельности как к целенаправленному процессу, в котором достижением служит расширение возможностей человека и сообществ, оцениваемых в связи с их потребностями. Наше представление об истории — это, в первую очередь, множество исторических субъектов, взаимодействующих друг с другом, и процессов их жизнедеятельности (возникновения, развития,

угасания). Исторические субъекты — это сообщества, создающие свою культуру, духовно-идеологическую (ценностно-смысловую), экономическую, политическую, военную системы, это страны, народы, цивилизации. Процессы и факторы, независимые или слабо зависимые от решений и действий систем управления субъектами, — это природные процессы и географические факторы, научно-техническое и культурное развитие, рост производства и изменение отраслевой структуры, создающие материальные условия жизни и другие аспекты складывающихся ситуаций.

В настоящей статье специально выделим те факторы, которые составляют психическую систему индивидов и коллективов. Это факторы, обеспечивающие единство общества, причины его расколов и других исторических процессов, включая установки коллективного сознания общества, или его активных слоев, или сознание харизматических личностей. В работах историков поведение личностей и сообществ часто описывается только как рационально осознанное поведение, хотя психологи хорошо знают, что психическая система, функционирование которой определяет поведение человека, гораздо сложнее, чем ее часть, называемая сознанием. Управляющие системы субъектов отвечают на сложившиеся и ожидаемые ситуации своими решениями и действиями.

Результат всех этих процессов будем называть общим течением истории (или общеисторическими процессами). Участвующие в нем психические факторы представляются лишь малой частью общей картины. Думаю, такое представление есть недооценка этой части исторических процессов, так как к ней относятся все ценностные, смысловые, информационные стороны жизнедеятельности человечества, все мотивации поведения людей. Причиной недооценки служит недостаточное взаимодействие двух областей науки (и недо-

статок интереса к психологии в обществе) — теоретической психологии и историографии. Между тем расширение и углубление такого взаимодействия необходимо не только для развития научных дисциплин. Знания о взаимном влиянии истории и психологии должны играть важнейшую роль при разработке экономических и политических прогнозов и стратегий, решении проблем воспитания и образования и т. д. Цель исследования — внести авторский вклад в развитие теории и представлений о сути и значимости проблем взаимного воздействия исторических и психологических процессов, которые в настоящее время явно недостаточны, однако играют важную роль для понимания механизмов развития истории; политических, экономических, общественных событий, происходящих как на глобальном, так и на национальном уровне. В странах Запада давно появилось научное направление под названием психоистория (правда, оно не охватывает ряд важных аспектов данной проблемы).

В США и странах Западной Европы *был период, когда на базе изучения взаимного влияния исторических и психологических процессов сформировалась и бурно развивалась новая научная дисциплина — психоистория*. В сорокалетие с конца 30-х до конца 70-х годов XX века число научных статей, защищенных диссертаций по этой тематике увеличилось в десятки раз. Появились научные общества, регулярно издающиеся журналы, при Бостонском Университете создан Институт психоистории (руководитель Ллойд де Мауз). Однако с 1980-х годов (и до настоящего времени) рост этого направления угасает.

В российской науке ничего подобного расцвету психоистории не было, хотя известные ученые (например, А.Г. Асмолов, С.В. Григорьев, А.И. Фурсов и др.), конечно, изучают взаимное влияние истории и психологии.

Внимание психоисториков концентрируется в первую очередь на формировании поведения человека под воздействием факторов, исследуемых историей, социологией и другими общественными науками. Основные области исследований:

- влияние условий жизни в детском возрасте, системы и стилей воспитания;

- исследование биографий представителей разных культур, слоев общества, периодов истории;

- влияние на человека группы, большого сообщества, к которым он принадлежит.

В работах психоисториков часто применяются методы психоанализа Фрейда, категории психологических типов и установок почти не используются. В нашей статье рассматриваются также другие факторы, внимание больше направлено на исторические процессы и тенденции, причинами которых служит функционирование коллективной психической системы.

В статье исследуется имеющийся в распоряжении современной науки инструментарий для определения комплекса психологических факторов, которые оказывают серьезное влияние на исторические процессы в конкретных обществах в конкретные периоды их развития.

Наиболее наглядная часть картины, или модели истории похожа на дарвиновскую модель эволюции биологических видов, родов, семейств. Это теории и модели этногенеза и развития цивилизаций (Н. Данилевский, А. Тойнби). Возникновению и развитию этноса или цивилизации в духовно-интеллектуальной сфере соответствует развитие феноменов культуры, ценностно-нравственной системы, включая национальные, патриотические стимулы жизнедеятельности, характерные черты ментальности, — всё, что обеспечивает ощущение единения индивидов, идентифицирующих себя с данным сообществом и свое отличие от других сообществ.

В процессе этногенеза часто происходит взаимное проникновение и смешивание культур соседних этносов, сближение их институциональных систем и в конце концов их слияние и укрупнение. Образуются суперэтноты. В последнее столетие главным фактором, определяющим важнейшие черты истории, стало противостояние, или противоборство (порой обостряющееся до горячих войн) суперэтноты, реализовавшегося в странах «коллективного Запада», объединенных идеологией мировой гегемонии во главе с США, и ассоциации стран, готовых противостоять этой установке Запада и формирующих коалицию с идеологией многополярного мира (МПМ). Будем называть это *цивилизационным противостоянием*.

В последние десятилетия интенсивно развиваются концепции, исследующие механизмы развития и взаимодействия стран и других больших сообществ. Обобщающей концепцией служит теория стратегических преимуществ, определяющих развитие и закономерности работы таких механизмов. Ее наиболее продвинутой и полной версией отражена в статьях Е.В. Балацкого (Балацкий, 2021b; Балацкий, 2024). В них также осуществлены подробный обзор и критическое изложение предшествующих концепций. В качестве стратегических преимуществ рассматриваются такие хорошо измеримые параметры, как численность населения страны, размер территории, уровень экономического развития (объем ВВП и душевой ВВП). Но, кроме этого, показаны возможность и необходимость учитывать такие трудно измеримые факторы, как уровень научно-технологического развития, военный потенциал и др.¹ В работе (Екимова, Гаганов, 2024) определено, что в современной истории важнейшую роль играют также суверенитет государства и его способность принимать участие и создавать геополитические альянсы. Это научное направление есть изучение объекта, который выше был назван общим течением истории.

Закончим этот раздел статьи иллюстрацией значимости психологических факторов, воздействие которых на историю сопоставимо с воздействием факторов экономических и политических. Сравним две российские революции (или переворота) — 1917 и 1991 гг. В первой главными движущими силами были факторы экономические — крестьяне (80% населения) с глубокой психологической установкой (в сознательном и бессознательном) на владение землей для ведения собственного хозяйства, и пролетариат, требующий улучшения социальных условий. Имелась и идеология — марксизм и ленинская теория о союзе рабочего класса и крестьянства. Идеология, хорошо отражающая роль экономических факторов, но главное — способная воздействовать на коллективные психологические установки и поведение.

В горбачевской перестройке и ельцинских реформах ведущую роль играли политические

и идеологические факторы, связанные с психологией узкого слоя партийно-государственной верхушки, а также с социально-психологическими установками плохо организованных массовых выступлений. Теории, учитывающей психологические проблемы и пригодной для руководства этими процессами, у российских общественных деятелей не было (человек часто гораздо лучше знает внешний мир, чем собственную психику). Зато такая теория уже существовала на Западе — теория «ненасильственного сопротивления» Джина Шарпа, которая легла в основу всех «цветных революций». Следовательно, необходимо изучать социальную психологию! А в 1985–1991 гг. в СССР часть правящей элиты, уверенная, что страна может мирным путем войти в западную цивилизацию (такую привлекательную!), занималась не социальной, а индивидуальной психологией. Группа Яковлева искала (и находила) способы укрепить у Горбачева уверенность в «единстве и неразрывности мира» (Востока и Запада). Известный историк Е. Спицын рассказывает, как эта группа вела психологическую обработку старейшего члена Политбюро А. Громыко и устанавливала связи с членами ЦК, обеспечивая избрание Горбачева генеральным секретарем. После избрания группа Яковлева старалась сделать психику Горбачева все более «пластичной», чтобы он осмелился принять план Перестройки².

Способность концентрации психики. Доминантная установка

Среди психологических факторов, влияющих на ход истории, одним из наиболее значимых является потребность и способность человеческой психики подчинять большую часть своих функций и состояний определенной установке, единому центру, высшему ценностно-смысловому принципу. Если речь идет о коллективной психике общества, этот центр или принцип будем называть общественной *психической доминантой*. Это свойство в разной степени выражено у разных индивидов и в структурах коллективной психики различных сообществ. Для индивидуальной психики такой установкой или принципом могут быть личные

¹ В набор стратегических преимуществ стран и народов, конечно, должны быть включены и социально-психологические факторы.

² Спицын Е.Ю. (2025) Проект «Горбачев». Как «прорабы» перестройки захватили власть в СССР: интервью газете «Завтра» // Завтра. № 14.

интересы, не связанные с проблемами общества. Но если у значительной части членов общества появляется концентрация психики с единым, или хотя бы близким по смыслу, надличностным центром (доминирующим принципом, идеей), это создает мощный потенциал обеспечения единства сообщества, его развития, усиления, активизации. Такое состояние общества будем называть *субъектностью*.

Состояние коллективной концентрации у каждого народа, как правило, возникает и распространяется на все общество в периоды войны или другой опасности для общества. Появляется психологическое состояние мобилизации, смысловой вершиной, доминантой становится патриотизм, преданность отечеству — национальным традициям, культуре, обычаям. Доминирующая в обществе психологическая установка оказывает влияние на исторические процессы, конечно, не только в периоды войн и революций. Чертами психической системы субъекта могут быть отношения к другому народу — отношения устойчивой эмпатии или враждебности, установка на расширение территории или превосходства в экономикотехнологической и военной сферах.

Подчинение сознания единому принципу требует в качестве основы этого принципа наличия более или менее устойчивого комплекса идей и установок, т. е. картины мира и ценностно-смысловой системы с выделением ее «вершины». Эти феномены, как правило, присутствуют в коллективной культуре и коллективной психологии достаточно большого сообщества и составляют содержание его идеологии, которая становится психической доминантой. Мы будем использовать понятие идеология в широком смысле, включая в него и религиозные учения. Однако основы доминирующей системы установок и принципов часто коренятся в коллективном бессознательном и остаются неосознанными для большинства членов общества (при этом система доминирующих принципов нередко оказывается противоречивой и нерациональной с точки зрения интересов общества). Важной чертой социально-психологической системы религий и идеологий является наличие группы людей, носителей данной надличностной установки, для которых ее ценностно-смысловая значимость оказывается более высокой,

чем интересы и потребности собственной личности, собственного эго. Это элита общества или ее часть.

Доминирующие установки, оказывающие наиболее глубокое и, главное, долгосрочное влияние на историю, — это мировые религии и иные духовные движения (идеологии), которыми обозначают целые эпохи. Для обозначения состояния концентрации коллективной психики таких сообществ, где доминирующей установкой является идеология или религия, будем заменять категорию субъектность терминами духовность или идейность. Следует отметить, что для большого количества людей приобщение к надличностной установке, выражающей субъектность сообщества, является настоящей потребностью, часто даже более сильной, чем потребности биологические. Это подтверждается, в частности, Л. Гумилевым в описаниях пассионарных личностей.

В работе (Волконский, 2025a) идеология (включая религии) представлена как двойственная структура. Комплекс функций и состояний психики сторонников данного идеологического учения (верующих), функций, так или иначе связанных с этим учением, не полностью осознаваемых и обладающих разной силой влияния на поведение членов общества и групп, называется *глубинной идеологией* (ГИ). Для формирования политики государства, для воспитания следующих поколений нужна интеллектуально формализованная система представлений, правил мышления, поведения, ценностно-смысловых установок. Государство (или иные властвующие группировки) разрабатывает *интеллектуально формализованную идеологию* (ИФИ). ИФИ в значительной части относится к сфере сознания, ГИ — в большей части к сфере бессознательного.

В книге (Тодд, 2024) цикл развития идейности представлен в виде трех фаз, или этапов (на примере протестантизма, национализма и других исторических феноменов): активная, инертная и фаза «обнуления, духовного вакуума». Идет дробление, распадение единства общества. Идейность может оказывать серьезное влияние на состояние общества не только на этапе активности, но и на этапе инертности. Примеры: период реформации в Западной Европе, культурной революции в маоистском Китае (Тодд, 2024).

Первичными формами идеологий были монотеистические религии, которые создавали условия для глубокой и долгосрочной веры. Главным отличием религии от современных нерелигиозных идеологий является выделение части психики и связанных с ней внешних объектов и обрядов, которые наделяются особым качеством сверхъестественного и сакрального. Оно выполняет роль защиты и долгосрочного сохранения сложившихся религий.

Историческое значение всех великих религий состоит в первую очередь в постановке и реализации задачи преобразования психики человека, комплекса его установок и влечений, создания внутренних, субъективных влечений и установок в соответствии с правилами идейного мировосприятия и поведения. Циклы развития религий расширяют и усиливают роль в обществе интровертного психологического типа (в наибольшей мере это относится ко многим сектам протестантизма). Однако, возможно, следует говорить о существовании самостоятельного психологического типа людей, predisposed к идейности.

Необходимо заметить, что экстравертный тип с его приверженностью к эмпирическому восприятию действительности не в меньшей степени, чем интроверты, наделен способностью к религиозной вере, к подчинению своей психики высшей смысловой установке. К. Юнг пишет: «Недостаток благоговения перед „вечными“ идеями эмпирик заменяет, так сказать, религиозной верой в реальный факт» (Юнг, 1997, с. 382). У всех народов можно выявить длинные родовые, связанные наследственностью цепи (династии) священнослужителей, которые, не прерываясь, проходят через много поколений и через эпохи доминирования в обществе различных религиозных систем. В антирелигиозные периоды представители таких династий переходят к другим формам умственной деятельности, требующим близких психологических качеств. Эти факты позволяют сделать предположение, что потребность в подчинении психики высшей смысловой установке и способность к религиозной вере выделяет определенный психологический тип.

Подтверждением значимости психических доминант для истории служит тот факт, что

культуры и суперэтноты или длительные эпохи их развития получают в качестве названий имя доминирующих в них психических установок: цивилизации либерализма или государственности, эпоха накопления капитала, эпоха колониализма. Наши знания истории позволяют структурировать ее «в пространстве» и во времени, т. е. разделить множество субъектов истории по комплексам характерных черт на группы. Наиболее плодотворным в настоящее время можно признать объединение субъектов истории в цивилизации. Это структурирование «в пространстве». Время развития каждого субъекта (страны, цивилизации) делится на содержательно различающиеся периоды, этапы развития. Это структурирование во времени. При исследовании разных исторических проблем, естественно, могут рассматриваться периоды самой различной длительности.

Аналогичной структурированной картины психического мира Человека пока нет. Однако ее создание можно считать важной проблемой, к которой движется наука. *Разработано несколько подходов (моделей, типологий) к структурированию, группировке черт, или свойств, психики. Как правило, в психологической науке предметом исследования служит психика индивида, личность. Значительно меньше изучены свойства коллективной психики сообществ, живущих и действующих на протяжении длительного времени.*

Направления в психологии, необходимые для развития психоистории

Один из подходов к классификации потребностей, способностей и функций психики основан на их роли в жизни человека. Такую классификацию представил еще И. Кант в «Критике чистого разума» (1790 г.). В глубоко проработанном виде результаты такого выделения психологических факторов и их значения для жизнедеятельности человека представлены, например, в работах (Леонтьев, 1983; Костин, Голиков, 2017). Авторы выделяют три функции психики: когнитивную (познавательную); релятивную — дающую оценку (положительную, нейтральную, негативную) воспринятой информации; регулятивную — инициирующую и организующую активность субъекта.

В сущности, основы теоретической психологии заложил К. Густав Юнг. Он описал фено-

мен *коллективного бессознательного* и исследовал *психологические типы и установки*, создав предпосылки для изучения контингентов людей — носителей соответствующих черт психики и их роли в исторических процессах (Юнг, 1997, разд. X, XI). Важнейшим открытием является теория коллективного бессознательного и архетипов (Yung, 1967).

Юнг уделяет большое внимание состоянию психики, которое получило название *установка*. Установка — это готовность психики (предрасположенность, склонность) воспринимать и интерпретировать получаемые сигналы в определенном направлении и действовать в соответствии с этим восприятием. Установка может быть сознательной или бессознательной, или той и другой одновременно. Можно говорить об установке отдельного человека. Но для исторических исследований обычно важнее установки, характеризующие большие сообщества. Примером является капиталистическая установка, требующая от предпринимателей выбора действий и приложения усилий к постоянному увеличению капитала. Комплекс коллективных установок порождает доминирующая в обществе идеология. Наиболее распространенные устойчивые установки, по существу, присущие каждому из людей, — возможность соотнесения, идентификации себя с большим сообществом, в первую очередь с народом, нацией, государством.

Едва ли не главным шагом в освоении психики как системы и в развитии социально-психологического направления является разделение психологических факторов поведения отдельных людей и сообществ на сознательные и бессознательные, а также понимание важной роли бессознательных функций и состояний психики. Доминирование системы смыслов капиталистической эпохи приучило объяснять поведение исторических деятелей и сообществ их интересами (в первую очередь экономическими). Большая часть *действий* людей, имеющих историческое значение (решения управленцев, участие в коллективных процессах, организованных или хаотических), связана с психическими функциями сознания. Однако это далеко не всегда так. *Доступ к сознанию* тех вызовов, воспринятых сигналов, которые порождают действия, в значительной мере опре-

деляется опытом, накопленным ранее, который хранится в бессознательном. Изучение проблем социальной психологии показало, что бессознательное играет важнейшую роль как причина и направление сознательного поведения в развитии культуры, морали, институциональных систем.

Однако это только часть бессознательного, его функционирования, в частности как хранилища накопленного опыта — памяти. Память об исторических событиях и процессах фиксируется и хранится в продуктах общественного сознания, в основном в предметах, внешних по отношению к живой индивидуальной психологической системе: сказаниях, легендах, песнях, материальных объектах, таких как рукописи, книги, живопись, архитектура. В живой индивидуальной психике память сохраняется в резервуарах бессознательного. При этом, согласно концепции Юнга, в них могут храниться структуры, возникшие как во времена доисторической эволюции наших предков, так и в исторические времена³.

Длительность тяжелых войн и возникновение устойчивого чувства ненависти между этносами доказывают, что причинами исторических событий часто бывают *надличностные*, коллективные социально-психологические состояния, базирующиеся в коллективном бессознательном (см. также раздел о новаторах и консерваторах). Аналогичное воздействие устойчивых установок коллективного бессознательного обнаруживается в сохранении традиционных экономических связей между населением соседних государств, несмотря на радикальные изменения политических отношений между государствами.

Феномен коллективного бессознательного и архетипов стал более доступным для понимания неспециалистами, когда была хорошо изучена система инстинктов, которые у большинства животных практически полностью определяют их поведение, а у людей играют

³ На содержание бессознательного в индивидуальной психике глубокое воздействие оказывает опыт, полученный в детском возрасте, и, соответственно, система и стиль воспитания. Результаты этого воздействия часто определяют черты психики на всю жизнь. Как уже отмечалось, фактор детского воспитания является одной из главных проблем исследований психоисториков.

меньшую, но всё же значительную роль (как в действиях, так и в других психологических процессах). Инстинкты, безусловные рефлексы определяют как индивидуальное поведение, так и коллективное, «наиндивидуальное координированное поведение» (Гумилев, 1993, с. 514) сообщества животных (стаи, колонии, стада, вида). Это стайные или стадные инстинкты. Исследованию системы инстинктов у животных и людей (и их сопоставлению) посвящены работы известного специалиста по поведению животных К. Лоренца⁴.

Сейчас имеется большое разнообразие *теорий потребностей и мотивации* (см., например, Леонтьев, 1971). Но практически всегда ссылаются на знаменитую работу американского психолога А. Маслоу «Мотивация и личность» (издана в Нью-Йорке в 1954 г.), где, наверное, впервые дано исключительно подробное исследование потребностей и представлена их иерархия. Низшие, или базовые, потребности, как правило, формируются в бессознательных частях психики, затем осознаются и порождают целенаправленную деятельность. Потребности более высокого порядка могут возникать в результате осознания индивидуального или коллективного опыта (начиная с детского воспитания) и затем закрепляться в разных отделах бессознательного.

В работах Э. Тодда (Тодд, 2025) и Е.В. Балацкого (Балацкий, 2024) предложена модель поэтапного развития институциональной системы общества на первых этапах возрастания и затем угасания его социальной и экономической активности. При этом выявляется парадоксальная связь показателей общественно-экономической активности (в частности, темпов экономического роста) с уровнем общественного производства и благосостояния. Естественной представляется положительная зависимость общественно-экономической

активности от уровня производства и благосостояния: его повышение связано с возможностями для всё большего числа членов общества найти место эффективного приложения своего труда, получить хорошее образование и т. д. Парадокс в том, что в большинстве развитых стран после достижения определенного уровня благосостояния его уровень продолжает расти, но темпы роста общественной активности неуклонно снижаются. Этот феномен подтверждается многочисленными статистическими данными (Балацкий, 2025).

Вполне естественно объяснять повышение общественной активности как ответ коллективной психики на неудовлетворенные потребности и снижение активности — всё большим их удовлетворением. Возникает вопрос: неужели экономико-технологический прогресс неизбежно должен приводить общество к упадку активности? Этот вопрос касается как психологии, так и экономики, и по существу — всех гуманитарных наук. Первый шаг состоит в том, что рост благосостояния ведет к удовлетворению потребностей, низших по иерархии Маслоу. Высшие потребности вовсе не обязательно оказываются удовлетворенными. Изучение этих высших потребностей и их взаимосвязей с общественной активностью, несомненно, остается важным направлением развития психологии и всех наук об обществе.

К настоящему времени в психологии накоплен значительный запас инструментов, позволяющих описать психику личности небольшим числом понятий, но значительно более детально и конкретно, чем категориями Юнга. Одно из таких направлений — *типология личности*. Это работы по выявлению (и описанию) небольшого числа типов личности, охватывающих большую часть населения. Другое, близкое к нему направление ставит задачу выявления небольшого числа базовых черт психики, сочетание которых позволяет создать универсальную модель личности, дающую возможность описывать любой из существующих типов. Второе направление получило название «Большая пятерка» — по числу базовых черт личности. Теория изложена, например, в книге (Первин, Джон, 2000). Ниже покажем на примерах, что изученные психологами типы личности и базовые черты психики могут быть использованы

⁴ Рекомендую его книгу «Так называемое зло. К естественной истории агрессии», посвященную внутривидовой агрессии. Лоренц делает следующие выводы: «Агрессия может допустить ошибку и при этом уничтожить жизнь. Но ее предназначение в великом становлении органического мира — творить добро». «Избыточная агрессивность, которая сидит у нас, людей, в крови, ... является результатом внутривидового отбора, действовавшего на наших предков десятки тысяч лет» (Лоренц, 2008).

как факторы, определяющие развитие исторических процессов. К сожалению, цели, которые здесь ставятся, обычно не связаны с проблемами истории и философии, а остаются, как правило, в рамках психологической науки и медицинской или производственной практики.

В работе Э. Шпрангера представлен тип личности с названием «политический человек», который характеризуется потребностью власти, доминирования и способностью влияния на окружающих (Spranger, 1921). Степень и формы выраженности этого свойства психики резко различаются у разных личностей, национальных культур, цивилизаций. Оно, как правило, связано с готовностью к подчинению, с потребностью принадлежать к властной группировке, обладающей большим влиянием в обществе.

Другой тип личности «экономический человек» характеризуется Шпрангером аналогично описанию базовой черты «доброжелательность» в «Большой пятерке». Выделяются склонность к созданию в межличностных отношениях деловой атмосферы, взаимного доверия и сотрудничества, целью деятельности является получение пользы. Увеличение доли членов общества или активной элиты, обладающих этими качествами психики, следует учитывать как важный фактор развития рыночных отношений.

Пассионарии

Образцом анализа взаимодействия исторических и психологических процессов является введение Л. Гумилевым в исторические исследования социально-психологического фактора — пассионарный тип человека (Гумилев, 1993). Вопрос о происхождении пассионариев остается дискуссионным, как и вопрос о наследственной передаче психологических черт этого типа личности. Но историческая роль этого множества личностей подробно исследована Гумилевым как один из главных факторов этногенеза. Пассионарии выделяются избытком энергии и потребностью участвовать в постановке общественно значимых целей и в их реализации.

Теории и модели эволюции цивилизаций и этногенеза достаточно хорошо выявляют структуру исторического развития в масштабах временных периодов, соизмеримых с этапами жизни этноса — по несколько столетий или даже тысячелетий. Современный мир развивается с гораздо большей скоростью, чем прежде.

Глубокие перемены в его экономико-технологических, политико-идеологических, институциональных структурах происходят каждые полсотни, а то и каждый десяток лет. Перемены захватывают как узкие слои властвующих элит, приводя к «смене кадров», так и широкие массы. Трудно представить эти перемены без ведущей роли в них пассионарных групп. Всё это свидетельствует, что их роль и ее изменчивость должны быть рассмотрены более подробно.

Согласно диалектике (по Гегелю), сообщество, общественный слой определяется сопоставлением со своей альтернативой. Такую альтернативу Л. Гумилев описывает как людей гармоничного типа, «энергоуравновешенных». Это люди, которые хорошо адаптируются к складывающимся условиям жизни, политической, экономической, институциональной обстановке в обществе. Они, как правило, не проявляют склонности к повышенной целенаправленной общественной активности. Пассионарии — активная часть общества, гармоничные люди — пассивная часть.

Гумилев и другие историки, наблюдая периоды повышения общественной активности этнических и иных коллективов, связывают его с увеличением численности пассионариев и ростом их миграционной, природопреобразовательной, военной, экономической и пр. активности (пассионарная напряженность). Критики Гумилева подвергают сомнению теорию возникновения пассионарных особей в результате воздействия колебания космического поля и иных факторов, не связанных с человеческой деятельностью. В качестве альтернативной концепции можно постулировать наличие постоянной доли особей, генетически способных к пассионарной активности, но большая часть которых из-за неблагоприятной исторической ситуации не смогла реализовать свои способности и стремления (потенциальные пассионарии). Гумилев приводит примеры изменения настроения и поведения людей в присутствии даже малого количества пассионарных личностей, которые передают окружающим свои поведенческие установки, свою повышенную активность и энтузиазм, вызывая «обвал» пассионарной напряженности. Гумилев использует термин «пассионарная индукция». Возможно, дело не в *появлении* новых пассионариев, а в их *проявлении* (пробуждении).

Другой вариант концепции: период «пассионарной напряженности» возникает не в результате увеличения числа пассионариев, а в результате того, что массы пассивных личностей под влиянием индукции перенимают стремления и поведенческие установки пассионариев (индукция — влияние пассионарных личностей на окружающих, термин Л. Гумилева). Во время войн пассионарным полководцам с небольшой группой патриотов нередко удавалось вести за собой войска, состоящие в основном из гармоничных личностей. Многие из них становятся настоящими пассионариями.

Новаторы и консерваторы

Многу обращено внимание на многочисленные примеры наглядного различия периодов, характеризующихся большим количеством исторически значимых перемен, и периодов устойчивости и стабильности (Волконский, 2025b). В моей работе они названы эпохами перемен и эпохами стабильности⁵. Предлагается гипотеза о существовании двух психологических типов, или групп людей с достаточно устойчивыми психологическими установками: одна из них «заряжена» на глубокое, многостороннее изменение общества, общественно-го устройства — это новаторы; другая — люди, главной установкой и целью которых является устойчивость общества, стабильность общественного устройства — это консерваторы.

В той статье допущена ошибка — замена термина «новаторы» термином «пассионарии». Название периода перемен эпохой пассионариев — правильно, а для группы новаторов такая замена неприемлема. Не только новаторам, но и консерваторам для реализации их общественных целей бывают необходимы пассионарии с их мощной энергией. В таких ситуациях среди пассионариев могут оказаться люди как с установкой новаторов, так и консерваторов. В эпоху перемен часто идет борьба за доминирование и власть между новаторами и консерваторами. Примером служит современный период перемен в США 2024–2025 гг., приход к власти Дональда Трампа и его борьба с «глубинным государством». Установка Трампа и его коман-

ды на возвращение Америки к традиционным принципам общественного устройства свидетельствует о консервативном характере его и его сторонников. Идеология и политика демократов в период президентства Обамы и Байдена — это установка на создание целой «культуры отмена», отказа от большинства «устаревших» идеологических ценностей, моральных и юридических норм и ограничений во имя «Нового» мирового порядка. Сложившийся раскол элиты (а вероятно, и всего общества) ясно демонстрирует полезность использования для психо-исторического направления исследований психологических типов консерваторов и новаторов.

К категории новаторов относятся революционеры и реформаторы, а также ученые и деятели культуры, деятельность которых связана с поиском новых проблем и направлений, открывающих новые возможности для человечества. Во внешнеполитической и военной сфере деятельность новаторов носит наступательный, а не оборонительный характер. Доминирование психологического типа новаторов в обществе или в тех или иных секторах, как правило, инициирует и поддерживает прогрессивные исторические тренды. В то же время к этой категории людей относятся представители обществ, заряженных (или зараженных) идеологией антисистемы (Гумилев, 1993. Часть II), в частности химеры. В статье И. Р. Шафаревича «Русофобия» подробно рассмотрен актуальный в нынешних условиях тип антисистем, который И. Шафаревич называет «Малый Народ» (Шафаревич, 1991).

После катастрофы Второй мировой войны и угроз ядерного апокалипсиса, после разрушения мировой идеологической державы СССР в мире стало реальным и значимым участие в исторических процессах психологического типа консерваторов, альтернативного типу новаторов. Это люди вовсе не пассивные, люди, главной установкой которых является устойчивость, стабильность общественного устройства. Не только новаторам, но и консерваторам для реализации их общественных целей могут понадобиться пассионарии с их мощной энергией. В статье (Волконский, 2025b) обсуждается актуальная для нынешней России проблема обеспечения высоких экономических темпов в эпоху консерваторов.

⁵ После написания статьи я узнал о книге Э. Тодда (Тодд, 2024) и обнаружил выделение аналогичных периодов как стадий изменения действенности религиозной веры в обществе: стадия активности и стадия инерции.

Категории эпоха новаторов и эпоха консерваторов могут быть использованы для структурирования психоисторических процессов в качестве доминирующих установок властвующих элит. Это наглядно проявляется в настоящее время, когда угасание эпохи новаторов и рост влияния консерваторов происходят на наших глазах в США и совсем недавно произошли в России. (Такой перелом в двух мировых державах заслуженно воспринимается как перелом в общемировой истории.) В Советском Союзе под влиянием соседства богатой цивилизации Запада и его эффективной пропаганды произошел раскол элиты на диссидентов-западников (новаторы) и сторонников сохранения политико-идеологического курса — с верой в возможность его обновления в будущем (консерваторы). Победили западники. Но ненадолго: речь В.В. Путина на Мюнхенской конференции 2007 года показала, что Россия возвращается на позиции государственной суверенности. Начинаясь эпоха консерваторов.

В США установкой новаторов можно считать идеологию глобализма — установления Нового порядка на всей планете с гегемонией США. Однако инициирование многочисленных холодных и горячих войн и «цветных революций» на фоне стремительного роста Китая и Индии и восстановления суверенитета России приводило только к неуклонной утрате Америкой своих позиций глобального лидера. Это вело к расширению и усилению влияния установки консерваторов в американской элите — установке на возвращение к старым временам устойчивого роста при сохранении стабильного устройства общества. Доминирующая группировка новаторов, чтобы активизировать своих сторонников и реализовать свою новаторскую сущность, стала поддерживать любые инновации: отказ от национального государства, от семьи, от самой природы человека и прочее.

Трамп пришел к власти в период появления и усиления новых цивилизационных полюсов и их коалиций. Он объявил, что предотвратит утрату Америкой своих позиций глобального лидера. Большая часть Америки ожидает, что он восстановит и сохранит положение страны как мирового гегемона. Для этого Трамп стремится переключить внимание общества на внутренние проблемы и обеспечить устойчивость

и независимость экономики, восстановив производственные отрасли внутри страны. Другая задача, которую он должен решить для защиты от расшатывания социального и нравственного порядка в стране, — выдворение из страны незаконных мигрантов. Эту задачу он практически выполнил. Установка Трампа на прекращение войн в мире нужна ему не только для прекращения участия Америки в войнах, которое мешает восстановлению ее экономики. Трамп готов быть выразителем коллективной потребности большинства стран (возможно, за исключением группы западноевропейских), уставших от горячих и холодных войн, — потребности в стабильности и устойчивости. Страны, принявшие идеологию многополярного мира, как и большая часть Америки, ждут начала эпохи консерваторов.

К сожалению, часто невозможно однозначно установить для определенного периода доминирование новаторов или консерваторов. Трудность состоит в том, что у разных слоев общества могут быть резко различающиеся установки и ценности, и даже у одного социального слоя установки могут различаться в отношении разных проблем.

В заключение раздела приведем предположение о роли пассионариев в развязывании войн. В статье (Волконский, 2025b) было высказано предположение, что одной из причин возникновения войн является потребность пассионариев найти применение своей чрезмерной энергии и не находящих такой возможности. Чаще всего такую возможность можно найти в нагнетании враждебности к соседнему народу, доводя ее до уровня холодной, а потом, возможно, и горячей войны (см., например, Блаттман, 2024). Следует уточнить данный тезис с помощью рассмотренных социально-психологических категорий.

Первое. Для объяснения начала войны одних только хорошо осознаваемых рациональных факторов практически всегда недостаточно. Потери в войнах часто в разы превышают те возможные выгоды и преимущества, которые могут получить государства, начинающие и продолжающие многолетнюю войну. При этом уровни культуры, системы ценностей участвующих в войне сообществ вполне позволяют найти взаимовыгодное решение противоречия,

вызвавшего конфликт. Часто представляется, что дело только в недостатке информации у того или другого участника, что вместо войны можно убедить участников, что потери от войны гораздо больше, чем выигрыш от ожидаемой победы. Война — это просто не выгодно! На самом деле, чаще всего причина длительного конфликта не в недостатке информации или неспособности рационально мыслить, а в том, что люди, участвующие в конфликте обществ, разные, только различия трудно обнаружить. Дело в том, что различаются они не своими физиологическими особенностями и даже не формализованными идеологиями, а глубинами бессознательного.

Второе. Инициаторами или сторонниками развязывания войны могут быть не только пассивисты, но и (возможно, даже чаще) новаторы. Пассивистам легче найти достойное применение своим способностям и установкам, чем новаторам, для которых поиск и выбор своего места в общественной деятельности концентрируется именно на переменах. Война этому условию удовлетворяет. А найти или создать идею глубокой общественной перемены в условиях мирной жизни — далеко не всегда возможно.

Стоит заметить, что исторические процессы, связанные с переменами в устройстве общества и в международных отношениях, иногда объясняют с помощью потребностей в соперничестве и в принадлежности к большому влиятельному сообществу (сопровожаемому отчуждением от иных сообществ). По моему мнению, объяснение с помощью категорий новаторов и консерваторов часто оказывается более убедительным.

В следующих разделах будут рассмотрены процессы мировой истории с выделением того влияния, которое на них оказывали психологические факторы.

Христианство и формирование цивилизации Запада

Христианская коллективная идейность сыграла решающую роль не только в развитии стран Ближнего Востока и Европы, но и в формировании нового облика всей мировой истории. Христианство внесло в мир новую доминантную установку. Ее важнейшая черта — требование к каждому быть активным, двигаться

«вверх», к новой природе человека. Эта установка на активизацию стала одной из главных черт той доминанты, которая в период капитализма и промышленной революции дала небывалый рывок и экономико-технологическому прогрессу, и всем другим секторам деятельности.

Установка на активизацию проявилась раньше других стран и оказала наиболее массовое влияние в странах Западной Европы. О. Шпенглер определял в качестве главной черты западной цивилизации деятельность, постоянную активность, преодоление всех пределов. «Жизнь важна постольку, поскольку она есть деятельность»; «Всякий западноевропейский человек чего-то требует от других. Слова „ты должен“ произносятся с полным убеждением, что здесь, действительно, возможно и должно что-то в общем смысле изменить, образовать и упорядочить» (Шпенглер, 1998, с. 541, 495).

В XIV веке началось культурное движение Ренессанса, ведущее к возвышению значимости человека, в которого сам Бог вложил частицу божественного начала. Развитие индивидуализма в общественно-экономических структурах западных стран в сочетании с установкой на максимальную активность стало серьезной причиной направления психической энергии пассивистов в развитие культуры. Формируется установка на раскрепощение творческой личности, на ее всестороннее Освобождение. Назревает противоречие индивидуализма и коллективной идейности. Эти изменения в глубинной идеологии (ГИ) сопровождаются сокращением влияния интровертов и увеличением влияния интеллектуального психологического типа.

В XVI веке появляется новая конфессия (трансформация ИФИ) в рамках самого христианства — протестантизм, которая оказывает трансформирующее воздействие на историю, сопоставимое с воздействием самого христианства. Раньше именно Церковь помогала возведению религиозной веры на высший уровень смысловой иерархии, и это освобождало от всех земных ограничений. Церковь была посредником в отношениях человека с Богом. Теперь она воспринимается как ограничитель свободы этих отношений. Каждый человек только сам, без посредников, должен определять эти отно-

шения в непосредственном общении со своим Создателем. Эти отношения становятся для него высшей ценностью. Он сам может и должен делать свободный выбор и отвечать за свои мысли и поступки. Зарождается идейность индивидуализма и либерализма — еще одна черта психологической доминанты, движущей силы экономико-технологического и общеисторического рывка Нового времени.

Э. Тодд выделяет три важнейших результата воздействия на историю протестантской идейности.

1. Быстрое по историческим меркам распространение массовой грамотности (каждый верующий должен быть способен сам читать Священное Писание).

2. Объяснение (и оправдание!) реального неравенства людей и их часто отрицательного отношения друг к другу, временами доходящего до ненависти и насилия. Основой служит доктрина изначальной предопределенности каждого человека к спасению или проклятию, которое нельзя изменить поступками и мыслями. Эта доктрина способствовала развитию следующего «парадоксального» состояния коллективной психики Запада — состояния, которое превыше всего ценит достижения прогресса и в то же время допускает идеологии и устройства общества типа расизма, геноцида наций, нацизма.

3. Активизация идеи нации, поскольку Священное Писание было переведено на местные языки (Тодд, 2024).

Но главным результатом, конечно, стало возникновение тезиса о понимании успехов человека на жизненном и деловом пути как знака божьего благоволения. Этот тезис, открытый как результат протестантизма М. Вебером, стал основой для установки на накопление капитала, установки, поднимающей деятельность предпринимателя на вершину иерархии ценностей и смыслов.

Итак, в Западной Европе наступает эпоха Модерна. Она характеризуется новым взглядом на развитие человечества, его цели и смысла. На вершине смысловой иерархии оказывается установка бесконечного развития и совершенствования, заданная еще христианством, только речь теперь идет не о глубинных качествах веры и нравственности интроверта, а об открытиях в науке и технике, увеличивающих возможности

и силу человеческой организации, и о рационально-мыслительных способностях эмпирика-экстраверта. Создается психологическая доминанта для социально-экономического преобразования общества — для перехода к формации капитализма.

Европейские идеологи стали искать и изучать цель и направление этого развития, которое получило название цивилизация. Сначала под этим термином понимали определенное состояние общества — его высший этап, следующий за дикостью и варварством. Цивилизованное общество — это общество с государственным устройством, социальным расслоением, урбанизацией, развитой письменностью и т. д. Затем цивилизация стала рассматриваться как направление процесса. А. Швейцер в работе «Философия цивилизации» (1923 г.) указал на необходимость считать важнейшим элементом цивилизации духовное и этическое развитие.

В классическом научном труде Д. Бейкера, опубликованном впервые в 1974 году, на обширном историческом материале показано, что важнейшими достижениями человеческих обществ являются их способности создавать и развивать цивилизации. Большой раздел книги (в главе 27) посвящен обсуждению понятия цивилизаций и факторам их возникновения и развития. Подробно рассматривается категория интеллекта и когнитивной (познавательной) способности как его части (Бейкер, 2015).

Вопрос определения понятия цивилизация, одного из важнейших для исторической науки, до сих пор остается дискуссионным. Насколько широк разброс определений, продемонстрировано в работах С.Д. Баранова⁶ (Баранов, 2024). В них подробно рассмотрены семь подходов к определению российской (или восточноевропейской) цивилизации, представленных в трудах разных авторов. Мы будем использовать категории западная цивилизация и восточная цивилизация, имея в виду происхождение от католическо-протестантской и православной ветвей христианства и различие западноевропейской и евразийской групп стран.

⁶ Баранов С.Д. (2025). Осевая Цивилизация. Часть первая. Основы российской идентичности // Завтра. № 22; Баранов С.Д. (2025). Осевая Цивилизация. Часть вторая. Контуры русского мира // Завтра. № 23.

В общепринятом смысле категория цивилизация понимается как накопление духовных, нравственных ценностей в результате развития общества. Переход в странах Западной Европы от общества феодального к обществу Модерна, географических открытий, капитализма и колониализма привел к замене доминирующих установок христианства к верховной ценности силы, идеологии превосходства и к отказу от пути накопления цивилизационных богатств. В России, в отличие от западных стран, сохранялись первоначальное православное учение христианства и многие другие черты отличной от Запада ментальности. Расхождение западной и восточной цивилизаций в XX веке превратилось в их политико-идеологическое противостояние, которое колеблется от сравнительно мирных до остро враждебных форм.

Колониализм, идеология превосходства, расизм

Труды по историческому материализму содержат много примеров развития и изменения глубинных установок и мировоззрения общества под влиянием экономико-технологических и политических событий и процессов. Укажем на некоторые линии такого воздействия. В XVI–XIX столетиях формировалась Британская колониальная империя. В ней раньше, чем в других странах, произошли перемены, связанные с переходом от феодального средневековья к Новому времени и капитализму. Британия по ключевым показателям стала лидером среди европейских народов.

Важным инструментом в борьбе за духовное и социально-политическое лидерство всегда была идеология превосходства над другими народами. Эта идеология базируется на потребностях и способностях человеческой психики, в первую очередь на потребностях и способностях к соперничеству и к власти. Не удивительно, что в колониальной Великобритании, с большим опытом общения с народами и племенами, находящимися на значительно более низком уровне развития, разработка интеллектуально формализованной идеологии превосходства пошла по пути расизма. Расовая теория, социальный дарвинизм, евгеника в англосаксонских государствах развивались (в теории и на практике) раньше, чем в других странах. Германская расовая теория, «расовая гигиена» (евгеника), идеология превосходства арийской

расы, которые стали идеологической основой германского нацизма, в значительной степени базировались на теоретических и экспериментальных разработках (и опробованных на практике социальных рекомендациях!) английских и американских ученых⁷.

Более неожиданным является использование англосаксонской элитой и правящим слоем США давней (появилась не менее четырех столетий назад) концепции происхождения англосаксов (элитарной группы народов, живущих на Британских островах) от народа Израиля. Англосаксы верили в эту концепцию «британского израэлизма»: она восполняла нехватку древних архетипов, которые необходимы для устойчивости глубинной идеологии. Вождь буржуазной революции XVII века О. Кромвель называл англичан «народом Бога», а Британию — «Новым Израилем». Эта концепция вполне отвечает интересам англосаксонской элиты США, где духовное пространство остается фрагментированным из-за наличия многочисленных сект и различных культурных стереотипов. Одной из наиболее влиятельных и активных национально-конфессиональных группировок являются последователи сионистского вероучения. Обеспечение «нерасторжимой» связи США с Израилем отвечает также геополитическим интересам американской правящей элиты, поскольку Израиль становится неизменным инструментом (или оружием) США в таком важном и «бурлящем» регионе, как Ближний Восток.

Концепция «британского израэлизма» — красноречивый пример использования современными правящими элитами черт и установок коллективного сознания и бессознательного в интересах своей политики.

Способность воздействовать на коллективное сознание и коллективное бессознательное активно используется властвующими группировками, включая государственные структуры, с помощью пропаганды (мягкой силы). Это группировки, обладающие возможностью управлять СМИ и другими информационными потоками. В настоящее время разработаны и применяются разнообразные методы, кото-

⁷ См., например: Катасонов В.Ю. (2025). Англосаксы и германский нацизм // Отечественные записки. № 12, 13.

рые через формирование установок сознания влияют и на бессознательные функции психики, не подвергающиеся критическому осмыслению (эмоции, страх, подчинение сверхидеи и др.). Методы и механизмы мягкой силы используются с различными политико-идеологическими целями, например: для расшатывания и раскола общественного единства противника, разрушения его национальной идентичности; для дегуманизации его авторитетных лидеров; для формирования антиобщественных групп и контрэлиты; для создания у противника новой системы ценностей, новой «правильной» идеологии, новых институтов; для создания в сознании своего общества образа врага (противника) и т. д.

В результате монопольного подчинения всех крупных СМИ и фактически всего информационного пространства контролю единого идеологического центра медийное манипулирование общественным сознанием становится важнейшим оружием гибридной войны.

Переход к миру информации с возможностями ее практически моментального распространения в любую точку пространства, разработка технологий воздействия на общественное сознание трансформировали картину взаимодействия общеисторических процессов и процессов изменения коллективной психики. Отметим одно из следствий этой трансформации. Раньше коллективное сознание и коллективное бессознательное массы обладали достаточно высокой стабильностью, так что политическая элита была вынуждена адаптироваться к этой «постоянной величине». Теперь свойства и установки коллективной психики массы стали в значительной мере «зависимой переменной», зависящей от текущих целей и возможностей элиты.

Все привыкли, что такие черты коллективной психики народа, как отношения эмпатии или антипатии к народам-соседям, формируются и изменяются только в результате длительных периодов общения или кровопролитных войн. Поэтому большое удивление вызывает распространение (буквально в течение нескольких лет!) во многих странах Западной Европы русофобии, доверия к фейковым новостям и известиям о намерении России напасть на страны Запада (вопреки здравому смыслу).

Важным результатом перемен в жизнедеятельности общества является *изменение характера войны и самого ее смысла*. Теперь большая часть военного конфликта (имеется в виду большая война) происходит в идеологической сфере. Важнейшей целью войны стал не захват территории врага, не ликвидация живой силы его армии, а признание врагом и демонстрация всему миру его морального, идеологического поражения, неспособности сопротивляться, готовности подчиняться. Иными словами, теперь цели и результаты войны — изменение не только политического, социально-экономического, институционального устройства общества противника, но и его коллективной психики.

Сходство и различие психологического облика западной и восточной цивилизаций

Как марксизм, так и концепция выхода из «мальтузианской ловушки» (см., например, Попов, 2012) показывают, как меняется классовая и институциональная структура общества при переходе от феодализма к капиталистической системе.

В XVI веке доминирующую роль в экономике играли такие отрасли производства, как сельское хозяйство и ремесленничество, и достаточно свободные рыночные отношения. В таких условиях наибольшие успехи достаются индивидуальным (семейным) хозяйствам в руках активного собственника. Препятствиями для развития индивидуального хозяйства были общинная структура хозяйства и поддерживающие ее государство и христианская идейность (находившаяся в то время в фазе консервативной инертности, как сказал бы Тодд). Возвышению нового господствующего класса буржуазии и системы рыночных отношений в экономике способствует увеличение влияния психологического типа новаторов (А.Г. Дугин: «Модерн есть отрицание Традиции» (Дугин, 2020, с. 151)) и установки на соперничество и конкуренцию. В идейность Нового времени включается ценность индивидуализма.

Поскольку индивид становится высшей ценностью, какие нравственные или духовные нормы и запреты могут ограничивать его стремление к Освобождению, к расширению своих возможностей? Индивидуализм порождает либерализм. В Западной Европе установкой новаторов становится индивидуалистический

либерализм. Идет формирование новой психологической доминанты.

В России христианство сохраняется в его первозданной форме Православия. Несмотря на мощное влияние западной цивилизации, психологической доминантой неизменно остается государственность, которая опирается на ярко выраженную потребность в идентификации себя с сильным сообществом. Эпохи доминирования консерваторов сменяются эпохами новаторов, знаменующими радикальные переломы российской истории, — царствование Петра I и создание и развитие первого социалистического государства СССР⁸.

Развитие западной и восточной цивилизаций можно проследить по разным сферам жизнедеятельности и группам факторов. Наиболее изученной является, наверное, та группа экономических, институциональных, политико-идеологических факторов, которые участвуют в марксистской модели последовательной смены общественно-экономических формаций. В статье (Волконский, 2025a) предложен синтез модели смены формаций и концепции взаимодействия двух цивилизаций. В рамках феодализма в западной цивилизации постепенно созревают условия для зарождения новой, более эффективной формации — капиталистической. Главные черты капиталистической системы, такие как зависимость властного влияния субъекта от его богатства, распространение рыночных отношений и конкуренции, легко распространяются по странам Западной Европы, но в России они воспринимаются как негативный путь развития, как вызов со стороны Запада. Одной из причин можно считать несовместимость капиталистической системы и сопутствующей ей доминанты индивидуалистического либерализма с российской доминантой государственности и установкой на идентификацию с сообществом. В России активизируется интерес к идеологии социализма и созданию общества и экономики новой, социалистической формации. Главная часть социалистической идеологии — социальное государство, т. е. государство, целью которого является обеспечение благосостояния народа. Эта идея вполне соответствует психологической доминанте государственности.

⁸ Подробнее см. в работах (Попов, 2012; Волконский, 2024; Волконский, 2025a).

Социалистическое движение в России можно трактовать как ответную реакцию Востока на вызов Запада — по схеме А. Тойнби «вызов (challenge) — ответ (response)». Ответом Запада на распространение социализма была активизация идеологии превосходства — расового и цивилизационного — и политика с доминирующей установкой на построение однополярного мира (ОПМ) при глобальной гегемонии США. Экспансия «формации» ОПМ достигла максимального успеха, наверное, к началу 2000-х годов с разрушением Советского Союза и ослаблением России. Однако закономерность «вызов — ответ» продолжает действовать. В XXI столетии страны, не входящие в систему «коллективного Запада», получают возможность создать коалиционную систему, способную экономически, политически и идеологически противостоять экспансии Запада — многополярный мир (МПМ). С момента создания социалистического государства в России различие общественных устройств в двух цивилизациях превратилось в устойчивое противостояние, которое сохраняется до настоящего времени. Отношения между цивилизациями имеют колебательный характер: фаза сближения, нарастания их схожести сменяется фазой расхождения и отталкивания.

Каждая цивилизация разными способами получает и использует достижения и черты общественного устройства противостоящей стороны, обеспечивающие ее эффективность. Так, социалистическая Россия стремилась отказаться от использования рыночных отношений между экономическими организациями. Однако оказалось необходимым использовать элементы рыночной системы и для системы планирования, и для ценообразования, и для системы стимулирования. После катастрофы 90-х годов была создана система, которую можно определить как сочетание механизмов рынка и социального государства (важнейшая часть социалистической системы). Страны Запада еще в середине XX века после победы СССР во Второй мировой войне и успехов стран социализма вынуждены были перенять от стран Востока принцип социального государства (в качестве идеологического и институционального принципа). Институциональные и административные структуры стран Востока и Запада очень близки друг другу, производственно-технологич-

ческие уровни быстро уравниваются. Откуда же берутся инициативы, сменяющие фазу сближения на фазу отчуждения и враждебности?

Судя по массе фактов (включая закрытые материалы, ставшие известными), эти инициативы, как правило, исходят от властвующих элит западных стран. Можно предположить, что их источником является установка, доминирующая в их коллективной психике. В странах Западной Европы частью этой психологической установки является стремление к реваншу за военные поражения и неудачи в других попытках устранить Россию из круга сверхдержав. Но более важно различие психики восточных и западных властвующих элит, связанное с их происхождением и доминирующими психологическими установками. Институциональные пирамиды, иерархии власти в обществах Востока и Запада очень сходны. На вершине пирамиды небольшое число самых крупных производственно-технологических и финансовых корпораций и органов государства, которые работают, координируя друг с другом свои действия. Однако руководители и работники этих структур, обладающие реальной властью:

- в странах индивидуалистического либерализма — это люди с верховной установкой на укрепление личной власти или власти их родового клана (многие из них — наследники богатейших родов);

- в странах государственности — люди, для которых высшая ценность — общество и государство.

Это различие элит оказывается значимым в исторических процессах.

В период средневековья главной духовностью и основным психологическим фактором развития было христианство. Однако расхождение, ставшее затем основой глубокого различия западной и восточной цивилизаций, С. Аверинцев прослеживает уже у отцов церкви как предпосылку к расколу католичества и православия в X веке (Аверинцев, 2006). Оно проявляется как в сознательной части психики, в интеллектуально формализованном учении (ИФИ), так и в общем мироощущении, комплексе накопленных за столетия норм морали, смыслов, традиций, которые хранятся в бессознательном.

С переходом от средневековья к эпохе Модерна на высший уровень смысловой иерархии поднялось развитие науки и технологий. Это привело к повышению роли в обществе и в образовании психологических типов мыслительного и экстравертного (скорее всего, увеличилась и их доля в численности населения). Эта социально-психологическая тенденция, отмеченная еще Юнгом, должна была оказать обратное влияние на структуру процессов в «общем течении истории», в частности стать предпосылкой формирования капиталистической системы с общей установкой на успех в конкуренции.

Это изменение структуры психологических типов проявилось в основном в развитии западноевропейской цивилизации. На Западе человек, достигший обогащения, считает себя избранным Богом, так на него смотрят и другие. В России ничего подобного нет. На Западе на высший ценностно-смысловой уровень выходит ценность научно-технологического развития, с которым в основном связывается понятие «прогресс», более узкое, чем «цивилизация». Для русского человека научно-технологическое развитие имеет также высокую ценность, но оно не может быть высшей целью, это всё же только средство.

Опережающее развитие стран Запада по сравнению со странами Востока в научно-технологической и производственно-экономической областях принято оценивать как их превосходство, преимущество в общечеловеческом смысле. Между тем, за счет концентрации на ценностях и целях технического прогресса человек теряет (или ослабляет значение) другую важную часть своих потребностей и способностей. Отодвигаются на второй план способности любить жизнь и ее радости в «бытовом» их проявлении, привязанности и любви к ближним, которые в значительной степени освящались и возвышались мироощущением первоначального христианства. Важная черта русской культуры — высокая психологическая значимость таких ценностей, как «малая Родина», жизнь в непосредственной близости земли, растений и животных. Для русской культуры и психики более важное значение, чем для западной, имеют межличностные отношения.

Для большого количества людей быть счастливым значит любить близких людей, быть в эмоциональном контакте, единении со своей средой: не только ты сам, но и все близкие тебе люди должны быть счастливы. Основой для такого чувства эмоционального единения являются традиции, память о счастливых временах, в личной жизни — о минутах пережитого счастья. Человек, лишенный такого чувства, не может быть по-настоящему счастливым. О психологическом качестве привязанности к месту, где живешь, о смысле и ценности связей семейных, родовых, о связи между поколениями писал философ и священник Павел Флоренский. Именно в русском языке появилось понятие «малая Родина». О ценности, психологической значимости ощущения жизни на земле, среди растительного мира, в общении с животными прекрасно пишет С. Щербаков⁹.

Расхождение кодов цивилизаций наглядно проявляется в характере межличностных отношений (см., например, Касьянова, 1994). Западный человек относится к людям, не входящим в круг его близкого общения, как к любым объектам, способствующим или препятствующим его целенаправленной деятельности. А.С. Панарин использует термин «субъект-объектный» характер отношений (Панарин, 2005).

Параллельно с развитием индивидуализма идет формирование более широкой установки, отдаляющей ментальность западного человека от ментальности восточного и от первоначального (православного) христианства. Западный человек воспринимает мир разделенным на «моё» и «не-моё», чужое, т. е. неупорядоченное, куда должен быть внесен порядок, «мой» закон. Восточный человек больше доверяет установившемуся порядку, традиционному или божественному. Его главная цель — установить не свой личный порядок, а общий нравственный закон. Для него «усвоить» инородное означает «понять» его и найти систему отношений «правильную», «справедливую» с точки зрения целого, не разрушая общего (Лосский, 1990).

⁹ См.: Щербаков С. (2025). Русские огни. Как сохранить человека в современном мире // Завтра. № 33. Правда, автор делает вывод, что крестьяне, а не городские жители всегда были главными хранителями русской культуры. С этим нельзя согласиться.

Как показывают описанные черты, отличающие человека западной цивилизации (его поведение, склонности, обычаи) от человека восточного, от россиянина, — это установки коллективного сознания или даже чаще коллективного бессознательного, достаточно устойчивые, но недостаточно изученные психологами, чтобы получить статус категорий психологической науки. Эти различия выявляют и описывают историки, изучающие цивилизации. В связи с этим нельзя не остановиться на книгах О. Шпенглера.

Книга О. Шпенглера «Закат Европы» (в западных изданиях «Закат Запада») посвящена духовности западноевропейской цивилизации, или культуры, в ее сопоставлении с другими цивилизациями.

Важная черта кода западной цивилизации, которую описывает Шпенглер, — агрессивный экспансионизм, «притязание души господствовать над чужим». «Идентичность пространства и воли находит себе выражение в действиях Колумба и Коперника, равно как в действиях Гогенштауфенов и Наполеона — там и тут покорение мирового пространства. Чистое пространство фаустовской картины мира есть протяженность как действие, как преодоление, как воля к власти» (Шпенглер, 1998, с. 449).

В работе (Шпенглер, 1925) автор представляет еще одну черту кода западноевропейской цивилизации — установку на достижение важных целей «несмотря ни на что», готовность отбросить любые моральные, правовые нормы, накопленные цивилизационным развитием. Вот что он пишет о борьбе немцев и англичан после Первой мировой войны: «Примирения здесь быть не может. Дух викингов и дух монашеских орденов доведут борьбу до конца, хотя бы мир вышел из кровавых потоков этого столетия усталым и сломленным».

Заключение

В статье были рассмотрены основные теоретические гипотезы, постулаты, раскрывающие на индивидуальном и коллективном уровнях суть влияния психологических факторов на исторические процессы; приведены конкретные примеры исторических событий, во многом обусловленные именно влиянием коллективного сознательного и бессознательного. Исследование показывает, что состояние

и функционирование психической системы общества находится в постоянном взаимодействии с экономико-технологическим, политическим, институциональным и другими секторами жизнедеятельности общества. В моменты исторических переломов или борьбы общества за выживание (революции, государственные перевороты, войны) изменения в состоянии психики общества или элиты оказывают решающее влияние на исторические процессы и их результаты.

Наиболее глубокое воздействие на исторические процессы оказывает потребность и способность психики концентрировать большую часть функций, подчиняя их определенной установке, высшему ценностно-смысловому принципу — идее, задаче, учению. Эта установка становится психологической доминантой, она может быть рационально осознана, но обычно частично базируется также в бессознательном. Учение, составляющее содержание психологической доминанты для большого сообщества его приверженцев, — это религия или идеология иного типа.

Сохранение в течение длительных периодов достаточно стабильных условий жизни оставляет устойчивые отпечатки исторических событий и процессов в коллективном бессознательном общества (например, положительное или отрицательное отношение к соседнему народу). Однако в последнее время радикально изменилась информационная среда, в которой живут все общества, а также созданы технологии, позволяющие правящим элитам манипулировать общественным сознанием и в значительной мере коллективным бессознательным. В результате многие черты общественной психики потеряли устойчивость.

Различие цивилизаций часто описывается историками и литераторами как различие ментальности и характеров типичных членов общества (например, человек западной и человек российской культуры). Однако черты таких различий пока изучены недостаточно, чтобы получить статус категорий психологической науки, что показывает важность психоистории как для теории, так и для использования в практике геополитики и экономического планирования.

Литература

- Аверинцев С.С. (2006). Словарь // Аверинцев С.С. Собрание сочинений. Киев: Дух/Литера. 912 с.
- Балацкий Е.В. (2021). Поликаузальная концепция социальной эволюции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 49–69. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.3
- Балацкий Е.В. (2024). Феномен стратегических преимуществ в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 39–57. DOI: 10.15838/esc.2024.4.94.2
- Балацкий Е.В. (2025). Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. Т. 11. № 3. DOI: 10.15838/sa.2025.3.47.2
- Баранов С.Д. (2024). Цивилизация Восточной Европы (цивилизация Оси). Москва: Институт Наследия. 578 с.
- Бейкер Дж. Р. (2015). Раса. Взгляд белого человека на эволюцию. Москва: АСТ. 727 с.
- Блаттман К. (2024). Зачем мир воюет: причины вражды и пути к примирению. Москва: Эксмо. 464 с.
- Волконский В.А. (2024). Идеология государственности во взаимоотношениях между странами Востока и Запада // Экономическая наука современной России. № 4.
- Волконский В.А. (2025a). Формационно-цивилизационный синтез в изучении социальной динамики // Экономическая наука современной России. № 1.
- Волконский В.А. (2025b). Эпохи пассионариев и консерваторов и образ будущего в исторических процессах // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 2. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.2
- Гумилев Л.Н. (1993). Этносфера: история людей и история природы. Москва: Экопрос. 544 с.
- Дугин А.Г. (2020). *Politica Aeterna*. Политический платонизм и «Черное Просвещение». Москва: Академический проект. 563 с.
- Екимова Н.А., Гаганов А.Е. (2024). Геополитические альянсы в контексте феномена стратегических преимуществ // *Journal of Economic Regulation*. Т. 15. № 4. С. 31–41.

- Касьянова К. (1994). О русском национальном характере. Москва: Ин-т национальной модели экономики. 367 с.
- Костин А.Н., Голиков Ю.Я. (2017). Введение релятивной функции в состав основных функций психики // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*. Москва: Институт психологии РАН. С. 92–100.
- Леонтьев А.Н. (1971). Потребности, мотивы и эмоции. Москва: Московский университет. 40 с.
- Леонтьев А.Н. (1983). Избранные психологические произведения: в 2 т. Москва: Педагогика.
- Лосский Н.О. (1990). Характер русского народа: в 2 кн. Москва: Ключ.
- Панарин А.С. (2005). Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. Москва: Русский мир. 432 с.
- Первин Л., Джон О. (2000). Психология личности: Теория и исследования. Москва: Аспект Пресс. 607 с.
- Попов В.В. (2012). Новый ответ на главный вопрос мировой экономической истории: почему Запад разбогател раньше, чем другие страны, и почему Китай сегодня догоняет Запад? // *Журнал новой экономической ассоциации*. № 3 (15). С. 35–64.
- Тодд Э. (2024). Поражение Запада. Москва: АСТ. 320 с.
- Шафаревич И.Р. (1991). Русофобия // Шафаревич И.Р. Есть ли у России будущее? Москва: Советский писатель, 1991. 556 с.
- Шпенглер О. (1998). Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Образ и действительность. Минск: Попурри. 666 с.
- Шпенглер О. (1925). Прусская идея и социализм. Берлин: Изд. С. Ефрон.
- Юнг К.Г. (1997). Психологические типы. Москва: Унив. книга. 716 с.
- Юнг К.Г. (1994). Проблемы души нашего времени. Москва: Изд. группа «Прогресс», «Универс». 336 с.
- Spranger E. (1921). *Lebensformen. Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit*.
- Yung K. (1967). *Mensch und Erde*, hg. Von Graf H. Keyserling. Ges. Werke VIII.

Сведения об авторе

Виктор Александрович Волконский — доктор экономических наук, профессор, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: volk-econom@rambler.ru)

Volkonsky V.A.

On Psychological Factors in Historical Processes

Abstract. One of the key driving forces behind history and the development of its subjects — peoples, social strata, and individual actors — is the functioning and evolution of their individual and collective mental systems. Psychological factors exert a profound influence on economic processes (whether the prevailing orientation is toward increasing or reducing consumption or armaments, the willingness to take risks, etc.), on the structuring of society, and so forth. Yet in historical research, and especially in Russian historical scholarship, this factor is generally given insufficient attention. The reason lies in the underdeveloped state of many problems in social psychology, as well as the limited familiarity of the academic community with this field. For several decades now, a scholarly direction known as psychohistory has been developing in Western countries, dedicated to studying the interplay between historical processes and the development of the individual and collective psyche. The article demonstrates the role of such factors as psychological attitudes and types, in particular the types of passionaries, innovators, and conservatives. It examines the capacity to concentrate and subordinate most of the states and functions of the psyche to a single center, a higher meaning-bearing principle, a dominant attitude — a capacity that lies at the foundation of religions and other ideological movements. The article explores the mutual

influence of psychological attitudes and “general historical” systems (productive-technological, socio-economic, institutional, and moral) across the eras of Christianity, modernity, and the present day. The differences between Western and Russian civilizations are examined on the basis of the distinctive features of their respective psychological systems. Psychohistorical research has significance that goes beyond theory alone. It can and must become an important tool in the elaboration of strategic plans and forecasts in such areas as the socio-economic sphere, education, defense, and geopolitics.

Key words: power, war, innovators, conservatives, passionaries, dominant attitude, the Modern era, ideology of superiority, productive-technological progress, humaneness.

Information about the Author

Viktor A. Volkonsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: volk-econom@rambler.ru)

Статья поступила 20.10.2025.

Динамика влияния санкций на внешнюю торговлю Дальнего Востока России

**Дмитрий Александрович
ИЗотов**

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: izotov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-9199-6226; ResearcherID: S-3876-2017

Аннотация. Цель исследования — оценка динамики влияния «локальных» санкций на торговлю Дальнего Востока. Показано, что «локальные» санкции (2014–2021 гг.) отличались комплексностью и бессрочностью, способствуя повышению рисков двусторонних взаимодействий России с санкционирующими и санкционируемыми странами, что стало проявляться на Дальнем Востоке. Выявлено отсроченное возрастающее негативное воздействие санкций на торговлю Дальнего Востока. Определено, что сдерживающий непосредственный эффект на нее от санкций зарубежных стран увеличивался с 38,6% в 2017 году до 64,3% в 2021 году, а эффект от санкций России против зарубежных стран — с 50,0% в 2018 году до 58,5% в 2021 году соответственно. Определено, что эффект глобализации смягчал негативное влияние санкций на торговлю исследуемого макрорегиона. Установлено, что по размеру тарифного эквивалента стимулирующее воздействие эффекта глобализации на торговлю Дальнего Востока в 2021 году оказалось почти в два раза слабее в случае негативного влияния санкций со стороны России против зарубежных стран, чем наоборот. Однако эффект глобализации был не в состоянии переломить нарастающую тенденцию сдерживающего воздействия санкций на торговлю макрорегиона с санкционирующими и санкционируемыми странами. В результате общий эффект санкций зарубежных стран против России способствовал сокращению объема торговли Дальнего Востока с данными экономика-ми на 27,4% в 2017 году и на 54,0% в 2021 году, а эффект санкций России против зарубежных

Для цитирования: Изотов Д.А. (2026). Динамика влияния санкций на внешнюю торговлю Дальнего Востока России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 30–47. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.2

For citation: Izotov D.A. (2026). The dynamics of sanctions' impact on the foreign trade of the Russian Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 30–47. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.2

стран — на 42,4% в 2018 году и на 52,1% в 2021 году соответственно. Предполагается, что увеличение положительного эффекта глобализации могло объясняться особенностью торговли Дальнего Востока с Японией, которая, несмотря на введенные санкции, оставалась близким и одним из крупнейших рынков для макрорегиона на основе инвестиционного участия в региональных проектах. Проведенное исследование указало на отсроченное во времени непропорциональное увеличение рисков торгово-экономических взаимодействий в условиях комплексного санкционного противостояния между странами, в том числе на региональном уровне.

Ключевые слова: торговля, «локальные» санкции, контрсанкции, непосредственный эффект санкций, общий эффект санкций, эффект глобализации, зарубежные страны, отечественный рынок, регион, макрорегион, Россия, Дальний Восток.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания НИР ИЭИ ДВО РАН.

Введение

В современной глобальной экономике за последние два десятилетия наряду с увеличением числа заключенных соглашений, снижающих барьеры для обмена товарами, услугами и инвестициями между странами, наблюдался рост введения двух- и многосторонних санкций¹, которые в значительной мере ослабили торгово-экономические взаимодействия между санкционируемыми и санкционирующими странами (Kwon et al., 2026). На фоне повышения нетарифных торгово-экономических барьеров в мире (Wu, 2025) именно заметный рост числа санкционных ограничений стал отражаться в фрагментации глобального и субглобального экономического пространства, создав условия для формирования экономических блоков стран по геополитическому признаку (Gopinath et al., 2025).

При том, что сила и масштаб воздействия данных ограничений на санкционируемые страны могут значительно различаться, имеющиеся теоретические и эмпирические исследования эффектов санкций в глобальной экономике указали, при прочих равных условиях, на следующие общие закономерности: санкции негативно повлияли на участие санкционируемой страны в глобальных цепочках добавленной стоимости (Cipollina, Bianco, 2025); в связи с ограничениями доступа к капиталу и современным технологиям (Wang et al., 2025) санкции в целом сдерживали международное

экономическое сотрудничество и способствовали фрагментации глобальных рынков (Kim et al., 2025); санкции стимулировали отклонение торговли санкционируемых стран в пользу отечественного рынка (Shingal, 2024) и третьих стран, которые увеличивали свое благосостояние (Islam et al., 2024); распространение эффектов санкций на третьи страны зависело от размера экономики санкционируемой страны (Kwon et al., 2024); развитие механизмов обхода санкционных ограничений за счет создания альтернативных способов расчетов за товары и услуги способно смягчить риски увеличения долгового бремени для санкционируемых стран (Apeti, Edoh, 2024); санкции не влияли на динамику глобальных деловых циклов (Ghironi et al., 2025); санкции заметно сокращали выпуск промышленного производства и реальный доход малых экономик (Kim et al., 2023b) при высокой степени адаптации крупных (Golovanova, Krekhovets, 2025). Среди крупных экономик, вовлеченных в санкционное противостояние как в роли объекта (санкционируемая страна), так и субъекта (санкционирующая страна) находится Россия. В явном виде комплексное санкционное давление на российскую экономику началось с 2014 года в рамках «локальных» санкций ряда западных стран, которые, в свою очередь, сменились с 2022 года «широкомасштабными» системными санкционными ограничениями.

¹ Ограничительные меры в отношении других стран, а также компаний и физических лиц с целью изменения их внешней и внутренней политики.

Оценки влияния «локальных» санкций на российскую экономику, с одной стороны, не выявили значительного негативного эффекта на развитие отечественного бизнеса (Gaur et al., 2023) и экономики в целом (Gutmann et al., 2024) в условиях волатильности мировых рынков сырьевых товаров (Гурвич, Прилепский, 2016), при этом указав на некоторое отклонение торговли России в пользу третьих стран (Kim et al., 2023a). С другой стороны, выявлен негативный сопутствующий эффект такого рода ограничений, который проявлялся в миграции зарубежных фирм с российского рынка при увеличении рисков (Kohl et al., 2024), в прекращении импорта ряда товарных групп (Bélin, Hanousek, 2021) и уменьшении притока прямых иностранных инвестиций из санкционирующих стран (Besedeš et al., 2024), а также в непрямом сдерживающем воздействии на ключевые российские макроэкономические показатели (Bali et al., 2024). Оценки исследователей указали на негативное воздействие «широкомасштабных» санкций на российскую экономику (Flach et al., 2024). При этом, учитывая большую долю России на глобальном рынке углеводородного сырья (Rivera-Alonso, Iglesias, 2024), отклонение российской внешней торговли в пользу других рынков смягчало последствия санкционного давления западных стран (Ghironi et al., 2024).

Введенные против экономики России санкционные ограничения не имели жесткой территориальной привязки, однако воздействовали на экономику российских регионов через нарушение кооперационных и логистических цепочек, а также прямых ограничений торгово-экономических взаимодействий со страной в целом (Землянский и др., 2022), поэтому связанные с санкциями риски не были однородными в российском пространстве (Земцов, 2024). Анализ влияния «локальных» санкций (2014–2021 гг.), с одной стороны, указал на отсутствие их значимого воздействия на экспортную диверсификацию российских регионов (Васильева и др., 2022), с другой – на уязвимость экономик регионов перед рисками неблагоприятной внешней конъюнктуры в условиях санкционных ограничений (Казанцев, 2016). Несмотря на попытки косвенного анализа воздействия «широкомасштабных» санкций на экономику

российских регионов (Землянский, Чуженькова, 2025), по причине ограничения доступа к соответствующей официальной таможенной статистике России по экспорту и импорту с 2022 года оценка влияния санкционных ограничений на региональную внешнюю торговлю в текущих условиях не представляется возможной.

За последние полтора десятилетия со стороны федеральной власти и управления России особое значение уделяется экономическому развитию регионов Дальнего Востока, которое с 2014 года стало приобретать акцентированный характер при санкционных ограничениях и стремлении к диверсификации внешних рынков сбыта России в пользу стран АТР (Минакир, 2017). При этом в условиях санкций 2014–2021 гг. ухудшились показатели качества роста экономики Дальнего Востока с точки зрения усиления ее сырьевой специализации (Михеева, 2025). Проведенные ранее исследования для Дальнего Востока (Изотов, 2024; Изотов, 2026) указали на то, что в долгосрочном периоде до 2022 года санкции в целом негативно влияли на торговлю с зарубежными странами, вовлеченными в санкционное противостояние с Россией. Однако не совсем ясно, имело ли место отсроченное сдерживающее влияние санкций на торговлю Дальнего Востока с зарубежными странами, вовлеченными в санкционное противостояние с Россией в 2014–2021 гг., в том числе ввиду влияния конъюнктурных факторов, поскольку в 2015–2016 гг. отмечалась волатильность цен на сырьевые товары на мировом рынке, являющиеся основой экспорта макрорегиона и страны в целом, за счет чего, в свою очередь, осуществлялись импортные поставки. Также с учетом гетерогенности торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока с зарубежными странами непонятна тенденция влияния санкций на внешнюю торговлю макрорегиона до 2022 года: происходило либо нарастание негативного воздействия, либо постепенное исчерпание сдерживающего воздействия санкций. Важным аспектом является также сравнительная оценка влияния на внешнюю торговлю Дальнего Востока санкций, инициированных зарубежными странами против России, и встречных санкций (или контрсанкций), введенных российской стороной.

Таким образом, цель исследования — оценка динамики влияния «локальных» санкций на торговлю Дальнего Востока. Для достижения цели решались следующие задачи: 1) анализ динамики санкционных ограничений, в которые была вовлечена Россия до 2022 года, а также особенностей развития внешнеторговых отношений Дальнего Востока в условиях «локальных» санкций; 2) выбор методики ex-post оценки динамики санкционного воздействия на торговлю макрорегиона и комплектование массива данных; 3) оценка динамики влияния санкций на торговлю Дальнего Востока с зарубежными странами, санкционирующими Россию и санкционируемыми Россией соответственно. Исследование охватывает 1999–2021 гг., а Дальний Восток рассматривался в составе 11 регионов².

Внешняя торговля Дальнего Востока и санкции

Россия является как объектом, так и субъектом санкций, которые, в свою очередь, разделялись на два направления: экономическое и геополитическое. С точки зрения степени санк-

ционной нагрузки ряда зарубежных стран на Россию и наоборот, можно выделить два этапа, предшествующих «широкомасштабным» санкциям (табл. 1).

Первый этап (хронологически — до 2014 года) включал введение «эпизодичных» и в большинстве случаев краткосрочных санкций. В этот период Россия была главным образом санкционирующей страной, вводя по внешнеполитическим и экономическим причинам санкции преимущественно против ряда стран бывшего Советского Союза, ограничивая им возможности для взаимодействия с крупнейшим на постсоветском пространстве российским рынком. Основным инструментом санкционного давления России выступали торговые санкции. Исключения составляли санкции на поездки и геополитической направленности против Грузии в условиях жесткого внешнеполитического противостояния России с ней, значительно смягчившегося после смены руководства в этом постсоветском государстве; а также торговые санкции и санкции на оказа-

Таблица 1. Санкции, введенные зарубежными странами против России и Россией против зарубежных стран до 2022 года

Направление санкций	Виды санкций	Санкции против России	Санкции против зарубежных стран
Экономическое	Торговые санкции: ограничение торговли на основе введения односторонних или многосторонних ограничений на экспортера и импортера, на конкретные сектора или на торговлю в целом	2014–2021 гг.: Украина, ЕС-28, США, Канада, Норвегия, Австралия, Албания, Исландия, Япония, Лихтенштейн, Швейцария, Черногория	2006 г., 2009 г. и 2014 г. — Украина; 2006–2007, 2013–2021 гг. — Молдова; 2006–2013 гг. — Грузия; 2010 г. — Беларусь; 2013 г. — Литва; 2013–2018 гг. — Эритрея; 2014–2021 гг.: ЕС-28, Канада, США, Норвегия, Австралия; 2015–2021 гг.: Албания, Лихтенштейн
	Финансовые санкции: ограничение финансовых операций и активов; приостановка обмена финансовыми активами и инвестициями; «заморозка» зарубежных активов и блокировка банковских счетов отдельных лиц	2014–2021 гг.: Украина, ЕС-28, США, Канада, Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, Албания, Исландия, Япония, Лихтенштейн, Швейцария, Черногория	2020 г. — Киргизия
	Санкции на поездки: ограничения для передвижения лиц в страну или из страны за исключением дипломатического персонала	2014–2021 гг.: Украина, ЕС-28, США, Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, Албания, Исландия, Япония, Лихтенштейн, Черногория	2006–2011 гг. — Грузия; 2014–2021 гг. — Канада; 2020–2021 гг. — Соединенное Королевство; 2021 г.: Албания, ЕС-27

² Республики Бурятия и Саха (Якутия); Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края; Амурская, Магаданская, Сахалинская и Еврейская автономная области; Чукотский автономный округ.

Окончание таблицы 1

Направление санкций	Виды санкций	Санкции против России	Санкции против зарубежных стран
Геополитическое	Санкции на поставки оружия: запрет прямых поставок или поставок через третьи страны, продажи или передачи вооружений или связанных с ними материалов	2014–2021 гг.: ЕС-28, Австралия, Швейцария	2006–2011 гг. – Грузия
	Санкции на оказание военной помощи: ограничения услуг в поставке, продаже, транзите, производстве, обслуживании и использовании вооружений	2014–2021 гг.: ЕС-28, Австралия, Швейцария, Япония	2009–2018 гг. – Эритрея
	Прочие санкции: дипломатические меры, ограничения на полеты и использование портов	2008–2011 гг. – Грузия; 2014–2021 гг. – Новая Зеландия	2006–2011 гг. – Грузия
Примечания. ЕС-28: Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция и Эстония. ЕС-27 включает вышеперечисленные страны без Соединенного Королевства. Источник: The Global Sanctions Data Base. Available at: https://www.globalsanctionsdatabase.com/			

ние военной помощи со стороны ООН против Эритреи, которые пролонгировались до 2018 года. Встречные ограничения против России вводила только Грузия на основе механизма прочих санкций, предусматривающего прекращение прямых дипломатических отношений.

В рамках следующего этапа (2014–2021 гг.) наша страна столкнулась с многосторонними акцентированными «локальными» санкциями со стороны ряда западных государств в связи с ситуацией на Украине, в частности с вхождением Крыма в состав России. Они основывались на выборочных запретах экономической направленности. Так, был прекращен экспорт в Россию определенных товаров³, созданы барьеры для привлечения в российскую экономику прямого капитала и средне- и долгосрочных кредитов из ряда западных стран, а санкции на поездки сосредоточились на персональных ограничениях для российских граждан. Состав стран, инициировавших против России торговые, финансовые санкции и санкции на поездки, за некоторым исключением⁴, был одним и тем же. В рамках «локальных» санкций геополитической направленности ограничения

против России, касающиеся поставок оружия и оказания военной помощи⁵, ввели европейские страны, Австралия и Швейцария, а прочие санкции – только Новая Зеландия. Прямое противостояние на основе санкций геополитической направленности между Россией и США не наблюдалось, как представляется, по причине договоров о взаимном мониторинге и контроле некоторых видов вооружений, а также прочих договоренностей.

Следует заметить, что «локальные» санкции не были в точности «зеркальными», поскольку Россия вплоть до 2022 года не вводила каких-либо встречных ограничений против таких стран, как Исландия, Новая Зеландия, Швейцария, Черногория и Япония⁶. Со стороны России в рамках торговых санкций был запрещен импорт на российский рынок ряда категорий продовольственных товаров⁷ из большинства указанных государств в условиях режима контрсанкций. Финансовые санкции против указанных стран Россия не вводила, допуская возможность привлечения капитала через другие государства и экономические территории, и применяла данный вид ограничений лишь на

³ Продукция двойного назначения, оборудование и технологии для разведки и добычи нефти.

⁴ Новая Зеландия не вводила торговых санкций, а Канада и Швейцария – санкций на поездки.

⁵ Также ввела Япония.

⁶ Также Украины – с 2015 года.

⁷ Большинство товарных групп сельскохозяйственных товаров, рыбы и морепродуктов.

несколько месяцев 2020 года к Киргизии из-за внутривитополитического противостояния в ней. С «отсрочкой» Россия ввела встречные санкции на поездки, но только против некоторых западных стран, а санкций геополитической направленности вообще не инициировала.

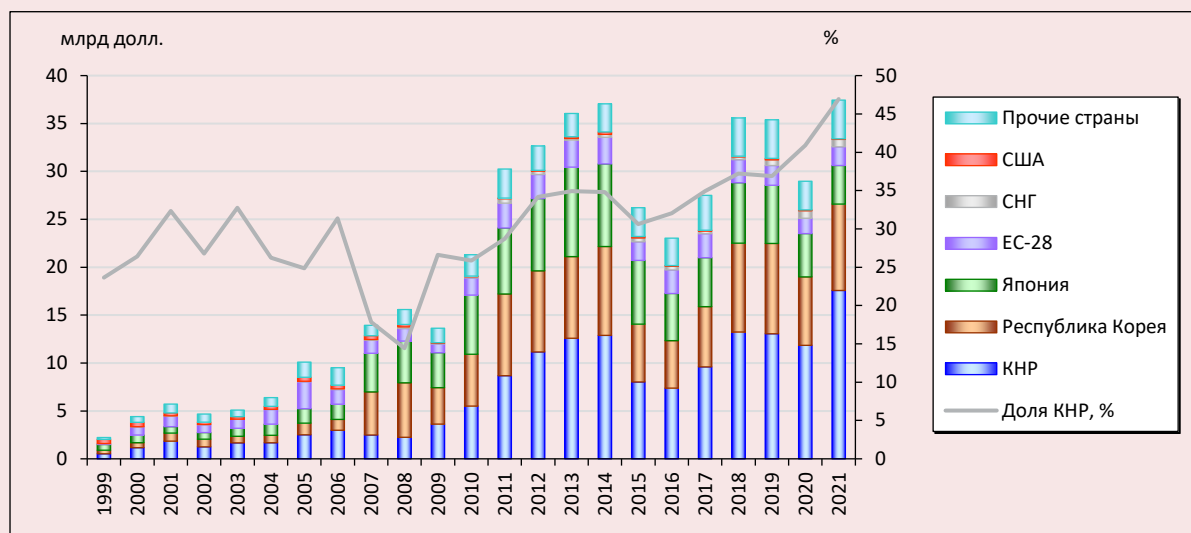
Соответственно, ограничения с российской стороны были сосредоточены в торговой сфере. В свою очередь «локальные» санкции против России в целом были комплексными и бессрочными, исходя из невозможности их выполнения. Поэтому, несмотря на кажущуюся формальность «локальных» санкций, в некоторой степени обоюдных, они способствовали повышению рисков двусторонних взаимодействий для бизнеса, требуя дополнительных усилий в смягчении негативных последствий такого рода ограничений, что стало проявляться в России на региональном уровне, в том числе на российском Дальнем Востоке.

Несмотря на гетерогенность входящих в него регионов, российский Дальний Восток в целом является открытой экономической системой, тесно связанной с зарубежным рынком. За рассматриваемый период товарооборот Дальнего Востока с зарубежными странами значительно вырос — с 3,1 млрд долл. в 1999

году до 48,0 млрд долл. в 2021 году. По причине территориальной близости и большого размера рынка внешняя торговля Дальнего Востока отклонялась в пользу трех крупнейших экономик Северо-Восточной Азии (СВА) — КНР, Республики Кореи и Японии (так называемая «Большая тройка» СВА). При этом в динамике наблюдалась тенденция все большей консолидации торговли Дальнего Востока в пользу «Большой тройки» СВА. Если в конце 1990-х гг. на указанные три государства приходилось 63,2% товарооборота Дальнего Востока с зарубежными странами, то к 2021 году доля «Большой тройки» СВА во внешней торговле макрорегиона достигла 80,0%. Развитие торговых связей Дальнего Востока с зарубежными странами стимулировалось главным образом расширением стоимостного объема экспорта макрорегиона (рис. 1).

Динамика экспорта Дальнего Востока определялась вводом новых проектов добычи полезных ископаемых, в том числе на основе прямых иностранных инвестиций, сооружением транспортной инфраструктуры для транзита сырьевых товаров на рынок АТР, а также конъюнктурой цен на глобальном и субглобальном рынках. Следует заметить, что среди дальне-

Рис. 1. Экспорт Дальнего Востока (левая ось) и доля КНР (правая ось)

Рассчитано по: данные Федеральной таможенной службы (ФТС), региональных ведомств Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) и отраслевой статистики России.

восточных регионов экспорт главным образом генерировался Сахалинской областью⁸ и Республикой Саха (Якутия)⁹, на которые в 2021 году приходилось около 70% стоимостного объема поставок товаров из макрорегиона в зарубежные страны. По причине расширяющегося спроса на сырьевые товары со стороны КНР китайское направление в экспорте Дальнего Востока стало все более заметным, особенно в условиях «локальных» санкций. Введенные санкционные ограничения со стороны ряда западных стран против российской экономики сделали невозможным привлечение иностранного капитала и технологий в разработку новых нефтегазовых проектов на шельфе Сахалинской области и коренным образом трансформировали «ресурсный транзит» углеводородного сырья в материковой части юга Дальнего Востока, сместив его акценты с диверсификации экспорта в пользу АТР в целом к наращиванию поставок на китайский рынок. Помимо этого, в конце 2000-х гг. ужесточение Россией ограничений по вывозу лесной продукции на зарубежный рынок способствовало смещению поставок данных товаров с японского на китайский рынок. По мере увеличения платежеспособного спроса в Китае часть экспорта рыбы и морепродуктов с Дальнего Востока, ранее направлявшегося в Японию, стала поступать на рынок КНР, в том числе по созданному транспортному коридору «Приморье-2». В таких условиях доля Китая в экспорте Дальнего Востока к 2021 году достигла 46,9%, несмотря на ограничения, связанные с пандемией COVID-19.

В 2021 году стоимостной объем экспорта макрорегиона в 3,5 раза превосходил аналогичный показатель по импорту, что объяснялось производством избыточных для Дальнего Востока сырьевых товаров и малой численностью населения. В длительном периоде, как и в случае экспорта, имело место отклонение импорта Дальнего Востока в пользу стран «Большой тройки» СВА. При этом наблюдалось некоторое изменение структуры импорта Дальнего Востока по странам в связи с реализацией ключевых

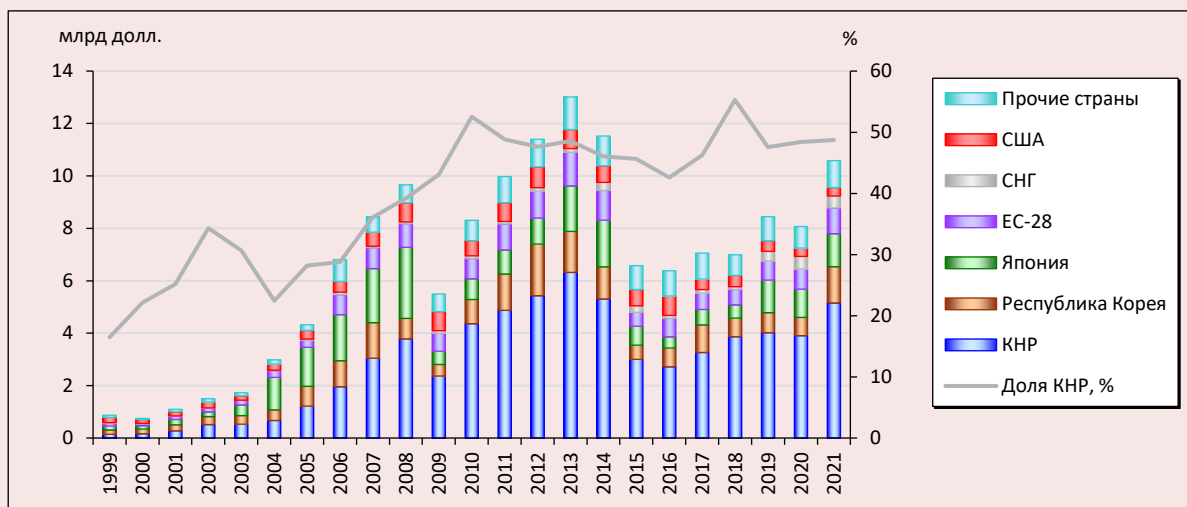
инвестиционных проектов, требующих ввоза в макрорегион дорогостоящих и порой уникальных частей и оборудования. По этой причине в конце 1990-х гг. самая большая доля в импорте на Дальний Восток принадлежала США (23,1% в 1999 году) в связи с поставкой инвестиционных товаров для функционирования добывающих производств, а в конце 2000-х гг. — начале 2010-х гг. — доля в импорте из стран ЕС-28 была сопоставима с долей Японии вследствие возведения уникальных инфраструктурных проектов на юге Приморского края. Основной пик импортных поставок на Дальний Восток пришелся на 2013 год в условиях «крепкого» курса рубля и увеличения стоимостного объема экспорта для России в целом при благоприятной конъюнктуре цен на сырую нефть, а также отсутствия каких-либо санкционных ограничений к российской экономике. После 2014 года в связи с сокращением экспорта и значительной девальвацией рубля импорт на Дальний Восток сократился, в некоторой степени восстановившись только к 2021 году. На фоне санкций со стороны ряда западных стран увеличивались поставки товаров из Китая на Дальний Восток, в том числе для реализации проектов в рамках добычи полезных ископаемых и в транспортной сфере. В результате Китай стал лидером по поставкам товаров из зарубежных стран на Дальний Восток, доля которого составила 48,7% в 2021 году. В целом на страны «Большой тройки» СВА к 2021 году пришлось 73,7% импорта Дальнего Востока, т. е. прирост составил 21,1 п. п. по сравнению с 1999 годом (рис. 2).

Следует заметить, что на промежутке 1999–2013 гг. санкции против России вводила только Грузия, доля которой во внешней торговле Дальнего Востока была мизерной, составив 0,01% в 2008 году и сократившись в 2011 году до нуля. В 2014–2021 гг. санкции стали более заметными. Среди государств, которые ввели «локальные» санкции против экономики России, находилась Япония, занимающая в торговле Дальнего Востока заметную долю, за ней следовали европейские страны и далее, с большим отрывом, США и прочие (рис. 3).

⁸ В связи с вводом в эксплуатацию с 2007 года проектов по добыче нефти и газа «Сахалин-1» и «Сахалин-2» в рамках соглашений по разделу продукции с консорциумом нефтегазовых корпораций глобального уровня.

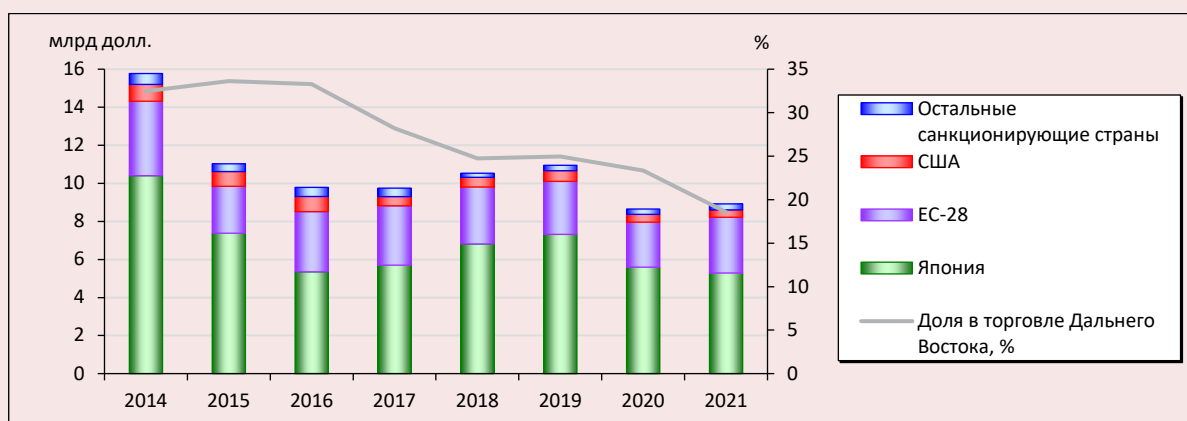
⁹ Экспорт угля и алмазов, расширение поставок нефти и природного газа на китайский рынок в рамках построенной во второй половине 2010-х гг. трубопроводной инфраструктуры.

Рис. 2. Импорт Дальнего Востока (левая ось) и доля КНР (правая ось)

Рассчитано по: данные ФТС, региональных ведомств ФСГС и отраслевой статистики России.

Рис. 3. Товарооборот Дальнего Востока с санкционирующими Россию странами (левая ось) и доля данных стран в торговле макрорегиона (правая ось)

Рассчитано по: данные ФТС, региональных ведомств ФСГС и отраслевой статистики России; The Global Sanctions Data Base. Available at: <https://www.globalsanctionsdatabase.com/>

В 2014–2021 гг. доля в товарообороте макрорегиона этой группы стран имела тенденцию к сокращению (с 32,5% в 2014 году до 18,6% в 2021 году) под влиянием как конъюнктурных факторов, так и по причине смещения торговли Дальнего Востока в пользу других государств. В данный период в условиях акцентированного увеличения торговли Дальнего Востока с КНР и Республикой Кореей доля Японии во внешнем товарообороте макрорегиона сокращалась. Если импорт инвестиционных товаров из стран ЕС-28 на Дальний Восток поддерживался на

определенном уровне, то экспорт в европейские страны сокращался за счет смещения товаропотоков макрорегиона в пользу стран Ближнего Востока и Индии, что было связано с санкционными рисками. Доли США и остальных санкционирующих Россию стран (Украина, Канада, Норвегия, Албания, Черногория, Исландия, Лихтенштейн, Швейцария, Австралия и Новая Зеландия) во внешнем товарообороте макрорегиона до 2014 года были небольшими, а после введения «локальных» санкций еще больше сократились.

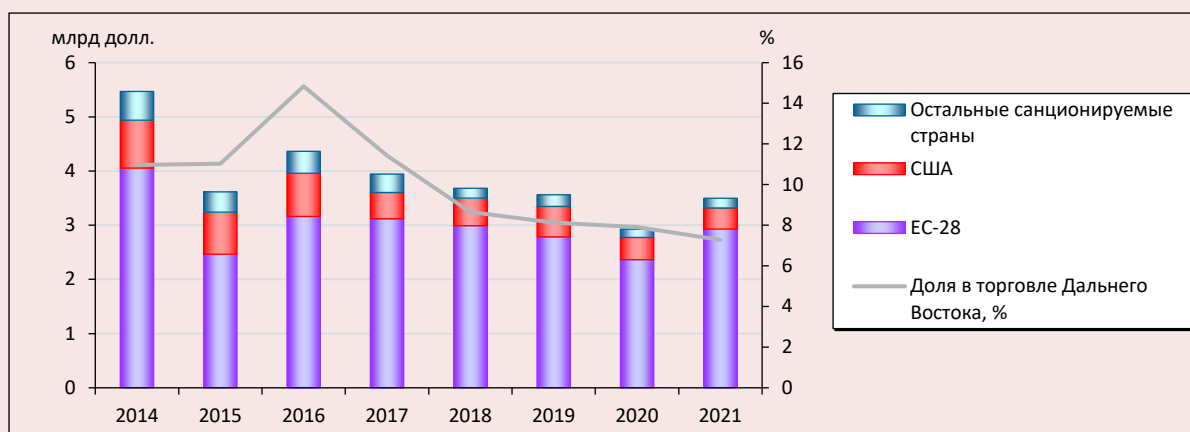
Доля стран¹⁰, санкционируемых Россией в 2006–2013 гг., в товарообороте Дальнего Востока была незначительной (от 0,7% в 2006 году до 0,01% в 2013 году). В свою очередь, в 2014–2021 гг. встречные санкции России не распространялись на Японию и Новую Зеландию, при этом продолжали действовать по отношению к Молдове¹¹. Доля санкционируемых Россией стран в товарообороте Дальнего Востока с зарубежными странами сокращалась в 2017–2021 гг. (рис. 4). Представленный анализ указывает на негативное влияние санкционных ограничений 2014–2021 гг. на торговлю макрорегиона как с санкционирующими Россию, так и с санкционируемыми Россией странами.

Методика оценки и данные

Получение *ex-post* оценки влияния санкций на торговлю в динамике возможно на основе построения структурной гравитационной зависимости, которая показала удовлетворительные результаты в большом числе эмпирических исследований, с опорой на теоретически обоснованные модификации (Шумилов, 2017). К настоящему времени сложилось несколько положений, регламентирующих получение корректных оценок факторов на базе методики структурной гравитационной зависимости. Во-первых, данная методика основывается

на контроле всех зависящих и независимых от времени двусторонних издержек, с которыми сталкиваются торгующие экономики, на основе фиксированных эффектов для экономики-экспортера и экономики-импортера с учетом времени и для всех пар торгующих экономик соответственно для определения влияния конкретной независимой фиктивной переменной (Yotov et al., 2016). Во-вторых, важным аспектом изучения факторов торговли, особенно на региональном уровне, является нивелирование проблемы так называемых нулевых наблюдений, не позволяющих оценить зависимость в лог-линейной форме. Для решения данной проблемы зависимость оценивается в мультипликативной форме (Flowerdew, Aitkin, 1982), как правило, квази-максимальным правдоподобием Пуассона (Santos Silva, Tenreiro, 2011), на основе которой были получены удовлетворительные результаты даже для выборок с большим количеством нулевых значений, превышающим 80%, что соответствует характеристикам массива торговли регионов Дальнего Востока с зарубежными странами. В-третьих, осуществляется кластеризация стандартных ошибок по взаимодействующим парам стран в рамках процедуры Ньюи-Уэста для коррекции автокорреляции при использовании квази-максималь-

Рис. 4. Товарооборот Дальнего Востока с санкционируемыми Россией странами (левая ось) и доля данных стран в торговле макрорегиона (правая ось)

Рассчитано по: данные ФТС, региональных ведомств ФСГС и отраслевой статистики России; The Global Sanctions Data Base. Available at: <https://www.globalsanctionsdatabase.com/>

¹⁰ Украина, Молдова, Грузия, Беларусь, Литва и Эритрея.

¹¹ Также к Киргизии в рамках финансовых санкций в 2020 году.

ного правдоподобия Пуассона с фиксированными эффектами (Yotov, 2022). В-четвертых, непосредственная оценка влияния независимой фиктивной переменной может быть получена контролем влияния общей тенденции роста международной торговли или эффекта глобализации путем включения в массив (панельные данные) товарообмена на отечественном рынке (Campos et al., 2021). В-пятых, для повышения общей эффективности модели желательно использовать в панели последовательные, а не интервальные годы (Larch et al., 2025).

Поскольку оценка динамики влияния «локальных» санкций на торговлю Дальнего Востока строится на основе фиктивных переменных наличия или отсутствия санкционных ограничений, во избежание проблемы мультиколлинеарности предполагается исключение либо определенного года, либо периода, который по умолчанию рассматривается в качестве *benchmark*, т. е. сравнительной или эталонной величины. Период до 2014 года характеризовался для России как относительно свободный от санкционного давления, поэтому в настоящем исследовании он может быть использован в качестве *benchmark*, а динамическая оценка влияния санкций на торговлю будет сравнительной, охватывая 2014–2021 гг., т. е. для каждого года в рамках указанного временного промежутка (Borchert, Yotov, 2017; Bergstrand et al., 2015). Также важным моментом является разграничение оценок общего и непосредственного эффектов санкций на торговлю на не учитывающие и учитывающие влияние общей тенденции роста международной торговли соответственно, для выявления степени смягчающего воздействия эффекта глобализации на торговые взаимодействия регионов Дальнего Востока в условиях санкционных ограничений для российской экономики в целом.

В результате непосредственный эффект санкций на торговлю Дальнего Востока оценивался в рамках следующей модели:

$$X_{ij,t} = \exp \left[\frac{\beta_0 + \sum_{N=2014}^{N=2021} \beta_N SANC(N)_{ij} + \sum_{T=1999}^{T=2020} \beta_T INTL(T)_{ij} + \pi_{it} + \chi_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt}}{\quad} \right], \quad (1)$$

где X_{ij} — экспорт из экономики i в экономику j (к данному показателю также относится

X_{ii} — торговля внутри дальневосточных регионов, между регионами Дальнего Востока и с другими регионами России). Все независимые переменные являлись фиктивными, обеспечивая отсутствие проблемы эндогенности: $SANC(N)$ — равна единице в случае наличия санкций между Россией и зарубежными странами для каждого года N и нулю — при отсутствии санкций; $INTL(T)$ — равна единице для товарообмена Дальнего Востока с зарубежными странами для каждого года T и нулю — с отечественным рынком (X_{ii}), отражая сравнительные совокупные издержки (барьеры), с которыми сталкивается макрорегион при взаимодействии с зарубежным рынком, для которых 2021 год выступает в качестве *benchmark*; β_0 — константа; β_N — значения полуэластичностей влияния санкций на торговлю Дальнего Востока; β_T — значения полуэластичностей совокупных барьеров торговых взаимодействий Дальнего Востока с зарубежными странами; t — время. Фиксированными эффектами являлись: π_i — для экономики-экспортера с учетом года; χ_j — для экономики-импортера с учетом года; μ_{ij} — для пар торгующих экономик.

Далее динамика общего эффекта санкций на торговлю Дальнего Востока оценивалась следующим образом:

$$X_{ij,t} = \exp \left[\frac{\beta_0 + \sum_{T=2014}^{T=2021} \beta_N SANC(N)_{ij} + \pi_{it} + \chi_{jt} + \mu_{ij} + \varepsilon_{ijt}}{\quad} \right]. \quad (2)$$

Разница значений полуэластичностей β_N между (2) и (1) отражает количественную оценку влияния эффекта глобализации на торговлю Дальнего Востока с зарубежными странами. В соответствии с задачей исследования динамическая оценка влияния санкционных ограничений $SANC(N)$ на торговлю Дальнего Востока производилась по санкциям зарубежных стран против России и санкциям России против зарубежных стран. Важным замечанием является то, что используемая методика также оценивает динамику влияния санкций на торговлю Дальнего Востока с санкционирующими или санкционируемыми странами по сравнению с торговлей макрорегиона с другими странами, с которыми Россия не находится в противостояниях такого рода.

В результате сформированный массив товарообмена по дальневосточным регионам основывался на их торговых связях с зарубежным (зарубежными странами и экономическими территориями) и отечественным (с другими регионами России и между собой, а также внутри регионов Дальнего Востока) рынками. Статистика торговли дальневосточных регионов с зарубежным рынком была аккумулирована из следующих источников информации: ФТС; региональные ведомства ФСГС; отраслевая статистика России. Использование дополнительных источников информации товарообмена дальневосточных регионов с зарубежным рынком, помимо ФТС, определялось необходимостью учета ряда товарных групп, торгуемых за пределами российской таможенной границы, а также особенностями учета торговли сырой нефтью и нефтепродуктами. Помимо торговли регионов Дальнего Востока с зарубежными странами и экономическими территориями ключевым моментом при формировании массива являлось включение в него торговли макрорегиона с отечественным рынком для определения непосредственного эффекта санкций. По причине исключения, а также прекращения учета ряда товарных позиций ФСГС с середины 2000-х гг. данные, отражающие стоимостные объемы торговли регионов Дальнего Востока с отечественным рынком, базировались на статистике ввоза и вывоза товаров по более чем 200 укрупненным товарным группам, досчитанной на основе отраслевой и микроэкономической статистики (Изотов, 2024; Изотов, 2026). Важным замечанием является то, что по российским регионам данные ФТС, отражающие стоимостной

и физический объем торговли, официально не публикуются с 2022 года, а статистика ввоза и вывоза товаров ФСГС доступна только с 1999 года, поэтому временным промежутком исследования выступает период 1999–2021 гг. В итоге торговля дальневосточных регионов охватывала 150 зарубежных экономик, товарообмен с большинством из которых для ряда регионов Дальнего Востока был эпизодическим.

Ввиду значительных различий торговых взаимосвязей регионов Дальнего Востока как с зарубежными странами, так и с отечественным рынком, в итоговом массиве торговли макрорегиона насчитывалось порядка 70% нулевых значений. Данное обстоятельство в целом указывает на заметную гетерогенность торговых взаимодействий с зарубежными экономиками для регионов Дальнего Востока, говоря о необходимости контроля фиксированными эффектами зависимых во времени прочих факторов, что соответствует используемой в настоящем исследовании методике оценки в рамках (1) и (2). Во избежание проблем, связанных с некорректными оценками (Baldwin, Taglioni, 2006), стоимостной объем торговли дальневосточных регионов был представлен в текущих ценах.

Массив независимых переменных, отражающий наличие / отсутствие санкций, введенных Россией по отношению к зарубежным странам и зарубежными странами против России, был сформирован на основе базы данных GSDB¹². В результирующем показателе были использованы любые виды санкций, поскольку «локальные» санкции тесно коррелировали друг с другом¹³. В итоге массив переменной включал 79189 наблюдений (табл. 2).

Таблица 2. Описательная статистика массива данных

Наименование переменной	Среднее	Стандартное отклонение	Мин.	Макс.
Торговля между экономиками, млн долл. (<i>X</i>)	12,80	172,89	0	10389,25
Фиктивная переменная (<i>SANC</i>) – санкции зарубежных стран против России	0,09	0,29	0	1
Фиктивная переменная (<i>SANC</i>) – санкции России против зарубежных стран	0,09	0,28	0	1
Фиктивная переменная (<i>INTL</i>) – торговля Дальнего Востока с зарубежными странами	0,96	0,20	0	1
Источник: расчеты автора.				

¹² The Global Sanctions Data Base. URL: <https://www.globalsanctionsdatabase.com/>

¹³ В целом, как показали предварительные оценки, именно торговые санкции определяли общее негативное воздействие ограничений на торговлю Дальнего Востока как в случае санкций, введенных зарубежными странами против России, так и Россией против зарубежных стран.

Результаты оценки

Расчеты (1) и (2) указали на удовлетворительные с точки зрения формальных признаков эконометрические оценки влияния на торгов-

лю Дальнего Востока санкций, введенных Россией по отношению к зарубежным странам и зарубежными странами против России соответственно (табл. 3).

Таблица 3. Результаты оценки (1) и (2)

Переменная	Санкции зарубежных стран		Санкции России	
	(1)	(2)	(1)	(2)
<i>SANC</i> ₂₀₁₄	-0,29 (0,17)	-0,08 (0,17)	-0,42** (0,20)	-0,26 (0,20)
<i>SANC</i> ₂₀₁₅	-0,23 (0,21)	-0,01 (0,21)	-0,42** (0,21)	-0,23 (0,21)
<i>SANC</i> ₂₀₁₆	-0,25 (0,18)	-0,19 (0,17)	-0,08 (0,23)	-0,07 (0,23)
<i>SANC</i> ₂₀₁₇	-0,49** (0,15)	-0,32** (0,15)	-0,38 (0,25)	-0,29 (0,25)
<i>SANC</i> ₂₀₁₈	-0,67*** (0,18)	-0,44** (0,18)	-0,69*** (0,26)	-0,55** (0,26)
<i>SANC</i> ₂₀₁₉	-0,65*** (0,15)	-0,41*** (0,15)	-0,76*** (0,18)	-0,60*** (0,17)
<i>SANC</i> ₂₀₂₀	-0,74*** (0,13)	-0,55*** (0,13)	-0,79*** (0,16)	-0,68*** (0,15)
<i>SANC</i> ₂₀₂₁	-1,03*** (0,17)	-0,77*** (0,17)	-0,88*** (0,20)	-0,73*** (0,16)
<i>INTL</i> ₁₉₉₉	-0,81*** (0,24)	—	-0,81*** (0,24)	—
<i>INTL</i> ₂₀₀₀	-0,65*** (0,25)	—	-0,65*** (0,25)	—
<i>INTL</i> ₂₀₀₁	-0,54*** (0,26)	—	-0,54*** (0,26)	—
<i>INTL</i> ₂₀₀₂	-0,59*** (0,22)	—	-0,59*** (0,22)	—
<i>INTL</i> ₂₀₀₃	-0,73*** (0,21)	—	-0,73*** (0,21)	—
<i>INTL</i> ₂₀₀₄	-0,81*** (0,20)	—	-0,81*** (0,20)	—
<i>INTL</i> ₂₀₀₅	-0,71*** (0,20)	—	-0,71*** (0,20)	—
<i>INTL</i> ₂₀₀₆	-0,66*** (0,26)	—	-0,66*** (0,26)	—
<i>INTL</i> ₂₀₀₇	-0,56*** (0,16)	—	-0,56*** (0,16)	—
<i>INTL</i> ₂₀₀₈	-0,72*** (0,17)	—	-0,72*** (0,17)	—
<i>INTL</i> ₂₀₀₉	-0,62*** (0,15)	—	-0,62*** (0,15)	—
<i>INTL</i> ₂₀₁₀	-0,50*** (0,16)	—	-0,50*** (0,16)	—
<i>INTL</i> ₂₀₁₁	-0,47*** (0,15)	—	-0,47*** (0,15)	—
<i>INTL</i> ₂₀₁₂	-0,39*** (0,15)	—	-0,39*** (0,15)	—
<i>INTL</i> ₂₀₁₃	-0,34** (0,15)	—	-0,34** (0,15)	—

Окончание таблицы 3

Переменная	Санкции зарубежных стран		Санкции России	
	(1)	(2)	(1)	(2)
<i>INTL</i> ₂₀₁₄	-0,12** (0,05)	–	-0,12** (0,05)	–
<i>INTL</i> ₂₀₁₅	-0,03 (0,18)	–	-0,03 (0,18)	–
<i>INTL</i> ₂₀₁₆	-0,43** (0,19)	–	-0,43** (0,19)	–
<i>INTL</i> ₂₀₁₇	-0,20 (0,21)	–	-0,20 (0,21)	–
<i>INTL</i> ₂₀₁₈	-0,07 (0,17)	–	-0,07 (0,17)	–
<i>INTL</i> ₂₀₁₉	-0,04 (0,16)	–	-0,04 (0,16)	–
<i>INTL</i> ₂₀₂₀	-0,15 (0,15)	–	-0,15 (0,15)	–
Константа	-22,31*** (2,04)	-18,32*** (2,03)	-21,10*** (2,08)	-21,40*** (2,06)
Pseudo log-likelihood	-277869	-284356	-281622	-286397
Pseudo R ²	0,90	0,88	0,89	0,87
RESET-test	0,05	0,01	0,04	0,01
Примечания. (1) – зависимость для оценки непосредственного эффекта санкций; (2) – зависимость для оценки общего эффекта санкций. Значения фиксированных эффектов не отражены для лаконичности изложения. Источник: расчеты автора.				

Полученные оценки указали на отсроченное негативное воздействие влияния «локальных» санкций зарубежных стран против России на торговлю Дальнего Востока ввиду отсутствия статистической значимости между переменными для первых трех лет (2014–2016 гг.). Только в 2017–2021 гг. наблюдалось статистически значимое возрастающее негативное воздействие «локальных» санкционных ограничений со стороны зарубежных стран против России на торговлю Дальнего Востока с данными экономиками как для случая непосредственного (1), так и общего (2) эффекта санкций. В свою очередь санкционные ограничения, введенные Россией против зарубежных стран, оказывали сдерживающее воздействие на торговлю Дальнего Востока в 2014–2015 гг. только для случая непосредственного эффекта, а по общему эффекту санкций его статистической значимости не наблюдалось. Далее, в 2018–2021 гг., фиксировались нарастающие негативные эффекты санкций, введенных Россией против зарубежных стран, на торговлю макрорегиона. Оценки (1) также указали на снижение сравнительных общих издержек торговых взаимодействий Дальнего Востока с зарубежными странами (*INTL*) до 2014 года включительно, осо-

бенно после вступления России в ВТО в 2012 году. Далее имела место неопределенность в динамике сравнительных общих издержек торговых взаимодействий Дальнего Востока с зарубежными странами, что явилось своего рода подтверждением сдерживающего влияния на торговлю макрорегиона комплексных «локальных» санкций¹⁴.

Для удобства сравнения эффектов соответствующие значения полуэластичностей санкций в (1) и (2) были оценены в сопоставимом виде, как с точки зрения их влияния на торговлю, так и в форме дополнительной нагрузки на цену товаров в тарифном (адвалорном) эквиваленте (табл. 4).

В соответствии с оценками, негативный непосредственный эффект от санкций зарубежных стран на торговлю Дальнего Востока с ними составил 38,6% в 2017 году, увеличившись (по модулю) до 64,3% в 2021 году. В случае пересчета данного эффекта в тарифный эквивалент дополнительная «нагрузка» на торговлю увеличилась с 27,6 п. п. в 2017 году до 67,4 п. п. в 2021 году. С другой стороны, негативный непосредственный

¹⁴ Влияние пандемии COVID-19 было учтено в фиксированных эффектах.

Таблица 4. Динамика влияния санкций на торговлю Дальнего Востока

Эффект санкций	Субъект санкций	%, п. п.	Год						
			2014	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Непосредственный	Зарубежные страны	Δ	–	–	-38,6	-48,6	-47,9	-52,4	-64,3
		Т.Е.	–	–	27,6	39,5	38,6	44,9	67,4
	Россия	Δ	-34,3	-34,5	–	-50,0	-53,3	-54,7	-58,5
		Т.Е.	23,4	23,6	–	41,4	46,3	48,6	55,3
Общий	Зарубежные страны	Δ	–	–	-27,4	-35,7	-33,9	-42,3	-54,0
		Т.Е.	–	–	17,4 [-10,2]	24,7 [-14,8]	23,0 [-15,6]	31,6 [-13,2]	47,5 [-19,9]
	Россия	Δ	–	–	–	-42,4	-45,3	-49,5	-52,1
		Т.Е.	–	–	–	31,7 [-9,7]	35,3 [-11,1]	40,7 [-7,9]	44,4 [-10,8]

Примечания. Влияние санкций на двустороннюю торговлю оценивалось следующим образом: $\Delta = (e^{\hat{p}_N} - 1) \times 100\%$. Тарифный эквивалент санкций рассчитывался выражением $Т.Е. = [e^{\frac{\hat{p}_N}{1-\sigma}} - 1] \times 100\%$, при эластичности замещения между отечественной и зарубежной продукцией на российском рынке (σ), равной трем (Изотов, 2022). В квадратных скобках указаны значения тарифного эквивалента эффекта глобализации. «–» – отсутствие эффекта ввиду его статистической незначимости (см. табл. 3), по этой же причине значения эффектов санкций по 2016 году в таблице не представлены.
Источник: расчеты автора.

эффект от санкций России против зарубежных стран для торговли Дальнего Востока составил свыше 34% в 2014–2015 гг., что было равнозначно увеличению тарифа в торговле с данными зарубежными государствами более чем на 23 п. п. Далее, по причине санкционных ограничений с российской стороны, наблюдалось сокращение торговли Дальнего Востока с санкционируемыми странами с 50% (41,4 п. п. в тарифном эквиваленте) в 2018 году до 58,5% (55,3 п. п.) в 2021 году соответственно. Исходя из этого, к 2021 году непосредственный эффект от санкций зарубежных стран против России оказывал большее сдерживающее влияние на торговлю Дальнего Востока, чем аналогичный эффект от санкций России против зарубежных стран.

Оценка показала, что негативный общий эффект от санкций на торговлю Дальнего Востока был слабее по сравнению с непосредственным эффектом благодаря смягчающему воздействию роста международной торговли или эффекта глобализации. Общий эффект санкций зарубежных стран против России способствовал сокращению торговли Дальнего Востока с данными экономиками на 27,4% в 2017 году и на 54,0% в 2021 году, что в тарифном эквиваленте соответствовало 17,4 и 47,5 п. п. соответственно. В тарифном эквиваленте (по модулю) наблюдалось нарастающее смягчающее воздействие эффекта глобализации на торговлю макрорегиона в условиях «локальных» санкций

зарубежных стран против российской экономики с 10,2 п. п. в 2017 году до 19,9 п. п. в 2021 году. Что касается влияния санкций, введенных Россией против зарубежных стран, на торговлю Дальнего Востока, то в рамках общего эффекта санкций негативный непосредственный эффект их введения в 2014–2015 гг. был полностью нивелирован. В свою очередь, наблюдалось сокращение торговли Дальнего Востока с санкционируемыми Россией странами на 42,4% (31,7 п. п. в тарифном эквиваленте) в 2018 году и на 52,1% (44,4 п. п.) в 2021 году соответственно. В условиях контрсанкций фиксировалось нарастающее смягчающее воздействие эффекта глобализации на торговлю Дальнего Востока в тарифном эквиваленте (по модулю) с 9,7 п. п. в 2018 году до 10,8 п. п. в 2021 году.

Полученные расчеты указывают на гораздо меньшее (почти в два раза по размеру тарифного эквивалента) стимулирующее воздействие эффекта глобализации на торговлю Дальнего Востока в 2021 году в условиях негативного влияния санкций со стороны России против зарубежных стран, чем наоборот. В результате для торговли Дальнего Востока значение негативного общего эффекта санкций, введенных зарубежными странами против России, к 2021 году было скорее сопоставимо с аналогичным показателем для контрсанкций России к зарубежным странам, в отличие от случая непосредственного эффекта санкций.

Заключение

Для России до введения «широкомасштабных» санкций против российской экономики со стороны западных стран, выделяется этап «эпизодичных» санкций (до 2014 года) и этап «локальных» санкций (2014–2021 гг.). «Локальные» санкции отличались комплексностью и бессрочностью, способствуя повышению рисков двусторонних взаимодействий с санкционирующими и санкционируемыми странами, что стало проявляться на региональном уровне, в том числе на Дальнем Востоке.

Оценка динамики влияния «локальных» санкций вполне однозначно указала на их отсроченное негативное воздействие на торговлю Дальнего Востока. Определено, что на торговлю Дальнего Востока к 2021 году непосредственный эффект санкций зарубежных стран против России оказывал большее сдерживающее влияние, чем санкций России против зарубежных стран. Оценка также показала, что благодаря эффекту глобализации сдерживающее влияние общего эффекта санкций на торговлю Дальнего Востока слабее. Полученные расчеты свидетельствуют о гораздо меньшем стимулирующем воздействии эффекта глобализации на торговлю Дальнего Востока в условиях негативного влияния санкций со стороны России против зарубежных стран, чем наоборот. В результате к 2021 году для торговли Дальнего Востока значение общего эффекта санкций, введенных зарубежными странами против России, было сопоставимо с аналогичным показателем для контрсанкций России по отношению к зарубежным странам.

Как предполагается, увеличение положительного эффекта глобализации могло объясняться особенностью торговли Дальнего Востока с Японией¹⁵, против которой Россия санкций не вводила. Наблюдалось смещение торговли макрорегиона в пользу других зарубежных стран, в это время не участвовавших в санкциях против российской экономики. Однако смещение торговли Дальнего Востока, по всей видимости, происходило до определенного предела, а Япония при прочих рав-

ных условиях оставалась близким и одним из крупнейших рынков для Дальнего Востока, несмотря на принятые ограничения и риски расширения торгово-экономических взаимодействий. Более того, Япония, в отличие от Китая и Республики Кореи, входила в число основных инвесторов в нефтегазовых проектах макрорегиона в рамках мер по обеспечению своей энергетической безопасности, сохранив свое присутствие и импортную квоту по поставкам сырой нефти и сжиженного природного газа из Сахалинской области¹⁶, а на Дальний Восток, в свою очередь, поставлялись традиционные японские промышленные товары, несмотря на сокращение их ассортимента. Поэтому при некотором улучшении ценовой конъюнктуры и постковидного роста мировой экономики произошло смягчение негативного влияния общего эффекта санкций. Наличие смягчающего воздействия эффекта глобализации может быть учтено для дальнейшего качественного анализа влияния «широкомасштабных» санкций на внешнюю торговлю макрорегиона.

Тем не менее, к 2022 году внешняя торговля Дальнего Востока в заметной мере отклонилась от санкционирующих Россию стран. Положительное воздействие эффекта глобализации лишь «смягчало» негативное влияние «локальных» санкций со стороны зарубежных стран на торговлю Дальнего Востока с данными экономиками, однако переломить нарастающее сдерживающее воздействие ограничений было не в состоянии. Также обращает на себя внимание то, что «локальные» санкции, на первый взгляд не выглядевшие серьезным фактором для сдерживания торговли Дальнего Востока, тем не менее способствовали принятию решений, в том числе на микроуровне, которые в конечном итоге привели к нарастающему негативному воздействию на товарообмен макрорегиона с санкционирующими и подсанкционными странами. На фоне «локальных» санкций увеличился товарооборот Дальнего Востока с Китаем, в том числе для реализации проектов в рамках добычи полезных ископаемых и в транспортной сфере. «Локальные» санкции, усложнив привлечение иностранного капитала в крупные сырьевые проекты макрорегио-

¹⁵ А в последующем и для Республики Кореи, которая присоединилась к «широкомасштабным» санкциям против России, прекратив с определенным лагом закупки углеводородного сырья из Дальнего Востока.

¹⁶ Даже в условиях последующих «широкомасштабных» санкций против России с 2022 года.

на, в определенной мере трансформировали приоритеты расширения экспорта Дальнего Востока в пользу китайского рынка. Данное обстоятельство указывает на случай отсроченного во времени непропорционального увеличения рисков торгово-экономических взаимодействий в условиях комплексного санкционного противостояния между странами, в том числе на региональном уровне. Можно предпо-

ложить, что в условиях «широкомасштабных» санкций против России, во-первых, будет интенсифицироваться торговля Дальнего Востока с Китаем и «дружественными» странами Юго-Восточной Азии, во-вторых, торговое сотрудничество макрорегиона с Японией и Республикой Корея сохранится, но только в рамках товарных групп, не включенных в «санкционный» перечень.

Литература

- Васильева Р.И., Мариев О.С., Войтенков В.А., Уразбаева А.Р. (2022). Факторы экспортной диверсификации: эконометрический анализ промышленных регионов России // Экономика региона. Т. 18. № 3. С. 895–909. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-19
- Гурвич Е.Т., Прилепский И.В. (2016). Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. № 1. С. 5–35. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35
- Землянский Д.Ю., Калиновский Л.В., Медведникова Д.М., Чуженькова В.А. (2022). Оценка рисков приостановки деятельности иностранных компаний для экономики и рынков труда регионов России // Экономическое развитие России. Т. 29. № 4. С. 4–14.
- Землянский Д.Ю., Чуженькова В.А. (2025). Производственная зависимость от импорта в регионах России после 2022 года // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (66). С. 282–290. DOI: 10.31737/22212264_2025_1_282-290
- Земцов С.П. (2024). Санкционные риски и региональное развитие (на примере России) // Балтийский регион. Т. 16. № 1. С. 23–45. DOI: 10.5922/2079-8555-2024-1-2
- Изотов Д.А. (2024). Влияние интеграционных и геополитических факторов на торговлю Дальнего Востока России с зарубежным рынком // Пространственная экономика. Т. 20. № 2. С. 40–70. DOI: 10.14530/se.2024.2.040-070
- Изотов Д.А. (2026). Декомпозиционная оценка эффектов санкций на внешнюю торговлю Дальнего Востока России // Пространственная экономика. Т. 22. № 1. С. 32–66. DOI: 10.14530/se.2026.1.032-066
- Изотов Д.А. (2022). Торговля России со странами Восточной Азии: сравнительные издержки и потенциал // Пространственная экономика. Т. 18. № 3. С. 17–41. DOI: 10.14530/se.2022.3.017-041
- Казанцев С.В. (2016). Оценка влияния экономического спада и антироссийских санкций на регионы РФ // ЭКО. № 5. С. 55–79.
- Минакир П.А. (2017). Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. Т. 13. № 4. С. 1016–1029. DOI: 10.17059/2017-4-4
- Михеева Н.Н. (2025). Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 58–69. DOI: 10.47711/0868-6351-211-58-69
- Шумилов А.В. (2017). Оценивание гравитационных моделей международной торговли: обзор основных подходов // Экономический журнал ВШЭ. Т. 21. № 2. С. 224–250.
- Apeti A.E., Edoh E.D. (2024). Economic sanctions and sovereign debt default. *European Journal of Political Economy*, 85, 102571. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2024.102571
- Baldwin R., Taglioni D. (2006). *Gravity for Dummies and Dummies for Gravity Equations*. NBER Working Papers 12516. National Bureau of Economic Research. Available at: <http://www.nber.org/papers/w12516.pdf>
- Bali M., Rapelanoro N., Pratson L. (2024). Sanctions effects on Russia: A possible sanction transmission mechanism? *European Journal on Criminal Policy and Research*, 30, 229–259. DOI: 10.1007/s10610-024-09578-w
- Bělin M., Hanousek J. (2021). Which sanctions matter? Analysis of the EU/Russian sanctions of 2014. *Journal of Comparative Economics*, 49, 244–257. DOI: 10.1016/j.jce.2020.07.001
- Bergstrand J., Larch M., Yotov Y. (2015). Economic integration agreements, border effects, and distance elasticities in the gravity equation. *European Economic Review*, 78, 307–327. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2015.06.003
- Besedeš T., Goldbach S., Nitsch V. (2024). Smart or smash? The effect of financial sanctions on trade in goods and services. *Review of International Economics*, 32, 223–251. DOI: 10.1111/roie.12706

- Borchert I., Yotov Y.V. (2017). Distance, globalization, and international trade. *Economics Letters*, 153, 32–38. DOI: 10.1016/j.econlet.2017.01.023
- Campos R.G., Timini J., Vidal E. (2021). Structural gravity and trade agreements: Does the measurement of domestic trade matter? *Economics Letters*, 208, 110080. DOI: 10.1016/j.econlet.2021.110080
- Cipollina M., Bianco S.D. (2025). Trade sanctions and global value chains: The role of financial development and capital openness in emerging markets. *Emerging Markets Review*, 67, 101281. DOI: 10.1016/j.ememar.2025.101281
- Flach L., Heiland I., Larch M., Steininger M., Teti F.A. (2024). Quantifying the partial and general equilibrium effects of sanctions on Russia. *Review of International Economics*, 32, 281–323. DOI: 10.1111/roie.12707
- Flowerdew R., Aitkin M. (1982). A method of fitting the gravity model based on the Poisson distribution. *Journal of Regional Science*, 22, 191–202. DOI: 10.1111/j.1467-9787.1982.tb00744.x
- Gaur A., Settles A., Väättänen J. (2023). Do economic sanctions work? Evidence from the Russia-Ukraine conflict. *Journal of Management Studies*, 60, 1391–1414. DOI: 10.1111/joms.12933
- Ghironi F., Kim D., Ozhan G.K. (2024). International economic sanctions and third-country effects. *IMF Economic Review*, 72, 611–652. DOI: 10.1057/s41308-023-00232-9
- Ghironi F., Kim D., Ozhan G.K. (2025). International trade and macroeconomic dynamics with sanctions. *Journal of Monetary Economics*, 154, 103810. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2025.103810
- Golovanova S., Krekhovets E. (2025). The natural experiment of sanctioning a big economy: Who wins comparative advantages? *Structural Change and Economic Dynamics*, 74, 567577. DOI: 10.1016/j.strueco.2025.05.020
- Gopinath G., Gourinchas P.-O., Presbitero A.F., Topalova P. (2025). Changing global linkages: A new Cold War? *Journal of International Economics*, 153, 104042. DOI: 10.1016/j.jinteco.2024.104042
- Gutmann J., Neuenkirch M., Neumeier F. (2024). Do China and Russia undermine Western sanctions? Evidence from DiD and event study estimation. *Review of International Economics*, 32, 132–160. DOI: 10.1111/roie.12716
- Islam M.M., Sohag K., Berezin A., Sergi B.S. (2024). Factor proportions model for Russian mineral supply-driven global energy transition: Does externality matter? *Energy Economics*, 129, 107242. DOI: 10.1016/j.eneco.2023.107242
- Kim C.M., Kim D.E., Lim S.S. (2023). Assessing the seafood trade diversion arising from economic sanctions: Evidence from Russia and Western countries. *Foods*, 12, 3934. DOI: 10.3390/foods12213934
- Kim J., Kim K., Park S., Sun C. (2023). The economic costs of trade sanctions: Evidence from North Korea. *Journal of International Economics*, 45, 103813. DOI: 10.1016/j.jinteco.2023.103813
- Kim S., Paik S.Y., Ryu D. (2025). Military alliances, geopolitical risks, and international energy trade. *Energy Economics*, 151, 108898. DOI: 10.1016/j.eneco.2025.108898
- Kohl T., van den Berg M., Franssen L. (2024). Going Dutch? Firm exports and FDI in the wake of the 2014 EU-Russia sanctions. *Review of International Economics*, 32, 190–222. DOI: 10.1111/roie.12717
- Kwon O., Nagengast A., Yoon J., Yotov Y. (2026). *From Imposition to Lifting: Estimating the Effects of Sanctions over Their Lifecycle*. Working Papers 202606. Center for Global Policy Analysis, LeBow College of Business, Drexel University. Available at: https://www.lebow.drexel.edu/sites/default/files/2026-02/cgpa_from_imposition-lifting-2026_06.pdf
- Kwon O., Syropoulos C., Yotov Y.V. (2024). Identifying and quantifying the extraterritorial effects of sanctions. *European Economic Review*, 170, 104888. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2024.104888
- Larch M., Shikher S., Yotov Y.V. (2025). Estimating gravity equations: Theory implications, econometric developments, and practical recommendations. *Review of International Economics*, 33, 1066–1092. DOI: 10.1111/roie.12789
- Rivera-Alonso D., Iglesias E.M. (2024). Is the Chinese crude oil spot price a good hedging tool for other crude oil prices, and in special for the main Russian oil benchmarks and during international sanctions? *Resources Policy*, 90, 104778. DOI: 10.1016/j.resourpol.2024.104778
- Santos Silva J.M.C., Tenreiro S. (2011). Further simulation evidence on the performance of the Poisson pseudo-maximum likelihood estimator. *Economics Letters*, 112, 220–222.
- Shingal A. (2024). Economic sanctions and domestic diversion. *Economics Letters*, 244, 111999. DOI: 10.1016/j.econlet.2024.111999
- Wang S., Wen J., Zhao X., Zhou X. (2025). Impacts of international sanctions on sender countries' innovation. *Economic Analysis and Policy*, 85, 1357–1373. DOI: 10.1016/j.eap.2025.01.026

- Wu J. (2025). Non-tariff trade barriers: The new weapon in supply chain sanctions. In: *Global Trends in Manufacturing Supply Chains. Springer Series in Supply Chain Management. Vol. 26*. Singapore: Springer. DOI: 10.1007/978-981-96-3228-2_5
- Yotov Y. (2022). *Gravity at Sixty: The Bijou of Trade*. School of Economics Working Paper Series 2022-1. LeBow College of Business, Drexel University, Available at: <https://drive.google.com/file/d/10Yfjwe0ourALw3e-bEM9uYqySsNdnhuy/view?usp=sharing>
- Yotov Y.V., Piermartini R., Monteiro J.-A., Larch M. (2016). *An Advanced Guide to Trade Policy Analysis: The Structural Gravity Model*. United Nations and World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/advancedwtounctad2016_e.pdf

Сведения об авторе

Дмитрий Александрович Изотов — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: izotov@ecrin.ru)

Izotov D.A.

The Dynamics of Sanctions' Impact on the Foreign Trade of the Russian Far East

Abstract. This study aims to assess the dynamic impact of “local” sanctions on the trade of the Russian Far East. It shows that the “local” sanctions (2014–2021) were comprehensive and open-ended, heightening the risks of bilateral interactions between Russia and both the sanctioning and the sanctioned countries – a pattern that became evident in the Russian Far East. A delayed, increasingly negative impact of sanctions on the region’s trade was identified. The direct restraining effect of foreign sanctions was found to have grown from 38.6% in 2017 to 64.3% in 2021, while the effect of Russian sanctions against foreign countries rose from 50.0% in 2018 to 58.5% in 2021. The globalization effect was found to have mitigated the negative influence of the sanctions on the trade of the macro-region under study. In terms of the tariff equivalent, the stimulating effect of globalization on the Far East’s trade in 2021 proved to be nearly half as strong in the case of the negative impact of Russian sanctions against foreign countries as it was in the opposite case. The globalization effect, however, was unable to reverse the mounting trend of the restraining influence of the sanctions on the macro-region’s trade with the sanctioning and the sanctioned countries. As a result, the overall effect of foreign sanctions against Russia contributed to a 27.4% reduction in the Far East’s trade volume with those economies in 2017 and a 54.0% reduction in 2021, whereas the effect of Russian sanctions against foreign countries produced a reduction of 42.4% in 2018 and 52.1% in 2021. It is suggested that the rise in the positive globalization effect may be accounted for by the specific nature of the Far East’s trade with Japan, which, despite the sanctions, remained a close and one of the largest markets for the macro-region, owing to its investment participation in regional projects. The study points to a delayed, disproportionate increase in the risks of trade and economic interactions under the conditions of comprehensive sanctions confrontation between countries, including at the regional level.

Key words: trade, “local” sanctions, counter-sanctions, direct sanction effect, total sanction effect, globalization effect, foreign countries, domestic market, region, macro-region, Russia, Far East.

Information about the Author

Dmitry A. Izotov — Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: izotov@ecrin.ru)

Статья поступила 19.04.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.3

УДК 332.02

© Мыслякова Ю.Г.

Формализация экономического иммунитета промышленных регионов: опыт пилотной апробации

Юлия Геннадьевна**МЫСЛЯКОВА**

Институт экономики УрО РАН

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: myslyakova.ug@uiec.ru

ORCID: 0000-0001-7635-3601; ResearcherID: B-6076-2018

Аннотация. Промышленные регионы, составляющие ядро технологического развития РФ и отвечающие за ее лидерские позиции на мировой арене, заслуживают особого внимания, находясь под влиянием геоэкономических факторов. Целью исследования служит разработка методического подхода, позволяющего формализовать экономический иммунитет промышленных регионов в условиях внешнего негативного воздействия. Теоретико-методологическую базу составляет совокупность подходов к оценке шокоустойчивости территорий и выявлению зависимости их экономического развития от предшествующих траекторий. В качестве основного методического инструментария исследования предложена матрица, интегрирующая оценки экономической предрасположенности к сопротивлению и восстановлению промышленных регионов, определяющей защитные механизмы от внешних потрясений, и нарративного экспресс-анализа, выявляющего предпосылки генезиса нового тренда экономического развития, отвечающего за адаптацию территории к меняющимся условиям хозяйствования. Период исследования охватывает 2009–2025 гг., апробация осуществлялась на 36 промышленных регионах Российской Федерации. Согласно полученной матрице, наиболее чувствительными показателями в период воздействия внешних шоков у регионов с долей обрабатывающей промышленности в ВРП $\geq 25\%$, являются среднегодовая численность занятых в обрабатывающих производствах и затраты на технологические инновации. У промышленных регионов с диверсифицированной экономи-

Для цитирования: Мыслякова Ю.Г. (2026). Формализация экономического иммунитета промышленных регионов: опыт пилотной апробации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 48–64. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.3

For citation: Myslyakova Yu.G. (2026). Formalizing the economic immunity of industrial regions: A pilot testing experience. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 48–64. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.3

кой существенно страдают инвестиции в основные средства. При этом индустриальные регионы с диверсифицированной экономикой демонстрируют большую экономическую защищенность, чем регионы с обрабатывающей специализацией. Наибольшим экономическим иммунитетом обладает Новосибирская область, на втором месте находятся Московская область и Республика Татарстан. 50% индустриальных регионов характеризуются уязвимым экономическим иммунитетом, 36% обладают подрывным защитным и уязвимым активирующим механизмами. Подчеркивается, что учет предрасположенности регионов как одного из элементов экономического иммунитета позволит обеспечить эволюционность развития национальной экономики. Полученные выводы будут полезны органам власти при совершенствовании региональных стратегий социально-экономического развития.

Ключевые слова: экономический иммунитет, наследственность, сопротивляемость региона, восстанавливаемость региона, предрасположенность региона, устойчивое экономическое развитие, обрабатывающая специализация, диверсифицированная экономика.

Благодарность

Статья выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2026 год, тема НИР № 0327-2024-0015 «Методология формирования новой модели устойчивого и экономически безопасного пространственного развития индустриальных регионов».

Введение

Повышенное внимание к устойчивому развитию национальной экономики в научных кругах в основном связано с тем, что территории стали более уязвимыми к шокowym потрясениям в условиях геополитических вызовов и разноуровневой интеграции стран на мировой арене. Индустриальные регионы, составляющие ядро инновационного и технологического развития РФ, отвечающее за ее лидерские позиции на международных рынках, заслуживают особого внимания, поскольку действенность предупредительных мер, позволяющих эволюционно развиваться таким территориям, существенно ограничена в условиях нестабильности. Это актуализирует применение знания сложившихся особенностей функционирования и траекторий развития для своевременного фиксирования необходимости активизации защитных механизмов и разработки институциональных направлений их усиления.

В настоящее время понятие «иммунитет», пришедшее в междисциплинарное обращение из медицины, под которым в иммунологии понимается защитный механизм организма, противостоящий внешним и внутренним возбудителям болезней (Киселева, 2011), начинает активно применяться в экономической сфере, подчеркивающей тот или иной аспект проявления этого феномена. Так, институционально-

правовой аспект иммунитета территории представлен в научной литературе особыми правовыми условиями хозяйствования, благодаря которым отдельным субъектам предоставляется возможность выполнения функций, обязанностей, реализации прав в интересах государства, общества и отдельных граждан (Яковенко, 2010). Здесь ценность иммунитета заключается в защите социально и экономически значимых полезных связей и функций, выполняемых хозяйствующими субъектами, что позволяет не только сохранить, но и развить функционирующие экономические институты.

Социальный аспект регионального иммунитета проявляется в виде способности общества противостоять внешним социальным рискам и угрозам, обусловленным проникновением в общество ценностей, норм, поведенческих образцов иных культур, разрушающих его целостность, интегрированность и адаптационный потенциал. Экономический аспект в большей степени отражает резильентные характеристики как субъектов хозяйствования (производственные цепочки), так и территории в целом в условиях негативного воздействия факторов внешней среды, и проявляется в обеспечении технологического суверенитета страны, включенности в мировое научное пространство, инвестиционной привлекательности и производ-

стве востребованной наукоемкой продукции на внутреннем и внешнем рынках. В таком контексте понимания иммунитета территории его ценностными функциями выступают защита, противостояние и адаптация субъектов хозяйствования к экзогенному негативному воздействию, вызванному системными и внезапными финансовыми угрозами (Жапуев, 2013). По мнению Н. Лумана, иммунитет служит источником сохранения устойчивого состояния территориальной социально-экономической системы и содержит в себе необходимые меры поддержки решения текущих проблем, чтобы регион мог функционировать с присущей ему эффективностью, сохраняя темпы роста ВРП (Луман, 2007). Т. е. данный феномен отражает степень невосприимчивости или поглощения неблагоприятных факторов воздействия на регион самим регионом.

В то же время представленные трактовки больше подходят к определению механизмов обеспечения шокоустойчивости, широко изученных в российской и зарубежной литературе к настоящему времени, которые обычно раскрываются в контексте адаптационного или системного подхода, но не эволюционного. Поскольку речь идет о применении понятия иммунитет в исследовании экономического развития регионов, то в методологии его формирования необходимо учитывать исторически сложившиеся территориальные детерминанты социально-экономических отношений, которые его обуславливают. В поддержку этой научной позиции можно привести слова М.Ю. Казакова, понимающего экономический иммунитет территории как уникальное сочетание «врожденных» и «приобретенных» факторов, а также условий естественной природы, генерирующих необходимые выходные «продукты» для осуществления жизнедеятельности системы, не позволяющей ей исчезнуть или деформироваться (Казаков, 2018).

В целях обеспечения связки врожденных и приобретенных факторов необходимо, чтобы последние формировались с учетом наследственной предрасположенности индустриальных регионов. Обусловлено это, во-первых, тем, что регион является открытой и экономически неизолированной системой, функционирующей в условиях глобальных трансформаций (Гэлбрейт, 1999; Медведев, 2016): постепенно-

го стирания границ между рынками; растущего многообразия экономических связей; скоростной межстрановой мобильности технологий; интеллектуализации мирового хозяйства; создания наукоемкой продукции с использованием мировых научно-технологических площадок; инвестиционной привлекательности международного сотрудничества и т. п. (Важенин, Важенина, 2012). Возникновение или прогрессирование каждого из этих метапроцессов является шоком для индустриального региона, требующим разработки и внедрения защитных мер, обеспечивающих компромисс и поиск разумного баланса интересов территорий в экономическом пространстве мирового сообщества.

Во-вторых, регион представляет собой большое число взаимосвязанных элементов, имеющих собственную эндогенную динамику и коэволюционность развития друг с другом (Мохов, 2018). В условиях внешнего негативного воздействия региональной социально-экономической системе необходимо возвращаться в стабильное состояние, в котором она находилась до потрясения. При этом возвращение в состояние равновесия должно быть реализовано системой самостоятельно, без нарушений функционирования, что требует автономного и эффективного использования ресурсов устойчивого развития, сохранения их качества при минимальном расходе. Когда масштаб экономического потрясения превышает порог устойчивости региональной системы, она не возвращается в исходное состояние, а стремится перейти в новое равновесное положение. Такое движение сопровождается качественными изменениями внутренней структуры, функциональной динамикой и перераспределением ресурсов, что означает переход от простого восстановления к адаптивной трансформации, обеспечивающий следующий эволюционный шаг развития.

В-третьих, акторы региональной экономической системы имеют постоянное, но отличающееся по степени (индивидуальное) взаимодействие с внешней средой (Некипелов, 2003; Яковец, 2001). При этом регион обладает способностью воспроизводить свои основные компоненты и обеспечивать их упорядоченность. Отсюда следует, что возможны различные социально-экономические траектории изменения состояний и развития регионов в услови-

ях негативного воздействия внешней среды. Например, экономика может вернуться на исходную траекторию без долгосрочных отклонений. Однако, если процесс переориентации предполагает достаточно радикальные изменения, экономика может не вернуться к прежнему состоянию, а вместо этого выйти на более высокий технологический уровень роста за счет положительных гистерезисных эффектов или на новую траекторию с более высоким долгосрочным трендом. Данные сценарии показывают, что реакция регионов на внешние шоки зависит от пройденного пути и обусловлена структурными характеристиками, институциональной адаптивностью и масштабом преобразований (Аузан, 2015). Это еще раз подтверждает мысль, что у региона ответная реакция на негативные воздействия может проявиться вариативно, однако в ее основе всегда лежит прошлый путь развития (экономическая наследственность), в том числе определяющий наследственную предрасположенность территории к определенному поведению в стрессовой для нее ситуации (Аузан, 2025).

Триада методологических причин, представленная выше, обуславливает необходимость формирования у каждого региона иммунитета — наследственного экономического механизма сохранения положительной динамики основных показателей хозяйственной практики территорий, позволяющего адаптироваться к новым реалиям хозяйственной практики путем трансформации структурных элементов региональной системы при сохранении целостности и функциональности исторически сложившихся связей между ними.

Как отмечал Г. Фоллмер, в реальном мире «во всех областях действительности существует непрерывная историческая и генетическая связь между отдельными состояниями, когда существование первого события обуславливает существование второго, при этом первое событие является причиной, которая влечет второе событие — следствие» (Фоллмер, 1998). М.Я. Ковальзон отмечал, что «...решающая роль в истории развития общества принадлежит деятельности людей. При этом, если экономические теория и практика будут игнорировать объективные детерминанты этой деятельности, то героические усилия миллиарда людей дадут не десять тысяч лет счастья за десять лет

труда, а экономический и социальный хаос» (Ковальзон, 1985). Й. Шумпетер в своих работах затрагивал идеи о том, что любое экономическое событие возникает не просто из предшествующего экономического состояния, а из его предшествующего общего состояния, т. е. необходимо учитывать все факторы, «которые характеризуют саму картину состояния, или определяют ход процесса» (Шумпетер, 2022). Н.Д. Кондратьев более точно отметил важность учета наследственности территорий при обеспечении ее экономического развития, говоря о факторах, формирующих экономический цикл. В их качестве ученый определял объективные хозяйственные, материально-технические и инновационные предпосылки, которые задолго до экономического толчка накапливаются, синтезируются и хранятся в действующей региональной практике, ожидая момента своей масштабной экспансии при изменении условий внешней среды территории или возникновении глобальных вызовов.

Получаем, что экономический иммунитет региона наделяет его характеристиками устойчивого развития, в том числе за счет учета детерминант наследственности, а именно предрасположенности, учет которой позволяет ускорить или притормозить выход из кризисных процессов в условиях дестабилизирующих факторов. Такое понимание экономического иммунитета позволяет его формализовать в контексте таких характеристик региона, как:

- предрасположенность к экономическому сопротивлению негативному воздействию извне — способность к стабилизации через предотвращение сбоев функционирования и экономического спада при столкновении с внешними негативными факторами или шокowymi потрясениями;

- предрасположенность к экономическому восстановлению — способность быстро и масштабно (задействуя всех акторов региональной социально-экономической системы) возвращаться к исходному состоянию в контексте адаптации к условиям новой реальности;

- предрасположенность к генезису новых трендов экономического развития — способность детерминант наследственности региона (понятие раскрыто в более ранних работах автора (Мыслякова, 2022; Мыслякова, 2025)) формировать принципиально новые направ-

ления экономического развития, адаптированные к новым реалиям хозяйственной практики, и тем самым оказывать влияние на улучшение процессов сопротивляемости и восстанавливаемости в условиях шоковых потрясений. Источником данного генезиса, по мнению С.Ю. Глазьева, выступает готовность населения к экономической трансформации общества, обуславливающая направление и ход преобразований (Глазьев, 2018). Выявить эту готовность возможно путем анализа нарративов, отражающих ценностные и поведенческие установки региональных обществ (Вольчик, 2017). Нарративы, присутствующие в коллективной памяти, подталкивают индивидуумов к определенной модели экономического поведения, поскольку формируют понимание причинно-следственных связей экономического благополучия, подчиняя личностные убеждения составляющим текущего социокультурного кода общества (Collier, 2016; Tomasello, 1999). Поэтому важным является выделение доминирующих нарративов, представляющих институциональные практики, способных сориентировать общество на распространение крупных инноваций, принятие в них участия или, наоборот, оказать сопротивление грядущим трансформациям (Algan, Cahuc, 2010; Malone et al., 2017).

Данные характеристики (предрасположенности) региона активируются ядром его гено-типа (Мыслякова, Неклюдова, 2021) и обуславливают принципы трансформации хозяйственных связей. При этом первые две в большей мере отражают защитную функцию экономического иммунитета, а третья — активирующую, представляющую собой результативность адаптационных экономических трансформаций к условиям новой реальности. Такая защитно-активирующая функциональность позволяет констатировать, что иммунитет территории выступает инструментом эволюционного развития ее экономики и отвечает за процессы наследования и усиления защищенности, наделяя регион необходимым набором активных показателей с положительной динамикой.

Авторское понимание экономического иммунитета служит посылом для постановки цели исследования — разработать методический подход, позволяющий формализовать экономический иммунитет индустриальных регионов.

Достижение цели требует решить следующие задачи: обосновать факторы экономического развития, отвечающие за иммунитет индустриальных регионов; предложить методический подход к формализации экономического иммунитета индустриальных регионов; апробировать инструментарий и выявить регионы, обладающие наибольшим экономическим иммунитетом.

Новизна предлагаемого подхода заключается в уточнении понимания экономического иммунитета индустриального региона и разработке оценочного инструментария, позволяющего учитывать его наследственную предрасположенность с фокусом на формировании нового тренда развития национальной экономики. Это даст возможность рассматривать исследуемый феномен не только как статический, отражающий поведенческую результативность региона в условиях стрессов, но и динамический, генерирующий предпосылки дальнейшего экономического развития.

Материалы и методы

Для обоснования выбора факторов, формирующих иммунитет индустриальных регионов, приведем следующие аргументы.

1. Человеческий капитал положительно влияет на устойчивое экономическое развитие (Martin, Sunley, 2015; Crescenzi et al., 2016; Caprelli et al., 2021). Так, согласно работе Т. Абра и Б. Велдейоханс, образование, практические компетенции и здоровье являются базовыми факторами экономической устойчивости (Abrha, Weldeyohans, 2025). Чем выше их уровень, тем более адаптивной и продуктивной становится экономика, а инвестиции в образование повышают способность государства эффективно реагировать на шоковые потрясения. По мнению Е. Коккинопулу, А. Бутераа и Ф. Буазиз, образование не только развивает индивидуальные способности, но и создает положительные внешние эффекты, которые укрепляют качество региональных институтов, поскольку через рост производительности, обусловленный знаниями, сокращается экономическое неравенство (Kokkinopoulou et al., 2025; Bouteraa, Bouaziz, 2023). Отсюда следует, что регионы с большим количеством квалифицированной рабочей силы меньше страдают от экономических потрясений благодаря накопленным знаниям, вызывающим социально-

экономическую адаптивность рабочей силы (Martin, Gardiner, 2019). Кроме того, регионы, инвестирующие в профессиональную подготовку и развитие трудовых ресурсов, добиваются большей стабильности занятости, поскольку квалифицированные работники менее подвержены увольнению и текучке кадров (Molina, Ortega, 2003; Kitsos, Bishop, 2018). Для индустриальных регионов не менее важным комплексным показателем служит индикатор занятости населения в обрабатывающих производствах, составляющих ядро устойчивого развития региональной и национальной экономики в целом.

2. Инновации (Балабанова, 2025) и высокотехнологичное производство повышают адаптивность регионов за счет внедрения новых технологий и бизнес-моделей, которые способствуют обновлению промышленности и стимулируют межотраслевой динамизм (Audretsch et al., 2015; Angulo et al., 2018). Так, например, в сфере производственных цепочек роботы стали революционным инструментом (Segun-Ajao, 2025). Ф. Сантосо выяснил, что страны с развитой цифровой инфраструктурой, квалифицированной рабочей силой и инновационным потенциалом лучше справляются с потрясениями и восстанавливаются после них (Santoso et al., 2024). Дж. Ким считает, что более развитая инфраструктура информационно-коммуникационных технологий, измеряемая доступом в интернет, количеством абонентов мобильной связи и цифровой готовностью, позволила компенсировать потери ВВП, несмотря на высокий уровень заболеваемости во время COVID-19 (Kim et al., 2022). Ю. Тянь и Л. Го отмечают, что цифровые технологии повышают производительность, являясь современным инструментом и площадкой модернизационных процессов в промышленности, которые не только повышают способность к краткосрочному восстановлению регионов, но и укрепляет отраслевую структуру ВРП в долгосрочном периоде (Tian, Guo, 2023).

3. Отраслевая структура экономики (Tan et al., 2020; Martin, 2012). Специализация в быстрорастущих отраслях может повысить производительность, но в то же время делает регион более уязвимым, когда в этих отраслях наблюдается спад (Cainelli et al., 2019; Geelhoed et al., 2021). Некоторые исследования показыва-

ют, что экономики, зависящие от обрабатывающей промышленности, более чувствительны к спадам, в то время как регионы, в которых преобладают наукоемкие услуги, восстанавливаются быстрее (Giannakis, Bruggeman, 2020). Кроме того, диверсифицированные экономики, как правило, более устойчивы, поскольку риски распределяются между секторами, а экономика более гибко адаптируется к внешним потрясениям (Sutton, Arku, 2022). Действительно, более диверсифицированная и развитая промышленная структура может снизить зависимость региона от одной производственной цепочки и сформировать «буферную зону» для распределения рисков. В рамках этой концепции взаимосвязанное разнообразие способствует долгосрочным инновациям, стимулируя синергию между технологически связанными отраслями, в то время как несвязанное разнообразие повышает краткосрочную устойчивость, защищая регионы от отраслевых потрясений (Hu et al., 2022). Также диверсифицированная экономика предполагает более сильные финансовые возможности региона, поскольку у местных органов власти появляется больше ресурсов на строительство и обслуживание современной транспортной, логистической и информационно-коммуникационной инфраструктуры, на создание эффективных цифровых платформ для предоставления промышленных услуг и систем управления чрезвычайными ситуациями. Это напрямую снижает системные базовые риски функционирования субъектов хозяйствования.

Тогда основными анализируемыми региональными индикаторами, которые, с одной стороны, быстро реагируют на шоковые потрясения, а с другой, характеризуют predisposed территорий к экономическому сопротивлению и восстановлению, являются:

- среднегодовая численность занятых в обрабатывающей промышленности (L);
- объем отгруженных товаров обрабатывающих производств (P);
- численность занятого населения с высшим образованием (K_n);
- инвестиции в основной капитал (Inv);
- объем инновационных товаров, работ, услуг (Inn);
- затраты на технологические инновации ($Techn$).

Что касается методического подхода к формализации экономического иммунитета индустриального региона, то он состоит из трех шагов: 1) оценка защитного механизма в контексте показателей экономической предрасположенности; 2) оценка активирующего механизма в контексте предрасположенности к генезису нового тренда экономического развития; 3) матричная оценка, интегрирующая полученные результаты.

Шаг 1. Методическое обеспечение, которое может быть использовано в рамках данного шага, варьируется от описательных и интерпретативных тематических исследований до сложных статистических эконометрических моделей (Evans, Karecha, 2013); простых индексов Мартина (Martin, 2012) или Августина (Augustine et al., 2013); статистических моделей временных рядов, как в работе Фингелтона (Fingleton et al., 2012); и, наконец, структурных моделей причинно-следственных связей, представленных в работах Дорана и Фингелтона (Doran, Fingleton, 2013) или Фингелтона и Паломби (Fingleton, Palombi, 2013) и др. Однако все эти сложные измерения предполагают методический подход к оценке траектории, по которой развивался бы регион в отсутствие внешних негативных воздействий (Han, Goetz, 2019; Sensier et al., 2016). Считается, что средние темпы роста региона до шока сохраняются, позволяя рассчитать сопротивляемость и восстановление как отклонение от этого планового пути. Однако для такого подхода требуется достаточное количество данных временных рядов, при этом сама экономическая динамика должна оставаться неизменной в течение длительного времени (Martin, Gardiner, 2019).

В рамках нашего исследования предлагается применять сравнительный подход, позволяющий оценивать индикативное поведение индустриальных регионов в сравнении с национальными экономическими тенденциями (Martin, 2012; Faggian et al., 2018; Mugua, Ferrero, 2019). В его основе лежит предположение, что экономика каждого региона должна стремиться иметь такие же темпы прироста, что и экономика страны в целом, и иметь возможность их наращивать. Отклонения от этого показателя в регионах во время и после потрясений указывают на относительный уровень их сопротив-

ляемости кризису и восстановлению после его отступления.

Сопротивляемость территории негативным тенденциям будем измерять в контексте ее чувствительности к внешним потрясениям, а под восстановлением понимать степень возвращения на прежний путь (дополнительно выявить, произошла ли переориентация, скорее всего не получится). Итак, для оценки защитного механизма будем использовать выбранные показатели и сравнивать темпы их изменения с ожидаемыми национальными.

Сначала оба показателя необходимо нормализовать относительно национальных тенденций (формула 1).

$$(\Delta E_i^{t+k})^{expected} = \Delta g_N^{t+k} * E_i^t, \quad (1)$$

где g_N^{t+k} — темпы сокращения или расширения национального показателя; E — показатель в i -м регионе, t — базовый год, который является поворотным моментом в сокращение или увеличении; k — длительность периодов сокращения или расширения.

Затем следует рассчитать показатели сопротивляемости и восстановления для индустриальных регионов по формулам 2–3.

$$Resistance_i = \frac{(\Delta E_i^{Contraction}) - (\Delta E_i^{Contraction})^{expected}}{|(\Delta E_i^{Contraction})^{expected}|}, \quad (2)$$

$$Recovery_i = \frac{(\Delta E_i^{Expansion}) - (\Delta E_i^{Expansion})^{expected}}{|(\Delta E_i^{Expansion})^{expected}|}, \quad (3)$$

Если у анализируемого региона фиксируется такой же уровень сопротивления и восстановления, как у национального аналогичного показателя, то ему присваивается нулевое значение.

Положительные значения отражают более сильную устойчивость, а отрицательные — более слабые результаты по сравнению с национальными тенденциями. Каждая полученная переменная бинарна, т. е. принимает значение 1 для областей с высоким сопротивлением (изменение анализируемого показателя превышает динамику аналогичного общероссийского показателя) и высоким восстановлением, значение -1 для обратных показателей.

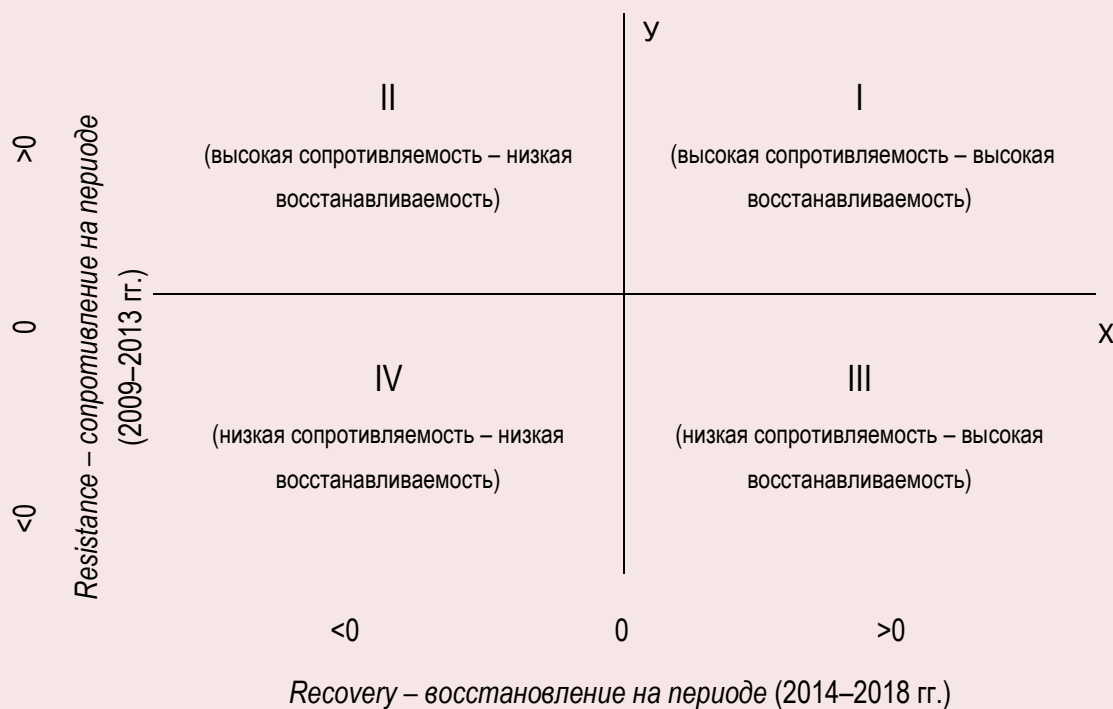
В рамках данной матрицы регионы анализируются по всем показателям, участвующим в формировании иммунитета (P, L, Kn, Inv, Inn, Techn), затем результаты объединяются в общую оценку, позволяющую выявить характеристики защитных механизмов для каждого индустриального региона и их формализовать (рис. 1).

Для того чтобы в дальнейшем сопоставить регионы по их защитному механизму, предлагается воспользоваться балльной шкалой перевода качественных показателей в количественные по следующему принципу: если фактор лежит в квадранте I, то ему присваивается значение 5 баллов, II или III – 2,5 балла; IV – 0 баллов. Балльное значение получается путем суммирования соответствующих оценок (Protection). Это позволит анализировать не только структурные компоненты защитных механизмов

экономического иммунитета, но и типологизировать индустриальные регионы по критерию сильные (21–30 баллов), уязвимые (11–20 баллов) и подрывные (0–10 баллов) защитные механизмы.

Шаг 2. Оценку активирующего механизма, как отмечалось ранее, предлагается проводить в рамках нарративного экспресс-анализа, позволяющего выявить предпосылки формирования нового тренда экономических трансформаций. Тогда методологию выбора нарративов, активирующих защитные механизмы развития индустриальных регионов, определяют такие вопросы, на которые они должны позволять ответить: Кто или какие процессы определяют контент экономического развития индустриальных регионов? Как достичь устойчивости экономического развития индустриальных регионов в условиях шоковых потрясений?

Рис. 1. Оценка фактора, обеспечивающего экономический иммунитет индустриального региона в системе «сопротивление – восстановление»

Квадрант I включает области с сильным сопротивлением и восстановлением – самую защищенную группу. Квадрант II представляет области с слабым сопротивлением, но сильным восстановлением, тогда как квадрант III включает области с сильным сопротивлением, но слабым восстановлением. Квадрант IV содержит области со слабой устойчивостью и восстановлением – наименее устойчивую группу.

Источник: составлено автором.

Нарративный ответ на эти вопросы, который необходимо оценить, может быть представлен следующим решением: чтобы запустить механизмы, активирующие защиту экономического развития в условиях внешних потрясений, необходим новый код трансформации общества, представляющий собой превращение данных в ключевой экономический актив и переход к алгоритмичному управлению на их основе во всех сферах жизнедеятельности; создание платформенной экосистемы, обеспечивающей новое качество жизни населения; привлечение и удержание профессионалов как капитала индустриальной трансформации; внедрение процессов роботизации производств, в том числе применение технологии Индустрии 4.0, проектирование институциональной среды, повышающей востребованность и результативность внедряемых цифровых решений в хозяйственную практику.

Так как нарратив обычно содержит в себе сеттинг, мораль, сюжет, персонаж и представляет собой развязку некоторого события, то искомый нарратив через количественные показатели можно представить следующим образом (табл. 1).

Тогда получаем, что

$$Narrative_D = \sqrt[4]{\bar{S} * \bar{M} * \bar{St} * \bar{P}}, \quad (4)$$

где каждый из четырех показателей, характеризующих нарратив, будет рассчитываться по формуле 5.

$$\bar{S}/\bar{M}/\bar{St}/\bar{P} = 1/n * \sum_{i=1}^n N_{S/M/St/P}, \quad (5)$$

где $S/M/St/P$ – элементы нарратива (сеттинг/мораль/сюжет/персонаж);

$N_{S/M/St/P}$ – структурная компонента сеттинга/морали/сюжета/персонажа, характеризующая формирование нарратива цифровизации региона;

n – количество структурных компонент, соответственно отражающих сеттинг/мораль/сюжет/персонаж искомого нарратива региона.

Для того чтобы оценить включенность регионов в процесс генезиса нового тренда экономического развития, их рейтинговать и типологизировать, рекомендуется данный показатель $Narrative_D$ (в рамках исследования рассчитывается на основе количества запросов, содержащих ключевые слова из таблицы 1 и выполненных на платформе Яндекс Вордстат) соотносить с показателем численности занятого населения того же периода, которое выступает трудовым ресурсом развития региональной и национальной экономики в целом. Наиболее включенные регионы в процесс формирования нового тренда экономического развития фиксируются при достижении не менее 80% от максимального значения данного показателя у индустриальных территорий (Activation).

Шаг 3. Реализуется на основе матричного подхода к формализации экономического иммунитета, позволяющего дать интеграционную оценку защитного (Protection) и активирующего (Activation) механизмов экономического развития индустриальных регионов.

Результаты

Апробация авторской методики осуществлялась на периоде 2009–2018 гг. на примере индустриальных регионов, которые были разделены на две группы: 1) индустриальные регионы с обрабатывающей специализацией,

Таблица 1. Базовый нарратив, отражающий генезис нового тренда экономического развития

Нарративные установки	Нарративы	Ключевые слова в запросах поисковой системы Яндекс
Сеттинг (S)	Данные – новый актив	big data, аналитик данных
	Цифровой суверенитет	Российское ПО, MAX, российские облачные сервисы
Мораль (M)	Платформы формируют человекоцентричную экосистему региона	Онлайн-банк, купить онлайн (маркетплейсы), платформа для связи, онлайн обучение (онлайн-курсы / онлайн-школа), персональные данные, госуслуги вход в личный кабинет
Сюжет (St)	Роботизация и индустрия 4.0	Робототехника, чат-бот для бизнеса, цифровые двойники производства, промышленный интернет вещей, PLM-система
Персонаж (P)	Таланты как часть капитала	IT-специалист, фриланс, работа на удалёнке, второе высшее образование
Решение (Narrative_D)	Стратегии формирования цифрового кода экономического развития индустриальных регионов	
Источник: составлено автором.		

у которых доля обрабатывающих производств в ВРП $\geq 25\%$; 2) индустриальные регионы с диверсифицированной экономикой.

Шаг 1 выполнялся в рамках двух пятилетних временных отрезков измерений: 2009–2013 и 2014–2018 гг., выбор которых обусловлен Великой рецессией 2008 года. Систематизация оценок всех анализируемых факторов позволила отметить, что большинство индустриально развитых регионов с выраженной специализацией, чувствительны к внешним экономическим шокам (табл. 2). Исключение составляют Ленинградская и Тульская области, а также Республика Башкортостан, которые не имеют показателей, находящихся в зоне низкой сопротивляемости и восстанавливаемости. При этом 15% регионов имеют по одному уязвимому фактору, 40% – по два фактора, 25% – по три фактора и 5% – по 4 фактора (Владимирская область), подрывающих экономический иммунитет территорий.

Что касается индустриальных регионов с диверсифицированной экономикой, то они оказались также чувствительны к внешним шокам.

При этом Воронежская, Новосибирская и Тюменская области, Республика Татарстан, Санкт-Петербург не имеют показателей, находящихся в зоне низкой сопротивляемости и восстанавливаемости (табл. 3). По одному уязвимому фактору имеют 32% регионов, 32% – по два фактора, 12,5% (Ивановская область и Республика Коми) – по три фактора, подрывающих экономический иммунитет.

Кроме того, структурный разрез защитных механизмов позволяет выявить наиболее чувствительные показатели индустриальных регионов к шокам, в зависимости от типа региона (рис. 2).

Полученная матрица демонстрирует, что наиболее тревожные показатели в период внешних шоков у индустриально развитых регионов – среднегодовая численность занятых в обрабатывающих производствах и затраты на технологические инновации. У индустриальных регионов с диверсифицированной экономикой – инвестиции в основные средства и среднегодовая численность занятых в обрабатывающих производствах.

Таблица 2. Формализация защитных механизмов индустриальных регионов с выраженной специализацией

	Регион	P	L	Kn	Inv	Techn	Inn	Protection
1	Калужская область	I	II	I	II	IV	I	20
2	Тульская область	III	II	III	I	III	I	20
3	Ленинградская область	III	II	III	III	II	I	17,5
4	Липецкая область	III	I	II	I	III	IV	17,5
5	Омская область	I	II	II	II	IV	I	17,5
6	Республика Башкортостан	II	II	III	I	II	III	17,5
7	Вологодская область	III	IV	III	I	III	IV	12,5
8	Красноярский край	IV	I	III	IV	II	II	12,5
9	Мурманская область	I	IV	II	III	IV	II	12,5
10	Нижегородская область	IV	IV	III	II	III	I	12,5
11	Архангельская область	II	III	IV	II	IV	II	10
12	Кировская область	III	IV	III	IV	II	III	10
13	Новгородская область	IV	II	IV	I	III	IV	10
14	Пермский край	IV	II	II	IV	II	III	10
15	Рязанская область	II	IV	III	II	IV	III	10
16	Челябинская область	III	I	III	IV	IV	IV	10
17	Владимирская область	I	IV	IV	IV	IV	II	7,5
18	Свердловская область	II	IV	II	IV	IV	III	7,5
19	Чувашская Республика	IV	IV	IV	II	III	III	7,5
20	Ярославская область	III	IV	III	IV	IV	III	7,5

Источник: расчеты автора по открытым статистическим данным <https://rosstat.gov.ru/>.

Таблица 3. Формализация защитных механизмов индустриальных регионов с диверсифицированной экономикой

	Регион	P	L	Kn	Inv	Techn	Inn	Protection
1	Республика Татарстан	I	I	I	II	I	III	25
2	Новосибирская область	I	I	II	II	III	I	22,5
3	Воронежская область	I	III	I	II	III	III	20
4	Тюменская область	II	II	I	I	II	III	20
5	Курская область	II	IV	I	III	II	I	17,5
6	Томская область	II	I	III	IV	II	I	17,5
7	Белгородская область	I	II	II	IV	III	III	15
8	Иркутская область	IV	IV	II	I	III	I	15
9	Московская область	IV	III	I	III	II	III	15
10	Приморский край	II	I	IV	II	III	III	15
11	Кемеровская область	III	IV	IV	I	III	III	12,5
12	Ульяновская область	III	IV	III	II	I	IV	12,5
13	Волгоградская область	III	III	II	IV	IV	III	10
14	Ивановская область	II	IV	I	IV	IV	III	10
15	Самарская область	IV	II	II	II	II	IV	10
16	Республика Коми	II	IV	IV	II	III	IV	7,5

Источник: расчеты автора по открытым статистическим данным <https://rosstat.gov.ru/>.

Рис. 2. Структурная матрица защитных механизмов индустриальных регионов

Индустриальные регионы с обрабатывающей специализацией						Индустриальные регионы с диверсифицированной экономикой					
	I	II	III	IV	Protection	I	II	III	IV	Protection	
P	4	4	7	5	47,5	4	6	3	3	42,5	
L	3	7	1	9	35	4	3	3	6	35	
Kn	1	5	9	5	40	6	4	2	3	45	
Inv	5	6	2	7	45	3	7	2	4	37,5	
Inn	5	4	7	4	52,5	4	0	9	3	40	
Techn	0	5	6	9	27,5	2	5	7	2	42,5	
$\overline{Protection} = \frac{1}{n} * \sum Protection_{P/L/Kn/Inv/Inn/Techn}$ где n – количество регионов соответствующей группы											
$\overline{Protection} = 12,4$						$\overline{Protection} = 15,1$					

Источник: расчеты автора по открытым статистическим данным <https://rosstat.gov.ru/>.

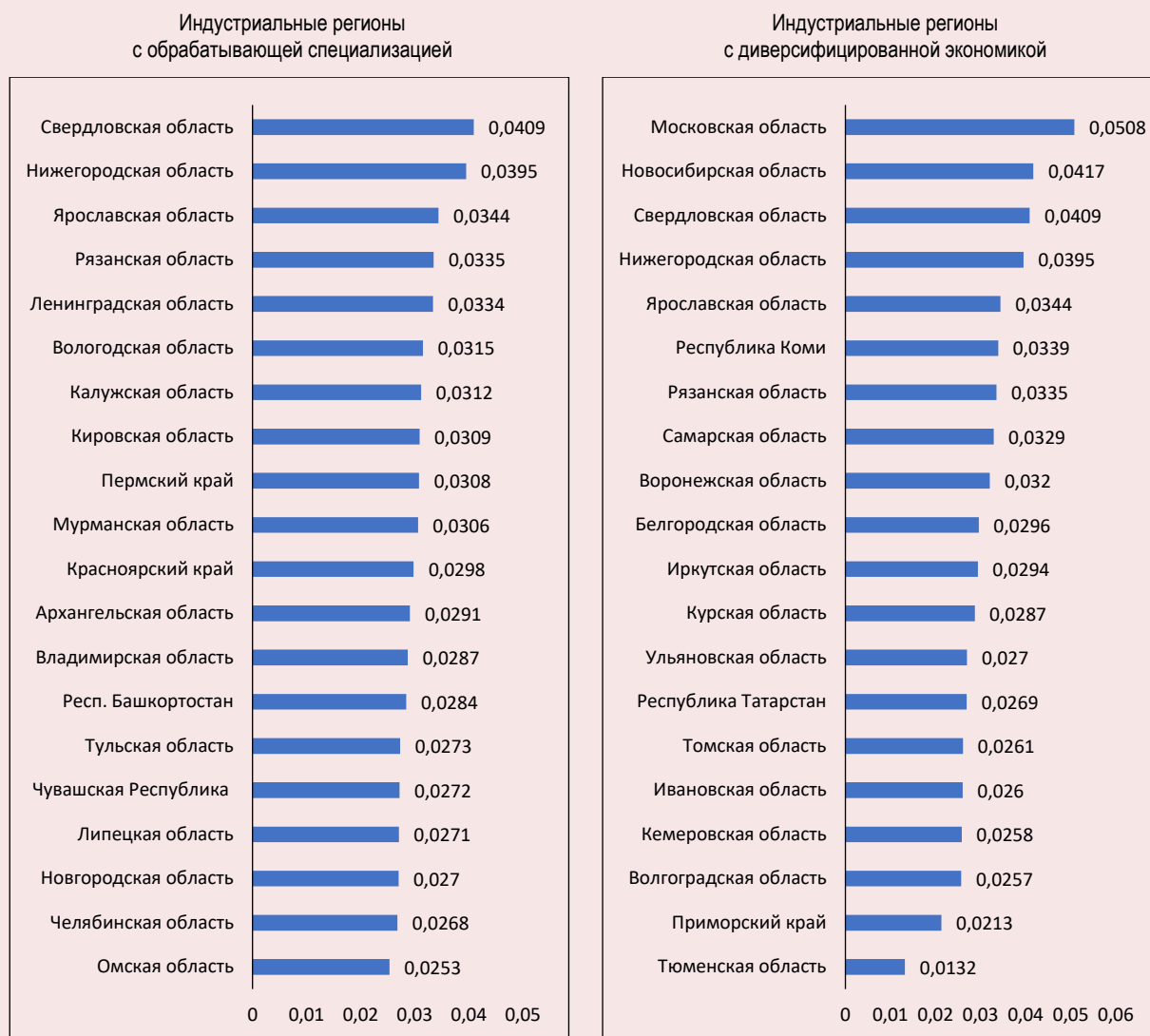
В среднем индустриальные регионы с обрабатывающей специализацией оказываются менее защищенными ($\overline{Protection} = 12,4$), чем регионы с диверсифицированной экономикой ($\overline{Protection} = 15,1$), что требует более существенных предупреждающих мер.

Шаг 2 исследования проводился на периоде 2018–2025 гг. Полученные результаты нарративного экспресс-анализа позволяют отметить вариативность регионов по предрасположенности

участвовать в генезисе нового тренда экономического развития (рис. 3).

Так, по показателю, отражающему присутствие искомого нарратива в коллективной памяти, подтверждающего запуск активирующего механизма экономического иммунитета, приходящемуся на одного занятого, фиксируется большее участие в формировании нового кода экономической трансформации регионов с более слабыми защитными механизмами (регионы

Рис. 3. Рейтинг промышленных регионов по предрасположенности к участию в генезисе нового тренда экономического развития, Activation

Источник: расчеты автора по открытым статистическим данным Яндекс Вордстата (<https://wordstat.yandex.ru/>), Росстата (<https://rosstat.gov.ru/>).

с обрабатывающей специализацией), чем регионов с диверсифицированной экономикой, обладающих более сильным защитным механизмом: среднее значение по группе регионов — 0,031 и 0,029 соответственно. Лидерами по включенности в генезис нового тренда экономического развития выступают Московская, Новосибирская и Свердловская области, аутсайдером рейтинга являются Тюменская и Омская области.

На шаге 3 матричный подход к формализации экономического иммунитета позволяет выявить регионы, обладающие сильной, уязвимой и подрывной его характеристикой (рис. 4).

Наибольшим экономическим иммунитетом обладает Новосибирская область, на втором месте находятся Московская область и Республика Татарстан. 50% промышленных регионов обладают уязвимым экономическим иммунитетом (из них 44% — субъекты с диверси-

Рис. 4. Формализация экономического иммунитета индустриальных регионов

Защитный механизм экономического иммунитета (Protection)	Сильный		Республика Татарстан	Новосибирская область
	Уязвимый	Тюменская область	Белгородская область; Вологодская область; Воронежская область; Иркутская область; Калужская область; Кемеровская область; Красноярский край; Курская область; Ленинградская область; Липецкая область; Мурманская область; Нижегородская обл.; Омская область; Приморский край; Республика Башкортостан; Томская область; Тульская область; Ульяновская область	Московская область
	Подрывной		Архангельская область; Владимирская область; Волгоградская область; Ивановская область; Кировская область; Новгородская область; Пермский край; Республика Коми; Рязанская область; Самарская область; Челябинская область; Чувашская Республика; Ярославская область	Свердловская область
		Подрывной	Уязвимый	Сильный
Активирующий механизм экономического иммунитета (Activation)				

Источник: расчеты автора.

фицированной экономикой), 36% регионов — подрывным защитным механизмом и уязвимым активирующим (из них 23% — субъекты с диверсифицированной экономикой). При этом Свердловская область имеет подрывной защитный механизм, позволяющий региону в большей степени участвовать в процессах формирования нового тренда экономического развития. Тюменская область имеет наиболее слабый экономический иммунитет, отвечающий за уязвимость и слабую адаптивность территории к внешним кризисным явлениям.

В целом матричный подход позволяет зафиксировать присутствие в обществе предпосылок формирования нового кода экономического развития. Кроме того, они положительно коррелируют с долей занятого населения с высшим образованием, но при этом не связаны с темпами роста ВРП и его не обуславливают. Следовательно, необходимо данные предпосылки трансформировать в действенные механизмы экономического развития, т. е. усилить активирующую функцию защитного механизма иммунитета индустриальных регионов.

Заключение

В результате проведенного исследования разработан методический подход к формализации экономического иммунитета индустриальных регионов, актуальность которого обу-

словлена многомерностью методик оценки шокоустойчивости территорий, зависящей от пространственных и временных факторов (Chen et al., 2024; Sutton et al., 2023), но фокусирующихся лишь на защитных механизмах экономического развития.

В качестве основного мерила авторского подхода предложена матрица, интегрирующая результаты применения оценочного инструментария предрасположенности индустриальных регионов к экономическому сопротивлению и восстановлению, определяющего функционирование их защитных механизмов от внешних потрясений, и нарративного экспресс-анализа, выявляющего предпосылки генезиса нового технологического тренда экономического развития в новых условиях хозяйствования, отвечающего за адаптацию территорий к ним. Данный методический подход развивает идеи измерения шокоустойчивости регионов, расширяя содержание понятия «экономический иммунитет», путем включения в него дополнительного факторного аспекта — предрасположенности территорий, придающего ему характеристику адапционности и динамичности.

Апробация матричного подхода в рамках исследования позволила выявить большую экономическую защищенность индустриальных

регионов с диверсифицированной экономикой, чем с обрабатывающей специализацией. Это подтверждает сохраняющуюся важность расширения отраслевой специализации территорий, в том числе на инновационной и цифровой основе. Реализация данных предупредительных мер во внекризисный период позволит минимизировать риски сокращения внедрения технологических инноваций и медленного восстановления в условиях шоков, как это наблюдалось у 29% регионов в условиях кризиса 2008 года, когда только 8% индустриальных регионов оказались положительно устойчивыми по динамике затрат на инновационные технологии, при этом у 61% территорий инновационная активность в целом имела тенденции снижения при шоковых потрясениях.

Реализовать это возможно, активировав имеющуюся предрасположенность регионов к экономическим трансформациям, а именно определив «конденсированный ряд правил, включающих в себя то, что является согласованным и успешно действующим в рамках имеющегося социокультурного кода экономического развития региона» (Брокмейер, Харре, 2000), интерпретировав экономико-политические события и наметив направления их технологических решений (Shiller, 2019a; Angulo et al., 2018).

Таким образом, учет наследственности регионов позволит формализовать экономический иммунитет не только для разработки последующих мер обеспечения шокоустойчивости территорий, но и эволюционности развития региональной и национальной экономики.

Литература

- Аузан А.А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. № 1. С. 3–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23011951>
- Аузан А.А. (2025). Культурные коды экономики на макро- и микроуровнях // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. Т. 60. № 1. С. 3–18. URL: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-660-1-1>
- Балабанова В.А. (2025). Экономическая резильентность регионов России в условиях внешних шоков // Менеджер. Т. 8. № 114. С. 80–89. DOI: 10.5281/zenodo.17786617
- Брокмейер Й., Харре Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. № 3. С. 29–42.
- Важенин С., Важенина И. (2012). Концептуальные основы конкурентного сосуществования территорий // Журнал экономической теории. № 3. С. 96–105.
- Вольчик В.В. (2017). Нарративная и институциональная экономика // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). Т. 9. № 4. С. 132–143. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.4.132-143
- Глазьев С.Ю. (2018). Рывок в будущее. Россия в новом технологическом и мирохозяйственном укладах. Москва: Изд-во «Книжный мир». 768 с.
- Гэлбрейт Дж.К. (1999). Экономическая политика измеряется результатами // Проблемы теории и практики управления. № 5. С. 32–36.
- Жапуев З.А. (2013). Методология исследования социального иммунитета российского общества в условиях институциональной трансформации и рискогенности // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 2. № 18. С. 142–146. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-issledovaniya-sotsialnogo-immuniteta-rossiyskogo-obschestva-v-usloviyah-institutsionalnoy-transformatsii-i>
- Казаков М.Ю. (2018). Феномен иммунитета периферийных территорий // Московский экономический журнал. № 3. С. 171–179. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-immuniteta-periferiynyh-territoriy/viewer>
- Киселева Е.П. (2011). Новые представления о противоинфекционном иммунитете // Инфекция и иммунитет. Т. 1. № 1. С. 9–14. URL: https://www.researchgate.net/profile/Ekaterina-Kisseleva/publication/276321485_NEW_ASPECTS_OF_ANTI-INFECTION_IMMUNITY/links/56645fb908ae15e74632d91a/NEW-ASPECTS-OF-ANTI-INFECTION-IMMUNITY.pdf
- Ковальзон М.Я. (1985). Материалистическое понимание истории и деятельностьная проблематика // Вопросы философии. № 3. С. 33–36.
- Луман Н. (2007). Введение в системную теорию. Москва: Логос. 360 с.

- Медведев Д.А. (2016). Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. № 10. С. 5–30. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-5-30
- Мохов А.И. (2018). Модели «новой теории экономических систем» в условиях применения комплексного подхода // Вестник российской академии естественных наук. № 2. С. 69–75. URL: <https://raen.info/upload/000/vestnik/2016/2/69-75.pdf>
- Мыслякова Ю.Г. (2022). Экономическая резильентность индустриальных регионов: инновационный аспект // Экономика и управление. Т. 28. № 12. С. 1242–1251. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-12-1242-1251
- Мыслякова Ю.Г. (2025). Методический подход к оценке формирования инновационного кода регионального экономического развития // Экономика и управление. Т. 31. № 11. С. 1426–1438. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-11-1426-1438
- Мыслякова Ю.Г., Неклюдова Н.П. (2021). Теоретический подход к региональному развитию с учетом социально-экономического генотипа территории // Журнал экономической теории. Т. 18. № 1. С. 103–115. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-1.7
- Некипелов А. (2003). Влияние глобализации на реаллокацию ресурсов в переходных экономиках // Проблемы теории и практики управления. № 2. С. 10–16.
- Фоллмер Г. (1998). Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. Москва.
- Шумпетер Й.А. (2022). Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. Москва: Изд-во «Ленанд». 400 с.
- Яковенко Е.А. (2010). К вопросу о правовой природе иммунитетов. Соотношение категорий «иммунитет», «привилегия», «льгота» // Вестник Челябинского государственного университета. № 33. С. 10–15.
- Яковец Ю.В. (2001). Глобализация и взаимодействие цивилизаций. Москва: Экономика. 346 с.
- Abrha T.G., Weldeyohans B.T. (2025). The role of human capital in economic development: A theoretical analysis. *Journal of Human Resource Management*, 13(2), 30–35. DOI: 10.11648/j.jhrm.20251302.11
- Algan Y., Cahuc P. (2010). Inherited trust and growth. *American Economic Review*, 100(5), 2060–2092. DOI: 10.1257/aer.100.5.2060
- Angulo A.M., Mur J., Trávez F.J. (2018). Measuring resilience to economic shocks: An application to Spain. *The Annals of Regional Science*, 60(2), 349–373. DOI: 10.1007/s00168-017-0815-8
- Audretsch D.B., Belitski M., Desai S. (2015). Entrepreneurship and economic development in cities. *The Annals of Regional Science*, 55(1), 33–60. DOI: 10.1007/s00168-015-0685-x
- Augustine N., Wolman H., Wial H., cMillen, M. (2013). *Regional Economic Capacity, Economic Shocks and Economic Resilience. Macarthur Foundation Network on Building Resilient Regions. Working Paper*. Institute of Government Studies, University of California, Berkeley.
- Bouteraa A., Bouaziz F. (2023). Do talent management practices improve organizational resilience? An empirical study within Tunisian companies. *African Journal of Economic and Management Studies*, 14(2), 271–288. DOI: 10.1108/AJEMS-07-2022-0301
- Cainelli G., Ganau R., Modica M. (2019). Industrial relatedness and regional resilience in the European Union. *Papers in Regional Science*, 98(2), 755–779. DOI: 10.1111/pirs.12377
- Cappelli R., Montobbio F., Morrison A. (2021). Unemployment resistance across EU regions: The role of technological and human capital. *Journal of Evolutionary Economics*, 31(1), 147–178. DOI: 10.1007/s00191-020-00693-5
- Chen J., Li X., Zhu Y. (2024). Shock absorber and shock diffuser: The multiple roles of industrial diversity in shaping regional economic resilience after the Great Recession. *The Annals of Regional Science*, 72(3), 1015–1045. DOI: 10.1007/s00168-023-01233-2
- Collier P. (2016). The cultural foundations of economic failure: A conceptual toolkit. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 5–24. DOI: 10.1016/j.jebo.2015.10.017
- Crescenzi R., Luca D., Milio S. (2016). The geography of the economic crisis in Europe: National macroeconomic conditions, regional structural factors and short-term economic performance. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 9(1), 13–32. DOI: 10.1093/cjres/rsv031
- Doran J., Fingleton B. (2018). US metropolitan area resilience: Insights from dynamic spatial panel estimation. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 50(1), 111–132.
- Evans R., Karecha J. (2014). Staying on top: Why is Munich so resilient and successful? *European Planning Studies*, 22(6), 1259–1279. DOI: 10.1080/09654313.2013.778958

- Faggian A., Gemmiti R., Jaquet T., Santini I. (2018). Regional economic resilience: The experience of the Italian local labor systems. *The Annals of Regional Science*, 60(2), 393–410. DOI: 10.1007/s00168-017-0822-9
- Fingleton B., Garretsen H., Martin R. (2012). Recessionary shocks and regional employment: Evidence on the resilience of UK regions. *Journal of Regional Science*, 52(1), 109–133. DOI: 10.1111/j.1467-9787.2011.00755.x
- Fingleton B., Palombi S. (2013). Spatial panel data estimation, counterfactual predictions, and local economic resilience among British towns in the Victorian era. *Regional Science and Urban Economics*, 43(4), 649–660. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2013.04.005
- Geelhoed F., Royuela V., Castells-Quintana D. (2021). Inequality and employment resilience: An analysis of Spanish municipalities during the Great Recession. *International Regional Science Review*, 44(1), 113–141. DOI: 10.1177/0160017620957056
- Giannakis E., Bruggeman A. (2020). Regional disparities in economic resilience in the European Union across the urban–rural divide. *Regional Studies*, 54(9), 1200–1213. DOI: 10.1080/00343404.2019.1698720
- Han Y., Goetz S.J. (2019). Predicting US county economic resilience from industry input-output accounts. *Applied Economics*, 51(19), 2019–2028. DOI: 10.1080/00036846.2018.1539806
- Hu X., Li L., Dong K. (2022). What matters for regional economic resilience amid COVID-19? Evidence from cities in Northeast China. *Cities*, 120, 103440. DOI: 10.1016/j.cities.2021.103440
- Kim J., Estrada G., Jinjarak Y., Park D., Tian S. (2022). ICT and economic resilience during COVID-19: Cross-country analysis. *Sustainability*, 14(22), 15109. DOI: 10.3390/su142215109
- Kitsos A., Bishop P. (2018). Economic resilience in Great Britain: The crisis impact and its determining factors for local authority districts. *The Annals of Regional Science*, 60(2), 329–347. DOI: 10.1007/s00168-016-0797-y
- Kokkinopoulou E., Vrontis D., Thrassou A. (2025). The impact of education on productivity and externalities of economic development and social welfare: A systematic literature review. *Central European Management Journal*. DOI: 10.1108/CEMJ-04-2024-0124
- Malone E., Hultman N.E., Anderson K.L., Romeiro V. (2017). Stories about ourselves: How national narratives influence the diffusion of large-scale energy technologies. *Energy Research & Social Science*, 31, 70–76. DOI: 10.1016/j.erss.2017.05.035
- Martin R. (2012). Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. *Journal of Economic Geography*, 12(1), 1–32. DOI: 10.1093/jeg/lbr019
- Martin R., Gardine B. (2019). The resilience of cities to economic shocks: A tale of four recessions (and the challenge of Brexit). *Papers in Regional Science*, 98(4), 1801–1833. DOI: 10.1111/pirs.12430
- Martin R., Sunley P. (2015). On the notion of regional economic resilience: Conceptualization and explanation. *Journal of Economic Geography*, 15(1), 1–42. DOI: 10.1093/jeg/lbu015
- Molina J.A., Ortega R. (2003). Effects of employee training on the performance of North-American firms. *Applied Economics Letters*, 10(9), 549–552. DOI: 10.1080/1350485032000100297
- Murua J.R., Ferrero A.M. (2019). Talking about regional resilience: Evidence from two formerly rural Spanish regions. *European Planning Studies*, 27(11), 2312–2328. DOI: 10.1080/09654313.2019.1615037
- Santoso F.Y., Samputra P.L., Daryanto E. (2024). Digital competitiveness and economic resilience. *Asian Journal of Engineering, Social and Health*, 3(7), 1536–1548. Available at: <https://ajesh.ph/index.php/gp/article/view/353>
- Segun-Ajao E. (2025). *AI and Sustainable Procurement: A Path to Green Supply Chains*. DOI: 10.20944/preprints202501.1516.v1
- Sensier M., Bristow G., Healy A. (2016). Measuring regional economic resilience across Europe: Operationalizing a complex concept. *Spatial Economic Analysis*, 11(2), 128–151. DOI: 10.1080/17421772.2016.1129435
- Shiller R.J. (2019a). Narrative economics: How stories go viral and drive major economic events. *The Quarterly Journal of Austrian Economics*, 22(4), 620–627. DOI: 10.1080/09672567.2021.1928927
- Shiller R.J. (2019b). Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling*, 41(3), 477–488. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2019.03.015
- Sutton J., Arcidiacono A., Torrisi G., Arku R.N. (2023). Regional economic resilience: A scoping review. *Progress in Human Geography*, 47(4), 500–532. DOI: 10.1177/03091325231174183
- Sutton J., Arku G. (2022). Regional economic resilience: Towards a system approach. *Regional Studies, Regional Science*, 9(1), 497–512. DOI: 10.1080/21681376.2022.2092418
- Tan J., Hu X., Hassink R., Ni J. (2020). Industrial structure or agency: What affects regional economic resilience? Evidence from resource-based cities in China. *Cities*, 106, 102906. DOI: 10.1016/j.cities.2020.102906

- Tian Y., Guo L. (2023). Digital development and the improvement of urban economic resilience: Evidence from China. *Heliyon*, 9(10). Available at: [https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440\(23\)08295-6](https://www.cell.com/heliyon/fulltext/S2405-8440(23)08295-6)
- Tomasello M. (2009). *The Cultural Origins of Human Cognition*. Harvard University Press.

Сведения об авторе

Юлия Геннадьевна Мыслякова — кандидат экономических наук, заведующий лабораторией экономической генетики регионов, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: mysliakova.ug@uiec.ru)

Myslyakova Yu.G.

Formalizing the Economic Immunity of Industrial Regions: A Pilot Testing Experience

Abstract. Industrial regions, which constitute the core of Russia's technological development and underpin its leadership positions on the global stage, deserve particular attention as they find themselves under the influence of geo-economic factors. The aim of this study is to develop a methodological approach that makes it possible to formalize the economic immunity of industrial regions in the face of adverse external impacts. The theoretical and methodological basis includes a set of approaches to assessing the shock resilience of territories and to identifying the dependence of their economic development on prior trajectories. The principal methodological toolkit proposed in the study is a matrix that integrates, on the one hand, assessments of the economic predisposition of industrial regions toward resistance and recovery — which determines the protective mechanisms against external shocks — and, on the other, narrative express analysis, which reveals the preconditions for the genesis of a new economic development trend that underpins a territory's adaptation to changing economic conditions. The study period spans 2009–2025; testing was carried out on 36 industrial regions of the Russian Federation. According to the resulting matrix, the indicators that proved most sensitive during the period of exposure to external shocks in regions where manufacturing accounts for $\geq 25\%$ of GRP are the average annual number of people employed in manufacturing and spending on technological innovation. In industrial regions with a diversified economy, it is fixed capital investment that suffers substantially. At the same time, industrial regions with a diversified economy display greater economic resilience than regions specializing in manufacturing. The Novosibirsk Region possesses the strongest economic immunity, followed by the Moscow Region and the Republic of Tatarstan. Half of the industrial regions are characterized by vulnerable economic immunity, and 36% have a disruptive protective mechanism alongside a vulnerable activating mechanism. It is stressed that factoring in the predisposition of regions, as one of the elements of economic immunity, will make it possible to ensure the evolutionary nature of the national economy's development. The findings may prove useful to public authorities in improving regional strategies for socio-economic development.

Key words: economic immunity, heredity, region's resistance, region's recovery, region's predisposition, sustainable economic development, manufacturing specialization, diversified economy.

Information about the Author

Yuliya G. Myslyakova — Candidate of Sciences (Economics), head of the Laboratory of Economic Genetics of the Regions, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: mysliakova.ug@uiec.ru)

Статья поступила 23.03.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.4

УДК 332.1, ББК 65.04

© Чижова Л.А., Хадыко А.И.

Особенности социально-экономического развития северного региона: стратегии и ожидания (на примере Архангельской области)

**Людмила Александровна
ЧИЖОВА**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: chijova.mila@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0298-5248; ResearcherID: D-1867-2019

**Анна Ивановна
ХАДЫКО**

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики
имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: AnnaaRegeta@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3788-0844; ResearcherID: PXB-9384-2026

Аннотация. В статье на примере Архангельской области раскрываются различные аспекты современного социально-экономического развития типичного северного региона с использованием методов экономико-статистического и социологического анализа. Согласно результатам исследования, ситуация в Архангельской области продолжает ухудшаться — снижаются показатели: доля вклада валового регионального продукта в экономику страны, численность населения, количество предприятий и т. д. На основе проведенных авторами в 2025 году экспертных интервью были выделены три группы инвестиционных проектов, имеющих наиболее важное стратегическое значение для Архангельской области: 1) «транспорт и логистика»; 2) «исполь-

Для цитирования: Чижова Л.А., Хадыко А.И. (2026). Особенности социально-экономического развития северного региона: стратегии и ожидания (на примере Архангельской области) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 65–85. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.4

For citation: Chizhova L.A., Khadyko A.I. (2026). Specifics of the socio-economic development of a northern region: Strategies and expectations (the case of the Arkhangelsk Region). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 65–85. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.4

зование ресурсной базы»; 3) «военно-промышленный комплекс и судостроение». В каждой из групп рассмотрены примеры проектов, представленные в долгосрочных планах развития территории. Однако, учитывая сопутствующий инвестициям отложенный временной лаг экономической отдачи и нахождение большинства проектов на начальных этапах реализации, рассчитывать на значительное улучшение показателей социально-экономического развития Архангельской области в среднесрочной перспективе не приходится. В статье также представлены результаты выборочного массового опроса жителей региона, цель которого состояла в получении субъективных оценок текущей социально-экономической ситуации в стране и регионе, определении «народного» видения ключевых направлений развития территории. Большинство респондентов считают, что в настоящее время экономическая ситуация в Российской Федерации, и регионе в частности, может быть охарактеризована как удовлетворительная. При этом опрошенные в более негативном ключе воспринимают современное экономическое положение Архангельской области в сравнении с Россией в целом. В работе выявлена проблема несоответствия социальных ожиданий населения транслируемому органами власти видению «образа будущего» региона. Практическая значимость исследования заключается в возможном использовании его результатов органами власти в качестве информационной основы для корректировки целей и задач региональной экономической политики.

Ключевые слова: Архангельская область, Север, Арктика, региональная экономика, социально-экономическое развитие, проектное управление, экспертные оценки, социологический опрос.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания по теме ФНИР «Теоретико-методологические основы комплексного управления ресурсами развития территорий в современных условиях (на примере западной части Арктической зоны Российской Федерации)», № гос. регистрации 125021902597-5.

Введение

В настоящее время вопросы социально-экономического развития северных регионов России находятся в центре внимания отечественных ученых и практиков. Так, например, в работах В.Н. Лаженцева особое внимание уделяется специфическим характеристикам производства и расселения населения в сложных природно-климатических условиях регионов Севера (Лаженцев, 2024; Лаженцев, 2025). Анализ и оценке природно-ресурсного и человеческого потенциала северных и арктических территорий России посвящены работы В.Г. Логинова, М.А. Лебедевой, Е.А. Корчак, В.В. Фаузера, А.В. Смирнова и многих других исследователей (Лебедева, 2020; Корчак, 2022; Логинов, 2024; Фаузер, Смирнов, 2025).

Ярким представителем северных регионов России является Архангельская область, которая представляет собой уникальный природный и социально-экономический объект с разнообразными природными условиями и значительным ресурсным потенциалом. Побережье региона омывают воды Белого, Баренцева и

Карского морей, что обуславливает климатические особенности территории, а также ее стратегическое значение, в том числе в контексте реализуемой арктической политики. Регион граничит с республиками Коми и Карелия, Кировской и Вологодской областями¹.

Современные социально-экономические аспекты развития Архангельской области нашли отражение в исследованиях, посвященных отраслевой специфике региона (Онякова, 2020; Мякшин и др., 2024; Мураев, Сушко, 2025), стратегическим планам территории и её городским агломерациям (Носырев и др., 2022; Секушина, Крюков, 2025), проблемам демографии и рынка труда, нехватке инвестиционных ресурсов и недостаточной инвестиционной активности бизнеса (Ушакова и др., 2025; Самарина, Скуфьина, 2025; Яхьяев, Жаринова, 2025).

¹ Паспорт Архангельской области / Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/upload/medialibrary/317/.pdf> (дата обращения: 07.03.2026).

При этом большинство существующих исследований опираются лишь на анализ данных статистики, которые в свою очередь имеют ряд недостатков (существенный временной лаг, отсутствие согласованности данных по одному и тому же показателю в разных источниках статистической информации и пр.), что более подробно описано в ряде работ (Волкова, 2014; Маршова, 2017). Однако, при всех имеющихся нюансах, без статистики в социально-экономических исследованиях, безусловно, не обойтись.

Вместе с тем работы, посвященные социально-экономическому развитию Архангельской области, носят преимущественно статистико-аналитический характер и опираются на официальные данные и стратегические документы. Так, отраслевые исследования строятся на анализе экспортной и производственной статистики лесного комплекса (Мураев, Сушко, 2025) и алмазодобычи (Онякова, 2020); инвестиционные приоритеты выявляются посредством расчета межотраслевых взаимодействий по структуре экономики (Мякшин и др., 2024); проблемы заработной платы и рынка труда раскрываются через динамику статистических показателей за 2017–2023 гг. (Самарина, Скуфьина, 2025), а состояние малого и среднего предпринимательства – через количественные индикаторы сектора (Яхяев, Жаринова, 2025). Стратегические же исследования сосредоточены на содержательном анализе нормативно-правовых и плановых документов агломераций (Носырев и др., 2022; Секушина, Крюков, 2025). Такой подход даёт объективную, но «внешнюю» картину: он фиксирует результирующие показатели, однако оставляет за рамками анализа субъективное восприятие населением происходящих изменений, его миграционные планы и ожидания относительно «образа будущего» региона проживания. В сочетании с отмеченными выше ограничениями самой статистики это формирует определенный исследовательский пробел: остаётся нерешённым вопрос о том, насколько транслируемые органами власти стратегические ориентиры согласуются с реальными социальными ожиданиями жителей. Именно невозможность закрыть данный пробел средствами одного лишь статистического анализа

обуславливает необходимость дополнения его социологической компонентой.

В связи с этим в данной работе будет применён комплексный подход, сочетающий методы экономико-статистического и социологического видов анализа, позволяющий решить следующие задачи:

1) дать краткую характеристику основных показателей социально-экономического развития Архангельской области как северного региона России в двадцатилетней ретроспективе;

2) рассмотреть стратегические ориентиры и возможности проектного управления территорией в современных условиях внешних вызовов с использованием экспертно-аналитических технологий;

3) на основе социологического опроса выполнить оценку социальных ожиданий населения Архангельской области по отношению к перспективам социально-экономического развития региона и страны.

Исследование строится на следующей научной гипотезе: в условиях внешних вызовов, демографического спада и инвестиционных ограничений объективные показатели социально-экономического развития Архангельской области (прежде всего статистические индикаторы) не дают полной картины перспектив развития территории, поскольку не учитывают субъективные социальные ожидания жителей региона; при этом предполагается, что подобные ожидания характеризуются сдержанным оптимизмом относительно перспектив развития области и страны, а их учёт наряду со статистическими данными и экспертными оценками повышает обоснованность стратегических решений по управлению развитием северного региона. Проверка данной гипотезы осуществляется посредством сопоставления статистико-аналитических данных с результатами экспертных интервью и массового социологического опроса населения.

Методы исследования

Информационную основу исследования составили научные работы по вопросам социально-экономического развития северных территорий в целом и Архангельской области в частности, роли стратегического планирования и проектного управления в региональной экономике, а также официальные данные Росстата.

В процессе работы использовался системный подход, включая методы логического, концептуального, экономико-статистического и социологического анализа.

Авторами проведены глубинные полуструктурированные экспертные интервью с представителями власти, бизнеса, науки, образования и общественных объединений; выполнен массовый опрос населения Архангельской области с целью сформировать картину восприятия новой экономической реальности разными возрастными группами, а также их социальных ожиданий. Получены вербальные оценки населением миграционных установок и их мотиваций, перспектив развития Архангельской области и востребованности инвестиционных проектов, трансформации экономической ситуации в регионе и стране.

В экспертно-аналитических процедурах было задействовано 8 человек, из них: 2 — представители органов власти, 2 — представители научного сообщества, 2 — руководители крупных и средних предприятий региона, 2 — лидеры общественных объединений. Отметим, что оптимальное количество экспертов, согласно численным экспериментам, составляет от 7 до 11 человек (Тутыгин и др., 2024). При отборе экспертов соблюдены следующие требования: опыт профессиональной деятельности 15 и более лет, активная гражданская позиция, систематическое участие в различных мероприятиях, посвященных вопросам социально-экономического развития региона. Для получения правдивых ответов и объективных оценок экспертам была обеспечена анонимность.

Массовый опрос населения осуществлялся онлайн с помощью Яндекс-форм анкеты. Выборочная совокупность составила 400 человек², тип выборки — стихийная, квотная. Квотирование проводилось по географическому критерию (проживание в Архангельской области — городское или сельское население), полу и возрасту. Доверительный интервал 95%, статистическая погрешность не превышает 5%.

² При определении размера выборочной совокупности была использована формула В.И. Паниотто, согласно которой минимальное достаточное количество респондентов составляет 384 человека.

Научную новизну исследования составляет предложенный авторами подход, совмещающий взгляд на особенности социально-экономического развития северного региона с точки зрения принципов проектного управления, стратегических ориентиров и данных собственного социологического исследования, базирующегося на массовом опросе населения и экспертных интервью.

Результаты исследования

Краткая характеристика социально-экономической ситуации Архангельской области как северного региона России

Архангельская область расположена на северо-западе Европейской части России и входит в топ самых крупных территорий субъектов Российской Федерации (площадь региона составляет порядка 413 тыс. кв. км)³. Но, несмотря на значительные площади, доля валового внутреннего продукта (ВРП) региона в экономике страны относительно мала — на протяжении 20 лет составляет не более 0,5–0,6% (рис. 1).

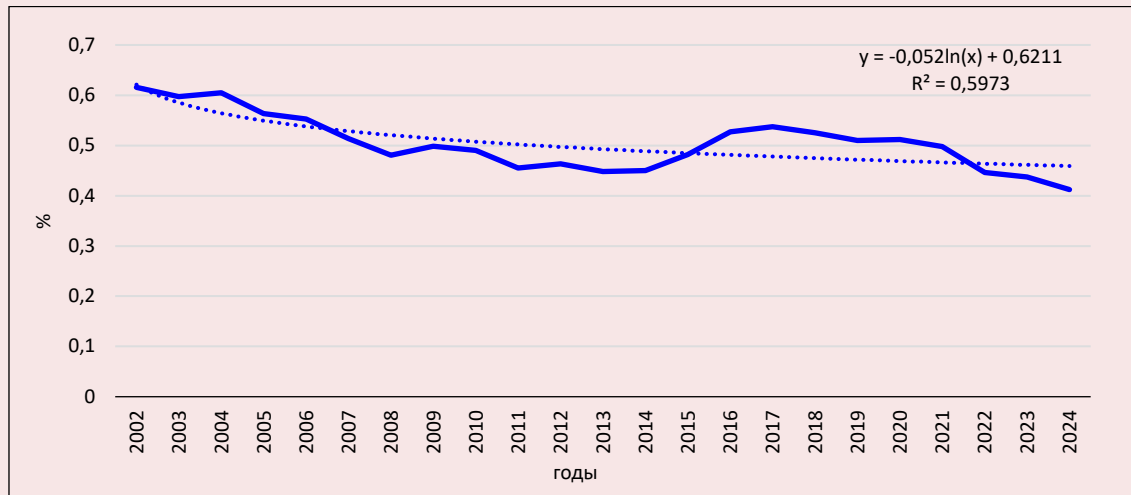
Доля ВРП Архангельской области в валовом внутреннем продукте (ВВП) России имеет устойчивый тренд к снижению, что также характерно для демографической ситуации (рис. 2).

За период с 1990 по 2025 год показатель численности населения снизился почти на треть. Отметим, что коэффициент детерминации по данному показателю составляет 0,997, свидетельствуя о стабильности этого процесса и необходимости срочного принятия мер по закреплению жителей на территории региона. Наиболее сильный отток населения Архангельской области наблюдается из сельской местности, что связано с низким уровнем жизни и неблагоприятными факторами для животноводства и земледелия (Кузнецова, Васильева, 2023).

На рисунке 3 отражена половозрастная структура населения Архангельской области.

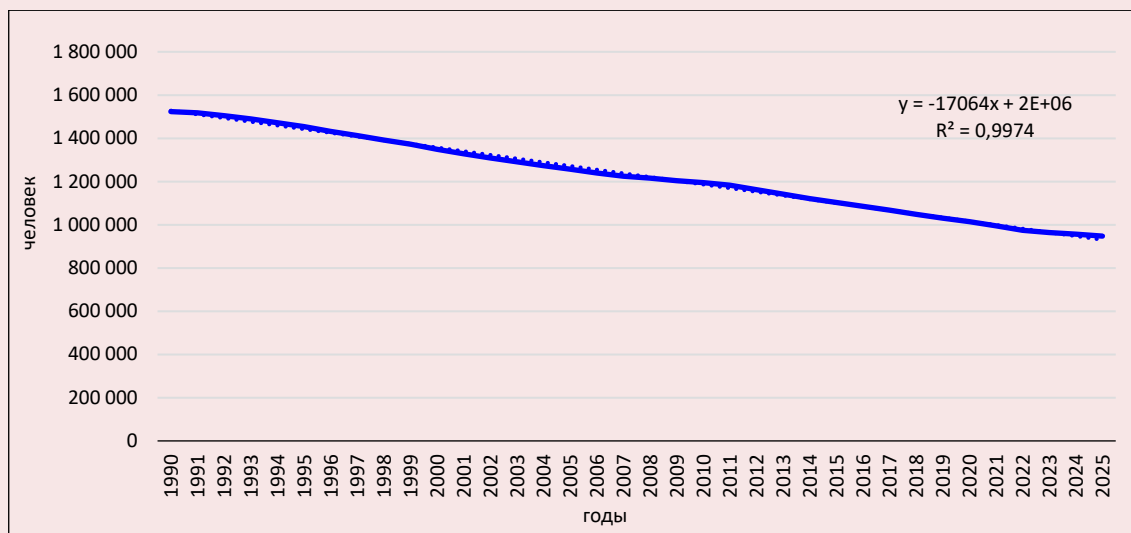
³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: статистический сборник // Росстат. Москва, 2025. 1035 с. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf (дата обращения: 07.03.2026).

Рис. 1. Доля ВРП Архангельской области в экономике РФ, %

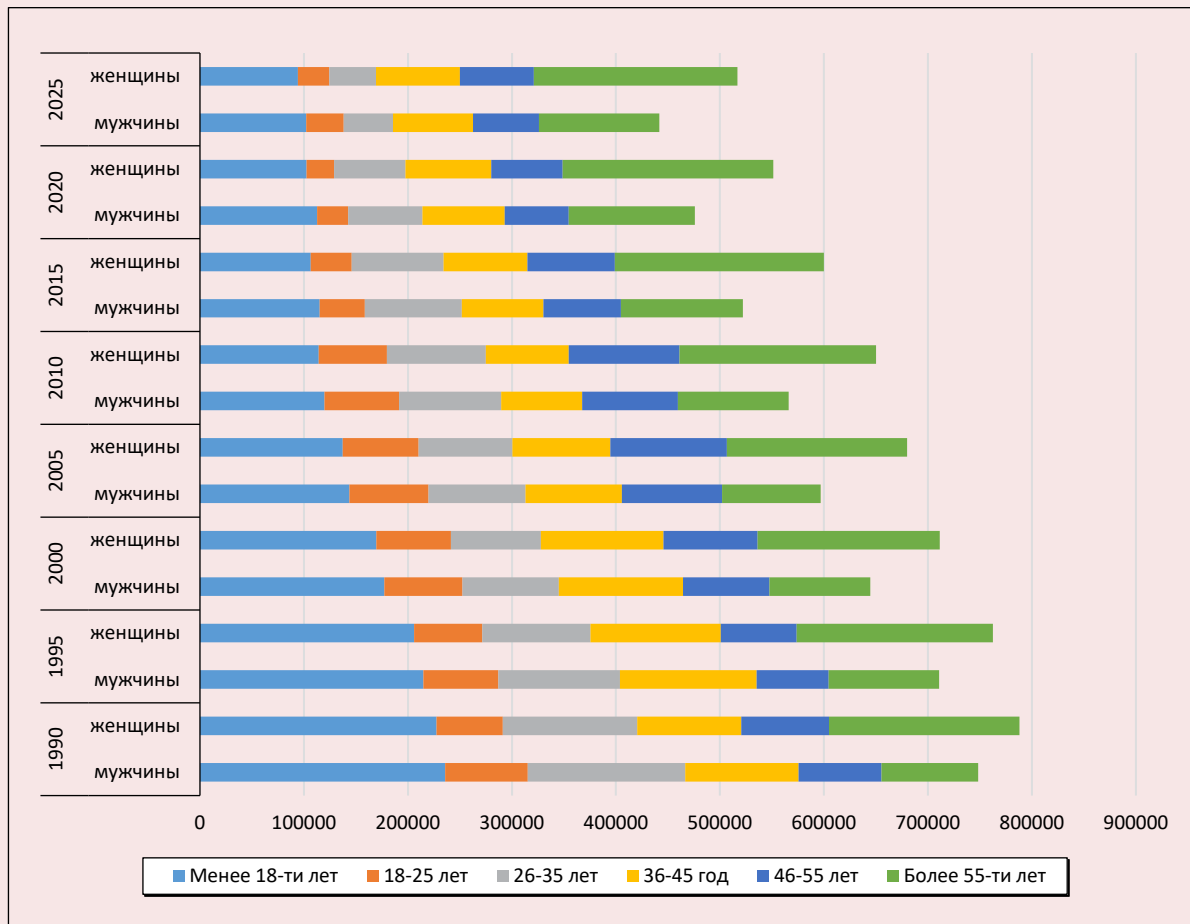
Составлено по: Национальные счета // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 07.03.2026); За последние пять лет объем ВРП в Архангельской области увеличился на 50 процентов и по итогам 2024 составил 834 миллиарда рублей // Единая Россия. URL: <https://arkhangelsk.er.ru/activity/news/za-poslednie-pyat-let-obem-vrp-v-arkhangelskoj-oblasti-uvelichilsya-na-50-procentov-i-po-itogam-2024-sostavil-834-milliarda-rublej> (дата обращения: 07.03.2026).

Рис. 2. Численность населения Архангельской области, чел.

Составлено по: Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 07.03.2026); Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31548> (дата обращения: 07.03.2026).

Рис. 3. Половозрастная структура населения Архангельской области в 1990–2025 гг., чел.

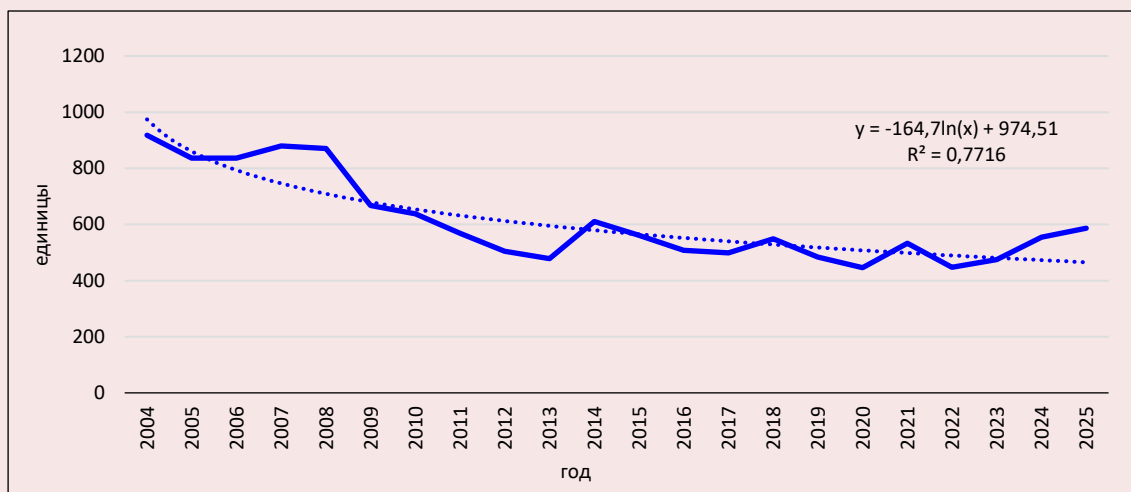
Составлено по: Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения: 04.03.2026); Численность постоянного населения – мужчин по возрасту на 1 января // ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31548> (дата обращения: 07.03.2026).

С 1990 года произошли значительные изменения возрастной структуры проживающих в регионе: с увеличением возраста населения наблюдается его отчетливое смещение в сторону женского пола. Отметим, что у женщин начиная с 2000 года в рассматриваемых возрастных категориях превалирует когорта «старше 55 лет», у мужчин данная тенденция наблюдается с небольшим отставанием (с 2015 года). Одним из неблагоприятных факторов динамики половозрастной структуры населения региона выступает также снижение численности населения в возрастных группах «менее 18 лет» и «18–25 лет». Отметим, что с 2015 года наименьшую долю населения области занимают

возрастные группы «18–25 лет» и «26–35 лет», что вполне объясняется как демографическими ямами (Фаузер, Смирнов, 2025), так и ролью миграционных установок молодежи (Подплекин, 2024).

Одной из причин отрицательной миграции в регионе (по данным массового опроса, проведенного авторами в 2025 году) выступает низкая заработная плата. Помимо этого, молодые люди отмечают отсутствие перспектив для карьерного роста, что подтверждается данными официальной статистики. На рисунке 4 рассмотрена динамика количества предприятий и организаций в Архангельской области.

Рис. 4. Количество предприятий и организаций*, ед.

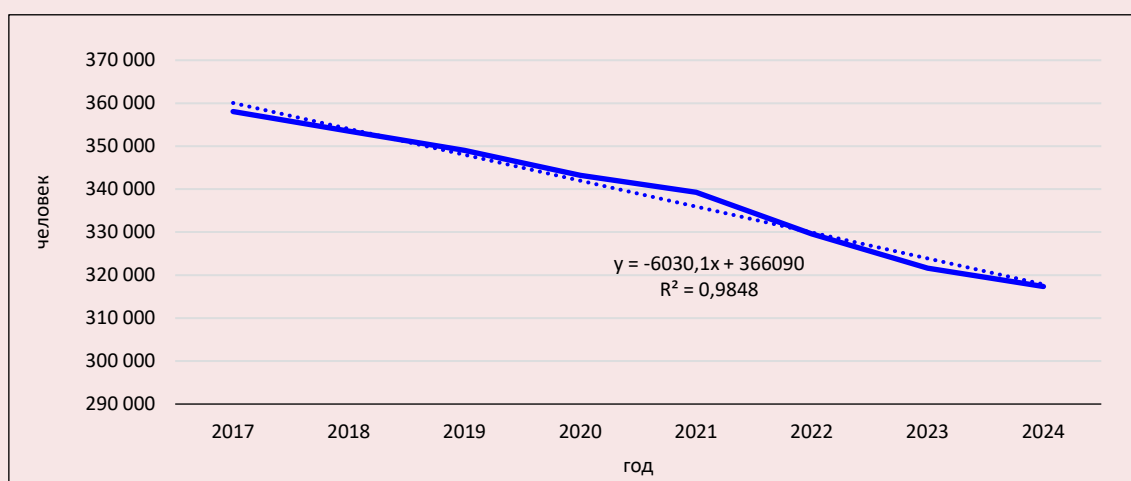
* Кроме субъектов МСП, бюджетных организаций, банков, страховых и прочих финансовых и кредитных организаций.

Составлено по: Предприятия и организации // Архстат. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/organizations11001> (дата обращения: 02.03.2026); Количество предприятий и организаций в Архангельской области // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31148> (дата обращения: 07.03.2026).

Поскольку количество предприятий и организаций имеет тренд к снижению, то это в свою очередь приводит к сокращению рабочих мест (рис. 5). Отметим, что среднесписочная числен-

ность работников в регионе достаточно стабильна относительно показателя численности населения (составляет порядка 33–34% от последнего). При этом оба показателя заметно снизились.

Рис. 5. Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций за отчетный период, чел.

Составлено по: Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей) по полному кругу организаций за отчетный период в Архангельской области // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57848> (дата обращения: 07.03.2026).

Учитывая отмеченное выше, приходится констатировать, что социально-экономическое положение Архангельской области имеет устойчивую тенденцию к ухудшению по ключевым показателям, а это требует серьезных, обоснованных и эффективных управленческих усилий органов власти как регионального, так и федерального уровня.

Стратегические ориентиры и возможности проектного управления

Безусловно, как и в каждом субъекте РФ, в Архангельской области действует ряд стратегических документов, которые определяют вектор социально-экономического развития региона и содержат набор целевых (плановых) показателей. В *таблице 1* представлены результаты сравнительного анализа плановых показателей развития региона и их фактических значений согласно данным официальной статистики за 2023 год.

Несмотря на наблюдаемый прирост фактического значения показателя ВРП относительно плана, говорить о каком-либо экономическом росте в регионе не приходится, поскольку значительная часть прироста ВРП была обусловлена ростом цен (инфляцией), а не увеличением объемов производства товаров и услуг. Это подтверждается сопоставлением номинальной и реальной динамики показателя: при росте ВРП в текущих основных ценах с 700,29 млрд руб. в 2022 году до 761,6 млрд руб.

в 2023 году (прирост около 8,8%) индекс физического объема ВРП в постоянных ценах за этот период был близок к 100%⁴, а по официальной оценке Правительства Архангельской области реальный прирост ВРП в сопоставимых ценах в 2023 году составил лишь около 1%⁵.

Демографическая ситуация в регионе складывается хуже прогнозной: наблюдается снижение численности постоянного населения по отношению к плану на 99,54 тыс. человек, при этом ухудшились показатели естественной убыли населения и увеличился миграционный отток. Рынок труда характеризовался снижением показателя среднегодовой численности занятых в экономике при сопутствующем снижении уровня безработицы, что может свидетельствовать о наличии системных проблем, скрытой безработицы и развитии скрытых форм занятости.

Как известно, действенным способом повышения эффективности экономики региона является обеспечение роста инвестиционной привлекательности территории и реализация пула инвестиционных проектов (Мякшин и др., 2024). В связи с этим на основе проведенных авторами в 2025 году экспертных интервью были сформированы три группы инвестиционных проектов, имеющих наиболее важное стратегическое значение для Архангельской области в целом и Архангельской агломерации в частности.

Таблица 1. Анализ показателей социально-экономического развития Архангельской области за 2023 год

Показатель	2023 план	2023 факт	Отклонение от плановых значений
Численность постоянного населения в среднем за год, тыс. чел.	1059,64	960,1	-99,54
Миграционный прирост населения, чел.	-672	-1383	-711,00
Естественный прирост населения, чел.	-4899	-6351	-1452,00
ВРП в текущих основных ценах, млрд руб.	703,74	761,59	+57,85
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.	499,96	460,50	-39,46
Уровень безработицы (по методологии МОТ), %	6,32	5,60	-0,72
Составлено по: Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года (утв. законом Архангельской области от 18 февраля 2019 года № 57-5-03). URL: https://portal.dvinaland.ru/upload/iblock/f91/Стратегия%20развития%20Архангельской%20области%20до%202035%20года.pdf (дата обращения: 07.03.2026); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025. 1035 с. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2025.pdf (дата обращения: 07.03.2026); Статистический ежегодник Архангельской области. Архангельск, 2025. 169 с. URL: https://29.rosstat.gov.ru (дата обращения: 07.03.2026).			

⁴ Статистический ежегодник Архангельской области без Ненецкого автономного округа: статистический сборник. Архангельск, 2025. 162 с. URL: <https://29.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 07.03.2026).

⁵ Глава Поморья сообщил, что промышленность будет расти на 2,5% за счет ЛПК и машиностроения. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20874541> (дата обращения: 07.04.2026).

1. «Транспортно-логистические проекты» предполагают сценарий развития области только в случае реализации крупных проектов в сфере транспортной инфраструктуры и транспортной логистики (Северный морской путь, глубоководный порт Архангельск, мосты и т. п.).

Северный морской путь (СМП) занимает особое место в системе транспортных проектов не только Архангельской области, но и всего Арктического макрорегиона. Кроме того, он является кратчайшим путём, соединяющим регионы Дальнего Востока с европейской частью страны, проходит рядом как с уже разработанными, так и перспективными для освоения месторождениями полезных ископаемых. Учитывая аспект истощаемости природных ресурсов, СМП придает дополнительный импульс для развития прилегающих к его трассе территорий (Мураев, Сушко, 2025).

Глубоководный порт Архангельск будет располагаться на участке 239 га в районе маяка «Куйский», севернее Мудьюга, в 5 километрах от деревни Куя. Длина причального фронта около 2,5 км, он предназначен для одновременной обработки до девяти судов с максимальной осадкой 14,5 метра, дедвейтом 75 тыс. т и контейнеровместимостью 5 тыс. ед. В порту планируют сделать пять терминалов общей мощностью 31,4 млн т (контейнерный терминал мощностью 14,9 млн т; терминал генеральных грузов — 3,9 млн т; терминал удобрений — 5,5 млн т; навалочный терминал — 4,7 млн т; терминал бункеровки — 2,4 млн т). К новому порту планируют построить автомобильную дорогу от Архангельска, а также железнодорожные подходы. В период с 2028 по 2035 год на строительство первой очереди терминала по перевалке генеральных и контейнерных грузов и общие внутрипортовые объекты планируется инвестировать 79,5 млрд рублей, что приведет к созданию 500 новых рабочих мест⁶.

⁶ Проект архангельского глубоководного порта привлекает бизнес. URL: <https://ria.ru/20250619/tsybulskiy-2024039599.html>; Под Архангельском планируют построить глубоководный порт. URL: <https://29.ru/text/economics/2025/12/04/76153691/> (дата обращения: 12.03.2026).

2. «Проекты по использованию ресурсной базы» опираются в основном на переработку леса, добычу алмазов, других полезных ископаемых и биоресурсов, использование рекреационных зон в целях развития туристической индустрии.

В настоящее время с учетом внешних вызовов и угроз наблюдается снижение спроса на архангельскую древесину и лесопродукцию со стороны коллективного Запада, что создаёт избыток предложения на российском рынке и влечёт за собой падение цен. Такие изменения оказывают отрицательное воздействие на финансовое благополучие предприятий Архангельской области, экономика которой зависит от лесного комплекса (Мураев, Сушко, 2025). Также значительную роль в экономике Архангельской области играет алмазодобыча, при этом дальнейшее развитие отрасли зависит не только от геологоразведочных работ, но и от геополитической ситуации (Онякова, 2020; Воронина, Варфоломеев, 2025). По мнению экспертов, одним из важных направлений развития экономики региона является индустрия туризма. Сегодня туристический потенциал Архангельской области мало задействован и в недостаточной степени развит. Сфера туризма региона требует комплексных усилий власти и бизнеса по совершенствованию инфраструктурной среды, развитию природно-культурных инициатив (включая территории национальных парков и заповедников), созданию условий для повышения эффективности деятельности малого бизнеса и роста турпотока (Мякшин и др., 2021).

3. «Проекты военно-промышленного комплекса (ВПК) и судостроения» связаны преимущественно с ВПК (космодром, судостроение, судоремонт и т. п.) и гражданским судостроением. Отметим, что проекты по развитию судостроения и судоремонта в Архангельской области отличаются значительным потенциалом роста в рамках ввода в эксплуатацию Архангельского глубоководного порта и транспортной логистики СМП.

Для выделенных на основе экспертно-аналитических технологий групп приведем примеры ключевых инвестиционных проектов, которые уже утверждены на федеральном уровне (табл. 2).

Таблица 2. Ключевые инвестиционные проекты Архангельской области

Транспортно-логистические проекты	Проекты по использованию ресурсной базы	Проекты ВПК и судостроения
1. Строительство глубоководного района морского порта Архангельск (в т. ч. строительство первой очереди терминала по перевалке генеральных и контейнерных грузов и общих внутрипортовых объектов) 2. Строительство предприятия по производству массивов-гигантов, а также железобетонных изделий	1. Техническое перевооружение бумагоделательной машины с увеличением мощностей по выпуску легкограммжных видов продукции на производстве картона 2. Организация лесопильного и пеллетного производства 3. Реконструкция основных производственных объектов, в том числе модернизация и расширение производства Архангельского целлюлозно-бумажного комбината 4. Создание частного индустриального парка, специализирующегося на импортозамещении в целлюлозно-бумажной промышленности и лесопромышленном комплексе 5. Строительство лесного селекционно-семеноводческого центра 6. Создание производства по добыче биологического сырья (дикорастущие ягоды) и его глубокой переработке для производства пищевой и фармацевтической продукции	1. Строительство судоремонтного (судостроительного) завода, состоящего из 4 цехов (сборочный, покрасочный, стапельный, токарный цеха), склада и причальной линии, позволяющих производить комплекс работ по судоремонту и строительству новых судов 2. Строительство четырех пассажирских судов с ледовым усилением (проект РЕГК.126) 3. Строительство крабового судна проекта КСП01 «Кильдин» для освоения водных биологических ресурсов в Северном бассейне
Источник: Об утверждении долгосрочных планов комплексного социально-экономического развития ряда агломераций на период до 2035 года: Распоряжение Правительства РФ от 27.10.2025 № 3014-п. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510270034?index=80#print (дата обращения: 12.03.2026).		

Помимо указанных в таблице 2, сегодня органы власти Архангельской области делают ставку на новый проект — кампус мирового уровня «Арктическая звезда». Приведём цитату губернатора региона А.В. Цыбульского: «...Ещё один проект, являющийся для нас одним из приоритетных при планировании социально-экономического развития региона, — это строительство межвузовского кампуса мирового уровня «Арктическая звезда». К 2027 году мы должны получить современный кампус, который станет и центром науки, включающим в себя порядка 40 новых лабораторий, и частью современной городской среды с возможностью проживания для студентов и профессорского состава...»⁷.

Таким образом, региональными органами власти достаточно хорошо и полно сформирован «образ будущего» Архангельской области с учетом возможных для реализации инвестиционных проектов. Однако, учитывая сопутствующий инвестициям отложенный временной лаг экономической отдачи и тот факт, что ряд проектов находится либо на прединвестицион-

ном этапе, либо на начальных этапах реализации, рассчитывать на значительное улучшение показателей социально-экономического развития Архангельской области в среднесрочной перспективе не приходится.

Социальные ожидания: результаты социологического опроса населения

В 2025 году авторами был проведен массовый опрос жителей Архангельской области, цель которого состояла в получении субъективных оценок текущей социально-экономической ситуации в стране и регионе, определении «народного» видения ключевых направлений социально-экономического развития территории. Выборочная совокупность составила 400 человек, тип выборки — стихийная, квотная (городское или сельское население Архангельской области, половозрастной состав респондентов).

Пропорция между городским (78%) и сельским (22%) населением в выборке примерно соответствует пропорции в составе населения Архангельской области — выборка достоверно репрезентирует обе территориальные группы жителей региона. В силу особенностей техники сбора данных (онлайн-опрос) распределение по полу смещено в сторону женщин (доля женщин — 62%, мужчин — 38%), по возрасту — центрировано вокруг трудоспособного насе-

⁷ Цыбульский: решение проблемы неравномерного развития в концепции развития опорных населённых пунктов // Эхо Севера. URL: <https://www.echosevera.ru/2025/12/10/6939135c6b128174380a3ffa.html> (дата обращения: 13.03.2026).

ления среднего возраста с небольшой асимметрией в сторону возрастной когорты до 25 лет и меньшей долей 55+ лет в выборке в сравнении с генеральной совокупностью (рис. 6). Последнее связано со сравнительно слабой цифровизацией жизнедеятельности старшей возрастной группы респондентов.

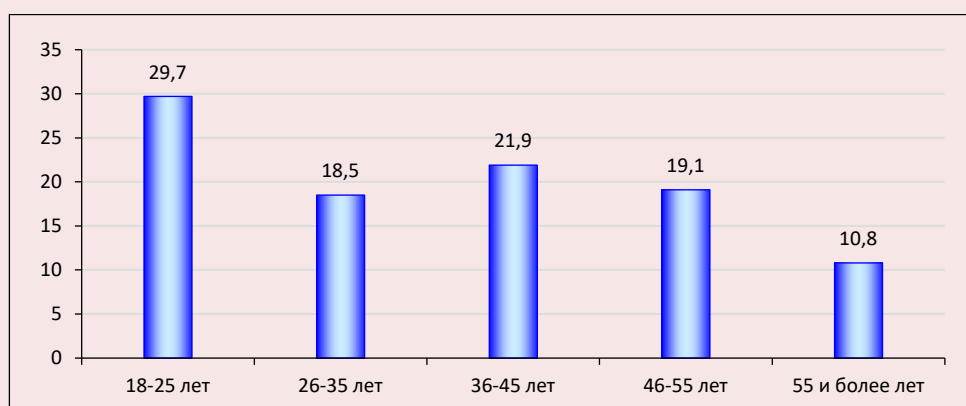
На рисунке 7 рассмотрим миграционные установки населения.

Большинство опрошенных во всех возрастных группах не имеют планов и желания пере-

ехать. Наименьшие негативные миграционные установки наблюдаются у старшего поколения. Планы по переезду конкретизируются и имеют растущую тенденцию к реализации лишь в более молодых возрастных категориях. На рисунке 8 рассмотрим причины желания переехать в другой регион.

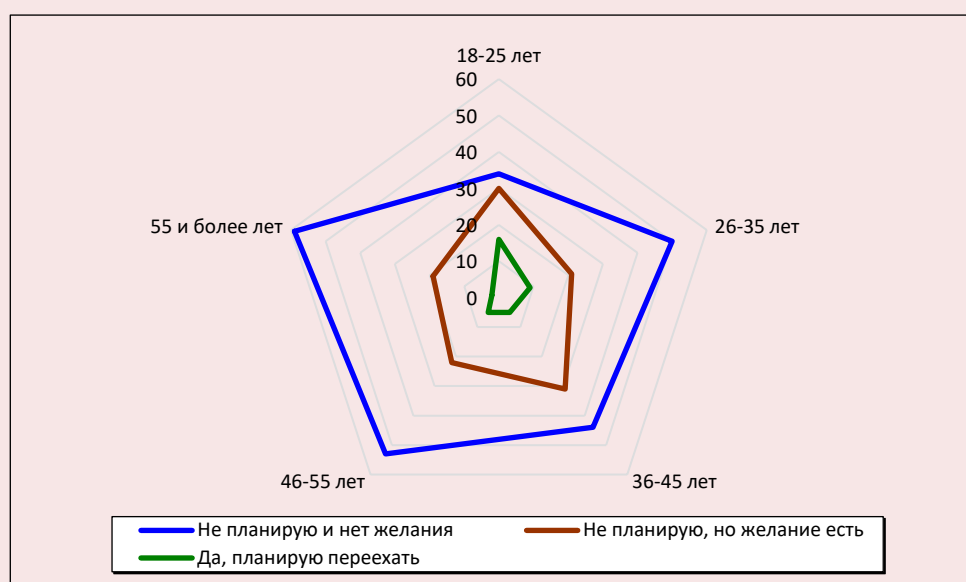
Наибольшее значение для молодёжи в вопросах миграции имеют низкая заработная плата и отсутствие возможностей для карьерного роста. Для старшего поколения очень значи-

Рис. 6. Распределение респондентов по возрастным когортам, %

Составлено по: результаты социологического опроса.

Рис. 7. Миграционные установки населения, количество ответов*

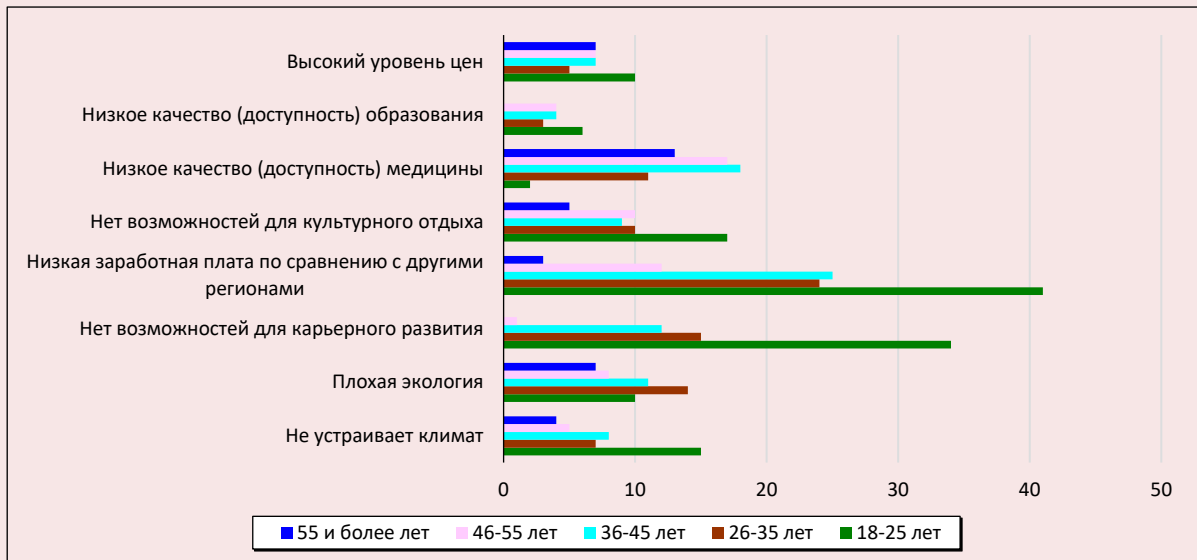
* Предлагалось выбрать один вариант ответа.

Составлено по: результаты социологического опроса.

мы качество и доступность медицинского обслуживания. Интересно, что суровый климат не играет существенной роли в списке причин, а это может говорить о превалировании в миграционных установках социально-экономиче-

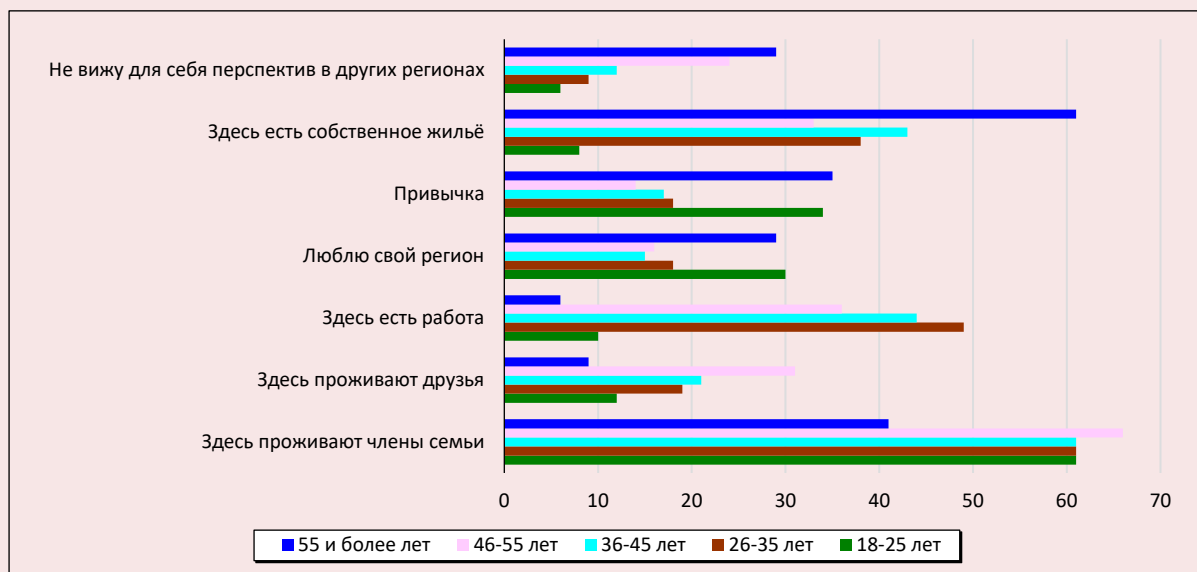
ских факторов над природно-экологическими. В свою очередь экономические причины (факторы) имеют больший вес, чем социальные. Далее рассмотрим основания, по которым люди остаются в регионе проживания (рис. 9).

Рис. 8. Возрастной срез причин миграционных установок жителей региона, количество ответов*

* Предлагалось выбрать не более трех вариантов ответа.
Составлено по: результаты социологического опроса.

Рис. 9. Возрастной срез причин установок населения на постоянное проживание в регионе, количество ответов*

* Предлагалось выбрать не более трех вариантов ответа.
Составлено по: результаты социологического опроса.

Для большинства респондентов основным мотивом остаться в регионе проживания является наличие семьи. Это вполне закономерно и объяснимо, поскольку, как показывают исследования, именно семья является наибольшей ценностью для всех возрастных групп населения (Цалко, 2024).

Вторым по популярности ответом, объясняющим установку на постоянное проживание, является факт наличия у респондентов собственного жилья. На третье место в списке причин жители региона трудоспособного возраста поставили «наличие работы». Интересным результатом является ярко выраженная тенденция выбора ответа «не вижу для себя перспектив в других регионах» с увеличением возраста респондентов. Отметим, что почти у 30% молодёжи одной из причин остаться в регионе выступает любовь к месту жительства, что вполне согласуется с результатами работы (Подоплекин, 2024).

Сравним полученные нами результаты с выводами учёных из Петрозаводска. По данным их исследования, в Архангельской области хотят остаться порядка 36% молодёжи (Симакова и др., 2024), по нашим данным — более 40%. Одной из причин миграции молодёжи в большинстве северных и арктических регионов России является отсутствие возможности получения высшего образования в родном городе. В случае Архангельской области это не совсем так, поскольку в региональном центре функционирует несколько вузов с большим перечнем специальностей. По нашим данным, Архангельская молодёжь, желающая переехать, меньше нацелена на действительный переезд — только один из трёх человек предпринимает какие-либо действия к реализации своих миграционных планов. При этом на Севере и в Арктике в целом такой показатель у молодёжи гораздо выше — действия в отношении переезда предпринимает два человека из трёх желающих (Симакова, 2024). Анализ результатов опроса показывает, что молодые люди в Архангельской области в большей мере настроены на проживание в родном регионе, чем молодёжь других северных и арктических субъектов РФ.

Следует отметить, что интерес исследователей к молодому поколению не случаен, ведь именно молодёжь является основой для формирования трудового потенциала региона в

перспективе. Однако в настоящее время трудовой потенциал северных регионов России характеризуется рядом негативных тенденций, причинами которых являются подростковая заболеваемость, связанная со спецификой монопрофильности населённых пунктов; безработица среди молодых квалифицированных специалистов; низкая комфортность проживания; малообеспеченность большого числа семей с детьми; избирательность мер в сфере социально-трудового партнёрства (Корчак, 2022).

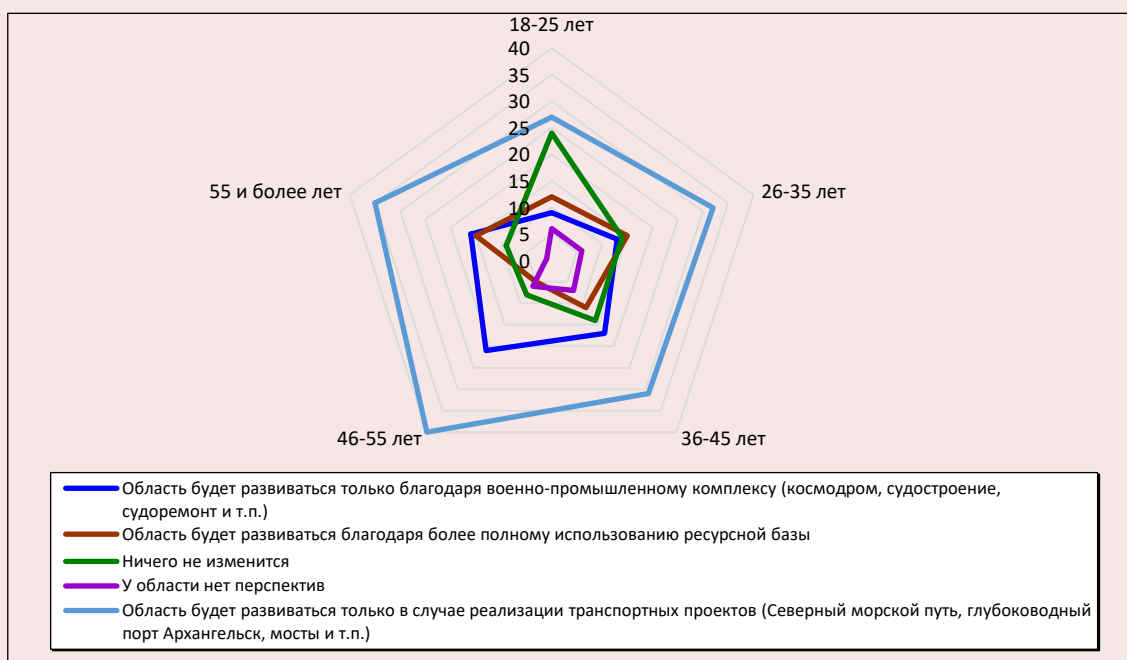
Одним из решений снижения миграционных установок молодёжи может стать более адресная и углубленная информационная работа органов власти о возможностях самореализации, предпочтениях для жителей Севера и Арктики (Степущ, Родион, 2025); сохранении существующих высших и средних учебных заведений, способствующих диверсификации регионального рынка труда (Фаузер, Смирнов, 2024).

Далее в ходе опроса определялось, как жители Архангельской области воспринимают текущую экономическую ситуацию и оценивают перспективы социально-экономического развития региона (рис. 10, 11).

Большинство жителей области (41,25% респондентов), невзирая на возраст, преимущественно видят драйвером развития региона транспортные (инфраструктурные) проекты. Второе место среди населения в возрасте 36 и более лет занимают проекты ВПК, а у лиц моложе 36 лет — проекты по использованию ресурсной базы. Стоит отметить, что 6,5% опрошенных в принципе не видят перспектив развития. Среди молодёжи группы «18–25 лет» резко выделяется мнение о том, что в будущем у региона ничего не изменится. Детализируя оценки перспектив развития, в анкете был предложен дополнительный вопрос: «Какие проекты необходимы Архангельской области для обеспечения социально-экономического развития?» (см. рис. 11).

Большинство респондентов (более 60% во всех возрастных группах) выделили инфраструктурные проекты как наиболее важные для развития региона. Особый интерес у молодёжи 18–25 лет вызывают проекты с высокой заработной платой и проекты перерабатывающих отраслей. При этом проекты с высокой заработной платой имеют значительный вес и в ответах

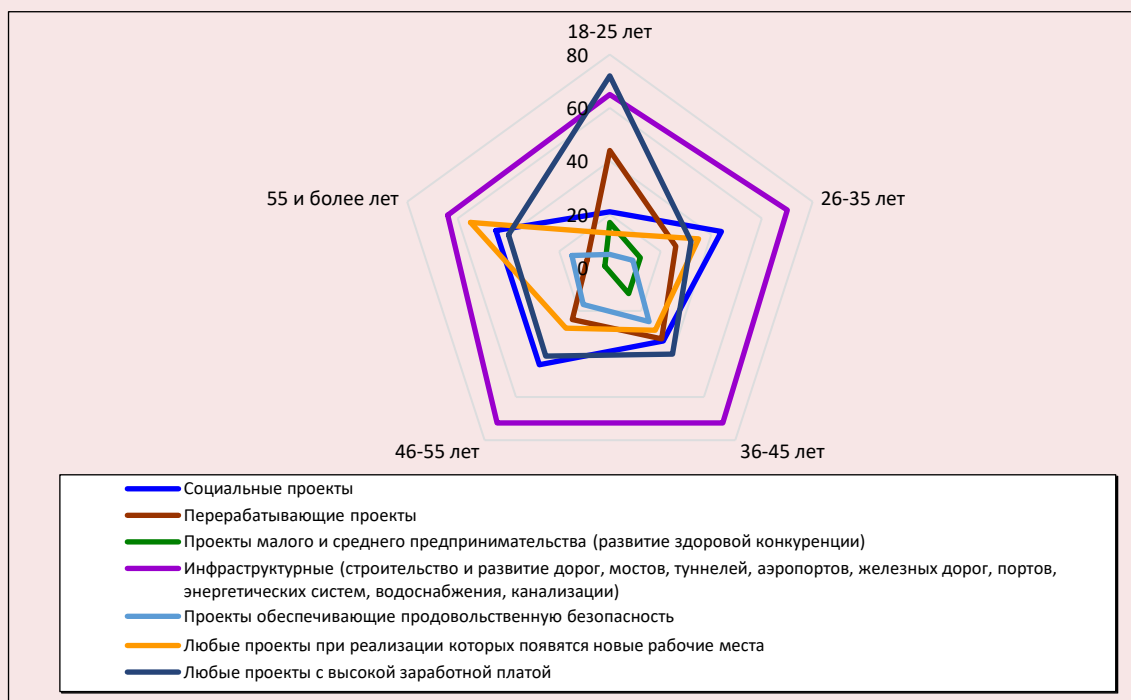
Рис. 10. Возрастной профиль оценок населения относительно перспектив развития Архангельской области, количество ответов*

* Предлагалось выбрать один вариант ответа.

Составлено по: результаты социологического опроса.

Рис. 11. Возрастной профиль оценок населения относительно проектов, необходимых для развития Архангельской области, количество ответов*

* Предлагалось выбрать не более трех вариантов ответа.

Составлено по: результаты социологического опроса.

представителей других возрастных групп. Наибольшее внимание к проектам, которые обеспечат новые рабочие места, уделяет возрастная группа «55 и более лет», остальные респонденты относятся к таким проектам с осторожностью. Несколько человек отметили, что новые рабочие места с большой вероятностью могут занять вахтовые рабочие или мигранты. Для успеха реализации таких проектов с точки зрения социального развития региона необходимы программы по привлечению местной молодёжи. Помимо вышесказанного большой интерес во всех группах (за исключением «18–25 лет») вызывают социальные проекты. На рисунке 11 не отмечены добывающие проекты, внимание которым уделили меньше 5% опрошенных.

В контексте особо выделяемой жителями региона важности транспортных (инфраструктурных) проектов приведем несколько комментариев из работ отечественных и зарубежных ученых. При рассмотрении транспортных проектов нельзя не отметить состояние автомобильных дорог. В Архангельской области лишь 6% дорог местного значения удовлетворяют нормативным требованиям, что говорит о необходимости не только их строительства и модернизации, но и возможности для альтернативного транспорта и мультимодальных перевозок (Кожевников, Патракова, 2024). Поэтому реализация всех значимых проектов Архангельской области (как в добывающих отраслях, так и в промышленном производстве, туризме и пр.) невозможна без подготовки и адаптации транспортно-логистической инфраструктуры региона (Тутыгин и др., 2024).

В связи с изменением климата (глобальным потеплением) и смещением геополитических векторов возрастают перспективы использования северных портов в рамках развития Северного морского пути (СМП). Иностранные учёные с вероятностью 80% прогнозируют, что к середине 2030-х гг. Северный Ледовитый океан станет свободным ото льда летом (Chen et al., 2025). Уже сейчас зарубежные партнеры рассматривают СМП как третий транспортный коридор наряду с Суэцким каналом и Китайской железной дорогой (Zhou et al., 2024). При реализации проекта СМП время доставки грузов в летне-осенний сезон между Северо-Западной Европой и Северо-Восточной Азией может сократить-

ся на 30–40%. Но сегодня, безусловно, СМП сложно конкурировать с Суэцким каналом не только по причине сурового климата, но и удалённости (в том числе и малой оснащённости) портов. Это преимущественно связано с необходимостью перевалки груза с одного судна на другое или выгрузки товаров для их дальнейшей доставки сухопутным транспортом (Hermann et al., 2022). В то же время иностранные специалисты отмечают, что для грузов, имеющих высокую временную ценность, СМП может стать достойной альтернативой сухопутному маршруту (Pruyn, Hassel, 2022). Но реализация проекта СМП сталкивается с рядом трудностей, самой значительной из которых является сложная ледовая обстановка, затрудняющая проход судов без участия ледоколов. На данный момент времени наиболее активная круглогодичная судходная деятельность наблюдается в портах Мурманск и Архангельск (Gunnarsson, 2021).

Порт Архангельск играет в реализации проекта СМП достаточно большую роль, поскольку обеспечивает не только транспортировку грузов, связанных с арктическими проектами, но и транспортировку продукции собственного производства (яркий пример – лесопромышленный комплекс). В контексте расширения порта Архангельск стоит рассматривать вероятное увеличение грузопотока (разработка месторождения Павловское, перевалка грузов из республик Карелия и Коми и Вологодской области). При этом порт Архангельск удалён от границ других государств, что делает его перспективной альтернативой для перевалки грузов (Мураев, Сушко, 2025).

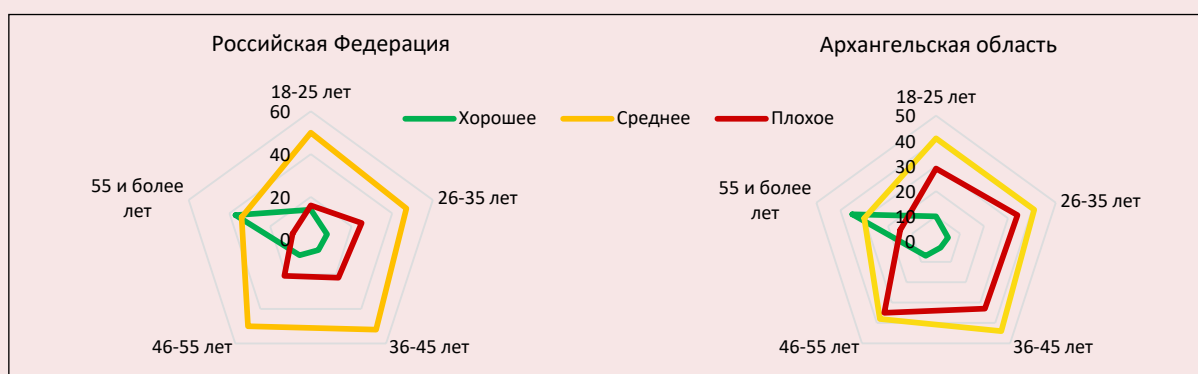
Несмотря на то, что исторически Архангельск связан с морским транспортом, не меньшую роль в социальном плане играет малая авиация, так как в некоторые отдаленные точки (в том числе островные) можно попасть только с помощью воздушного транспорта. Сегодня наблюдается острая нехватка малой авиации, причиной которой выступает проблема старения авиапарка и необходимость в замене ряда воздушных судов на новые (Носырев, 2024).

Рассмотрим мнение населения региона по поводу текущего экономического положения в России и Архангельской области, а также произошедших изменений в экономике за период 2022–2025 гг. (рис. 12, 13).

Большинство респондентов считают, что в настоящее время России в целом (около 50% ответов) и региону в частности (около 40% ответов) присуща средняя или удовлетворительная экономическая ситуация. При этом опрошенные (в особенности население 45–55 лет) в более негативном ключе воспринимают современное положение Архангельской области в сравнении с Россией в целом. По данному

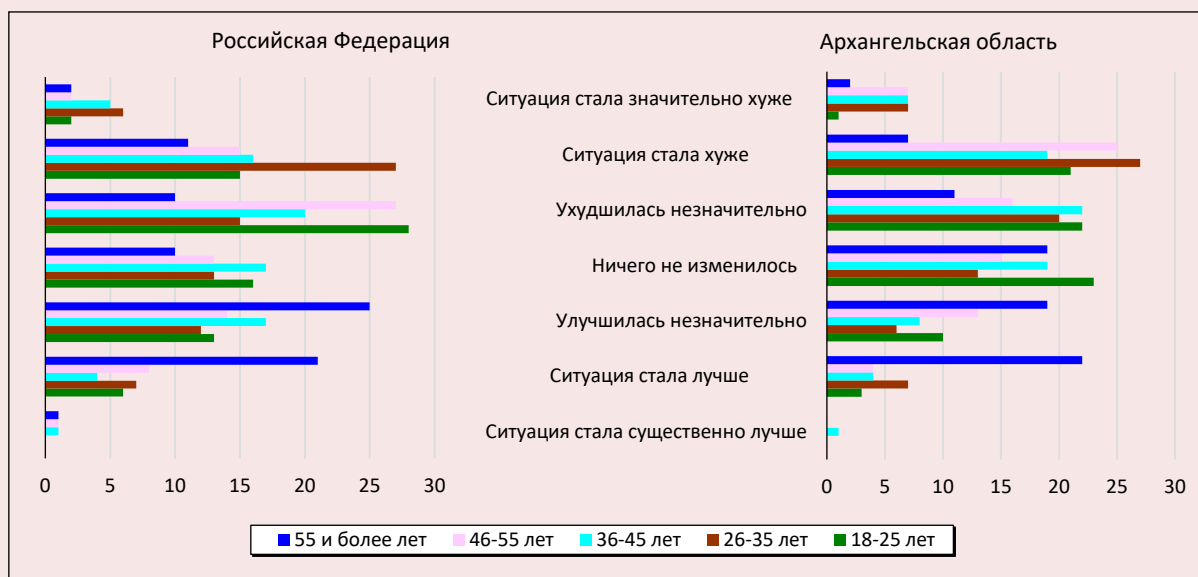
вопросу респонденты старше 55 лет резко выделяются своим позитивным мышлением среди остальных возрастных групп (негативные настроения присутствуют менее чем у 10% опрошенных данной категории). Отметим, что полученные оценки довольно схожи с ответами экспертов в области науки, государственного и муниципального управления и бизнеса, приведенными в работе (Хадыко, 2024).

Рис. 12. Возрастной профиль оценок населения относительно текущего экономического положения, количество ответов*

* Предлагалось выбрать один вариант ответа.
Составлено по: результаты социологического опроса.

Рис. 13. Возрастной профиль оценок населения относительно изменений экономической ситуации в регионе и стране за период 2022–2025 гг., количество ответов*

* Предлагалось выбрать один вариант ответа.
Составлено по: результаты социологического опроса.

В динамике большинство опрошенных замечают, что за три года ситуация в Архангельской области ухудшилась в большей степени, чем по стране в целом. У молодёжи и людей среднего возраста наблюдаются более пессимистичные оценки, чем у старшего поколения. Наши результаты вполне сопоставимы с выводами ряда зарубежных исследователей. Например, американские учёные выяснили, что пожилые люди в большей мере удовлетворены жизнью, они реже испытывают стресс и тревогу, смотрят на мир более позитивно и спокойнее воспринимают негативные жизненные ситуации⁸.

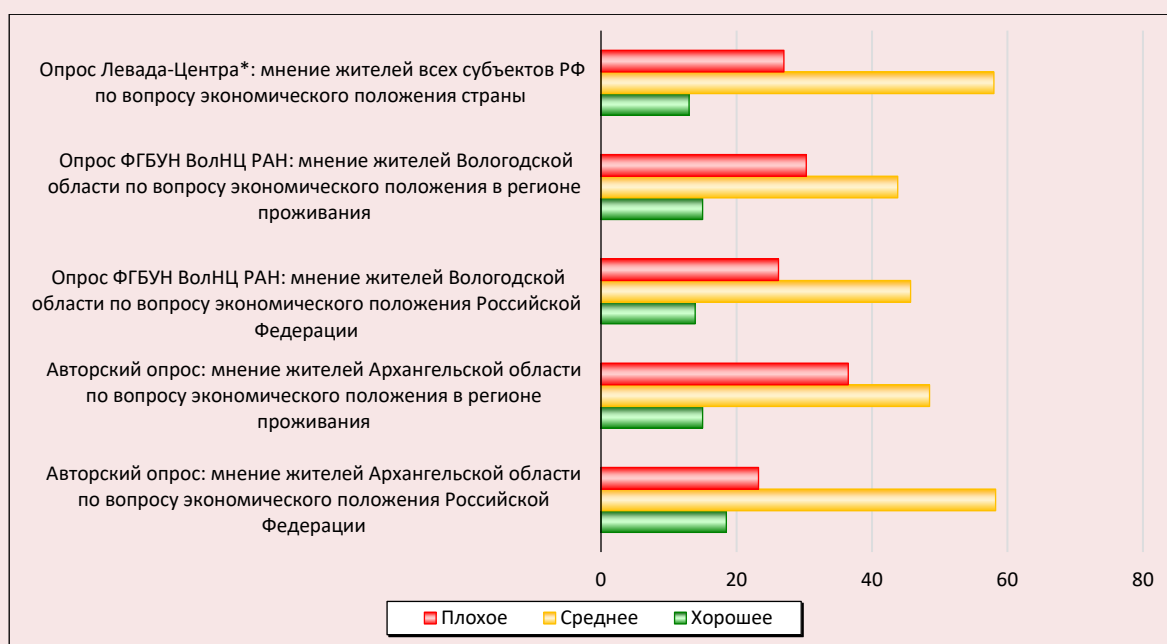
Несмотря на то что основной ценностью всех поколений является семья, другие ценностные ориентации в возрастных группах достаточно вариативны (Сергеев, 2023). Для молодёжи более характерны ценности самосто-

ятельности в мышлении, а для более взрослого поколения – традиционности (Федотова, 2017). Старшее поколение россиян пережило распад СССР, оно наименее требовательно к жизни и наиболее подвержено влиянию средств массовой информации.

Похожие вопросы об экономическом положении России были заданы в ходе массовых опросов, проведенных вологодскими учеными (Морев, Леонидова, 2025) и московскими специалистами (рис. 14).

Региональный срез мнений жителей (Вологодская и Архангельская области) об экономической ситуации в месте проживания показывает явное преобладание плохих оценок над хорошими. Большинство опрошенных ставит среднюю оценку текущему экономическому положению. При этом респонденты как Архангельской, так и Вологодской области более

Рис. 14. Мнения респондентов о текущем экономическом положении в РФ и регионе проживания, %

Составлено по: Оценки экономического и политического положения России в январе 2026 года // Левада-Центр*. URL: <https://www.levada.ru/2026/02/19/otsenki-ekonomicheskogo-i-politicheskogo-polozeniya-rossii-v-yanvare-2026-goda/print/> (дата обращения: 14.03.2026); (Морев, Леонидова, 2025); результаты социологического опроса.

* Левада-Центр внесен в реестр иностранных агентов.

⁸ Психологи выяснили, что пожилые люди смотрят на жизнь позитивнее молодежи // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/science/2016/03/01/psikhologi-vyyasnili-chto-pozhilye-lyudi-smotryat-na-zhizn-pozitivnee-molodezhi.html> (дата обращения: 18.03.2026); Научно доказано, что старость – радость // Московский комсомолец. URL: <https://www.mk.ru/science/2016/08/30/nauchno-dokazano-chto-starost-radost.html> (дата обращения: 18.03.2026).

позитивно оценивают экономическое положение Российской Федерации, чем своих регионов. Архангельская и Вологодская области имеют существенные различия в социально-экономическом плане (например, в российском рейтинге социально-экономического развития среди 85 субъектов РФ в 2024 году Вологодская область занимала 32 место, а Архангельская — 59), но жители этих регионов демонстрируют схожие оценочные мнения⁹. Вместе с тем данное сходство носит предварительный характер: экономики двух регионов существенно различаются по отраслевой структуре (в Вологодской области доминируют чёрная металлургия, химическое производство, сельское хозяйство, тогда как в Архангельской области — лесопромышленный комплекс, судостроение и машиностроение), уровню бюджетной обеспеченности и месту в рейтинге социально-экономического развития, поэтому близость субъективных оценок населения следует трактовать осторожно — скорее, как отражение общих макроэкономических и иных факторов. Корректное объяснение этого феномена с учётом структурных различий экономик вполне может стать предметом дальнейших научных исследований.

Выводы

В работе выявлена проблема несоответствия социальных ожиданий населения транслируемому органами власти видению «образа будущего» региона. Скорее всего, такое противоречие объясняется недостаточной уверенностью населения в завтрашнем дне в силу ряда при-

чин социально-экономического характера, а именно обусловлено невысокими заработными платами (относительно других северных регионов и регионов Центрального федерального округа России), падением доходов, стагнацией роста экономики, сокращением численности предприятий и рабочих мест, ухудшением качества жизни и т. д. Подтверждением этому является невыполнение плановых показателей социально-экономического развития, отраженных в стратегических документах региона. Особую тревогу вызывает демографическая ситуация — снижение численности населения Архангельской области за счет естественной убыли и миграционных установок на выезд из региона.

В связи с этим авторы считают, что одним из решений указанной проблемы должна стать не только реализуемая идеология нацестроительства, но и повышение ответственности ключевых фигур региональных органов власти за недостижение плановых показателей разработанных стратегий. В заключение хотелось бы выразить надежду и определенный оптимизм, что в качестве возможностей решения ставших уже системными проблем органам власти Архангельской области в среднесрочной и долгосрочной перспективе всё же удастся реализовать лучшие практики проектного управления для привлечения в регион новых инвесторов и сформировать сеть опорных населенных пунктов, позволяющих закрепить жителей на северных территориях и обеспечить стабильность социально-экономического развития.

Литература

- Воронина Л.В., Варфоломеев А.А. (2025). Динамический анализ устойчивого развития алмазодобывающей компании «Алроса» // Экономические науки. № 249. С. 52–57. DOI: 10.14451/1.249.52
- Волкова Е.Н. (2014). Методологические проблемы статистической оценки социально-экономического развития регионов // Статистика и экономика. № 6–2. С. 399–402.
- Кожевников С.А., Патракова С.С. (2024). Транспортная связность северных регионов России: проблемы и инструменты обеспечения // Проблемы развития территории. Т. 28. № 3. С. 50–66. DOI: 10.15838/ptd.2024.3.131.4
- Корчак Е.А. (2022). Социально-трудовой потенциал молодёжи российской Арктики: проблемы воспроизводства // Арктика и Север. № 48. С. 119–143. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.119
- Кузнецова М.Н., Васильева А.С. (2023). Демографическая ситуация в Архангельской области: анализ, пути решения // Арктика и Север. № 51. С. 212–232. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.212

⁹ Рейтинг российских регионов по социально-экономическому положению. URL: <https://ria.ru/20250623/rejting-2023127995.html> (дата обращения: 15.04.2026).

- Лаженцев В.Н. (2025). Социально-экономические проблемы Европейского Севера России и географический аспект их решения в современных условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 1. С. 80–88. DOI: 10.15838/esc.2025.1.97.4
- Лаженцев В.Н. (2024). Перемены в минерально-сырьевой экономике севера России // Проблемы прогнозирования. № 1 (202). С. 208–216. DOI: 10.47711/0868-6351-202-208-216
- Лебедева М.А. (2020). Проблемы управления рациональным использованием природно-ресурсного потенциала северного региона // Экономический журнал. № 2 (58). С. 20–37.
- Логинов В.Г. (2024). Новые районы Арктики: оценка природно-ресурсного и человеческого потенциала // Известия Уральского государственного горного университета. № 4 (76). С. 138–150. DOI: 10.21440/2307-2091-2024-4-138-150
- Маршова Т.Н. (2017). Принципы формирования статистических данных для анализа и прогноза социально-экономического развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. № 2 (14). С. 25–36.
- Морев М.В., Леонидова Е.Э. (2025). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2025 года // Проблемы развития территории. Т. 29. № 6. С. 224–231. DOI: 10.15838/ptd.2025.6.140.13
- Мураев И.Г., Сушко О.П. (2025). Диверсификация экспорта лесного комплекса Архангельской области // Арктика и Север. № 58. С. 47–64. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.58.47
- Мураев И.Г., Сушко О.П. (2025). Перспективы развития Северного морского пути и логистики через морской порт Архангельск // Арктика и Север. № 60. С. 98–123. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.60.98
- Мякшин В.Н., Петров В.Н., Песьякова Т.Н. (2024) Определение региональных отраслевых приоритетов на основе ключевых точек инвестиционного роста // Экономика региона. Т. 20. № 3. С. 867–883. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-3-17
- Мякшин В.Н., Шапаров А.Е., Тиханова Д.В. (2021). Совершенствование оценки туристского потенциала субъектов Арктической зоны РФ // Экономика региона. Т. 17. № 1. С. 235–248. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-18
- Носырев Н.С. (2024). Стратегическая роль малой авиации в транспортно-логистической системе Северного региона (на примере Архангельской области и Ненецкого автономного округа) // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. Т. 12. № 4 (67). С. 98–115. DOI: 10.34220/2308-8877-2024-12-4-98-115
- Носырев Н.С., Урыков В.А., Чиждова Л.А. (2022). Трансформация транспортно-логистических схем арктических городов и приоритеты промышленной политики региона (на примере Архангельской агломерации) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 3 (70). С. 133–141. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-3-133-141
- Онякова А.М. (2020). Роль алмазодобывающей промышленности в экономической деятельности Архангельской области // Тенденции развития науки и образования. № 63–4. С. 64–68. DOI: 10.18411/lj-07-2020-121
- Подоплекин А.О. (2024). Российская политика нациестроительства и историческая память городской молодёжи Арктической зоны РФ (по данным соцопросов в Поморье) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 2. С. 240–246. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-2-240-246
- Самарина В.П., Скуфьина Т.П. (2025). Динамика и факторы изменения заработной платы в Архангельской области: тенденции и перспективы // Проблемы развития территории. Т. 29. № 3. С. 131–145. DOI: 10.15838/ptd.2025.3.137.8
- Секушина И.А., Крюков И.А. (2025). Стратегическое управление развитием северных городских агломераций России: нормативно-правовые и организационные аспекты // Север и рынок: формирование экономического порядка. Т. 28. № 2 (88). С. 51–68. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2025.88.004
- Сергеев В.Д. (2023). Анализ ценностей современной молодёжи и старшего поколения // Наука через призму времени. № 8 (77). С. 32–35.
- Симакова А.В., Хотеева Е.А., Степуть И.С., Аверьянов А.О. (2024). Региональный аспект миграционных установок молодёжи в российской Арктике // Народонаселение. Т. 27. № 1. С. 136–152. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-136-152
- Степуть И.С., Родион И.В. (2025). Миграция населения Российской Арктики в зеркале СМИ // Арктика и Север. № 60. С. 241–262. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2025.60.241

- Тутыгин А.Г., Чинова Л.А., Носырев Н.С. (2024). Социальная функция транспортного потенциала территории (на примере Архангельской агломерации) // Региональные проблемы преобразования экономики. № 11 (169). С. 263–275. DOI: 10.26726/rppe2024v11tsfot
- Тутыгин А.Г., Коробов В.Б., Лохов А.С., Чинова Л.А. (2024). Экспертно-аналитические технологии в исследованиях социо-эколого-экономических объектов: монография. Архангельск: КИРА. 232 с.
- Ушакова Т.Н., Зыкова Н.В., Худякова О.Н., Малинина Е.С., Четверикова Т.Н. (2025). Социально-экономическое развитие Архангельской области: проблемы и тенденции // Экономика и предпринимательство. № 10 (183). С. 608–614. DOI: 10.34925/EIP.2025.183.10.099
- Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2024). Многомерная демография: новый подход к оценке человеческих ресурсов российского Севера // Экономика региона. Т. 20. № 2. С. 395–411. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-4
- Фаузер В.В., Смирнов А.В. (2025). Дифференциация демографических процессов на российском Севере по типам поселений // Экономика региона. Т. 21. № 4. С. 1122–1138. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-4-14
- Федотова В.А. (2017). Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. № 1 (29). С. 78–86. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-78-86
- Хадыко А.И. (2024). Развитие арктических территорий России: экономические тренды и социальные ожидания // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 11. № 11. С. 141–152. DOI: 10.36871/ek.ur. p. r. 2024.11.11.017
- Цалко Е.О. (2024). Возрастная стереотипизация ценностей поколений // PolitBook. № 3. С. 83–95. DOI: 10.24412/2227-1538-2024-3-83-95
- Яхьяев Д.Б., Жаринова В.А. (2025). Малое и среднее предпринимательство Архангельской области: тенденции и перспективы // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 6 (186). С. 70–75. DOI: 10.34773/EU.2025.6.11
- Chen X., Lin Q., Shu Ya., Yap W.Y., Feng H. (2025) Climate policy and the future of arctic shipping: Economic and environmental trade-offs between the Northern Sea Route and the Suez Canal under new emission regulations. *Regional Studies in Marine Science*, 92, 104597. DOI: 10.1016/j.rsma.2025.104597
- Gunnarsson B. (2021). Recent ship traffic and developing shipping trends on the Northern Sea Route – policy implications for future arctic shipping. *Marine Policy*, 124, 104369. DOI: 10.1016/j.marpol.2020.104369
- Hermann R.R., Lin N., Lebel Ju., Kovalenko A. (2022). Arctic transshipment hub planning along the Northern Sea Route: A systematic literature review and policy implications of Arctic port infrastructure. *Marine Policy*, 145, 105275. DOI: 10.1016/j.marpol.2022.105275
- Pruyn J.F.J., Hassel E. (2022). The impact of adding the Northern sea route to the Belt and Road Initiative for Europe: A chain cost approach. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 15, 100659. DOI: 10.1016/j.trip.2022.100659
- Zhou Yu., Li Zh., Duan W. (2024). Exploring the dynamic impact of the Northern Sea Route on China-Europe multimodal transportation competition in the context of the Belt and Road Initiative. *Ocean & Coastal Management*, 257, 107346. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2024.107346

Сведения об авторах

Людмила Александровна Чинова — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, Никольский пр-т, д. 20; e-mail: chijova.mila@yandex.ru)

Анна Ивановна Хадыко — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН (Российская Федерация, 163020, г. Архангельск, Никольский пр-т, д. 20; e-mail: AnnaaRegeta@yandex.ru)

Chizhova L.A., Khadyko A.I.

Specifics of the Socio-Economic Development of a Northern Region: Strategies and Expectations (the Case of the Arkhangelsk Region)

Abstract. Drawing on the case of the Arkhangelsk Region, this article uses methods of economic-statistical and sociological analysis to uncover various aspects of the contemporary socio-economic development of a typical northern region. The findings indicate that the situation in the Arkhangelsk Region continues to deteriorate: the region's share of the country's gross regional product is declining, as are the size of its population and the number of its enterprises. Drawing on expert interviews conducted by the authors in 2025, three groups of investment projects of the greatest strategic importance for the region were identified: 1) "transport and logistics"; 2) "utilization of the resource base"; 3) "the military-industrial complex and shipbuilding". Examples of projects within each group, as set out in the territory's long-term development plans, are examined. However, given the time lag between investment and economic return, and given that most of the projects are still in their early stages of implementation, no substantial improvement in the socio-economic indicators of the Arkhangelsk Region can be expected in the medium term. The article also presents the findings of a representative mass survey of the region's residents. The aim of the survey was to obtain subjective assessments of the current socio-economic situation in the country and the region and to identify the public's vision of the key directions for the territory's development. The majority of respondents consider the current economic situation in the Russian Federation, and in the region in particular, to be satisfactory. At the same time, those surveyed perceive the current economic position of the Arkhangelsk Region in a more negative light than that of Russia as a whole. The study reveals a mismatch between the population's social expectations and the vision of the region's "image of the future" that is being put forward by the authorities. The practical significance of the study lies in the possibility that its results might be used by the authorities as an information base for adjusting the goals and objectives of regional economic policy.

Key words: Arkhangelsk Region, North, Arctic, regional economy, socio-economic development, project management, expert assessments, sociological survey.

Information about the Authors

Lyudmila A. Chizhova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, head of laboratory, N.P. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: chijova.mila@yandex.ru)

Anna I. Khadyko – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, N.P. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (20, Nikolsky Avenue, Arkhangelsk, 163020, Russian Federation; e-mail: AnnaaRegeta@yandex.ru)

Статья поступила 18.05.2026.

Рейтинговая оценка состояния агропрома Урала: узловые проблемы и возможные точки роста

Андрей Александрович

МАЛЫЦЕВ

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: maltsevaa@list.ru

ORCID: 0000-0002-3774-6311; ResearcherID: R-9328-2016

Сергей Валерьевич

ЧИЧИЛИМОВ

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3681-4279

Аннотация. Агрокомплекс России в последние годы, несмотря на обострение внешних «раздражителей», таких как общие проблемы глобального сельского хозяйства, ухудшение конъюнктуры продовольственных рынков, ужесточение «первой мировой продуктовой войны», все активнее превращается в системообразующий сектор экономики страны и может рассматриваться не только как поставщик продовольствия и ресурсов для многих отраслей экономики, но и как инициатор разработки и потребитель критически важных high-tech решений и прорывных индустриальных технологий, способных купировать многие глобальные вызовы современности. Рассмотрение конкретики разворачивающихся в последние годы в агропроме страны процессов с целью выявления узловых проблем и возможных точек дальнейшего роста в складывающихся

Для цитирования: Мальцев А.А., Чичилимов С.В. (2026). Рейтинговая оценка состояния агропрома Урала: узловые проблемы и возможные точки роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 86–104. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.5

For citation: Maltsev A.A., Chichilimov S.V. (2026). A rating assessment of the condition of the Urals' agro-industrial complex: Key problems and potential growth points. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 86–104. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.5

геоэкономических реалиях крайне редко — вследствие трудоемкости процесса и сложности сбора первичной информации — выполняется на срезе его микроуровня, то есть с позиций предприятий сельского хозяйства и пищевой промышленности. В этом плане авторами предпринята одна из первых попыток провести соответствующее исследование на примере 585 предприятий агропромышленного комплекса Урала в составе 7 субъектов федерации (Республика Башкортостан, Челябинская, Оренбургская, Курганская области и три региона Нечерноземья — Удмуртская Республика, Пермский край и Свердловская область). Еще в 2000 году он занимал второе место среди 11 экономических районов страны по валовому сельскохозяйственному производству (14,07%) и выпускал почти 1/10 продовольствия РФ (8,78%), но за последующую четверть века утратил часть позиций в этой иерархии (до 10,81 и 7,13% в 2024 году соответственно). Главным методическим инструментарием выступило впервые проведенное рейтинговое предприятие агропрома Урала, информационной базой которого послужили открытые данные «Системы профессионального анализа рынков и компаний». В общей сложности за период 2018–2024 гг. в разрезе каждого года в отдельности составлено по 7 рейтингов: топ-400 лидеров агропромышленного комплекса Урала по выручке от реализации, топ-100 лидеров сельского хозяйства, топ-100 лидеров пищевой промышленности (по объему реализации продукции), топ-100 лидеров по чистой прибыли, топ-100 лидеров по рентабельности, рейтинг проблемных зон (50 предприятий сельского хозяйства и пищевой промышленности с наибольшим чистым убытком от хозяйственной деятельности по итогам года), рейтинг 100 лидеров по производительности труда. Исходя из поставленных задач, выявлены ключевые рискнесущие проблемные зоны и возможные точки роста уральского агропромышленного бизнеса. В силу концентрации внимания авторов на временном отрезке 2018–2024 гг. логика исследования потребовала предварить разговор краткой характеристикой ключевых глобальных вызовов, сказывающихся на развитии мирового аграрного сектора в текущем периоде, и основных результатов перепозиционирования сельского хозяйства в экономике современной России. Полученные результаты могут быть использованы специалистами-практиками в процессе подготовки конкретных решений при уточнении «дорожной карты» дальнейшего развития агропромышленного комплекса страны и Урала в частности.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, пищевая промышленность, рейтинг, сельское хозяйство, устойчивый экономический рост.

Аграрный сектор мировой экономики в новой геоэкономической реальности

К третьему десятилетию XXI века глобальное сельское хозяйство столкнулось с целым рядом вызовов. Из главных выделим, во-первых, резкое снижение среднегодовых темпов прироста общей факторной производительности с 1,7% в 1990-е и 2,0% в 2000-е гг. до 1,1% в 2010-е (Fuglie et al., 2024) и 0,7% в 2020-е гг. (Nakelse, Thompson, 2025, p. 15) при необходимости их, как минимум, удвоения (Ortiz-Bobea et al., 2021, p. 310), чтобы обеспечить продовольствием растущее (по прогнозам к 2050 году до 9,6 миллиарда человек) население Земли (Adam, 2021, p. 463). Во-вторых, зафиксированное впервые в наблюдаемом статистикой периоде сокращение глобальной площади сельскохозяйственных угодий за 2001–2023 гг. более чем на 2% (Cattaneo et al., 2024, p. 473), на что

наложилось ускорение деградации сельскохозяйственных земель (Wuepper, 2021; Nkonya et al., 2024), признанное FAO «критической проблемой» („recognized land degradation as a critical challenge”), к 2025 году влиявшей на качество жизни более 1,7 миллиарда человек по всему миру¹. В-третьих, обострение проблемы обеспечения пресной водой (Pierri et al., 2025), 70% которой, по данным FAO, к третьему десятилетию XXI века в мире использовалось в сельском хозяйстве, при невозможности дальнейшего расширения водопотребления отраслью, прежде всего из-за неэффективного ее расходования (Su et al., 2025). В-четвертых, ускорение старения фермеров (Barbier, di Falco, 2021).

¹ FAO. The State of Food and Agriculture 2025. URL: <https://openknowledge.fao.org/items/dd568913-8938-4705-96c4-3f0ebb2a22b6> (дата обращения: 12.01.2026).

Так, по данным FAO, доля занятых в сельском хозяйстве старше 55 лет за 2005–2023 гг. выросла в Бразилии с 19,2 до 23,2%, в Индии – с 15,2 до 22,7%, в КНР – с 25,4 до 30,1%, в США – с 30,1 до 33,9%². В-пятых, вхождение мировых рынков продовольствия (прежде всего зерна) в период низких цен и жесткой конкуренции. Так, на 1 июня 2025 года среднемировая цена 1 метрической тонны пшеницы равнялась 174,78 долл. против 436,85 долл. на 1 июня 2022 года, при этом среднегодовой темп падения цен за 2016–2025 гг. составил 4,3%, ускорившись в последние три года до 26,3%³. Ситуацию усложняют традиционно высокие ввозные пошлины на продовольствие. Средневзвешенная среднемировая ставка импортного тарифа на сельскохозяйственную продукцию (за периметром действия преференциальных режимов), составившая 15,7% в 2023 году, немного снизившись с 17,2% в 2012 году, почти вчетверо превышала соответствующую ставку для готовой обработанной продукции – 4,1% (4,2% в 2012 году)⁴, что дает основания экспертам говорить о развернувшейся в середине 2020-х гг. «первой мировой продуктовой войне»⁵.

Серьезность названных вызовов подтверждается экспертным сообществом. Так, в числе шести наиболее приоритетных подцелей устойчивого развития до 2030 года специалисты ООН наряду с повышением качества образования и здравоохранения, расширением цифровизации и пр. выделяют обеспечение устойчивости сельского хозяйства⁶ во всех регионах

мира, а не только в наиболее бедных странах. В 2025 году эксперты Всемирного экономического форума прямо увязали укрепление сопротивляемости хозяйственной системы страны („strengthen domestic economic resilience”) с развитием стратегических отраслей – энергетики, аграрного сектора и ОПК („developing greater self-sufficiency in key strategic sectors such as Energy, Agriculture, and Defense”)⁷.

Эти выводы опираются на конкретные статистические данные. В частности, замедление мировой экономики – с 3,4% среднегодового прироста глобального ВВП в 1995–2009 гг. до 3,3% в 2010–2023 гг. – во многом предопределило снижение среднегодового прироста глобального сельскохозяйственного производства с 5,7 до 4,2%⁸. Еще ярче эта корреляционная зависимость просматривается на обновлении состава десятки лидеров мировой экономики. Так, Китай, абсолютный мировой лидер по объему сельскохозяйственного производства, к 2023 году (единственный представитель топ-10 по итогам 1995 года) сумел не только практически удвоить свой вклад в глобальное агропроизводство (с 17,2 до 33,2%), но и параллельно нарастить удельный вес в глобальном ВВП (с 2,4 до 17,1%). США, абсолютному лидеру мировой экономики по номинальному ВВП (28,3% в 2023 году), удалось в рассматриваемом периоде удержать первенство (24,5% в 1995 году) и при сокращении доли в мировом сельскохозяйственном производстве с 10,3 до 9,0% остаться номером один по экспорту продовольствия (195,2 млрд долл. в 2024 году⁹). Германия за тот же период, почти вдвое снизив вклад в глобальный ВВП – с 8,3 до 4,3%, одновременно сдала позиции в мировом промышленном выпуске (переместившись с третьего на четвертое место) и сельскохозяйственном производ-

² FAO Stat. Employment Indicators: Agriculture and Agri-food Systems. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/OEA> (дата обращения: 12.01.2026).

³ Inflation Adjusted Price of Wheat. URL: https://www.gurufocus.com/economic_indicators/4555/inflation-adjusted-price-of-wheat (дата обращения: 14.01.2026).

⁴ UNCTAD. Global Trade Update. March 2025. Policy Insights. The Role of Tariffs in International Trade. 23 p. P. 4.

⁵ Лабыкин А. (2025). Первая мировая продуктовая война // Эксперт. № 16. С. 17.

⁶ “To a great extent, sustainable development is a long-term investment challenge... major investment priorities include quality education, universal health coverage, zero-carbon energy, systems, sustainable agriculture, urban infrastructure, and digital connectivity.” Подробнее см.: UN. Sustainable Development Report 2024.

The SDGs and the UN Summit of the Future. Dublin University Press: Dublin, 2024. URL: <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2024/sustainable-development-report-2024.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).

⁷ WEF. The Global Risks Report 2025. 20th Edition. WEF Press: Geneva, 2025. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2025.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

⁸ World Bank Data. GDP Growth (%). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD>; FAO Stat. Production. Crops and Livestocks. Value. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL> (дата обращения: 14.01.2026).

⁹ UN Comtrade Statebase. URL: <https://statbase.ru/datasets/trade/food-exports-share/?year=last&frmreq=495954&spoc=sum&filter=&sort=> (дата обращения: 14.01.2026).

стве (выбыв из топ-10 уже в 2000 году и заняв 13-ю позицию в 2023 году). Япония, оставаясь в десятке стран-лидеров мировой экономики, ее промышленного и аграрного секторов, за 1995–2023 гг. почти синхронно в 5 раз снизила свою долю в глобальном ВВП с 17,7 до 3,9% и мировом сельскохозяйственном производстве с 8,5 до 1,6%¹⁰.

В этом плане представляет интерес перепозиционирование аграрного сектора России. Если в 1991 году, по оценке FAO (в текущих ценах в долларовом эквиваленте), СССР занимал первую строчку в глобальной иерархии (11,2% валового сельскохозяйственного производства), то уже по итогам 1992 года Российская Федерация перешла на пятое место (4,2%), а в 2023 году оказалась на шестом (1,9%)¹¹. В этих условиях оценка возможностей агропромышленного комплекса (АПК) России переломить сложившийся негативный тренд требует детальной проработки современных реалий, складывающихся на макро- и микроуровнях, и представляет практический интерес.

Изменение роли сельского хозяйства в экономике современной России

Российский агропромышленный комплекс в пореформенный период продемонстрировал невероятное «единение в двух лицах». С одной стороны, на этапе входа в рынок сектор понес, пожалуй, наибольшие материальные и финансовые потери. Так, за 1990–2000 гг. физический объем основных фондов в экономике страны, пусть едва заметно, но увеличился на 5,4%, в том числе в промышленности — на 5,8%, а в сельском хозяйстве снизился на 14,3%. За десятилетие 1990-х гг. было потеряно 50,9% поголовья крупного рогатого скота, 59% — свиней, 47,6% — птицы¹². Это результат прежде всего недоинвестирования аграрного сектора. При сокращении физического объема инвести-

ций в основной капитал страны в целом на 3/4 (в сопоставимых ценах капитальные вложения в экономику в 2000 году составляли 25,8% от уровня 1990 года) доля сельского хозяйства в общем инвестиционном потоке сжалась с 15,9% до 3,5% в 1995 году и 2,6% 2000 году¹³. Финансовые потери аграрного сектора оказались еще более значительными. Так, сальдированный финансовый результата (СФР / прибыль — минус убыток) в сельском хозяйстве в 1990 году уступал показателю промышленности в 2,6 раза, в 2000 году — в 42,7 раза, а в 1994, 1996–1998 гг. вообще уходил «в минус» (с долей убыточных предприятий, взлетевшей с 10,0% в 1993 году до 76,5–84,4% от их общего числа в секторе в 1996–1998 гг.)¹⁴, сводя до минимума инвестиционный потенциал производителей товарной сельскохозяйственной продукции. В условиях продолжавшегося год за годом перераспределения создаваемой добавленной стоимости в пользу других отраслей экономики сокращение валового сельскохозяйственного производства (ВСХП) за 1990-е гг. (на 38,1%) оказалось меньшим, чем в промышленности в целом (на 45,7%)¹⁵. Самортизировать падение производства помогло, в частности, более плавное сокращение среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве за 1990–2000 гг. на 14,0% (с 9,7 до 8,4 млн человек) против 14,6% в целом по народному хозяйству (с 75,3 до 64,3 млн человек) и 36,2% (с 22,8 до 14,5 млн человек) в деиндустриализовавшейся промышленности¹⁶.

С другой стороны, аграрный сектор продемонстрировал едва не реактивность отклика на увеличение государственной поддержки со второй половины 2000-х гг. За период реализации (2011–2020 гг.) первого варианта Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации от 2010 года¹⁷, когда доля сельского хозяйства в суммарных расходах консолидированного бюджета стабильно превышала 1% при 1,49% в 2010 году и 1,0% в 2020 году (макси-

¹⁰ World Bank Data. GDP (Current US\$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.CD>; FAO Stat. Production. Crops and Livestocks. Value. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL> (дата обращения: 12.01.2026).

¹¹ FAO Stat. Production. Crops and Livestocks. Value. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL> (дата обращения: 14.01.2026).

¹² Рассчитано по: Российский статистический ежегодник (РСЕ) 2001: стат. сб. М.: Госкомстат, 2020. С. 305, 416.

¹³ Рассчитано по: РСЕ 2001. С. 569–570.

¹⁴ Рассчитано по: РСЕ 2001. С. 546–547.

¹⁵ Рассчитано по: РСЕ 2001. С. 337, 396.

¹⁶ Рассчитано по: РСЕ 2001. С. 141.

¹⁷ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 5. Ст. 502.

мальные 2,81% фиксировались в 2000 году)¹⁸, валовое сельскохозяйственное производство увеличилось на 49,7% по сравнению с ростом валового промышленного производства на 21,6% и ВВП на 11,8%¹⁹. Даже в 2021–2023 гг., на начальном этапе реализации второго варианта Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации от 2020 года²⁰, когда среднегодовой объем господдержки аграрного сектора в 230 млрд рублей (в постоянных ценах 2012 года) — по известным причинам — снизился с 282,9 млрд рублей в среднем за 2012–2020 гг. или почти на 1/5²¹, прирост ВСХП превзошел динамику ВВП (плюс 10,8% против 9,0%)²².

Именно в период реализации Доктрины продовольственной безопасности РФ «заработали» интенсивные факторы роста аграрного сектора и наметился рост урожайности в растениеводстве, надоев молока и привесов скота, яйценоскости кур и т. д. Так, за 2000–2023 гг. урожайность зерновых и зернобобовых увеличилась в 2,0 раза (с 15,6 до 31,0 ц/га), надой молока на одну корову — в 2,1 раза (с 2502 до 5322 кг/год), среднегодовая яйценоскость кур-несушек в сельскохозяйственных организациях — в 1,2 раза (с 264 до 313 шт.)²³. Кроме того, удалось переломить нисходящий тренд применения минеральных удобрений. Удельный вес посевных площадей с внесенными минеральными удобрениями возрос с 27% в 2000 году до 72% в 2023 году при увеличении их суммарного использования с 1,4 до 3,5 млн т, что, впрочем, в три раза уступало показателю 1990 года (9,9 млн т). Нельзя также не признать, что при двукратном росте годового производства мине-

ральных удобрений с 12,2 до 25,9 млн т в пересчете на 100% питательного вещества удельный вес отечественного сельского хозяйства в их потреблении практически не изменился: 13,5% в 2023 году по сравнению с 11,5% в 2000 году²⁴.

В отличие от наметившихся сдвигов в химизации аграрного сектора не удалось «расшить» другое узкое место — резко снизившуюся (с 240,0 млн л. с. в 2000 году до 92,3 млн л. с. в 2023 году) энерговооруженность сельского хозяйства (пиковая «отсечка» — 419,7 млн л. с. — пройдена в 1990 году)²⁵. Как итог, если в 1990 году на 1000 га пашни в РФ приходилось 10,7 трактора, в 2000 году — 7,4, то в 2023 году — только 3²⁶. Для сравнения: в США этот показатель равен 26 ед., во Франции — 71, не говоря о большей средней мощности и других технических характеристиках западной техники, на долю которой до 2021 года суммарно приходилось 60–65% всего объема ее продаж на российском рынке (Фролова, 2025, с. 36–37). Здесь, правда, первопричины очевидны. Так, пореформенные проблемы отечественного сельскохозяйственного машиностроения обернулись многократным сокращением выпуска тракторов (с 214 тыс. ед. в 1990 году до 19,2 тыс. ед. в 2000 году и 8,8 тыс. ед. в 2023 году), зерноуборочных комбайнов (с 65,7 до 5,2 и 5,1 тыс. ед. в том же временном периоде), доильных установок (с 30,7 тыс. ед. до 400 ед. и 2,7 тыс. ед. соответственно) и др.²⁷ Конечно, трудно ждать осязаемого роста спроса на технику в условиях, когда число убыточных сельскохозяйственных предприятий с 3% от их общего числа в 1990 году возросло до 51% в 2000 году, и даже в достаточно благоприятном по природным условиям 2023 году каждое четвертое предприятие (26,6%) в аграрном секторе оставалось убыточным²⁸. Возникающий при этом вопрос о «разноскоростной» динамике цен на продукцию сектора и входные ресурсы заслуживает отдельного рассмотрения.

С 1992 года доминирующим сектором российской экономики, как известно, стало производство услуг (52% ВВП), «перевесивших»

¹⁸ РСЕ 2015. С. 538; РСЕ 2021. С. 513; РСЕ 2024. С. 499–500.

¹⁹ Рассчитано по данным статистического сборника «Российский статистический ежегодник» за соответствующие годы.

²⁰ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 4. Ст. 345.

²¹ Рассчитано по: Российская экономика в 2023 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 45). М.: Издательство Института Гайдара, 2024. 456 с. С. 197.

²² Рассчитано по: РСЕ 2022. С. 373; РСЕ 2023. С. 375; РСЕ 2024. С. 262, 362, 385.

²³ РСЕ 2024. С. 394; РСЕ 2001. С. 408.

²⁴ РСЕ 2001. С. 364, 405; РСЕ 2024. С. 375, 390.

²⁵ РСЕ 2001. С. 406; РСЕ 2024. С. 391.

²⁶ РСЕ 2001. С. 405; РСЕ 2024. С. 390.

²⁷ РСЕ 2001. С. 367; РСЕ 2024. С. 379.

²⁸ РСЕ 2001. С. 402; РСЕ 2024. С. 329.

долю товаров (46,2% ВВП)²⁹. Удельный вес сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости (ВДС), создаваемой в стране, снизился с 16,5% в 1990 году до минимальных 3,5% в 2012 году, после чего с середины 2010-х гг. закрепился в диапазоне 4,0–4,3%, но в 2023 году снова вернулся к отметкам начала 2010-х гг. Практически синхронно доля промышленности, сократившись с 38,0% НДС РФ в 1990 году до минимальных 25,6% в 2014 году, в начале 2020-х гг. держалась на уровне 30%, но и здесь в 2023 году произошел «отступ» к показателям начала 2010-х гг. При этом с начала 2000-х гг. суммарный вклад аграрного сектора и индустрии в НДС страны ниже 1/3 не снижается, выступая важным фактором стабилизации социально-экономического развития страны. Например, в 2011–2024 гг. каждое падение ВСХП к предыдущему году (в 2012, 2018, 2021, 2023, 2024 гг.) компенсировалось, в том числе, ростом промышленного производства, так что общая годовая динамика ВВП оставалась положительной³⁰.

Заметим, что эффект синергии аграрного и индустриального секторов мог быть гораздо весомее при исправлении перекоса в распределении сальдированного финансового результата предприятий страны. Если в 1990 году доля сельского хозяйства в НДС РФ практически соответствовала удельному весу сектора в СФР по стране в целом, то к 2000 году образовался кратный разрыв, сохранившийся до 2020-х гг., когда вклад в НДС РФ в 1,5–2,5 раза превышал часть чистой прибыли, остающейся в распоряжении аграриев. Фактически это означает, с одной стороны, ее перераспределение в пользу других секторов экономики, а с другой — рост агропроизводства на заделах предыдущих лет, который по определению стабильно устойчивым быть не может. Тем более что и задел этот истончается. Так, только за 2021–2023 гг. СФР, остающийся в агросекторе, сократился (даже в фактических ценах) с 797,0 до 654,0 млрд рублей, или на 1/5³¹.

²⁹ РСЕ 2001. С. 280.

³⁰ Рассчитано по: РСЕ 2001. С. 282, 546; РСЕ 2002. С. 288; РСЕ 2015. С. 282, 559; РСЕ 2022. С. 333–334; РСЕ 2024. С. 268–269, 327–328.

³¹ РСЕ 2024. С. 327.

С ростом стратегической значимости АПК в обеспечении не только собственно продовольственной, но и национальной безопасности в целом отстраивание и уплотнение межотраслевого взаимодействия в периметре сектора и с сопряженными блоками отраслей становится важным условием обеспечения устойчивости и повышения эффективности функционирования всего хозяйственного комплекса страны и ее регионов (Ушачев и др., 2025; Пятракова, Копытова, 2025). В данной системе координат сельское хозяйство может рассматриваться не только как поставщик продовольствия и ресурсов для многих отраслей экономики, но и как инициатор разработки и потребитель критически важных high-tech решений и прорывных индустриальных технологий, способных купировать многие глобальные вызовы современности.

К реализации этой миссии российского агропрома сложился ряд предпосылок. Из условий естественно-природного порядка выделим бесценный резерв неиспользуемых по разным причинам («заброшки», перевод в иные категории землепользования и пр.) земель сельскохозяйственного назначения. Напомним, что в период реформ, на 1 января 1992 года, Россия вошла с 643,6 млн га земель сельскохозяйственного назначения³², тогда как к 2024 году их площадь — за счет изменения структуры экономики, роста производительности и др. — сократилась в 2,6 раза до 244 млн га. Нужно иметь в виду, что возвращение в оборот обладающих соответствующим потенциалом неиспользуемых сельскохозяйственных угодий, общая площадь которых на 1 января 2024 года равнялась 31,6 млн га, включая 16,9 млн га пашни (Алтухов и др., 2025, с. 4), не сводится единственно к возможности нарастить производство и экспорт сельскохозяйственного сырья, продовольствия и сопряженной продукции. Бесспорно, это само по себе сверхважно³³. Однако гораздо

³² РСЕ 1998. С. 41.

³³ Достаточно заметить, что, например, с 2021 года российский АПК добился устойчивого превышения экспорта продовольственной продукции над ее импортом (Хейфец, Чернова, 2024, с. 167), превратившись в «высокотехнологичный локомотив роста экспортной выручки страны». Подробнее см.: Калянина Л. (2022). АПК способен существенно изменить структуру российского экспорта в следующие 15–20 лет // Эксперт. № 46. С. 50.

важнее, что российские почвы (вместе с лесами, недрами и пр.) являются крупнейшим в мире резервуаром углерода, «самого дефицитного элемента жизни». Их грамотное использование (расширение применения технологии беспашотного земледелия no-till, замена мхов на пустошах и залежах злаками, которые будут кормить богатую фауну, а при необходимости смогут стать альтернативой углеводородному топливу, восстановление полелесозащитных полос, естественноприродного пастбищного разнообразия и т. д.) не только будет способствовать достижению национальной экономикой углеродной нейтральности — на сельское хозяйство приходится 5,7% выбросов парниковых газов в CO₂ эквиваленте в РФ (Рябов и др., 2024, с. 34), но и ускорит формирование экосистем, которые станут «резервом протеинов и плодородных почв». При этом Россия получит возможность «по своему желанию менять альбедо (часть энергии Солнца, отражаемая Землей — авт.)»³⁴ на самой большой территории в мире, внося, тем самым, свой вклад в разрядку нагнетаемой последние десятилетия западным сообществом «экологической напряженности». Планы западных стран по созданию технологий управления климатом, по факту, оказались нереализуемы. Эксперты все больше сходятся во мнении, что «будущий климат и продуктовая безопасность мира сегодня в наибольшей степени зависят от России»³⁵.

Кроме того, системообразующую значимость современного российского АПК усиливает последовательное укоренение стратегий качественного роста, превращающих сектор в драйвер экономического развития страны. Подтверждением, в частности, может выступить показатель производительности труда. При среднем по России уровне 80 тыс. долл. в ценах 2023 года по паритету покупательной способности на одного занятого (141 тыс. долл. в странах Западной Европы, 211 тыс. долл. в США) в сельском и лесном хозяйстве РФ (кстати, как и в пищевой промышленности) соответствующий показатель составил 34 тыс. долл. (для сравнения, в машиностроении 24 тыс. долл.),

повторяя результат стран Восточной Европы, но в два раза уступая странам Западной Европы (74 тыс. долл.) и в пять раз — США (176 тыс. долл.)³⁶. Достигнутый рубеж, во-первых, говорит о наличии «резерва занятости», который может быть задействован в других секторах экономики в случае наращивания производительности труда. Так, в 2021 году в сельском хозяйстве РФ трудилось 6,0% занятого населения против 3,1% в Японии, 1,5% в США, 1,2% в Германии (Узякова, Широ, 2024, с. 9), при том что по большинству ключевых направлений, зафиксированных в российской Доктрине продовольственной безопасности, к началу 2020-х гг. показатели были выполнены или перевыполнены (Долгушкин, 2025). Во-вторых, высвечивается потенциал роста производства добавленной стоимости в сельском хозяйстве параллельно с повышением производительности труда. Кстати, в 2001–2020 гг. среднегодовые темпы прироста производительности труда в аграрном секторе составили 5,9%, отставая только от сферы финансов и страхования — 7,5%, телекоммуникаций — 7,0% и среднетехнологичных отраслей обработки — 6,7%, что позволило повысить среднеотраслевую производительность труда с 42,7 до 74,4% от средней по экономике России (Узякова, Широ, 2024, с. 10). Более детально разворачивающиеся в последние годы в агропроме страны процессы предлагаем рассмотреть на срезе его микроуровня, то есть с позиции непосредственно предприятий сельского хозяйства и производителей продовольственных товаров конкретно взятого региона. Объектом исследования выбран Уральский регион в составе 7 субъектов федерации. Главным методическим инструментарием выступит рейтинговое предпринятие АПК Урала.

Методика рейтинговой оценки структурной трансформации российского АПК: кейс Урала

В 2015 году аналитический центр журнала «Эксперт» впервые представил рейтинг 50 крупнейших компаний агропромышленного комплекса страны по итогам 2014 года³⁷. В последую-

³⁴ Зимов С. (2024). В понедельник через 100 лет будет... // Российская газета. 2 июля. № 142. С. 9.

³⁵ Зимов С. (2023). Природа бессмертна. А человек? // Российская газета. 11 октября. № 229. С. 11.

³⁶ Расчеты ЦМАКП по соотношению добавленной стоимости в долларах США по ППС на 1 занятого. Подробнее см.: О производительности труда в отраслях экономики России по сравнению с другими странами. М.: ЦМАКП, 2025. С. 6.

³⁷ Ермак С. (2015). Продовольственный оптимизм // Эксперт. № 41. С. 72–80.

шем подготовка специальных ежегодных докладов «Рейтинг компаний АПК России» стала традицией, прерванной — по известным причинам, прежде всего из-за необходимости защиты лидерами российского бизнеса своей исходной отчетности — в 2023 году. В аналитическом сопровождении уже первых рейтингов эксперты последовательно отмечали поворотные этапы в развитии российского АПК: динамический рост с 2006 года на основе модернизации и диверсификации производства при активном инвестиционном подкреплении, мощный импульс к развитию, полученный в 2014 году с введением Россией продовольственных контрсанкций в отношении недружественных стран, завершение по большинству критических позиций стадии импортозамещения с постепенным переходом к ориентированной на экспорт модели развития³⁸.

Публикация федеральных рейтингов превратилась на пороге нового этапа развития АПК страны, когда его основные сегменты вплотную подошли к стадии насыщения рынков, структурные трансформации — феномен вертикальной интеграции (стратегии «от поля до прилавка», «от пробы до конечного потребителя»), наращивание инвестиций в инфраструктуру для установления полного контроля над технологическими циклами и оптимизации себестоимости и др. — захватили практически все ключевые подотрасли сектора, а российский продовольственный рынок все глубже встраивался в мировой. Новая реальность — наложение очередной агротехнологической волны на раскручивавшуюся с 2014 года волну антироссийских санкций в условиях инвестиционного сжатия (в 2019 году на 1 рубль ВСХП приходилось 6,4 копейки чистых инвестиций, в 2023 году — 4,4 копейки) (Климентова, Дубовицкий, 2025, с. 15) как следствия ужесточения денежно-кредитной политики Центробанка России, роста транзакционных издержек сельхозпроизводителей (например, за 2024 год себестоимость производства зерновых в стране выросла на 1/3³⁹) при утяжелении диспаритета цен на про-

дукцию сельского хозяйства и востребованные аграриями технику, топливо, удобрения и пр. (в 2021 году для покупки одного зерноуборочного комбайна требовалось продать 1 тыс. т зерна, в 2024 году — 2 тыс. т⁴⁰) — не могла не сказаться на развитии АПК. Все это только актуализирует задачу выявления ключевых трендов в развитии российского АПК на середину 2020-х гг. и оценки его вклада в обеспечение устойчивости российской экономики в современных условиях.

При подготовке первых рейтингов ведущих представителей российского АПК их составители преследовали три главные цели: определение важнейших тенденций развития отдельных секторов агропрома, выявление узловых проблем проживаемого рассматриваемым комплексом периода, возможное продвижение ключевых игроков рынка. В условиях конкурентного рынка для повышения маркетинговой привлекательности и упрочения неценовых конкурентных позиций лидерам важно иметь внешнее независимое подтверждение лидерства. В своем методическом подходе мы постарались сохранить это триединство целей.

Информационной базой наших рейтингов уральского АПК выступили открытые данные «Системы профессионального анализа рынков и компаний» (СПАРК)⁴¹. Главным критерием при ранжировании предприятий выбран показатель выручки от реализации за анализируемый год без НДС и акцизов. Специалисты «Эксперт РА» в своей работе активно использовали метод опросов кандидатов на попадание в рейтинг. Сразу оговоримся, что в сегодняшних условиях метод опросов (интервьюирования) представителей уральского АПК не применялся, поэтому проблемные точки роста, выявленные при подготовке рейтингов, в дальнейшем выверялись по открытой общероссийской и региональной статистической информации.

Формат рейтингов предполагал ранжирование предприятий по нисходящей объемов реализации без НДС и акцизов с одновременной

³⁸ Ермак С., Печенкина Т. (2016). Парниковый эффект // Эксперт. № 40. С. 44–51; Лабыкин А. (2017). Удушливое изобилие // Эксперт. № 40. С. 63–66; др.

³⁹ Карабут Т. (2025). Запасные всходы // Российская газета. 18 февраля. № 35. С. 5.

⁴⁰ Пичурина В. (2025). Комбайны в заплатках // Российская газета. Приложение «Уральский регион». 27 февраля. № 43. С. 13.

⁴¹ Из целого ряда действующих в РФ поисковых систем и сервисов проверки контрагентов («List-Org», «Saby», портал «Чекко» и др.) авторами выбрана база данных СПАРК как наиболее полно отвечающая целям настоящего исследования.

фиксацией позиции хозяйствующего субъекта в предыдущем году. По каждому предприятию, помимо названия в редакции 2024 года, указывались форма собственности, адрес места регистрации и отраслевая принадлежность, подбиравшаяся по виду экономической деятельности. Для характеристики качественных параметров состояния уральского АПК дополнительно производилось структурирование агробизнеса по «представительству» в рейтинге на конкретный год крупных, средних и малых предприятий и рассчитывались рентабельность производства и производительность труда. Досадное огорчение доставила невозможность провести сплошное рейтинговое собрание для изучения пула предприятий (общим числом 585) по производительности труда. Дело в том, что в базе СПАРК показатель «среднесписочная численность» на последний день отчетного периода (в годовой отчетности — на 31 декабря) нередко приводится — зачастую по знаковым предприятиям — не точным числом занятых, а неким диапазоном, например, 0–5 человек, 16–50, 501–1000 человек (или вообще не обновляется ввиду непредоставления данных предприятиями), что делает невозможным заполнение знаменателя соответствующей дроби. Плюс накопительным итогом отчетность по среднесписочной численности работников в базе СПАРК не сохраняется. Тем не менее, в силу важности показателя производительности труда предприятия попытка провести пробное обследование по имевшимся у авторов данным за 2023–2024 гг. с получением своего рода отправной точки для сравнительного анализа в процессе продолжения разработки поднятой темы.

В общей сложности за 2018–2024 гг. в разрезе каждого года в отдельности нами составлено по 7 рейтингов: топ-400 лидеров АПК Урала по выручке от реализации (включая предприятия сельского хозяйства, пищевой и комбикормовой промышленности, элеваторы), топ-100 лидеров сельского хозяйства и топ-100 лидеров пищевой промышленности (по объему реализации продукции), топ-100 лидеров по чистой прибыли и топ-100 лидеров по рентабельности, рейтинг проблемных зон (50 предприятий сельского хозяйства и пищевой промышленности с наибольшим чистым убытком от хозяйственной деятельности по итогам года),

рейтинг 100 лидеров по производительности труда (только на 2023 и 2024 гг.)⁴². Поясним, что рентабельность рассчитывалась нами по отношению чистой прибыли (код строки 2400 отчета о финансовых результатах предприятия) к выручке от реализации (код 2110), выраженному в процентах, а производительность труда — по объему годовой выручки от реализации к среднесписочной численности занятых на предприятии. Из-за отсутствия в базе СПАРК данных об экспортных поставках и сельскохозяйственных угодьях, находящихся в распоряжении хозяйствующих субъектов, рассчитать экспортоспособность производства и «производительность земли» (по выручке на 100 га пашни) не представлялось возможным.

Наша выборка предприятий выставлялась на максимально возможную «глубину», захватывая предоставившие публичную финансовую отчетность предприятия с выручкой свыше 400 млн рублей на 2024 год, то есть не только крупный и средний бизнес, но и лидеров малого предпринимательства. В порядке подтверждения скрупулезности проведенной подготовительной работы отметим, что, например, в нашем рейтинге топ-400 АПК Урала за 2024 год учтены 10 «тяжеловесов» — агрохолдинги «Милком» и «Макфа», «Элеватор» (г. Кумертау), Чишминский маслоэкстракционный завод, «Руссоль» (г. Оренбург), Удмуртская птицефабрика (г. Глазов), Курганский мясокомбинат «Стандарт», «Орел» (г. Екатеринбург), птицефабрики «Вараксино» (Удмуртская Республика) и «Челябинская» (г. Копейск) — с годовой выручкой в диапазоне от 6,6 до 53,7 млрд рублей, по неизвестным нам причинам не вошедшие в самый «свежий» на момент подготовки настоящей работы многоотраслевой рейтинг 400 крупнейших компаний Урала и Западной Сибири (Тюменская область, ХМАО и ЯНАО), подготовленный в 2025 году Аналитическим центром «Эксперт»⁴³. Кроме того, мы посчитали необходимым включить в рейтинги перерегистрированные в последние годы в Москве

⁴² Все названные рейтинги и 55 расчетных таблиц к ним представлены в облачном сервисе. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1C_zPk5ZKYJ6amej6EJ6MWy8vfHcEs2jK?usp=drive_link (дата обращения: 17.04.2026).

⁴³ 400 крупнейших компаний Урала и Западной Сибири // Эксперт-Урал. 2025. № 11. С. 42–58.

(в одном случае — в Республике Татарстан), но продолжающие свою хозяйственную деятельность на Урале 6 предприятий — «Макфа», Курганский мясокомбинат «Стандарт», птицефабрику «Челябинская», сельскохозяйственное предприятие «Мир» (Удмуртская Республика), «Можгасыр» и тепличное хозяйство «АТЭНА» (г. Оренбург)⁴⁴. Отдельные предприятия не могли быть включены в рейтинги по причине отсутствия сведений в базе данных СПАРК или техническим причинам — ликвидация, реорганизация, смена вида экономической деятельности и пр. Однако это общая проблема всех составителей рейтингов.

Репрезентативность подготовленных рейтингов подтверждают следующие данные. Выручка представленных в наших рейтингах предприятий сельского хозяйства возросла с 30,3% ВСХП Урала в 2018 году до 36,2% в 2024 году (с разбросом от минимальных 17,9% ВСХП в Курганской области до 62,4% в Челябинской области). В отношении пищевой промышленности доказательность собранной базы еще выше. Предприятия 15 подотраслей пищевого Урала, сведенные в представляемых рейтингах, за 2018–2024 гг. нарастили свой удельный вес в суммарной реализации продукции отрасли с 59,9 до 72,2%. При этом наибольшая на Урале концентрация отраслевого производства по итогам 2024 года сложилась в Удмуртской Республике, где 99,5% суммарной реализации продовольственных товаров и напитков обеспечило 21 предприятие, Оренбургской области — 84,2% (23) и Пермском крае — 82,6% (21 лидер отрасли)⁴⁵. Понятно, что агропромышленный комплекс Урала не замыкается в границах 400 его ведущих представителей, но анализ складывающихся в их периметре трендов может помочь выявить узловые болевые точки проживаемого периода и возможные направления перспективного движения.

⁴⁴ Вопрос последствий утраты организационно-регистрационной связи с регионом места осуществления производственной деятельности для его экономики в контексте названных предприятий в данной работе не исследовался. Их фиксация в составленных нами рейтингах производилась в регионах исходной регистрации.

⁴⁵ Рассчитано по данным рейтингов топ-400 АПК Урала за 2018–2024 гг. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1C_zPk5ZKYJ6amej6EJ6Mwy8vfHcEs2jK?usp=drive_link (дата обращения: 17.04.2026) и материалам уральской региональной статистики за 2024 год.

В заключение оговоримся, что метод экспертного рейтингования предприятий агропромышленного сектора используется не только в отечественной, но и в зарубежной научной практике. Например, европейские экономисты большое внимание уделяют ранжированию различных типов ферм (виноделие, выращивание зерновых, садоводство и др.) на основе уровня их инвестиционной активности для выявления наиболее недоинвестированных отраслей сельского хозяйства (Ivanović et al., 2025). Данный метод используется также для сравнения уровня рентабельности ведущих сельскохозяйственных предприятий в разных странах Европейского союза, например Чехии, Венгрии и Польше, с целью нахождения возможных точек роста сектора (Davidova et al., 2025). Экспертное рейтингование на основе вклада в общее потребление внутри региона применяется специалистами ЕС, в том числе, для определения предприятий региона, которые входят в периметр «необходимых организаций» («zone of necessary organizations»), обеспечивающих хозяйственную (продуктовую, финансовую, технологическую и др.) безопасность внутри исследуемого кластера (Simdiankin et al., 2021). В США применение данного метода чаще всего имеет более прикладной характер. Исследования, как правило, проводятся по заказу Минсельхоза США, например, для ранжирования ферм по форме предпринимательской деятельности и/или размеру сельхозугодий (MacDonald et al., 2015), уровню концентрации в разных штатах (Lowder et al., 2016) и т. д. На этой основе определяется необходимость и просчитывается требуемый объем государственной поддержки агробизнеса (Manono, 2025).

Несложно заметить, что наш подход концептуально строится на общей для российской и современной зарубежной практики методологической платформе «рейтингостроительства», но его отличают комплексность («захватываются» не один-два, а совокупность базовых показателей) и большая глубина (динамические ряды анализируются за 7 лет, а не по схеме стандартной «сдвойки» отчетного и предшествующего года). Использование аналитических моделей обработки данных в программах Excel и Power BI позволило в автоматическом режиме агрегировать 55 расчетных таблиц и сформировать семь видов рейтингов

с гибкой параметризацией ранжируемых показателей. Используемый инструментарий делает возможным ретроспективный мониторинг отраслевой и размещенческой динамики агропроизводства, формирование на сведенной информационной базе новых рейтингов (например, ведущих отраслей специализации АПК Урала или отдельных субъектов федерации, выявление кластеров продуктовой специализации и пр.), а при удлинении динамических рядов агрегирование новых рейтингов на выставляемую глубину.

Главные «количественные» результаты рейтинговой оценки АПК Урала

В качестве главных «количественных» итогов выделим следующее.

Первое: «утяжеление» рейтингов. За 2018–2024 гг. суммарная выручка 400 лидеров АПК Урала возросла с 531,9 до 1126,8 млрд рублей (в 2,1 раза), в том числе предприятий сельского хозяйства — со 187,4 до 348,2 млрд рублей (в 1,86 раза), а пищевой промышленности — с 321,1 до 732,5 млрд рублей (в 2,28 раза). Более быстрый рост пищевых производств предопределило действие нескольких обстоятельств. С одной стороны, сказалось изменение количественного состава отраслей в рейтингах. Если в рейтинг по итогам 2018 года (Р-2018) вошли по 189 предприятий сельского хозяйства и перерабатывающего комплекса, то в Р-2024 соотношение изменилось на 173:206 в пользу пищевой промышленности. С другой стороны, «потяжелел» порог входа в рейтинги со 133,9 до 543,0 млн рублей, или в 4,1 раза. Для аграриев средневесовое значение объема реализации одного предприятия в топ-400 возросло с 991,4 млн рублей до 2,0 млрд рублей, для предприятий пищевой промышленности — с 1,7 до 3,6 млрд рублей при общем увеличении удельного показателя с 1,3 до 2,8 млрд рублей.

Второе: стабильность рядов агропромышленной элиты. В Р-2024 обновление состава предприятий по сравнению с Р-2018 составило всего 9,2% (37 новичков). При этом аграрный сектор «выдвинул» 14 новых предприятий, а пищевпром — 20. Впрочем, в ряде случаев в сфере перерабатывающих производств речь идет о формально новых предприятиях. Например, ЗАО «Сарапульский мясокомбинат» и ОАО «Сибайский мясокомбинат» после ликвида-

ции вследствие банкротства в 2012 году возобновили работу на прежних производственных площадках в статусе ООО в 2021 и 2022 гг. соответственно. Обновление рядов в топ-100 АПК Урала по мере реализации новых инвестиционных проектов, смены рыночной стратегии, изменения акцентов в государственной аграрной политике происходит интенсивнее, но главным образом за счет смены «эшелонов» позиционирования. Так, в Р-2024 состав первых 100 предприятий по сравнению с Р-2018 поменялся на 26 позиций, но только 5 из них оказались заняты новичками.

Третье: инерционность отраслевой структуры АПК Урала. В отраслевом разрезе в 2018 году ведущими отраслями специализации пищевой промышленности Урала являлись молочная — 44 предприятия, мясоперерабатывающая — 35 и хлебобулочная — 26. В Р-2024 сохранилось «позаводное» представительство молочной и хлебобулочной отраслей при увеличении количества предприятий мясопереработки до 47. В сельском хозяйстве число предприятий, занимающихся растениеводством, в рейтингах за 2018 и 2024 гг. осталось неизменным — по 65, в сфере животноводства — сократилось с 50 до 45, но почти на столько же возросло в секторе птицеводства — с 35 до 38. По объему реализации в отраслевом разрезе в 2024 году ведущими отраслями специализации АПК Урала оставались производство молочной продукции — 22,35% суммарного объема реализации 400 ведущих предприятий региона (18,59% в Р-2018), птицеводство — 13,31% (16,07%) и масложировая промышленность — 9,55% (в Р-2018 третью позицию с показателем 10,24% занимало животноводство).

Четвертое: стабильность размещенческой структуры АПК Урала. Тройка лидеров сельскохозяйственного производства: (Республика Башкортостан, Оренбургская и Челябинская области) за 2018 (суммарные 62,27% уральского ВСХП) — 2024 (61,79%) годы осталась без изменений, разве что Оренбургская область вышла на вторую позицию (21,30%), опередив Южный Урал (14,34%). Впрочем, скорее речь идет о восстановлении исторического статус-кво. В 1992 году Республика Башкортостан (23,32%) и Оренбургская область (20,82%) вместе со Свердловской областью (15,55%) составляли

трио лидеров сельскохозяйственного производства⁴⁶, а Челябинская область закрепилась на третьей позиции в 2005 году вместо Среднего Урала⁴⁷. Также не изменилось положение дел в переработке сельскохозяйственного сырья на Урале, где на Республику Башкортостан, Свердловскую и Челябинскую области в 2018 (суммарные 65,35% реализации продукции пищевого прома региона) — 2024 (68,79%) годах стабильно приходилось 2/3 производства продовольствия и напитков при сохранении с 2005 года абсолютного лидерства Свердловской области (с увеличением доли в общеуральском итоге с 22,08% в 2005 году до 25,81% в 2024 году). В принципе, с начала 1990-х гг. лидирующие позиции данных регионов только укрепились. В частности, по итогам 1992 года на их долю приходилось 58,71% суммарного производства пищевых продуктов на Урале, правда, лидировала Республика Башкортостан (26,35%), на второй позиции находилась Свердловская область (19,36%), а третьей занимала Пермская область (14,53%)⁴⁸.

Пятое: продолжающееся снижение доли Урала как в ВСХП России — с 11,56 до 10,81% в 2018–2024 гг. (с абсолютным максимумом 14,9% в 1999 году) (Мальцев, Чичилимов, 2025, с. 57), так и производстве пищевых продуктов и напитков — с 7,90 до 7,13% (пиковые 10,4%, правда, с учетом 1,9% мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности, пройдены в 1998 году⁴⁹). За тот же период удельный вес пищевой промышленности в структуре обрабатывающих производств Урала несколько вырос — с 8,03 до 8,19%, но на фоне снижения вклада региона в республиканское производство обработанной продукции с 15,0 до 14,18%. К сожалению, за 7 лет из всего состава уральского АПК свой вклад в суммарный республиканский итог удалось нарастить только аграриям Оренбургской области (с 2,02 до 2,30%) и пищевикам Свердловской области (с 1,83 до 1,84%). Если взглянуть шире, то за 35 лет реформ три

региона Урала — Пермский край, Курганская и Свердловская области — так и не смогли преодолеть свои же показатели ВСХП за 1990 год, а Оренбургской области удалось выйти на этот рубеж только в 2022 году⁵⁰. Кстати, переработка сельскохозяйственного сырья на Урале, как и в РФ в целом, в последние годы растет быстрее его производства, однако по динамике опережения — в 1,22 раза за 2018–2024 гг. — Урал уступает общероссийскому итогу (в 1,27 раза), что предопределяет сдачу позиций региона, особенно в части производства продукции с большей добавленной стоимостью.

Узловые проблемные зоны АПК Урала, выявленные рейтингованием

Первое: при сохраняющемся доминировании авангарда слабеют позиции среднего и малого бизнеса. На топ-100 лидеров уральского АПК стабильно приходится свыше 70% суммарной реализации входящих в рейтинги предприятий с максимальными 73,08% в 2018 году и минимальными 70,03% в 2024 году. При этом первый дециль (топ-10) свои позиции в рейтингах улучшил с 22,25% в 2018 году до 23,81% в 2024 году. Кстати, состав первой десятки лидеров на 2/3 весь анализируемый период остается неизменным, а оставшаяся 1/3 позиций обновляется по схеме чередования (обратной замены) с предприятиями из второго десятка рейтингов. Лидеры сельскохозяйственного производства на Урале на 2024 год: «Агрофирма Ариант» (16,0 млрд рублей), «Турбаслинские бройлеры» (10,5 млрд рублей), «Башкирская мясная компания» (10,4 млрд рублей) — по отстроенности производственных процессов представляют собой современные высокотехнологичные индустриальные комплексы. По выручке за 2024 год они сопоставимы с такими известными промышленными предприятиями Урала, как, например, Кыштымский медеэлектролитный завод (17,0 млрд рублей), Туймазинский завод автобетоновозов (13,1 млрд рублей), Новотроицкий завод хромовых соединений (10,7 млрд рублей). Абсолютные лидеры АПК Урала

⁴⁶ Рассчитано по: Регионы России. 1999. Т. 2. С. 440–441.

⁴⁷ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006. С. 529.

⁴⁸ Рассчитано по: РСЕ 1992. С. 91, 183.

⁴⁹ Рассчитано по: Регионы России. 1999. Т. 2. С. 358–359, 363–364.

⁵⁰ Сравнительная динамика производства продукции сельского хозяйства в РФ и регионах Урала в пореформенный период приведена в приложениях. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1C_zPk5ZKYJ6amej6EJ6MWy8vfHcEs2jK?usp=drive_link (дата обращения: 17.04.2026).

на 2024 год — «Милком», г. Ижевск (53,7 млрд рублей), Жировой комбинат, г. Екатеринбург (46,2 млрд рублей) и Юговской комбинат молочных продуктов, Пермский край (29,8 млрд рублей) со своими итоговыми результатами годовой выручки от реализации продукции с успехом вошли бы при совпадении отраслевой принадлежности в российский рейтинг топ-50 крупнейших машиностроительных компаний страны за тот же год⁵¹.

На этом фоне заметно ослабление позиций среднего бизнеса. Формально, за 2018–2024 гг. количество крупных и средних предприятий⁵² в топ-400 АПК Урала возросло практически одинаково — на 68 (с 64 до 132) и 66 (с 91 до 157) соответственно. В процентном соотношении доля среднего бизнеса даже едва не удвоилась с 22,7 до 39,3% от общего состава рейтингов. Однако в процентах от общего объема реализации рейтингуемых предприятий удельный вес среднего бизнеса снижается год за годом — с 20,56% в Р-2018 до 16,35% в Р-2023 с едва заметным улучшением показателя в 2024 году до 17,0%. В региональном разрезе в 2024 году наибольшее количество средних предприятий представляли Свердловскую область — 39 (25 в 2018 году), Челябинскую область — 29 (19) и Республику Башкортостан — 28 (15). В отраслевом разрезе средний бизнес сосредоточен в растениеводстве (29 предприятий в Р-2024, 13 — в Р-2018), мясоперерабатывающей (18 и 13) и молочной промышленности (14 и 16). За 2018–2024 гг. общее число средних производств в сельском хозяйстве возросло с 30 до 66, в пищевой промышленности — с 60 до 80, в комбикормовой промышленности — с 1 до 9, плюс в 2024 году в число средних предприятий вошли два элеватора. Получается, что на весь уральский агропромышленный комплекс приходится всего 157 предприятий среднего бизнеса, по факту призванного выступать стеновым хребтом любой

экономики. Ситуацию усугубляет ослабление позиций малого бизнеса — резервуара, из которого средний бизнес должен получать стабильную подпитку. Как выяснилось, за 2018–2024 гг. количество малых предприятий в рейтингах снизилось в 2,2 раза (с 245 до 111), а их удельный вес в общей выручке топ-400 АПК Урала — в 2,55 раза (с 16,78 до 6,57%), что опровергает вывод ряда специалистов о том, что «после 2019 года набирают обороты представители малых форм хозяйствования в аграрном секторе и сельскохозяйственные кооперативы» (Соколова, Макарова, 2025, с. 8).

Второе: «очаговость» прибыльности АПК-бизнеса. Суммарный объем чистой прибыли 400 лидеров уральского АПК за 2018–2024 гг. увеличился с 31,3 до 86,4 млрд рублей, или в 2,76 раза, то есть в динамике опередил прирост их годовой реализации за тот же период. При этом, если в 2018 году при равном количестве (по 189) вошедших в рейтинг предприятий на пищепром пришлось суммарно 17,1 млрд рублей, а сельское хозяйство — 13,4 млрд рублей чистой прибыли, то в 2024 году 173 агропроизводственных единицы получили 43,3 млрд рублей чистой прибыли или на 2,3 млрд рублей больше, чем 206 предприятий пищевых отраслей Урала. Если не брать в расчет «Руссолю» с зашкаливающим показателем чистой прибыли (2,0 млрд рублей в 2018 году, 4,8 млрд рублей в 2024 году), то в разрезе отраслей в расчете на одно предприятие наивысший показатель на всем отрезке 2018–2024 гг. (кроме отрицательного результата в 2022 году) складывался в масложировой отрасли (от 190,6 млн рублей в 2018 году до 596,0 млн рублей в 2024 году в среднем на одно предприятие). От аграрного сектора животноводческие хозяйства в 2018 году заняли четвертое место в «абсолюте» (151,3 млн рублей), пропустив на третью позицию предприятия мукомольной промышленности (154,3 млн рублей), а в 2024 году третьими в этом микрорейтинге стали птицеводы (471,4 млн рублей), закончившие 2018 год с чистым убытком по 100 тыс. рублей на 1 хозяйство. Однако даже эта краткая выборка лучших по прибыльности предприятий уральского АПК заставляет обратить внимание на два момента. С одной стороны, только в 2023–2024 гг. в итоговых колонках годовой чистой прибыли в расчете на одно предприятие в разрезе отраслей

⁵¹ Ремизов М., Огородников Е. (2025). Кто строит машины в России // Монокл. № 49. С. 44–45.

⁵² Структурирование предприятий (крупные — средние — малые) выполнялось в соответствии с положениями Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и Постановления Правительства РФ от 13 июля 2015 г. № 702 «О предельных значениях выручки от реализации товаров (работ, услуг) для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства».

не оказалось ни одного отрицательного значения. С другой стороны, у предприятий шести отраслей (в том числе мясоперерабатывающей, спиртоводочной, комбикормовой) абсолютные объемы чистой прибыли в среднем на одну производственную единицу в 2024 году оказались меньше 100 млн рублей (в 2021 году — у 12 отраслей, в 2022 году — у 10). При таких объемах чистой прибыли говорить о возможности реализации сколько-нибудь крупных проектов инновационной модернизации производства крайне сложно. Известна, конечно, специфика конкретно российского бизнеса, когда больше 1/2 инвестиций в основной капитал осуществляется за счет собственных средств предприятий (53,8% в 2023 году при 9,8% привлеченных кредитов банков⁵³), но это тем более заставляет обратить внимание на сформировавшийся тренд.

Третье: крайне медленно растущая рентабельность, что угнетающе действует на возможности инвестиционного развития сектора. В усреднении по 400 ведущим предприятиям АПК Урала отношение чистой прибыли к выручке от реализации в 2024 году равнялось 7,7% (7,6% для первой сотни в рейтинге) по сравнению с 5,9% (5,7%) в 2018 году⁵⁴. В 2022 году показатель вообще снизился до 5,4% (4,3%). В агропроизводстве в 2024 году рентабельность варьировала в диапазоне 10,3% (животноводство) — 15,5% (растениеводство), что не дотягивало до среднероссийского уровня — 18,4% (с учетом субсидий) и 15,4% (без учета субсидий)⁵⁵. В секторе переработки положение дел выглядит немногим лучше. Если отбросить экстремум «Руссоли» (35,5%), то в секторе перерабатывающих отраслей рентабельность менялась от 0,7% в спиртоводочной и 2,1% в мясоперерабатывающей до 9,0% в хлебобулочной промышленности и 10,5% в производстве приправ и пряностей.

⁵³ РСЕ 2024. С. 294.

⁵⁴ Для сравнения: в исторически первом рейтинге «Топ-50 российского машиностроения» за 2024 год его лидер — «Ростех» — завершил год с рентабельностью выручки 3,64%, у занявшего в рейтинге третью позицию «Трансмашхолдинга» — 5,5%. Подробнее см.: Ремизов М., Огородников Е. (2025). Кто строит машины в России // Моноколь. № 49. С. 42.

⁵⁵ Распоряжение Правительства РФ от 10 июля 2025 г. № 1843-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 28. Ст. 4044.

По этой причине в отдельный рейтинг 100 лучших предприятий АПК Урала по рентабельности из первой сотни топ-400 в 2024 году вошли только 13 предприятий сельского хозяйства и по одному заводу от соляной и мясоперерабатывающей промышленности.

Возможные точки роста АПК Урала

Первое: главным резервом развития АПК выступает производительность труда. В 2024 году из 400 предприятий базового рейтинга у 25 (из первой сотни — только у абсолютного лидера, концерна «Милком») отсутствовали данные по среднесписочной численности занятых на 31 декабря 2024 года. По 375 предприятиям в среднем производительность труда составила 8,98 млн рублей (в 2023 году — 7,78 млн рублей). В разрезе отраслей наибольшая производительность труда за 2024 год отмечена в производстве чая и кофе — 45,83 млн рублей, масложировой промышленности — 41,28 млн рублей, переработке и консервировании рыбы, ракообразных и моллюсков — 34,1 млн рублей. Меньший среднерейтингового уровень сложился в кондитерской промышленности — 6,82 млн рублей, животноводстве — 5,45 млн рублей и птицеводстве — 6,0 млн рублей. К сожалению, сравнить эти данные со среднероссийскими ввиду отсутствия последних невозможно. Некоторое приближение можно получить, опираясь на аналитические комментарии первых рейтингов топ-50 федерального АПК. В первом рейтинге за 2014 год лидером по производительности стал вертикально интегрированный холдинг полного цикла «Агро-Белогорье» — 10,5 млн рублей годовой реализации на одного работника⁵⁶. В федеральном рейтинге за 2016 год у этой же компании, сохранившей лидерство по данному показателю, зафиксирован почти такой же результат — 9,85 млн рублей⁵⁷. В последующем новых обращений к этому вопросу Аналитический центр «Эксперт» не предпринимал.

Второе: закрепление в сравнительно новых для региона нишах. За 2018–2024 гг. наибольший объем прироста реализации в расчете на одно предприятие пищевой промышленности

⁵⁶ Ермак С. (2015). Продовольственный оптимизм // Эксперт. № 41. С. 82.

⁵⁷ Ермак С., Печенкина Т. (2017). Удобрить АПК // Эксперт. № 41. С. 69.

зарегистрирован по таким видам деятельности, как «производство чая и кофе» — в 8,45 раза, «прочие виды переработки и консервирования фруктов и овощей» — в 4,2 раза, «переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков» — в 3,32 раза. В сельском хозяйстве входящие в рейтинги топ-400 предприятия, специализирующиеся на выращивании овощей закрытого грунта, грибов и трюфелей, нарастили выручку с 7,0 до 20,3 млрд рублей, или в 2,9 раза, тогда как все структуры, занимающиеся растениеводством, в 2,38 раза. Еще заметнее результаты предприятий с профилем деятельности «цветоводство». В Р-2018 входили только два удмуртских предприятия — «Декоративно-цветочные культуры», г. Ижевск и «Цветы Удмуртии», г. Сарапул с достаточно скромными результатами (657,2 млн рублей суммарной реализации). В Р-2024 число специализированных цветоводческих хозяйств удвоилось, а их суммарная выручка от реализации возросла в 5,23 раза до 3,4 млрд рублей. Удмуртская Республика вообще оказалась лидером данного направления на Урале, но цветоводством все активнее начинают заниматься и в других регионах, прежде всего Челябинской и Свердловской областях.

Третье: освоение производства продукции с возможно большей добавленной стоимостью. Так, молочный комплекс Урала, располагая (по итогам 2023 года) 14,56% поголовья крупного рогатого скота в РФ и производя 15,48% всего молока в стране⁵⁸, которое отдельные эксперты называют «второй нефтью» России⁵⁹, мог бы стать базой для выпуска сверхвостребованной продукции максимально глубокой переработки, в частности сывороточного и казеинового белков — ключевых ингредиентов в заменителе грудного молока, спортивном, лечебном и специализированном питании. Зерновой подкомплекс Урала (8,19% урожая зерна в РФ в 2023 году) при всей сложности природно-климатических условий (Свердловская область, Пермский край и Удмуртская Республика находятся в Нечерноземной зоне) — фундамент мощного мукомольно-крупяного кластера (14,09% обще-

российского производства муки⁶⁰), пока практически не зашедшего в сектор более глубокой переработки зерна и зернобобовых культур⁶¹. Например, в стране на начало 2025 года всего два завода производили лизин (аминокислоту, кратно улучшающую конверсию кормов в животноводстве, птицеводстве и пр.), закрывая 2/3 потребности внутреннего рынка⁶². Один из них, «Аминосиб» (120 тыс. т годовой переработки пшеницы⁶³), находится в Тюменской области, граничащей с Курганской областью с практически идентичными природно-климатическими условиями и масштабами зернового производства (по 1,5 млн т валового урожая в 2023 году — номера 29 и 30 в «зерновом» рейтинге России⁶⁴). Рассматривая аминокислоты как промежуточный этап переработки зерна, можно переходить в более высокие переделы (и пока незанятые ниши) — выпуск модифицированных крахмалов, биоразлагаемых пластиков и др. с максимальной добавленной стоимостью.

Заключение

Как показал проведенный анализ, агропромышленный комплекс даже крупных промышленных центров страны располагает существенным потенциалом дальнейшего роста. Однако его реализация требует взаимодополнения усилий государства, регионов и бизнеса. В этом плане вызывают вопросы несколько обстоятельств.

⁶⁰ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. С. 654–655, материалы уральской региональной статистики.

⁶¹ Для сравнения: в 2024 году Россия, по данным МСХ РФ, экспортировала 44 млн т пшеницы (против 54,1 млн т в 2023 году), сохранив за собой первое место в мире (21%), а на сравнительно небольшом мировом рынке муки (16 млн т) заняла только 7,5% (отгрузив 1,2 млн т из 11,2 млн т суммарного производства). См.: Пшеница под давлением. Итоги зернового сезона 2024/2025 и виды на новый сельхозгод // Oilworld.ru. 24.07.2025. URL: <https://www.oilworld.ru/news/wheat/360991> (дата обращения: 14.12.2025); Комаров В. (2025). Мукомолы насыпали Афганистану // Коммерсантъ. 20 февраля. № 31. С. 6.

⁶² Лобыкин А. (2022). «Расширить и углубить» переработку зерновых оказалось непросто // Эксперт. № 46. С. 60, 63.

⁶³ Тюменский «Аминосиб» на треть увеличивает производство лизина // Эксперт-Урал. 2024. 5 ноября. URL: <https://expert-ural.com/news/tyumenskiy-aminosib-na-tret-uvlechivaet-proizvodstvo-lizina.html> (дата обращения: 14.12.2025).

⁶⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006. С. 655.

⁵⁸ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. С. 676–677, 684–685.

⁵⁹ Краснова В., Матвеева А. (2024). Инвестиции стального магната: молоко, пюре и каши // Монокл. № 41. С. 29.

Во-первых, снижаются объемы финансирования четырех ключевых госпрограмм МСХ России⁶⁵ — с 665,0 млрд рублей в 2024 году⁶⁶ до 565,0 млрд рублей в 2025 году и 540,4 млрд рублей в 2026 году⁶⁷. Эта же тенденция прослеживается на региональном уровне. Например, в Курганской области на поддержку приоритетных направлений малого агробизнеса, играющего значительную роль в сельском хозяйстве региона, в 2024 году направили 363 млн рублей, в 2025 году — 283, на 2026 год запланировано выделение 222,2 млн рублей⁶⁸. В условиях снижения рентабельности сельскохозяйственного производства (с 28,4% с учетом субсидий в 2021 году⁶⁹ до 18,4% в 2024 году⁷⁰), почти незаметного прироста физического объема инвестиций в основной капитал в отрасли (на 1,7% за годы реализации базовой госпрограммы 2012–2024 гг. против 33,1% совокупного прироста в экономике страны в целом за тот же период⁷¹), осложнений на целом ряде экспортных рынков (прямые и косвенные санкции, укрепление рубля к доллару за 2025 год на 25%⁷², пр.) ослабление господдержки негативно сказывается на устойчивости агросектора и по цепочке передает напряжение смежным отраслям.

⁶⁵ «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717), «Развитие рыбохозяйственного комплекса» (постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 314), «Комплексное развитие сельских территорий» (постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696), «Эффективное вовлечение в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развитие мелиоративного комплекса Российской Федерации» (постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 731).

⁶⁶ Королева А. (2025). Аграрные бюджеты готовят к кройке // Коммерсантъ. 29 июля. № 134. С. 2.

⁶⁷ В 2026 году на госпрограммы АПК предусмотрено 540,4 млрд руб. — Лут // Спецагро. 2025. 25 сентября. URL: <https://specagro.ru/news/202509/v-2026-godu-na-gosprogrammy-apk-predusmotreno-5404-mlrd-rub-lut> (дата обращения: 16.12.2025).

⁶⁸ Пичурина В. (2026). Хуже саранчи // Российская газета. Приложение «Уральский регион». 16 апреля. № 81. С. 13.

⁶⁹ РСЕ 2024. С. 336.

⁷⁰ Распоряжение Правительства РФ от 10 июля 2025 г. № 1843-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 28. Ст. 4044.

⁷¹ Рассчитано по материалам сборника «Российский статистический ежегодник» за соответствующие годы.

⁷² Рассчитано по: ЦБР. Динамика официального курса заданной валюты. URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/ (дата обращения: 16.01.2026).

Во-вторых, сказывается общая недонастройка системы «умного протекционизма». Например, в 2021 году для защиты внутреннего рынка введен механизм зернового демпфера как комбинация вывозных пошлин с плавающей ставкой (3489 рублей за 1 тонну в среднем за 2021 год, 5746 рублей в 2022 году, 4353 рубля в 2023 году, 2701 рубль в 2024 году) и субсидирования производителей зерна из средств, поступивших в бюджет от уплаты «зерновых» пошлин. Внутренний рынок защитить удалось, параллельно увеличилось производство продукции с большей добавленной стоимостью (муки, комбикормов, пр.). Однако негативные последствия перевесили. Зерновой демпфер сбил внутренние цены на 10–25% к возможным ценам при нулевой экспортной пошлине. Это обернулось снижением выручки аграрного сектора за 2021–2024 гг. на 200 млрд рублей, экспортеров зерна — на 369,7 млрд рублей. При этом прямые субсидии производителям всех зерновых культур из собранных пошлин за четырехлетний период составили всего 40 млрд рублей (Большасов, 2025).

В-третьих, пока не решен вопрос концептуализации задачи встраивания АПК в систему стратегического планирования российской экономики. В этом отношении обращает на себя внимание следующий момент. 8 декабря 2025 года на заседании Совета по стратегическому развитию и нацпроектам рассмотрен План структурных изменений российской экономики до 2030 года, ранее одобренный правительством. В число семи главных направлений плана агропром, обеспечивающий стабилизирующую экономический рост функцию, не вошел. Из конкретики, в частности, заявлено увеличение за десятилетие к 2030 году доли обрабатывающих производств, НИОКР, финансового сектора, ИКТ и туризма в ВВП на 2% в каждом конкретном случае при снижении доли нефтегаза на 3,6%⁷³. Очевидно, что вопросы укрепления продовольственной безопасности будут непременно учтены при реализации всех базовых направлений планируемой трансформации российской экономики. Тем не менее, даже не выделяя данный блок вопросов в отдельное направление структурных преобра-

⁷³ Крючкова Е. (2025). Без тени и сомнения // Коммерсантъ. 9 декабря. № 227. С. 2.

зований, на наш взгляд, имеет смысл зафиксировать в программных документах задачу повышения приоритета роста АПК как минимум неснижением (предпочтительнее — синхронизацией с динамикой обрабатывающих производств) удельного веса агропрома (сельского хозяйства и пищевой промышленности) в ВВП России.

Литература

- Алтухов А.И., Волков С.Н., Сорокина О.А. (2025). Классификация неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения для вовлечения в оборот на основе ГИС-технологий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 10. С. 3–9. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-10-3-9
- Большаков А.И. (2025). Оценка влияния зернового демпфера на российский рынок пшеницы // Экономическая политика. Т. 20. № 6. С. 68–95. DOI: 10.18288/1994-5124-2025-6-68-95
- Долгушкин Н.К. (2025). Научное обеспечение продовольственной безопасности в условиях современных вызовов // АПК: Экономика, управление. № 1. С. 14–21. DOI: 10.33305/251-14
- Климентова Э.А., Дубовицкий А.А. (2025). Формирование инвестиционного потенциала устойчивого развития сельскохозяйственных организаций // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 3. С. 12–19. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-3-12-19
- Мальцев А.А., Чичилимов С.В. (2025). Регионально-отраслевая реструктуризация инвестиционных потоков как фактор укрепления устойчивости экономики Урала // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 52–70. DOI: 10.52180/2073-6487-2025_2_52_70
- Патракова С.С., Копытова Е.Д. (2025). Современное состояние продовольственной безопасности Европейского Севера России // Экономические и социальные перемены, факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 143–165. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.8
- Рябов И.Ю., Понькина Е.В., Строков А.С. (2024). Перспективы углеродной нейтральности в сельском хозяйстве России по сценариям SSP: анализ на уровне страны и региона // Пространственная экономика. Т. 20. № 1. С. 26–62. DOI: 10.14530/se.2024.1.026-062
- Соколова Е.С., Макарова Е.Б. (2025). Анализ экономической составляющей концепции устойчивого развития аграрного сектора и обеспечения продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 2. С. 2–10. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-2-2-10
- Узякова Е.С., Широков А.А. (2024). Занятость и производительность труда в России: анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 6–20. DOI: 10.47711/0868-6351-205-6-20
- Ушачев И.Г., Колесников А.В., Маслова В.В. (2025). Приоритетные направления развития АПК на современном этапе // АПК: Экономика, управление. № 1. С. 3–13. DOI: 10.33305/251-3
- Фролова Е.Ю. (2025). Преодоление зависимости российского АПК от импортной сельскохозяйственной техники // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 10. С. 34–41. DOI: 10.31442/0235-2494-2025-0-10-34-41
- Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2024). Адаптация российского агропродовольственного комплекса к новым геополитическим реалиям // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 165–175. DOI: 10.47711/0868-6351-206-165-175
- Adam D. (2021). How far will global population rise? Researchers can't agree. *Nature*, 597, 7877, 462–465. DOI: 10.1038/d41586-021-02522-6
- Barbier E.B., di Falco S. (2021). Rural populations, land degradation, and living standards in developing countries. *Review of Environmental Economics and Policy*, 15(1), 360–375. DOI: 10.1086/713152
- Cattaneo A., Girgin S., de By R. et al. (2024). Worldwide delineation of multi-tier city-regions. *Nature Cities*, 1(7), 469–479. DOI: 10.1038/s44284-024-00083-z
- Davidova S., Gorton M., Ratering T., Zawalinska K. (2025). Farm productivity and profitability: A comparative analysis of selected new and existing EU member states. *Comparative Economic Studies*, 47(4), 652–674. DOI: 10.1057/palgrave.ces.8100066
- Fuglie K., Morgan S., Jelliffe J. (2024). World agricultural production, resource use, and productivity, 1961–2020. *Economic Information Bulletin*, 268. DOI: 10.22004/ag.econ.341638

- Ivanović S., Janković-Šoja S., Todorović S. (2025). Ranking farm types in the European Union according to investment activity: The I-distance approach. *International Review*, 14(3-4), 97–107. DOI: 10.5937/intrev25040971
- Lowder S., Raney T., Skoet J. (2016). The number, size, and distribution of farms, smallholder farms, and family farms worldwide. *World Development*, 87, 1–13. DOI: 10.1016/j.worlddev.2015.10.041
- MacDonald J., Korb P., Hoppe R.A. (2015). *Farm Size and the Organization of U.S. Crop*. Washington: The U.S. Department of Agriculture.
- Manono B.O. (2025). Small-scale farming in the United States: Challenges and pathways to enhanced productivity and profitability. *Sustainability*, 17(15), 2–30. DOI: 10.3390/su17156752
- Nakelse T., Thompson T. (2025). *Global Agricultural Productivity Report 2024: Powering Productivity: Scaling High Impact Bundles of Proven & Emerging Tools*. Blacksburg: Virginia Tech College of Agriculture and Life Sciences.
- Nkonya E., Mirzabaev A., von Braun J. (2024). Economics of land degradation and improvement. *A Global Assessment for Sustainable Development*, 16(2), 100–117. DOI: 10.1007/978-3-319-19168-3
- Ortiz-Bobea A., Ault T.R., Carrillo C.M., Chambers R.G., Lobell D.B. (2021). Anthropogenic climate change has slowed global agricultural productivity growth. *Nature Climate Change*, 11(4), 306–312. DOI: 10.1038/s41558-021-01000-1
- Pierri F.M., Anseeuw W., Campolina A. (2025). Land tenure for resilient and inclusive rural transformation. *Global Food Security*, 44, 100835. DOI: 10.1016/j.gfs.2025.100835
- Simdiankin A.A., Probin P.S., Yukhin I.A., Rembalovich G.K. (2021). Formation of an agricultural cluster based on the ranking of enterprises. *IOP Conference Series Materials Science and Engineering*, 1079(6), 1–8. DOI: 10.1088/1757-899X/1079/6/062087
- Su H., Foster T., Hogeboom R.J. et al. (2025). Nutrient production, water consumption, and stresses of large-scale versus small-scale agriculture: A global comparative analysis based on a gridded crop model. *Global Food Security*, 45, 100844. DOI: 10.1016/j.gfs.2025.100844
- Wuepper D., Borrelli P., Panagos P. et al. (2021). A ‘debt’ based approach to land degradation as an indicator of global change. *Global Change Biology*, 21(7), 5407–5410. DOI: 10.1111/gcb.15830

Сведения об авторах

Андрей Александрович Мальцев — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: maltsevaa@list.ru)

Сергей Валерьевич Чичилимов — кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com)

Maltsev A.A., Chichilimov S.V.

A Rating Assessment of the Condition of the Urals' Agro-Industrial Complex: Key Problems and Potential Growth Points

Abstract. In recent years, despite mounting external challenges — from the general problems affecting global agriculture and the deteriorating situation on food markets to the intensifying “first global food war” — Russia’s agro-industrial complex has been turning into a backbone sector of the national economy. It can now be viewed not only as a supplier of food and resources for many industries, but also as a developer and consumer of critical high-tech solutions and breakthrough technologies capable of mitigating many of today’s global threats. The specific processes unfolding in the country’s agro-industrial sector, however, are rarely scrutinized at the micro-level — that is, from the standpoint of individual agricultural and food-industry enterprises — largely because the work is so labor-intensive and primary data so difficult to collect. This work is one of the first attempts to fill that gap, using a sample of 585 enterprises from the

agro-industrial complex of the Urals, spanning seven federal subjects: the Republic of Bashkortostan; the Chelyabinsk, Orenburg, and Kurgan regions; and three regions of the Non-Black Earth Zone – the Udmurt Republic, the Perm Territory, and the Sverdlovsk Region. As far back as 2000, this macro-region ranked second among the country's 11 economic regions in gross agricultural output (14.07%) and produced nearly one-tenth of the Russian Federation's food (8.78%), yet over the following quarter-century it has lost some ground in that hierarchy (down to 10.81% and 7.13% in 2024, respectively). The main methodological tool is a first-ever ranking of the enterprises of the Ural agro-industrial complex, based on open data from the "Professional Market and Company Analysis System". For each year from 2018 to 2024, seven rankings were compiled: the Top-400 Leaders of the Ural agro-industrial complex by sales revenue; the Top-100 Leaders in agriculture; the Top-100 Leaders in the food industry (by sales volume); the Top-100 Leaders by net profit; the Top-100 Leaders by profitability; a ranking of problem zones (the 50 agricultural and food-industry enterprises with the largest net loss from business operations at year-end); and the Top-100 Leaders by labor productivity. In line with the study's objectives, the paper identifies the key risk-prone problem areas and possible growth points for the Ural agro-industrial business. Given its focus on the period 2018–2024, the discussion is prefaced by a brief characterization of the key global challenges currently affecting the world agrarian sector and of the main outcomes of the repositioning of agriculture in the modern Russian economy. The findings can be used by practitioners when preparing specific decisions to refine the "road map" for the further development of the country's agro-industrial complex and of the Urals in particular.

Key words: agro-industrial complex, food industry, ranking, agriculture, sustainable economic growth.

Information about the Authors

Andrei A. Maltsev – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: maltsevaa@list.ru)

Sergey V. Chichilimov – Candidate of Sciences (Economics), Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: sergey.chichilimov@gmail.com)

Статья поступила 03.02.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.6

УДК 004:620.09; 985; 045, ББК 32.81:31; 21

© Авдони́на Н.С., Кондратов Н.А., Куприков Н.М., Куприков М.Ю.,
Лари́чкин Ф.Д., Ромашева Н.В., Фадеев А.М.

Опыт цифровизации в нефтегазовой сфере и его внедрение в Арктической зоне РФ

**Наталья Сергеевна
АВДОНИНА**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: n.avdonina@narfu.ru
ORCID: 0000-0001-9871-3452

**Николай Александрович
КОНДРАТОВ**

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Российская Федерация
e-mail: n.kondratov@narfu.ru
ORCID: 0000-0002-7763-1797

**Никита Михайлович
КУПРИКОВ**

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
Москва, Российская Федерация
e-mail: nkuprikov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3152-0941; ResearcherID: O-6851-2017

Для цитирования: Авдони́на Н.С., Кондратов Н.А., Куприков Н.М., Куприков М.Ю., Лари́чкин Ф.Д., Ромашева Н.В., Фадеев А.М. (2026). Опыт цифровизации в нефтегазовой сфере и его внедрение в Арктической зоне РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 105–122. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.6

For citation: Avdonina N.S., Kondratov N.A., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu., Larichkin F.D., Romasheva N.V., Fadeev A.M. (2026). Digitalization experience in the oil and gas sector and its implementation in the Russian Arctic zone. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 105–122. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.6

**Михаил Юрьевич
КУПРИКОВ**

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Москва, Российская Федерация

e-mail: kuprikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5296-7630; ResearcherID: AAB-7336-2020

**Федор Дмитриевич
ЛАРИЧКИН**

Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН
имени Г.П. Лузина

Апатиты, Российская Федерация

e-mail: larichkinfedor@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6378-9198; ResearcherID: AAQ-2126-2020

**Наталья Владимировна
РОМАШЕВА**

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: natasmir84@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3074-5137; ResearcherID: N-2419-2016

**Алексей Михайлович
ФАДЕЕВ**

Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН
имени Г.П. Лузина

Апатиты, Российская Федерация

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: alexfadeev79@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3833-3316; ResearcherID: AAR-2969-2020

Аннотация. Актуальность исследования продиктована тем, что глобализация, сопровождающаяся внедрением информационно-коммуникационных технологий и сети Интернет в производственные и общественные процессы, освоение новых пионерных районов, эпидемия COVID-19 запустили каталитическую реакцию по превращению цифровых технологий в главную движущую силу научно-технического прогресса. Одним из направлений цифровизации является топливно-энергетический комплекс, прежде всего предприятия по добыче нефти и природного газа. Регионом, где цифровизация имеет стратегическое значение для его развития, является Арктическая зона Российской Федерации. Отсюда вытекает цель исследования — характеристика цифровизации как стратегического направления развития нефтегазовых компаний в Российской Арктике. Для достижения цели использованы аналитический метод, контент-анализ стратегий и практик цифровизации, интервью с экспертами, сравнительно-описательный анализ опыта авторов статьи. Научную новизну исследования образуют расширенная характеристика драйверов и барьеров развития цифровых технологий в Российской Арктике, установление

факта их взаимовлияния, закрепление понимания цифровизации как стратегического направления развития компаний по добыче нефти и природного газа, осуществляющих экономическую деятельность в Арктической зоне Российской Федерации. Приведенные в работе объективные факты и субъективные оценки указывают на необходимость применения и совершенствования цифровых технологий в интересах эффективного и безопасного развития природопользования в Арктике. С практической точки зрения материалы статьи будут полезны специалистам стратегического планирования, а также экспертам в контексте импортозамещения, обеспечения технологического суверенитета России. Дальнейшее направление научного поиска может быть связано с систематизацией и классификацией опыта цифровизации в российских и зарубежных энергетических компаниях с указанием количественных эффектов от внедрения таких технологий в арктических условиях, а также требований к инфраструктуре.

Ключевые слова: Арктическая зона РФ, минеральные ресурсы, цифровизация, импортозамещение.

Введение

Предметом исследования в данной работе является цифровизация¹ на предприятиях нефтегазового комплекса, осуществляющих экономическую деятельность в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ, Российская Арктика).

Под цифровизацией в широком смысле понимают процесс разработки и внедрения цифровых технологий в производство продукции и управление предприятиями. Цифровизация способствует развитию сети информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), сети Интернет, мобильных приложений, искусственного интеллекта (ИИ), строительство высокоскоростных волоконно-оптических линий связи (ВОЛС), Центров обработки и хранения «больших данных» (ЦОД).

В России развитию цифровизации уделяется большое внимание со стороны государства и бизнеса. Учитывая размеры РФ, для некоторых регионов использование цифровых технологий представляется жизненно необходимым, например для районов Севера и Арктической зоны РФ. Здесь драйверы и барьеры цифровой экономики отличаются от таковых в любой другой части страны.

Использование и развитие ИКТ закреплено в Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности до 2035 года. Учитывая географические и экономические факторы развития региона, цифро-

визация в АЗРФ является мегапроектом, реализация которого будет способствовать улучшению качества жизни местного населения, безопасности природопользования и устойчивому развитию региона. Добыча полезных ископаемых, прежде всего углеводородов, является преобладающим видом экономической деятельности в Арктике в долгосрочной перспективе и преимущественно — главным элементом социально-экономического развития субъектов АЗРФ.

Перед авторами стояла задача определить, в чем состоит уникальность драйверов и барьеров цифровизации в субъектах АЗРФ и нефтегазовой отрасли, что означает цифровизация для нефтегазовой отрасли, можно ли найти успешные примеры цифровизации на предприятиях по добыче нефти и природного газа в АЗРФ за последние 10 лет. Ограниченный объем статьи не позволяет исчерпывающе рассмотреть особенности цифровизации в Российской Арктике, но содержит необходимый задел для будущих исследователей цифровизации отдаленных сырьевых регионов.

Материалы и методы

Для полноценного изучения возможностей и рисков развития цифровизации на предприятиях нефтегазового комплекса методология строилась на результатах исследования факторов, определяющих искомые процессы и их взаимоотношения. Соответственно этим целям ценность представляют не только теоретико-методологические положения, но и ориентация на прикладные управленческие задачи и примеры, а также личный опыт авторов.

¹ Понятия «цифровизация», «цифровая экономика», «цифровые решения», «цифровые технологии» в настоящей статье используются как тождественные.

Таким образом, инструментом исследования стали аналитический метод, контент-анализ стратегий и практик цифровизации, интервью с экспертами, сравнительно-описательный анализ опыта авторов статьи.

В интересующем нас проблемном поле тематика исследований чрезвычайно широка. По запросу «Арктика» в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) обнаружено почти 95 тыс. публикаций. Множеством экспертов составлена подробная характеристика географических и экономических особенностей мировой и Российской Арктики (Российская Арктика..., 2014).

По запросу «Цифровизация» в РИНЦ обнаружено более 95 тыс. публикаций. Они фокусируют внимание на общих вопросах развития цифровой экономики в целом, в т. ч. сферы услуг, туризма, социальной сферы, образования, государственного управления.

323 публикации в РИНЦ было обнаружено по запросу «Цифровизации Арктической зоны РФ». Роль цифровых технологий в региональном развитии исследуют ученые М.Г. Трейман, А.В. Купрякова, Д.Ю. Игнатова. В их статье содержится сравнительная характеристика уровня цифровизации в субъектах АЗРФ и сопоставление со средними показателями по стране, приводятся рекомендации по улучшению цифровизации (Трейман и др., 2025). Д.Б. Яхяев, И.А. Иванова, Л.В. Воронина и А.В. Григорин констатируют положительный эффект от цифровизации для экономики и социальной сферы Российской Арктики. Авторы предлагают к обсуждению классификацию проблем цифровизации, на которые следует обратить внимание при разработке планов и программ развития арктических регионов (Яхяев и др., 2023). П.В. Смирнова, Д.А. Степаненко приходят к выводу о дисбалансе между природно-ресурсным потенциалом арктического макро-региона и подходами к его освоению начиная с индустриальной модели. Для решения проблемы предложена модель цифрового консорциума с обоснованием правовых основ ее функционирования (Смирнова, Степаненко, 2025). Ю.С. Васильев, Н.И. Диденко, В.И. Черенков

полагают, что «инновационные высокотехнологичные решения, такие как разработка цифрового киберпространства АЗРФ, построенного с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), могут внести вклад в решение проблем и как ответ на вызовы устойчивого развития Российской Арктики» (Васильев и др., 2019).

Десятки статей в РИНЦ посвящены вопросам цифровизации топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Так, С.С. Вопиловский отмечает, что «динамичное развитие энергетического рынка является источником процессов диверсификации энергетики России» (Вопиловский, 2022). В его исследовании представлены ключевые направления развития энергетики с учётом новых тенденций и вызовов. Подчеркивается, что АЗРФ становится драйвером роста и открывает «новые окна» развития страны. Установлено, что «текущая ситуация в условиях глобальных технологических прорывов, геополитических вызовов и климатических преобразований формирует переход от вертикальной интеграции к распределённой генерации и децентрализации, максимально используя возможности северных территорий России» (Вопиловский, 2022). А.Г. Казанин также приходит к выводу, что использование оборудования и программных комплексов отечественного производства при освоении углеводородов способно обеспечить технологический суверенитет страны. Это возможно на основе «целостной концепции скоординированных отраслевых и корпоративных стратегий с устоявшимися методическими подходами» (Казанин, 2024). В статье (Скотаренко, Хаценко, 2022) обоснована необходимость использования цифровизации вместо традиционной договорной формы в коммуникативных взаимодействиях поставщиков энергетических ресурсов с клиентурными рынками на примере компании, осуществляющей свою деятельность на территории АЗРФ. Авторы подчеркивают, что цифровизация жизненно необходима для ведения высокотехнологичного бизнеса, в т. ч. в контексте управления процессами ESG-трансформации как на уровне отрасли, так и отдельного предприятия.

Использованные в нашем исследовании источники содержат информацию о том, что энергетическая отрасль в целом остается консервативной с точки зрения инноваций. Ряд ученых отмечает, что для компаний нефтегазового комплекса, которые формируют до 90% ВРП арктических субъектов РФ — Ханты-Мансийского (ХМАО), Ямало-Ненецкого (ЯНАО) и Ненецкого автономного округов (НАО), цифровая трансформация — важное направление модернизации (Dmitrieva et al., 2022). О.В. Скотаренко с соавторами проводят сравнительную оценку цифровой зрелости компаний, допущенных до работы в труднодоступных районах Российской Арктики (Скотаренко и др., 2012). Авторский подход базируется на анализе приемов устойчивого управления цепочками поставок в нефтегазовой отрасли. В исследовании выявлены пределы снижения себестоимости добычи углеводородов за счет цифровой трансформации арктических проектов. Рост технологического отставания нефтесервисных компаний определен как основной фактор, ограничивающий цифровизацию шельфовых проектов в АЗРФ. Н.А. Полякова и П.Е. Жеребчикова рассматривают технологические инновации как фактор конкурентоспособности нефтегазовых компаний. Важную роль при этом играет использование ИИ, технологий дополненной и виртуальной реальности, «smart field» и других подходов, которые обеспечивают прирост запасов и извлечения нефти, повышают безопасность технологических процессов и персонала на всех этапах жизненного цикла месторождения (Полякова, Жеребчикова, 2025).

Перспективными направлениями цифровизации нефтегазового комплекса являются системы моделирования и визуализации (особенно для участков с трудноизвлекаемым запасами), строительства и предиктивного обслуживания скважин, промышленной роботизации, удаленного управления промысловыми данными, «безлюдного склада». Повсеместно используются БПЛА, суда 2D- и 3D-сейсморазведки (Питухина, Белых, 2023; Zaikov et al., 2021; Dmitrieva et al., 2022; Filippov et al., 2022; Ponomarenko et al., 2022; Zemenkova

et al., 2022; Romashev et al., 2022; Samylovskaya et al., 2022; Vasileva et al., 2023; Buzmakov et al., 2023; Zhukovskiy et al., 2023; Beloshitskiy et al., 2024). Ученые Института математики Сибирского отделения РАН занимаются численным моделированием структуры резервуаров и коллекторов нефтегазовых месторождений на основе сейсмической съемки. Установлено, что лишь около 30% нефти удастся добывать из скважины без дополнительных усилий².

Актуальная информация о нормативно-правовой базе и тенденциях развития ТЭК, АЗРФ, о проектах в сфере цифровизации в нефтегазовом комплексе России и за рубежом была заимствована из специализированных медиаресурсов, чья аудитория — эксперты, экономисты и менеджеры³.

В современных условиях доступ к зарубежной литературе по теме исследования сильно ограничен. В обнаруженных источниках рассматриваются общие вопросы в сфере цифровизации Арктики, а также отраслей ее экономической специализации, содержатся географические примеры обеспеченности Арктики нефтью и природным газом и анализируются проблемы их освоения⁴.

«Арктический вариант» цифровизации в иностранных публикациях рассматривается через развитие ИКТ и широкополосной интернет-связи. Эти исследования проводят-

² Двойники по-черному. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8399652> (дата обращения: 12.02.2026).

³ Барьеры на пути цифровой трансформации. URL: <https://companies.rbc.ru/news/CcvFFaFWLx/bareryi-naputi-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 15.01.2026); Цифровая трансформация Арктики. URL: <https://goarctic.ru/news/tsifrovaya-transformatsiya-arktiki-napravlenie-diversifikatsii-rossiyskogo-tek> (дата обращения: 12.12.2025); Как нефтегаз цифруется. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7026080> (дата обращения: 10.01.2026); ИТ-технологии для Арктики. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6666173> (дата обращения: 12.12.2025).

⁴ Arctic oil and natural gas resources. Resource basin in the Arctic region. Available at: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=4650> (accessed: 12.05.2026); The Development of Arctic Offshore Oil and Gas Resources in Russia: Energy Policy Updates and New Activities by Companies. Available at: <https://arcticyearbook.com/> (accessed: 12.05.2026); Developing Oil and Gas Resources in Arctic waters. Available at: https://www.academia.edu/8345201/DEVELOPING_OIL_AND_GAS_RESOURCES_IN_ARCTIC_WATERS (accessed: 12.05.2026).

ся в русле идей устойчивого развития северных регионов и их местных сообществ (Moulton, 2000; Kukul, Coşkun, 2011; Palviaa et al., 2017). Если взять в качестве примера Северную Канаду (здесь понятие «Север» гораздо шире понятия «Арктика»), то «...более 99 % канадских домохозяйств в настоящее время имеют доступ к широкополосному интернету со скоростью не менее 1,5 Мбит/с. Однако только 27% домохозяйств в сельских районах Нунавута имеют доступ к широкополосному интернету»⁵. В опубликованных за рубежом статьях российских ученых внимание уделяется разбору кейсов в сфере цифровизации экономики и транспортно-логистических услуг в контексте развития Северного морского пути (СМП) и передачи данных по ВОЛС (Levina et al., 2025; Pichkov et al., 2022).

В ограниченном объеме статьи представленный обзор литературы по теме исследования не претендует на всеохватность. Знакомство с источниками, не вошедшими в список использованной литературы, показало, что в России и за рубежом под цифровизацией понимают процесс внедрения цифровых технологий (или ИКТ) в различные сферы деятельности для преобразования аналоговых данных, процессов и моделей взаимодействия в электронную форму. Цель цифровизации состоит, по мнению экспертов, в повышении эффективности работы предприятий, оптимизации бизнес-процессов, улучшении доступности и качества продукции. Мы разделяем такие понятия и цели цифровизации в широком смысле.

Общим «слабым местом» публикаций о цифровизации в АЗРФ являются общие темы и цели исследований, реализация которых практически никогда не заканчивается кейсами цифровых решений в реальном секторе экономики и тем более на предприятиях нефтегазовой сферы, несмотря на ее стратегическое значение для арктического региона. Наша статья вносит вклад в заполнение такого пробела.

В последние годы в России были разработаны стратегии и приняты государственные программы в сфере цифровизации⁶. На реализацию национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» в 2025–2035 гг. Правительство РФ выделит более 1,5 трлн руб.⁷ В Стратегии развития минерально-сырьевой базы говорится о разработке алгоритмов для анализа данных, формируемых по итогам мониторинга минерально-сырьевой базы, а также форматов, средств и технологий обмена данными между участниками геолого-разведочного процесса, а также развития технологий дистанционного зондирования недр⁸.

В статье содержится анализ стратегий и примеров цифровизации на предприятиях ПАО «Газпром» и ПАО «НК Роснефть»⁹. Выбор компаний не случаен. В 2020–2024 гг. на долю ПАО «Газпром» приходилось около 16% мировых и свыше 70% российских запасов природного газа, 12% и 68% добычи газа в мире и в России

⁶ Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. URL: <https://tass.ru/politika/3869202>. (дата обращения: 12.12.2025); Стратегические направления в области цифровой трансформации государственного управления. URL: <http://government.ru/docs/all/152609/> (дата обращения: 12.12.2025); Цифровая экономика Российской Федерации: государственная программа. URL: <https://digital.gov.ru/target/nacionalnaya-programma-cifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 12.12.2025); Стратегическое направление в области цифровой трансформации ТЭК до 2030 г. URL: <http://government.ru/docs/51101/> (дата обращения: 12.12.2025); Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. URL: <https://tass.ru/politika/3869202>. (дата обращения: 12.12.2025); Стратегические направления в области цифровой трансформации государственного управления. URL: <http://government.ru/docs/all/152609> (дата обращения: 12.12.2025); Стратегическое направление в области цифровой трансформации ТЭК до 2030 г. URL: <http://government.ru/docs/51101> (дата обращения: 12.12.2025).

⁷ Экономика данных и цифровая трансформация государства: Национальный проект. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения: 12.12.2025).

⁸ Стратегия развития минерально-сырьевой базы РФ до 2050 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/TNB3oQkPRJtmDE3AMaxuTn2KRSHG9X0S.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

⁹ Стратегия цифровой трансформации ПАО «Газпром» на 2022–2026 гг. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2021/december/article545124> (дата обращения: 12.12.2025); Цифровизация ПАО «НК «Роснефть». URL: https://www.rosneft.ru/Development/Tehnologicheskij_klaster/Cifrovizacija (дата обращения: 12.12.2025).

⁵ Improving digital infrastructure in the Arctic. Available at: <https://jsis.washington.edu/news/improving-digital-infrastructure-in-the-arctic> (accessed: 12.05.2026).

соответственно. ПАО «НК «Роснефть» — еще один лидер нефтяной отрасли России. Его доля в мировой нефтедобыче составляет около 6%.

«Газпром» и «НК «Роснефть» — корпорации, которые в соответствии с федеральным законодательством допущены к работам на континентальном шельфе Северного Ледовитого океана. Они имеют необходимый (более 5 лет) опыт работы и технологии, адаптированные к районам с экстремальными природно-климатическими условиями, а также долю государственного участия свыше 50%. «Газпром» и «НК «Роснефть» — публичные общества, отчеты которых публикуются в Интернете.

Стратегии деятельности компаний «Газпром» и «НК «Роснефть» в Арктике различаются. Первая ориентирована прежде всего на разработку газовых и нефтяных месторождений на суше, в ЯНАО и на шельфе Баренцева моря. Вторая осуществляет деятельность на небольших по размерам, слабо изученных участках в удаленных районах АЗРФ, например на востоке Карского моря, в Сибири и на Дальнем Востоке.

В Правительстве России несколько лет обсуждается идея допуска к работам на арктическом шельфе частных компаний, что соответствовало бы общемировым трендам. Однако в настоящее время основную роль по-прежнему играют корпорации с государственным участием, хотя в ЯНАО уже более 30 лет экономическую деятельность осуществляет ПАО «Лукойл», отчеты о деятельности которой публикуются на официальном сайте компании.

Результаты и обсуждение

Арктика — последняя перспективная область Земли в плане разработки месторождений углеводородов. «...Арктическая зона РФ обеспечивает добычу более 80% природного газа и 17% нефти (включая газовый конденсат) в России ... Континентальный шельф России в Арктике содержит более 85 трлн м³ природного газа, 17,2 млрд т нефти (включая газовый конденсат)»¹⁰.

Для освоения нефтегазовых ресурсов в России продолжается реализация инвестиционных

проектов с международным участием по разведке и добыче минерального сырья и топлива на суше и континентальном шельфе Северного Ледовитого океана и развитию транспортной инфраструктуры (мегапроекты) «Арктик — СПГ», «Ямал — СПГ», «Ямал — СПГ — 2», «Восток Ойл». «Объем государственных инвестиций в эти проекты превышает 1,3 трлн руб., а их результатом станет создание более 30 тыс. рабочих мест и рост средней заработной платы... К 2030 году количество проектов с государственной поддержкой должно составить не менее 1300, объем частных инвестиций — не менее 730 млрд руб., а общий объем планируемых инвестиций — почти 5 трлн руб.»¹¹.

Российская Арктика — не стандартный по природным и социально-экономическим условиям макрорегион. Здесь сложились особые условия для развития цифровой экономики, не встречающиеся в других регионах.

Экономика арктических районов сильно зависит от сектора добычи природных ресурсов. Сырьевой характер экономики означает, что, если ресурсные отрасли замедляют рост, те же процессы затрагивают другие ее сферы. Узкая экономическая база приводит к усилению циклов подъемов и спадов. Это создает проблемы развития в районах за Северным Полярным кругом крупноточагового природопользования с потенциалом для устойчивого социально-экономического развития территорий и сохранностью природной окружающей среды.

В связи с этим опыт арктических стран, например США, Дании, Норвегии и Канады, свидетельствует о том, что многие компании и государственные учреждения вкладывают средства в расширение широкополосной связи (Nuvitik Communications, Агентство инноваций, науки и экономического развития (ISED) в рамках инициативы Greenland Connect, проект Quintillion по сокращению цифрового разрыва на Аляске, подводная кабельная система вблизи норвежского архипелага Шпицберген). Для реализации этих проектов существуют препятствия, такие как величина и стоимость инвестиций, период их окупаемости, согласование с правительствами и организациями коренных народов, урегулирование «земельного

¹⁰ Стратегия развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033> (дата обращения: 10.06.2024).

¹¹ Санкции не растопят Арктику. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5407059> (дата обращения: 05.01.2026).

вопроса» с аборигенами, учет экологических ограничений, развитие логистики и сохранение конфиденциальности. На решение проблем (и более широко — вызовов) могут уйти годы, поэтому время здесь также является ограничением. Наконец, Арктика малозаселена: здесь проживает всего 4 млн чел., из них в АЗРФ — около 2,4 млн. чел. При оценке инвестиций и конечной стоимости проектов по созданию цифровой инфраструктуры в Арктике необходимо учитывать такие факторы, как специфическая фотопериодичность, наличие вечной мерзлоты, короткий строительный сезон, плохое состояние дорожного полотна, необходимость создавать резервы и склады с запчастями и оборудованием на длительный период бездорожья и т. п.¹²

В условиях Российской Арктики эти сдерживающие факторы развития цифровой экономики усиливаются. Географическими барьерами являются огромная (более 9 млн км²) и плохо заселенная территория, более суровые, чем где-либо в Арктике, природно-климатические условия, периферийность, удалённость промышленных объектов на шельфе Северного Ледовитого океана от береговых центров снабжения и оказания помощи. Северные и арктические районы России характеризуются слабым и неравномерным развитием сухопутной транспортной сети. Значительные расстояния между производственными объектами обуславливают недостаток опорных станций связи. Многие поселения и муниципальные образования практически отрезаны от сети Интернет и мобильной связи.

Уникальная окружающая среда в районах за Северным Полярным кругом крайне уязвима и требует особых подходов к управлению природопользованием. Вместе с тем в последние 30 лет природные условия в мировой Арктике меняются, происходит «арктическое усиление глобального потепления». Это может облегчить доступ к ресурсам на шельфе Северного Ледовитого океана, упростить развитие ИКТ и иной цифровой инфраструктуры¹³.

¹² Improving digital infrastructure in the Arctic. Available at: <https://jsis.washington.edu/news/improving-digital-infrastructure-in-the-arctic> (accessed: 12.05.2026).

¹³ Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Available at: https://report.ipcc.ch/ar6/wg2/IPCC_AR6_WGII_FullReport.pdf (accessed: 10.12.2023).

Новые технологии и средства производства, постоянный отток населения в АЗРФ изменяют подходы к организации производства. Преодоление кадрового барьера цифровизации видится в постоянном рекрутинге, целевой подготовке специалистов, совместной с образовательными организациями разработке отраслевых образовательных стандартов в области ИКТ с акцентом на практическую подготовку. Наставничество в среднем специальном и высшем образовании, развитие системы повышения квалификации является действующим инструментом решения проблемы «кадрового голода» (Zaikov, 2021).

На фоне экономически развитых государств отставание России в сфере цифровизации может объясняться пробелами нормативной базы¹⁴. Несмотря на принимаемые законы и программы в сфере цифровизации, согласно арктической стратегии, для территорий АЗРФ характерны «низкий уровень развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и низкая конкуренция в телекоммуникационной сфере», «...невысокая доля добавленной стоимости высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП Арктической зоны, слабое развитие НИОКР, недостаточные темпы развития инноваций...»¹⁵.

На цифровую трансформацию нефтегазового комплекса в России в последнее десятилетие существенное влияние оказывает изменение международной обстановки. Санкции западных государств (общим числом более 32 тыс., 2026 год)¹⁶ в долгосрочной перспективе усиливают технологические барьеры цифровизации.

Мировой опыт реализации энергетических проектов в арктическом регионе свидетельствует об их высокой сложности и о том, что в любой северной стране процесс освоения ресурсов на суше и шельфе Северного Ледовитого океа-

¹⁴ Глобальные информационные технологии. 2024: доклад. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index> (дата обращения: 12.01.2025).

¹⁵ Стратегия развития АЗРФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁶ Total number of list-based sanctions imposed on Russia by territories and organizations worldwide from February 22, 2022 to January 11, 2026, by target. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1293531/western-sanctions-imposed-on-russia-by-target/> (accessed: 12.02.2025).

на сопровождается привлечением зарубежных партнеров. Глобализация привела в Российскую Арктику десятки фирм из США, Канады, Норвегии, Швеции, Финляндии, стран Западной Европы. Тем более болезненным стал их выход из совместных с Россией арктических проектов в 2012–2024 гг.

Энергетическая отрасль как индикатор продемонстрировала несостоятельность теории о международном разделении труда (с «недружественными» странами). Россия в своём развитии делает ставку на собственные ресурсы. Однако многие ИТ-продукты, внедряемые в отечественные производственные процессы, принадлежат иностранным компаниям. Российское правительство стимулирует переход на отечественную продукцию, но и допускает параллельный импорт технологий и оборудования.

Курс РФ на интеграцию в мировую экономику в 1990-е годы способствовал возникновению зависимости не только от промышленного оборудования, но и от того, какие стандарты используются при его изготовлении и какие параметры оно учитывает. API (Американский институт нефти) и IFP (Французский институт нефти) либо приостановили выдачу российским предприятиям сертификатов соответствия, либо отзывают их. Зарубежные производители из дружественных восточных стран, опасаясь незаконных вторичных санкций, вынуждены прекратить свою деятельность в российских проектах.

Драйверы цифровизации в нефтегазовом комплексе АЗРФ, как и в ТЭК в целом, связаны с технологическими, организационными, регуляторными и социально-экономическими факторами. Среди таких факторов:

- развитие наукоемких прорывных технологий и программного обеспечения, используемых на всех стадиях производственного процесса;
- развитие импортозамещения (системы стандартизации и сертификации в энергетической сфере как инструмент технологического суверенитета);
- стратегическое планирование цифровой трансформации экономики России, ТЭК и его отраслей;
- использование экспериментальных правовых режимов (предполагают «...специальные

регуляторные меры по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых и технологических инноваций»)¹⁷;

- меры государственной поддержки (разработка и принятие отраслевых стратегий, программ развития АЗРФ, деятельность Координационного совета по импортозамещению нефтегазового оборудования при Правительственной комиссии по импортозамещению);

- развитие наземной, морской и цифровой инфраструктуры;

- подготовка кадров и развитие образовательных программ в области ИКТ, создание научно-технологических парков и центров на базе университетов (например, в САФУ имени М.В. Ломоносова функционирует ИТ-парк «Цифровая Арктика»).

На территориях АЗРФ наибольших успехов в цифровизации добились компании ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Лукойл». При этом мы не ставим задачу сравнить их совпадающие подходы к разработке и использованию цифровых решений в природопользовании, ограничиваясь демонстрацией успешных кейсов.

Основу архитектуры цифровой стратегии «Газпрома» образует Единая модель данных, которая состоит из цифровых платформ – специализированных ИТ-сервисов. На их базе действуют цифровые экосистемы газового и нефтяного бизнеса. «Цифровые двойники» – это виртуальные копии действующих производственных объектов, которые содержат полные цифровые характеристики оригинала для прогнозирования его работы в различных условиях.

Комплекс Автоматического Планирования Интерактивной Транспортировки Арктической Нефти («КАПИТАН») компании «Газпром-нефть» предназначен для планирования и развития предиктивной аналитики. Эффект от внедрения комплекса образуется за счет повышения безопасности, снижения затрат на логистику (до 10–12%), сокращения срока расчета и согласования операций отгрузки. «КАПИТАН» является частью комплексного плана по модернизации магистральной инфраструктуры для увеличения грузопотока по СМП.

¹⁷ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45796> (дата обращения: 13.05.2026).

«Газпромнефть-Хантос» (ХМАО) внедряет видеоаналитику в бурение и управление фондом скважин. В 2024 году «умными» камерами оборудовано свыше 2 тыс. единиц транспорта, который перемещается как в пределах промыслов, так и по дорогам общего пользования.

В основе цифровизации «НК «Роснефть» лежит Технологическая цифровая платформа. Она состоит из нескольких баз данных и приложений, разработанных для конкретного месторождения. Деятельность платформы основана на технологиях нейросетей, компьютерного зрения, математических моделях удаленного управления месторождениями. Информационно-технологическая система «Сфера 3D» содержит более 3 тыс. моделей, что позволяет принимать

решения в процессе разведки и добычи нефти, поддержания пластового давления.

В *таблице 1* представлены основные характеристики цифровизации, определенные путем анализа стратегий цифровизации компаний, ведущих добычу нефти и природного газа в АЗРФ.

Данные таблицы 1 показывают, что подходы к цифровизации в компаниях нефтегазового комплекса в АЗРФ сходны по целям, задачам, разработкам. Отличия заключаются, в частности, в географии деятельности и применения цифровых разработок, о чем мы уже говорили выше.

В *таблице 2* представлены эффекты цифровизации на месторождениях в Российской Арктике.

Таблица 1. Особенности цифровизации в российских компаниях при освоении месторождений нефти и природного газа в АЗРФ

№	Название компании	Особенности цифровизации
1	ПАО «Газпром»	Разработана Стратегия цифровой трансформации до 2035 года; цифровизация охватывает все виды деятельности компании; в цифровизации используется ИИ и ЦОД; цифровизация охватывает все этапы жизненного цикла месторождения; реализуется свыше 150 проектов в сфере цифровизации, включая социальную сферу
2	ПАО «НК «Роснефть»	Разработана Стратегия цифровой трансформации до 2030 года; цифровизация охватывает все виды деятельности компании; цифровизация является частью корпоративной стратегии включая такие проекты, как «цифровая автозаправочная станция», «цифровая цепочка поставок», «цифровой завод», «цифровое месторождение»; используется собственное программное обеспечение, ИИ и ЦОД; цифровизация охватывает все этапы жизненного цикла месторождения
3	ПАО «ЛУКОЙЛ»	Разработана Стратегия развития информатизации компании до 2030 года, включающая проекты: роботизация, «цифровые двойники», «цифровой персонал», «цифровое месторождение»
Источник: составлено авторами.		

Таблица 2. Классификация эффектов цифровизации по этапам жизненного цикла месторождений нефти и природного газа в АЗРФ

№ этапа	Название этапа	Эффекты цифровизации
1	Разведка	Увеличение объема данных, повышение точности сейсмической разведки; развитие технологий визуализации и моделирования; увеличение вероятности открытия новых участков; разработка новых подходов к стандартизации процессов разведки
2	Бурение	Удаленное бурение (за сотни километров от объекта); удаленный контроль технологического процесса; развитие алгоритмов предиктивной аналитики; разработка новых подходов к стандартизации процессов бурения: параметров работы, используемого оборудования
3	Эксплуатация месторождения	Внедрение телеметрии на месторождении; автоматизация технологических процессов; удаленное управление технологическими процессами и моделирование («цифровые двойники», моделирование чрезвычайных ситуаций); контроль действий персонала и инфраструктуры на месторождении
Источник: составлено авторами.		

На основе анализа открытых данных проведена систематизация использования цифровых технологий на предприятиях нефтегазового комплекса, обобщены требования к инфраструктуре и некоторые эффекты от нововведений. Данные представлены в *таблице 3*.

«Газпром» и «НК «Роснефть» сотрудничают с ПАО «Сбербанк» («СБЕР»). Цифровой сервис, созданный «СБЕР» и ООО «Арктик Кэтеринг Сервис», предназначен для обеспечения повседневной жизнедеятельности рабочих вахтовых поселений в районах Крайнего Севера. Мобильное приложение можно использовать для решения неотложных проблем в режиме «одного окна», а также как электронный ключ для прохода на территорию предприятия и про-

изводственного объекта. Для использования всех функций на промыслах установлены биометрические терминалы. Ими могут пользоваться более 15 тыс. рабочих, потенциальный охват превышает 750 тыс. пользователей.

ПАО «МТС», ПАО «Мегафон» и ПАО «Ростелеком», несмотря на трудности, продолжают проекты строительства ВОЛС вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Новые линии связи будут использоваться для добычи и транспортировки углеводородов, внесут вклад в развитие портовой инфраструктуры¹⁸.

Внедрение цифровых технологий при освоении труднодоступных месторождений в Арктике происходит и в иностранных компаниях (*табл. 4*).

Таблица 3. Примеры цифровых решений и качественных эффектов от их внедрения на предприятиях нефтегазового комплекса АЗРФ

Цифровые решения	Эффекты внедрения	Требуемая инфраструктура
ИИ для геологоразведки и строительства скважин	Быстрая обработка большого количества данных с предложением оптимальных схем обустройства месторождений	1. ЦОД 2. Специализированное программное обеспечение 3. Система подготовки кадров для поддержания и развития производственной базы
Мониторинг удаленных объектов производства	Повышение промышленной и экологической безопасности за счет использования БПЛА и технологий «машинного зрения» (контроль утечек нефти и газа, иные внештатные ситуации)	1. БПЛА и технические средства удаленного мониторинга и контроля 2. Специализированное программное обеспечение
Аддитивные технологии и их применение в автоматизации производства	Сокращение затрат на логистику и обеспечение бесперебойной работы за счет 3D-печати	Оборудование и расходные материалы (порошок, картриджи) для 3D-печати
Источник: составлено авторами.		

Таблица 4. Технологии и эффекты цифровизации при освоении месторождений нефти и природного газа зарубежными компаниями

Разработчик	Название технологии	Влияние на запасы/добычу	Влияние на экономику предприятия
Shell	Smart Field	Увеличение коэффициента извлечения газа до 5%	Снижение капитальных затрат на 20%
Chevron	I-field	Добыча газа – прирост до 30%	–
Petoro	Smart Operations	–	Снижение капитальных затрат на 50%
Equinor	Integrated Operations	Увеличение добычи на 20%	–
Halliburton	Real Time Operations	–	Снижение капитальных затрат на 20%
Составлено по: (Cherepovitsyn, Tretyakov, 2023; Ponomarenko et al., 2022).			

¹⁸ Арктические проекты интернет-кабелей замораживают один за другим. URL: <https://servernews.ru/1119745> (дата обращения: 12.02.2026).

Сравнительный анализ таблиц 1, 3 и 4 показывает, что в то время как фокус цифровизации российских компаний в Арктике смещен в сторону создания цифровых экосистем и разработки прикладных инструментов, зарубежные компании нацелены на конкретные операционные KPI, такие как прирост запасов и добычи, снижение затрат на достижение результатов и сроков окупаемости инвестиций.

Одним из первых государств, начавших использование цифровых технологий при освоении морских месторождений в арктических условиях, стала Норвегия (государственная компания Statoil-Equinor). При этом необходимо учитывать, что природно-климатические условия в Норвегии и на ее шельфе Баренцева и Норвежского морей — самые «легкие» в Арктике. Инновационные технические решения были использованы в 2006 году на Киркинесском газоконденсатном месторождении (ГКМ), а затем запланированы для Штокмановского ГКМ.

С точки зрения количественных эффектов от внедрения цифровых решений можно привести следующие данные.

По оценке Правительства РФ, доля импортного оборудования и технологий (в т. ч. программного обеспечения) в различных отраслях ТЭК России в 2023 году варьировала от 25 до 90%¹⁹. Снижение импортозависимости нефтегазового комплекса РФ с 2014 года и до активной фазы антироссийских санкций в 2022 году составило 20% (с 60 до 40%). По данным McKinsey, использование облачных технологий позволяет ускорить обработку данных на 30%. Нефтегазовые компании, которые используют цифровые технологии, показывают рост производительности до 8%. Внедрение только имеющихся в настоящее время цифровых разработок увеличит вероятность открытия новых месторождений в Арктике на 48–50%, в разведыва-

тельном бурении и добыче позволит снизить расходы на 10–15%, до 150 млрд руб., сократит аварийные остановки до 20%²⁰.

В 2020–2023 гг. «НК «Роснефть» получила патент на 63 изобретения, а общее число используемых патентов приблизилось к 1 тыс. Применение собственных ИКТ привело к открытию семи месторождений и сотен залежей углеводородов. Внедрение цифровых технологий позволило сократить время простоя скважин на 56%, а потери нефти — на 63%. Эффективность производственных процессов возросла на 10%. Экономический эффект от реализации программы повышения производственной эффективности в 2023 году превысил 3,5 млрд руб., за 5 лет составил 15 млрд руб.²¹

Цифровизация нефтегазовой отрасли вносит важный вклад в обеспечение технологического суверенитета РФ. В качестве примера рассмотрим деятельность Института нефтегазовых технологических инициатив (ИНТИ)²². Он был создан в 2020 году с целью модернизации отечественных устаревших (со времен СССР) и недоступных западных (2014–2022 гг.) стандартов оборудования и технологий, применяющихся в нефтегазовой сфере, их сертификации. В состав учредителей ИНТИ входят компании ТЭК РФ, среди которых «Газпром», «Газпромнефть», «СИБУР», «НОВАТЭК», «Лукойл», «Татнефть», «Транснефть», «Роснефть» (присоединилась в 2023 году)²³, а также зарубежные «Узбекнефтегаз» (Узбекистан), «КазМунайГаз» (Казахстан), «Кыргызнефтегаз» (Кыргызстан), «Беларусьнефть» (Белоруссия).

ИНТИ — это площадка, предназначенная для обсуждения вызовов, стоящих перед нефтегазовой отраслью, продвижения локальных производителей оборудования и технологий в нефтегазовой сфере, испытаний инновационной продукции и апробирования стандартов,

¹⁹ Доля импортного оборудования в разных сегментах ТЭК варьируется от 25% до 90%. URL: <https://oilcapital.ru/news/2023-09-20/dolya-importnogo-oborudovaniya-v-raznyh-segmentah-tek-variruetsya-ot-25-do-90-novak-3047190>. (дата обращения: 12.11.2025).

²⁰ ТЭК России: оцифровка. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/tsifrovizatsiya/547922-tek-rossii-otsifrovka> (дата обращения: 12.11.2025); Эксперт: цифровизация проектов в Арктике на 50% увеличит вероятность открытия месторождений. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19996705> (дата обращения: 12.11.2025).

²¹ Как нефтегаз цифруется. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7026080> (дата обращения: 10.01.2026).

²² ИНТИ — Институт нефтегазовых технологических инициатив. URL: <https://inti.expert/> (дата обращения: 30.12.2025).

²³ «Роснефть» вошла в число учредителей ИНТИ. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1065652> (дата обращения: 12.05.2026).

обмена информацией о поставщиках оборудования и технологий, организации взаимодействия между ними и производителем сырья, унификации требований энергетических и инжиниринговых компаний к оборудованию и технологиям через разработку отраслевых регламентов (стандартов).

Зарубежный аналог ИНТИ — API, созданный в США в 1919 году. Среди задач API — развитие сотрудничества с правительством, стимулирование торговли нефтью и природным газом на внешнем и внутреннем рынках, привлечение инвестиций, повышение интереса к деятельности нефтегазовой промышленности в США. API остается одним из наиболее авторитетных структур в сфере стандартизации и сертификации нефтегазового оборудования.

Наличие иностранных партнеров, в т. ч. из стран соглашения ОПЕК+: «ADNOC» (ОАЭ), «Sonangol» (Ангола), «Sonatrach» (Алжир), «KPC» (Кувейт), — это не просто проявление интереса к российским разработкам, это означает, что производитель, получивший оценку соответствия по стандартам, разработанным в ИНТИ (более 500 в 2025 году), имеет возможность работать только на рынке РФ, но в странах Ближнего Востока и Африки. Анализируя интерес иностранных партнеров к деятельности ИНТИ, мы полагаем, что число фирм, желающих заместить американские и европейские модели стандартизации, будет увеличиваться. ИНТИ вносит вклад в разработку российских импортозамещающих стандартов в области применения на нефтегазовых месторождениях полимерных армированных труб, технологий поверхностного упрочнения металлических изделий ионной химико-термической обработкой и других технологий²⁴.

ИНТИ развивает систему сертификации — проверку соответствия стандартов запросам компании-производителя. На территории России создана сеть испытательных центров (в т. ч. в субъектах АЗРФ) для тестирования оборудования и технологий, при этом испытания не требуется проводить в каждой нефтегазовой компании, теперь достаточно подтвердить качество продукции на едином полигоне.

ИНТИ — это современный цифровой стандарт в нефтегазовой отрасли, который существует в нескольких взаимосвязанных приложениях: INTI.DOC служит для хранения стандартов, INTI.QUALITY предназначено для проведения экспертиз и испытаний, INTI.INSIGHTS содержит информацию об оборудовании, продуктах, услугах, стандартах, сертифицированных в ИНТИ.

Среди эффектов деятельности ИНТИ можно выделить следующие:

- устранение барьеров при применении иностранных стандартов и систем сертификации за счет создания альтернативной системы оценки соответствия;
 - ускоренное внедрение технологий и оборудования в производственную деятельность;
 - снижение затрат производителей на прохождение технической квалификации и оценку компетенций;
 - оптимизация технологической цепочки за счет единых стандартов от заказчиков;
 - расширение географии сбыта продукции;
 - упрощение процессов внедрения и тиражирования инновационных разработок.
- Эффекты для нефтегазовых компаний могут быть следующие:
- снижение санкционных рисков экономической деятельности;
 - расширение пула поставщиков оборудования и технологий;
 - обеспечение снабженческой безопасности и технической независимости;
 - оптимизация капитальных и операционных затрат при реализации проектов;
 - снижение временных и финансовых издержек на применение и испытание инновационной и импортозамещенной продукции;
 - снижение временных и финансовых издержек на техническую оценку качества продукции, а также оценку компетенций производителей.

Заключение

Несмотря на развитие альтернативных источников энергии, мировые энергетические агентства прогнозируют увеличение спроса на традиционные источники энергии к 2030 году. Обеспечение спроса влечет за собой необходимость ввода в эксплуатацию новых запасов,

²⁴ Алексей Фадеев о мерах стандартизации в ИНТИ. URL: <https://lng.expert/2025/11/mnenie-eksperta-aleksej-fadeev-o-merah-standartizatsii-v-inti> (дата обращения: 12.05.2026).

а также повышение эффективности оборудования. Это определяет актуальность использования современных цифровых технологий на всех этапах освоения нефтегазовых месторождений.

Практических успехов в цифровизации экономической деятельности на арктических территориях РФ среди предприятий ТЭК добились «ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Лукойл». Вместе с тем одной из трудностей нашего исследования стал поиск актуальной информации. Отсутствие данных в официальной статистике, закрытые корпоративные отчеты не позволили в полной мере количественно охарактеризовать промежуточные итоги цифровизации на предприятиях нефтегазового комплекса в АЗРФ.

Тем не менее одним из итогов исследования является констатация факта: цифровизация на объектах нефтегазового комплекса – комплексное понятие. Оно включает в себя процессы разработки и внедрения в технологический процесс наукоемкого оборудования, программного обеспечения, ИКТ, совершенствование системы управления на предприятии, в т. ч. удаленного. Цель цифровизации на предприятиях ТЭК в Арктике – повысить окупаемость инвестиций, рентабельность предприятий, сделать труд персонала более безопасным и сохранить качество хрупкой окружающей среды. Цифровизация повышает вероятность открытия новых месторождений.

Одним из итогов авторского вклада в исследование проблем цифровизации стало изучение ее драйверов и барьеров в АЗРФ. Научный поиск показал, что они парадоксально связаны. С одной стороны, в России на государственном и корпоративном уровнях принимается большое число документов и отраслевых стратегий о переходе к цифровой экономике, с другой стороны, по мнению международных экспертов, несовершенство законодательства по-прежнему тормозит цифровизацию. С одной стороны, экстремальные природные условия в АЗРФ делают невозможным развитие наземного транспорта и создают предпосылки для оказания коммуникационных услуг в цифровом виде. С другой стороны, климатические особенности, удаленность объектов, безлюдные пространства

удорожают процессы разработки и внедрения цифровых решений. С одной стороны, санкции оказывают негативное влияние на реализацию арктических мегапроектов, сдвигают сроки. С другой стороны, успешные примеры преодоления внешних ограничений показывают, как Россия движется по пути импортозамещения. С одной стороны, перед цифровой экономикой стоит проблема обеспечения кадрами. С другой стороны, предпринимаемые государством шаги в сферах рекрутинга, в целевой подготовке специалистов, совместной с образовательными организациями разработке отраслевых образовательных стандартов в области ИКТ с акцентом на практическую подготовку, наставничество, развитие системы повышения квалификации способствуют преодолению кадрового голода и появлению прорывных научно-технологических разработок.

Одним из препятствий цифровизации в арктическом ТЭК является высокая стоимость проектов. При всей важности поставленных целей и значительном объеме выделяемых из бюджета средств их недостаточно. Целесообразным представляется продолжение создания государственно-частных партнерств, применения концессионных соглашений, статуса «резидента Арктической зоны», что предполагает кредитные, налоговые, таможенные, организационные преференции. Представляется, что в результате взаимодействия государства, бизнеса и научно-образовательных организаций повышается степень освоения и улучшается связанность территорий, накапливаются знания и ценный опыт природопользования.

Как абсолютная управленческая новелла в статье обозначена деятельность ИНТИ. Этот инструмент цифровизации хорошо зарекомендовал себя с точки зрения импортозамещения: нефтегазовые компании договариваются о единых требованиях к оборудованию, технологиям, программному обеспечению взамен иностранных аналогов. При этом уточняется отраслевой спрос, определяются якорные производители, происходит апробация образцов. Этот позитивный опыт последних лет, безусловно, нуждается в тиражировании и международном признании.

Литература

- Васильев Ю.С., Диденко Н.И., Черенков В.И. (2019). Некоторые проблемы и перспективные драйверы устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации. // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 1 (63). С. 4–26.
- Вопиловский С.С. (2022). Стратегические тренды энергетического развития северных территорий России // Арктика и Север. № 49. С. 23–37.
- Казанин А.Г. (2024). Разноуровневые стратегии развития: арктический нефтегазовый вектор. // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 3 (85). С. 123–135.
- Питухина М., Белых А.Д. (2023). Использование технологий искусственного интеллекта в Российской Арктике на примере Мурманской области // Арктика и Север. № 52. С. 167–179.
- Полякова Н.А., Жеребчикова П.Е. (2025). Технологические инновации как фактор конкурентоспособности нефтегазовых компаний в Арктике // Арктика и инновации. Т. 3. № 2. С. 16–21.
- Российская Арктика: современная парадигма развития (2014) / под ред. академика А.И. Татаркина. Санкт-Петербург: Нестор-История. 844 с.
- Скотаренко О.В., Бабкина Л.Н., Гафуров А.Р., Никитин Ю.А. (2012). Управление цепями поставок шельфовых проектов в Арктике на основе цифровой трансформации // Микроэкономика. № 4. С. 76–87.
- Скотаренко О.В., Хаценко Е.С. (2022). Коммуникативные взаимодействия поставщиков энергетических ресурсов на арктических территориях на основе цифровизации // Микроэкономика. № 5. С. 87–99.
- Смирнова П.В., Степаненко Д.А. (2025). Развитие инновационной экосистемы в Арктической зоне РФ в условиях цифровой среды // Техничко-технологические проблем сервиса. № 4 (74). С. 91–98.
- Трейман М.Г., Купрякова А.В., Игнатова Д.Ю. (2025). Анализ развития цифровой трансформации Арктической зоны РФ // Экономика строительства. № 10. С. 281–284.
- Яхьяев Д.Б., Иванова И.А., Воронина Л.В., Григоришин А.В. (2023). Цифровизация арктических регионов России: проблемы и пути решения // Вопросы экономики и права. № 185. С. 39–44.
- Beloshitskiy A.V., Beloshitskiy T.A., Cherepovitsyn A.E., Fatkhullin S.F. (2024). Developing a 3D seismic survey technique in the Arctic region. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 1, 39–49. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2024.83.003
- Buzmakov S.A., Sannikov P.Y., Kuchin L.S., Igoscheva E.A., Abdulmanova I.F. (2023). The use of unmanned aerial photography for interpreting the technogenic transformation of the natural environment during the oilfield operation. *Journal of Mining Institute*, 260, 180–193. DOI: 10.31897/PMI.2023.22/
- Dmitrieva D., Cherepovitsyna A., Stroykov G., Solovyova V. (2022). Strategic sustainability of offshore Arctic oil and gas projects: Definition, principles, and conceptual framework. *Journal of Marine Science and Engineering*, 10(1), 23. Available at: <https://doi.org/10.3390/jmse10010023>
- Cherepovitsyn A.E., Tretyakov N.A. (2023). Development of new system for assessing the applicability of digital projects in the oil and gas sector. *Journal of Mining Institute*, 262, 628–642.
- Filippov E.V., Zakharov L.A., Martyushev D.A., Ponomareva I.N. (2022). Reproduction of reservoir pressure by machine learning methods and study of its influence on the cracks formation process in hydraulic fracturing. *Journal of Mining Institute*, 258, 924–932. DOI: 10.31897/PMI.2022.103
- Kukul T., Coşkun E.A. (2011). Stratified space by the integration of physical and digital spaces. In: *Proceedings of the 29th Conference on Education in Computer Aided Architectural Design in Europe, Ljubljana, Slovenia, September 21–24*.
- Levina A., Kalyazina S., Dubgorn A., Gorbacheva A. (2025). Characteristics of digital infrastructure development in the Arctic. In: Ilin I., Youzhong M. (Eds). *Digital Systems and Information Technologies in the Energy Sector. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 1244*. Cham: Springer. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-031-80710-7_12

- Moulton B.R. (2000). GDP and the digital economy: Keeping up with the changes. Understanding the digital economy: Data, tools, and research. In: *Understanding the Digital Economy*. Cambridge: MIT Press.
- Palviaa P., Baqir N., Nemati H. (2017). ICT for socio-economic development: A citizens' perspective. *Information and Management*, 55(2), 160–176. DOI: 10.1016/j.im.2017.05.003
- Pichkov O.B., Ulanov A.A., Patrulina K.A. (2022). Digitalization of the Arctic. In: Pak E.V., Krivtsov A.I., Zagrebelnaya N.S. (Eds). *The Handbook of the Arctic*. Singapore: Palgrave Macmillan. Available at: https://doi.org/10.1007/978-981-16-9250-5_22-1
- Ponomarenko T., Marin E., Galevskiy S. (2022). Economic evaluation of oil and gas projects: Justification of engineering solutions in the implementation of field development projects. *Energies*, 15(9), 3103. Available at: <https://doi.org/10.3390/en15093103>
- Romashev A.O., Nikolaeva N.V., Gatiatullin B.L. (2022). Adaptive approach formation using machine vision technology to determine the parameters of enrichment products deposition. *Journal of Mining Institute*, 256, 677–685. DOI: 10.31897/PMI.2022.77
- Samylovskaya E., Makhovikov A., Lutonin A., Medvedev D., Kudryavtseva R. (2022). E-digital technologies in arctic oil and gas resources extraction: Global trends and Russian experience. *Resources*, 11(3), 29. Available at: <https://doi.org/10.3390/resources11030029/>
- Vasileva Z.V., Vasekha M.V., Tyulyaev V.S. (2023). Evaluation of the efficiency of sorbents for accidental oil spill response in the Arctic waters. *Journal of Mining Institute*, 264, 856–864. DOI: 10.31897/PMI.2023.14
- Zaikov K.S., Kondratov N.A., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu. (2021). Analyzing trends in training highly qualified personnel in the interests of strategic development of the Arctic zone of the Russian Federation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), 125–140. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.9
- Zemenkova M.Y., Chizhevskaya E.L., Zemenkov Y.D. (2022). Intelligent monitoring of the condition of hydrocarbon pipeline transport facilities using neural network technologies. *Journal of Mining Institute*, 258, 933–944. DOI: 10.31897/PMI.2022.105
- Zhukovskiy Y., Koshenkova A., Vorobeva V., Rasputin D., Pozdnyakov R. (2023). Assessment of the impact of technological development and scenario forecasting of the sustainable development of the fuel and energy complex. *Energies*, 16(7), 3185. Available at: <https://doi.org/10.3390/en16073185>

Вклад авторов

Авдони́на Наталья Сергеевна: проведение исследования; курирование данных; визуализация; написание черновика рукописи;

Кондратов Николай Алексеевич: разработка концепции; разработка методологии; написание рукописи – рецензирование и редактирование;

Куприков Никита Михайлович: разработка методологии; разработка программного обеспечения; валидация результатов; написание рукописи – рецензирование и редактирование;

Куприков Михаил Юрьевич: разработка методологии; написание черновика рукописи; написание рукописи – рецензирование и редактирование;

Ларичкин Федор Дмитриевич: формальный анализ; административное руководство исследовательским проектом; визуализация;

Ромашева Наталья Владимировна: проведение исследования; курирование данных; валидация результатов; написание черновика рукописи;

Фадеев Алексей Михайлович: разработка концепции; научное руководство, формальный анализ; предоставление ресурсов; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Сведения об авторах

Наталья Сергеевна Авдони́на — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: n.avdonina@narfu.ru)

Николай Александрович Кондратов — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: n.kondratov@narfu.ru)

Никита Михайлович Куприков — доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (Российская Федерация, 125993, г. Москва, Волоколамское ш., д. 4; e-mail: nkuprikov@mail.ru)

Михаил Юрьевич Куприков — доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (Российская Федерация, 125993, г. Москва, Волоколамское ш., д. 4; e-mail: kuprikov@mail.ru)

Федор Дмитриевич Ларичкин — доктор экономических наук, профессор, главный эксперт, Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН имени Г.П. Лузина (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: larichkinfedor@yandex.ru)

Наталья Владимировна Ромашева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II (Российская Федерация, 199106, г. Санкт-Петербург, Васильевский о-в, 21 линия, д. 2; e-mail: natasmir84@mail.ru)

Алексей Михайлович Фадеев — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт экономических проблем Кольского научного центра РАН имени Г.П. Лузина (Российская Федерация, 184209, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а); профессор кафедры, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29; e-mail: alexfadeev79@gmail.com)

Avdonina N.S., Kondratov N.A., Kuprikov N.M.,
Kuprikov M.Yu., Larichkin F.D., Romasheva N.V., Fadeev A.M.

Digitalization Experience in the Oil and Gas Sector and Its Implementation in the Russian Arctic Zone

Abstract. The relevance of this study stems from the fact that globalization — accompanied by the penetration of information and communication technologies and the internet into production and social processes, the opening up of new pioneer regions, and the COVID-19 pandemic — has triggered a catalytic reaction that is turning digital technologies into the main driving force of scientific and technological progress. One of the sectors affected by digitalization is the fuel and energy complex, particularly oil and natural gas extraction enterprises. In the Russian Arctic, digitalization has become a strategic priority for development. Hence the aim of this study: to characterize digitalization as a strategic direction for the development of oil and gas companies operating in the Russian Arctic. To achieve this aim, the following methods were employed: analytical method, content analysis of digitalization strategies and practices, expert interviews, and a comparative descriptive analysis of the authors' own experience. The scientific novelty of the study lies in providing a more detailed characterization of the drivers of, and barriers to, the development of digital technologies in the Russian Arctic; in revealing how these drivers and barriers influence one another; and in firmly establishing digitalization as a strategic development path for oil and natural gas companies active in the region. The objective facts and subjective assessments presented in the paper highlight the need to deploy and refine digital technologies in the interests of effective and

safe resource management in the Arctic. From a practical standpoint, the article's materials will be useful to strategic planning specialists and to experts working on import substitution and on ensuring Russia's technological sovereignty. A promising avenue for further research could be to systematize and classify the experience of digitalization in Russian and foreign energy companies, quantifying the effects of introducing such technologies under Arctic conditions and identifying the infrastructure requirements this entails.

Key words: Arctic zone of the Russian Federation, mineral resources, digitalization, import substitution.

Information about the Authors

Natalia S. Avdonina – Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, associate professor of department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: n.avdonina@narfu.ru)

Nikolay A. Kondratov – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, associate professor of department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: n.kondratov@narfu.ru)

Nikita M. Kuprikov – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Moscow Aviation Institute (National Research University) (4, Volokolamskoe Highway, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: nkuprikov@mail.ru)

Mikhail Yu. Kuprikov – Doctor of Sciences (Engineering), Professor, head of department, Moscow Aviation Institute (National Research University) (4, Volokolamskoe Highway, Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: kuprikov@mail.ru)

Fedor D. Larichkin – Doctor of Sciences (Economics), Professor, chief expert, G.P. Luzin Institute of Economic Problems of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation; e-mail: larichkinfedor@yandex.ru)

Natalya V. Romasheva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University (2, 21st Line, Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 199106, Russian Federation; e-mail: natasmir84@mail.ru)

Alexey M. Fadeev – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, G.P. Luzin Institute of Economic Problems of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (24A, Fersman Street, Apatity, 184209, Russian Federation); professor of department, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Politekhnikeskaya Street, Saint Petersburg, 195251, Russian Federation; e-mail: alexfadeev79@gmail.com)

Статья поступила 02.03.2026.

О влиянии налога на доходы физических лиц на трудовую миграцию

Анна Витальевна

ТИХОНОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация

e-mail: AVTikhonova@fa.ru

ORCID: 0000-0001-8295-8113; ResearcherID: Q-5268-2017

Юлия Васильевна

МАЛКОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация

e-mail: YuMalkova@fa.ru

ORCID: 0000-0002-6630-9065; ResearcherID: AFN-6567-2022

Аннотация. В статье разработан авторский методический подход к оценке влияния трансформаций отдельных элементов налога на доходы физических лиц на потоки миграции населения. Предметом исследования являются инструменты налогообложения физических лиц (налоговые ставки по НДФЛ, критерии признания резидентства, перечень облагаемых доходов), а также миграционные потоки. Цель работы состоит в обосновании направлений совершенствования инструментов налогообложения физических лиц, обеспечивающих преимущество Российской Федерации в конкурентной борьбе за трудовые ресурсы. Методы исследования: интервальная группировка, аналитическая группировка, кластерный анализ (иерархический и методом k-средних), картографический метод, теоретические методы сопоставления и сравнения. Сформировавшиеся кластеры позволили выявить наличие взаимосвязи между миграционными процессами и конкурентоспособностью индивидуального подоходного налогообложения,

Для цитирования: Тихонова А.В., Малкова Ю.В. (2026). О влиянии налога на доходы физических лиц на трудовую миграцию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 123–143. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.7

For citation: Tikhonova A.V., Malkova Yu.V. (2026). On the impact of personal income tax on labor migration. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 123–143. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.7

а в рамках сравнительно-странового анализа (обследованы данные 38 стран ОЭСР) обоснована высокая конкурентоспособность российского НДФЛ. В результате выявлено, что изменения, внесенные в налогообложение физических лиц (введение прогрессии, изменение подхода к налогообложению резидентов и нерезидентов), потенциально не несут негативных последствий в виде оттока трудовых ресурсов за рубеж, но в то же время не способствуют привлечению наиболее ценного человеческого капитала. Представлены рекомендации по совершенствованию налогообложения высококвалифицированных специалистов. Разработанный методический подход позволяет проводить оценку потенциальных последствий изменения подоходных налогов в странах мира в области миграции населения. Научная новизна исследования состоит в разработке авторской двухэтапной методики анализа влияния элементов НДФЛ на миграционные потоки, а также в формировании предложений по совершенствованию налогообложения физических лиц в части адаптации к требованиям технологического развития шкалы налогообложения и подходов к применению налоговых вычетов для высококвалифицированных специалистов, что будет способствовать привлечению наиболее ценных трудовых ресурсов, а также соблюдению принципов налогового равенства.

Ключевые слова: подоходный налог, трудовые потоки, резидентство, налоговая ставка, прогрессивное налогообложение, налоговая конкуренция, кластерный анализ, высококвалифицированные специалисты.

Введение

Шкала налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в России с момента своего становления прошла путь от простых пропорциональных ставок к сложной многоуровневой модели, которая сегодня представляет собой не просто механизм сбора средств для бюджета, но и важнейший инструмент социальной политики. С 1 января 2025 года в Российской Федерации установлена новая прогрессивная ставка налога (13–22%), которая, по мнению ряда исследователей, ввела Россию в клуб стран с «цивилизованным» налогообложением (Балацкий и др., 2020) и должна способствовать экономическому росту (Hatfield, 2015).

Прогрессивная шкала налогообложения формирует баланс между справедливостью распределения налогового бремени и экономической эффективностью. Однако в условиях динамичного социально-экономического развития, роста цен, изменяющихся потребительских предпочтений и демографических тенденций сбалансированность, конкурентоспособность и устойчивость НДФЛ подвергаются серьёзному анализу в научной литературе. Отмечается, что применение социальных трансфертов как инструмента социальной политики в настоящее время имеет существенно большее значение (Новикова, 2024).

Реалии современной экономики выявляют ряд проблем, которые подрывают как сбалансированность, так и конкурентоспособность

национального НДФЛ. Во-первых, существует дисбаланс между ставкой НДФЛ и уровнем жизни населения (Пансков, 2023). Рост стоимости жилья, медицинских услуг и образования делает 13%-ную ставку ощутимо тяжелее для среднего класса, при этом даже при наличии вычетов их сумма не покрывает базовые расходы семьи. Во-вторых, наличие разрывов между ставками создаёт эффект «потолка», когда люди могут искусственно ограничивать свой доход, чтобы не попасть в более высокую налоговую категорию, что было доказано с применением методов инструментальной экономики (Пинская, Тихонова, 2024; Пинская и др., 2025). Это снижает экономическую гибкость и стимулирует неформальные практики. Подобное поведение обесценивает саму идею прогрессивности (Балацкий, Екимова, 2021). При этом основная масса исследований негативных последствий от введения прогрессии связана с рисками ухода заработной платы «в тень» (Смирнова, 2024; Болденков и др., 2025), то есть преимущественно рассматривается лишь один канал «утечки» налоговой базы.

Мы делаем акцент на другом канале — миграционном оттоке, возникающем в результате более льготных условий налогообложения доходов в странах-конкурентах. В научных исследованиях неоднократно доказывалось, что снижение ставок индивидуальных подоходных налогов увеличивает приток иностранных

работников из других стран (Lyssiotou, Savva, 2021). Однако обратные эффекты миграционного оттока однозначно не доказаны. Акцент на таком типе миграции обоснован вниманием научной общественности к обострившейся проблеме оттока высококвалифицированных специалистов после 2022 года (Фомкин, 2024). В результате российскими исследователями в последнее десятилетие фиксируется парадоксальный тренд: «утечка умов» компенсируется «притоком мускулов» (Безвербный, Микрюков, 2019). Полагаем, что в связи с этим оценка конкурентоспособности НДФЛ была бы неполной без анализа условий налогообложения доходов физических лиц тех стран, потоки миграции с которыми у России наиболее активны.

С учетом вышеизложенного цель исследования заключается в обосновании направлений совершенствования инструментов налогообложения физических лиц, обеспечивающих преимущество Российской Федерации в конкурентной борьбе за трудовые ресурсы. Гипотеза исследования состоит в том, что влияние роста налоговой нагрузки на физических лиц ограничено и проявляется, главным образом, в отно-

шении высокодоходных и высококвалифицированных групп граждан, заинтересованных в получении личных и инвестиционных доходов в стране обложения дохода. Оговоримся, что в данной статье мы делаем акцент только на налогообложении активных доходов (трудовые, доходы по гражданско-правовым договорам и т. п.), так как новая российская прогрессивная шкала затрагивает в основном эту группу доходов (Пансков, 2025). Мы сконцентрировали исследование на следующих аспектах налогообложения: определение статуса налогоплательщика, перечень облагаемых активных доходов в зависимости от статуса, а также размер налоговой ставки.

Методы и материалы

Методика работы основана на последовательном проведении двух этапов:

- 1) количественное исследование влияния конкурентоспособности подоходного налогообложения на процессы миграции населения;
- 2) теоретический анализ условий налогообложения физических лиц стран – конкурентов Российской Федерации за трудовые ресурсы.

Более подробно методология исследования представлена в *таблице 1*.

Таблица 1. Методология проведения исследования

Этап	Характеристика исследования этапа			
	Применяемый инструмент	Метод анализа	Характер используемых данных	Цель проведения этапа
1. Количественное исследование влияния конкурентоспособности подоходного налогообложения на процессы миграции населения				
1.1	Кластерный анализ	Иерархический анализ (дендрограмма)	Стандартизированные данные: 1. Стоимость выездных пассажирских перевозок, млн долларов США 2. Количество выездных поездок в отношении людей, оставшихся на ночь, тысяч поездок 3. Международный индекс налоговой конкурентоспособности 4. Рейтинг по индивидуальному подоходному налогу 5. Рейтинг сложности подоходного налога 6. Рейтинг налогообложения прироста капитала/дивидендов	Выделение необходимого количества групп (кластеров) для последующего разделения совокупности более точным методом k-средних
1.2	Кластерный анализ	Метод k-средних		Классификация стран с целью выделения качественно однородных групп, в связи с необходимостью предварительного определения числа кластеров проводится этап 1.1
1.3	Статистическая группировка	Типологическая группировка (типы стран сформированы аналогично группам этапа 1.2)	Данные в натуральном выражении (показатели из этапа 1.1 и 1.2)	Для формирования качественных выводов проведена группировка с расчетом средних характеристик в натуральных единицах, так как кластерный анализ реализован по стандартизированным данным (этап 1.2)

Окончание таблицы 1

Этап	Характеристика исследования этапа			
	Применяемый инструмент	Метод анализа	Характер используемых данных	Цель проведения этапа
2. Теоретический анализ условий налогообложения физических лиц стран – конкурентов Российской Федерации за трудовые ресурсы				
2.1	Статистическая группировка	Интервальная группировка.	Данные в натуральном выражении: количество выехавших граждан России за рубеж по всем целям визита. Количество интервалов (групп стран) определено как корень из их количества, а шаг интервала – как разница между максимальным и минимальным значением, деленным на число интервалов	Отбор стран для характеристики условий налогообложения физических лиц
Источник: составлено авторами.				

Применительно к налогообложению дефиниция «конкурентоспособность» используется либо в контексте территориальной конкуренции (Громов, 2020), либо конкуренции налоговых систем (Пугачев и др., 2019), либо международной налоговой конкуренции (Полежаева, 2025). Конкурентоспособность налога – это свойство конкретного фискального платежа, определяемое его способностью минимизировать негативное влияние на экономическую активность субъектов, сохраняя при этом стабильные и прогнозируемые поступления в бюджет. В отличие от более широкого понятия «конкурентоспособность налоговой системы», которое оценивает совокупную эффективность всей модели налогообложения страны, конкуренция налога рассматривается на уровне отдельных платежей. Важнейшее различие понятий состоит в масштабе анализа: конкурентоспособность налоговой системы оценивает общую привлекательность страны для инвесторов; конкурентоспособность отдельного налога фокусируется на том, как этот элемент влияет на принятие решений внутри бизнес-процессов, например на выбор места работы или получения доходов.

При отборе стран для анализа условий исчисления подоходных налогов учёные руководствуются различными категориями, например оценочным объемом ВВП (Болденков и др., 2025), опытом применения прогрессивной шка-

лы (Дятлов, 2024). По нашему мнению, такой подход не соответствует принципу сопоставимости и в существенной мере может исказить полученные результаты. В связи с этим для отбора государств мы использовали единую миграционную статистику по 38 странам ОЭСР, сложившуюся в 2024 году и сформированную UN Tourism (ООН Туризм) — специализированным агентством Организации Объединенных Наций¹.

Несмотря на то, что ООН позиционирует свою статистику как туристическую, она может исследоваться для характеристики миграционных потоков населения в силу ряда причин, связанных с методологией учета показателей, экономическими факторами и социальной динамикой. Ключевым критерием разграничения туризма и миграции в UN Tourism является временной фактор. Согласно рекомендациям UN Tourism², турист — это лицо, которое перемещается в место за пределами своей обычной среды на период от одного дня до одного года (с любой целью выезда, кроме работы)³. Если человек остается в другой стране дольше этого срока, он формально перестает считаться туристом и переходит в категорию мигранта (или резидента). Однако на практике эта граница размыта: многие люди, прибывшие как туристы, продлевают свое пребывание, меняют статус визы или просто не возвращаются обратно. В результате данные о туристических потоках

¹ URL: <https://www.untourism.int/tourism-statistics/tourism-statistics-database> (дата обращения: 22.01.2026).

² International Recommendations for Tourism Statistics 2008.

³ URL: <https://www.untourism.int/glossary-tourism-terms#T> (дата обращения: 23.06.2026).

завышаются, а миграционная статистика недооценивается. В статистике UN Tourism также учитывается сезонная и циклическая миграции, которые часто маскируются под туризм (например, в странах с развитым курортным сектором). Такие люди фиксируются как туристы, если их пребывание не превышает года, хотя по сути это экономическая миграция. Их перемещения формируют устойчивый демографический и трудовой паттерн, характерный для миграционных процессов. Более того, туризм часто является первым этапом миграционного выбора. Многие потенциальные мигранты сначала посещают страну как туристы, чтобы оценить условия жизни, стоимость недвижимости, качество образования или возможности трудоустройства. Таким образом, всплеск туристической активности из определенных регионов часто предшествует росту миграционных потоков из этих же регионов. Кроме того, в условиях глобализации и цифровизации стираются границы между «временным» и «постоянным» проживанием. Цифровые кочевники, которые живут в разных странах по 6–11 месяцев, формально остаются туристами в статистике отелей и аэропортов, но их образ жизни и экономическое влияние аналогичны мигрантским. Их присутствие не учитывается в традиционной миграционной статистике, так как они не меняют гражданство или место постоянной регистрации, но существенно влияют на демографическую и экономическую картину принимающих стран. Наконец, методологические различия в сборе данных также создают пересечения. Туристическая статистика часто строится на данных пограничного контроля, банковских транзакциях и бронированиях. Миграционная статистика опирается на данные регистрационных учетов, переписей населения и запросов на визы. Однако многие мигранты, особенно нелегальные или временные рабочие, не попадают в миграционные реестры, их перемещения фиксируются туристическими базами. Таким образом, туристическая статистика выступает косвенным индикатором реальных масштабов мобильности населения, включая неучтенные миграционные процессы.

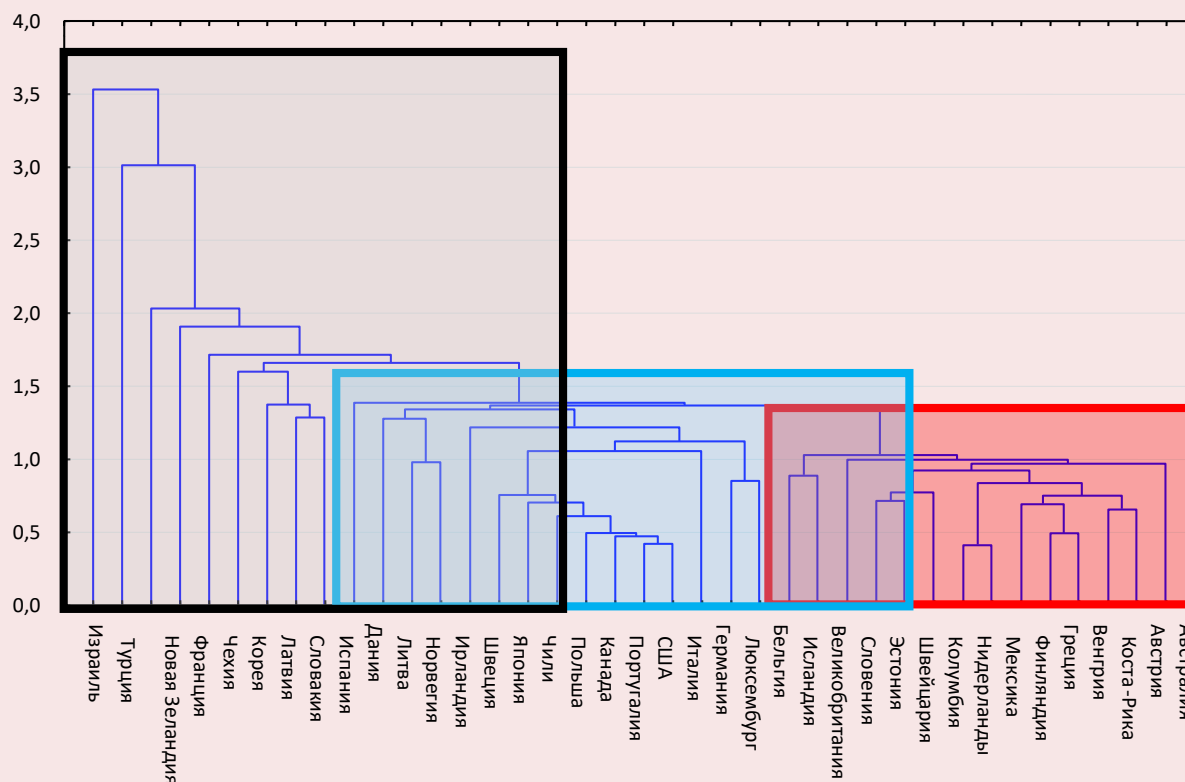
В качестве значимых показателей (в рамках проводимого кластерного анализа) выступили средняя стоимость выездных пассажирских перевозок и количество выездных поездок в отношении людей, оставшихся на ночь. Статистически незначимыми оказались следующие переменные: исходящий платежный баланс по пассажирским перевозкам, вместимость гостиниц и аналогичных учреждений.

Оценка конкурентоспособности подоходного налогообложения осуществлялась на базе международного индекса конкурентоспособности налогообложения (The International Tax Competitiveness Index — ITCI). Данный индекс включает в себя рейтинг страны по индивидуальному подоходному налогу, который определяется тремя подкатегориями: ставка и прогрессивность налогообложения заработной платы, сложность подоходного налога и налогообложение прироста капитала/дивидендов⁴. Выбор составляющих обосновывается тем, что в большинстве стран физические лица облагаются налогом на доход двумя способами. Во-первых, страны облагают доходы от трудовой деятельности с помощью обычного подоходного налога. Его структура может влиять на решения физических лиц о том, работать ли им, устраиваться ли на дополнительную подработку или будет ли работать второй родитель в семье. Во-вторых, физические лица облагаются налогом на сбережения в виде налога на прирост капитала и дивиденды. В большинстве случаев эти налоги могут влиять на решения о том, сколько откладывать и инвестировать. Высокие налоги на прирост капитала и дивиденды могут привести к сокращению совокупных сбережений и инвестиций в стране.

Методической основой первого этапа выступил кластерный анализ, реализуемый в пакете Statistica, который позволил сгруппировать страны — члены ОЭСР на группы по показателям миграции и конкурентоспособности налогообложения. В связи с тем, что итеративный кластерный анализ (методом k-средних) улучшает разбиение, но при этом требует заранее знать число кластеров, предварительно проведен иерархический кластерный анализ. Результаты последнего использованы исключительно

⁴ URL: <https://taxfoundation.org/research/all/global/2025-international-tax-competitiveness-index> (дата обращения: 22.01.2026).

Рис. 1. Дерево классификации стран методом иерархического кластерного анализа

Составлено по: Tourism Statistics Database. URL: <https://www.untourism.int/tourism-statistics/tourism-statistics-database> (дата обращения: 22.01.2026).

для идентификации числа групп, так как на характер самого разбиения совокупности (часто несбалансированный) при таком подходе сильно влияет выбранная метрика расстояния. Таким образом, в рамках этапа 1.1 количество кластеров определено как 3 (рис. 1).

В последующем с помощью метода *k*-средних получено фактическое разбиение стран на три кластера (этап 1.2), по каждому кластеру определены и охарактеризованы исследуемые показатели (этап 1.3).

Второй этап заключался в теоретическом анализе условий налогообложения основных стран — конкурентов Российской Федерации за трудовые ресурсы. В теоретической литературе, посвящённой налоговой конкуренции, оптимальный выбор налоговой ставки для подвижной налоговой базы часто характеризуется функцией наилучшего ответа, которая определяет оптимальную налоговую ставку для юрисдикции с учётом выбора других юрисдикций. Представленная ситуация, как правило, определяется как равновесие Нэша — концепция,

которая описывает ситуацию, когда ни один участник игры не может улучшить своё положение, изменяя свою стратегию в одиночку, при условии что остальные сохраняют свои действия неизменными. В таком состоянии каждая стратегия участника является оптимальной реакцией на выбор стратегий других игроков, а совокупность этих реакций образует систему взаимосогласованных решений (Buettner, Poehnlein, 2024). Поскольку выбор налоговой ставки отдельным правительством оказывает «фискальное» влияние на другие юрисдикции, интуитивно понятно, что равновесие Нэша неэффективно. В случае конкуренции в сфере налогообложения при определённых допущениях налоговые ставки являются стратегически важным элементом налога (Zodrow, Mieszkowski, 1986). Именно поэтому теоретико-правовой анализ практики налогообложения доходов физических лиц в рамках нашей статьи основан во многом на исследовании условий применения налоговых ставок в зависимости от налогового статуса плательщика.

С целью отбора стран для анализа зарубежного опыта налогообложения проведена интервальная аналитическая группировка по выезду граждан России за рубеж по всем целям визита⁵ (этап 2.1). Анализ зарубежного опыта проводился по тем государствам, которые попали в каждом году в первую–третью группы. Группировка позволила выделить 7 стран, являющихся приоритетными направлениями в 2022–2025 гг. для выезда на работу: Турция, ОАЭ, Казахстан, Узбекистан, Египет, Армения, Грузия (табл. 2). При этом количество граждан, выехавших в эти государства, постоянно растет.

С другой стороны, возможность миграции может быть источником открытости рынка труда в рамках интеграционных объединений. Не случайно некоторые работы рассматривают опыт именно «союзных» государств (Алиев, 2024). Поскольку в ЕАЭС присутствует открытый рынок труда и страны, входящие в союз, могут выступать в качестве конкурентов за трудовые ресурсы, используя в том числе налоговые условия, к числу анализируемых государств добавлены ещё два участника ЕАЭС, не вошед-

шие в выборку: Республика Беларусь (далее – Беларусь) и Киргизская Республика (далее – Киргизия).

Результаты

Количественное исследование влияния конкурентоспособности подоходного налогообложения на процессы миграции

С целью идентификации влияния условий налогообложения доходов граждан на процессы миграции реализован кластерный анализ методом k-средних, в результате которого по шести показателям 38 стран были разделены на три группы после двух итераций (табл. 3).

Все классификаторы оказались значимы на 5%-м уровне. В результате сформировано три кластера стран (табл. 4).

Первый кластер объединяет экономически развитые страны с высоким уровнем налогообложения. Эти государства демонстрируют сбалансированную систему налогообложения: при сохранении относительно высоких ставок подоходных налогов (в среднем 20–35% для основной группы доходов) они обеспечивают широкие социальные гарантии, раз-

Таблица 2. Результаты перекрестной интервальной группировки стран по количеству выехавших (первые три группы), 2022–2025 гг.

Интервальная группа*	Год			
	2022	2023	2024	2025
Состав групп стран				
Первая	Турция, Казахстан, ОАЭ	Турция, Казахстан	Турция, Казахстан	Турция, Казахстан
Вторая	Египет, Грузия, Финляндия, Армения, Эстония	ОАЭ, Египет, Грузия, Армения, Таиланд, Китай, Финляндия, Эстония	ОАЭ, Китай, Египет, Грузия, Таиланд	Китай, ОАЭ, Египет, Грузия
Третья	Украина, Киргизия	Азербайджан, Узбекистан, Киргизия, Южная Осетия, Таджикистан, Литва, Монголия	Армения, Азербайджан, Узбекистан, Эстония	Таиланд, Армения, Узбекистан, Азербайджан
Численность выехавших по группам стран, тыс. чел.				
Первая	8728	8557	9081	9598
Вторая	4215	8436	8042	8351
Третья	918	2632	2793	3721
Всего выехало	13861	13625	19916	21670
* В порядке уменьшения числа выехавших. Источник: ЕМИСС. Выезд граждан России. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/38480 (дата обращения: 15.01.2026).				

⁵ Авторы намеренно не выделяют цель визита «работа», так как многие физические лица при выезде за пределы территории Российской Федерации не указывают истинных целей переезда.

Таблица 3. Значимость параметров модели для кластеризации 38 стран ОЭСР методом k-средних

Показатель	Analysis of Variance (Spreadsheet5)					
	Between SS	df	Within SS	Df	F-критерий	signif. p
1. Стоимость выездных пассажирских перевозок, млн долларов США (номинальные значения)	7,48	2	29,52	35	5,41	0,05
2. Количество выездных поездок в отношении людей, оставшихся на ночь, тысяч поездок	8,49	2	28,51	35	6,05	0,04
3. Международный индекс налоговой конкурентоспособности	27,61	2	9,39	35	51,44	0,00
4. Рейтинг по индивидуальному подоходному налогу	14,74	2	22,26	35	11,59	0,00
5. Рейтинг сложности подоходного налога	31,88	2	5,12	35	108,86	0,00
6. Рейтинг налогообложения прироста капитала/дивидендов	25,12	2	11,88	35	37,02	0,00
Рассчитано по: Tourism Statistics Database (показатели 1 и 2). URL: https://www.untourism.int/tourism-statistics/tourism-statistics-database ; International Tax Competitiveness Index 2025 (показатели 3–6). URL: https://taxfoundation.org/research/all/global/2025-international-tax-competitiveness-index/ (дата обращения: 22.01.2026).						

Таблица 4. Состав сформированных кластеров из 38 стран ОЭСР по показателям миграции и конкурентоспособности подоходного налогообложения

Кластер	Количество стран	Состав кластеров
Первый кластер	18	Австралия, Австрия, Бельгия, Канада, Чили, Финляндия, Франция, Италия, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция, Великобритания, Израиль, США, Нидерланды, Дания, Германия
Второй кластер	8	Япония, Польша, Корея, Люксембург, Коста-Рика, Мексика, Ирландия, Исландия
Третий кластер	12	Чехия, Венгрия, Латвия, Литва, Словакия, Словения, Эстония, Новая Зеландия, Швейцария, Турция, Греция, Колумбия
Рассчитано по: Tourism Statistics Database (показатели 1 и 2 таблицы 3). URL: https://www.untourism.int/tourism-statistics/tourism-statistics-database ; International Tax Competitiveness Index 2025 (показатели 3–6 таблицы 3). URL: https://taxfoundation.org/research/all/global/2025-international-tax-competitiveness-index/ (дата обращения: 22.01.2026).		

витую инфраструктуру и стабильные условия жизни. Такие страны, как Германия, Франция, Норвегия или Канада, сочетают эффективность налоговой системы с открытостью к миграции.

Второй кластер формируют экономики с умеренным уровнем налогового бремени и устойчивыми механизмами привлечения иностранного капитала и рабочей силы. Здесь преобладают государства с либеральной налоговой политикой. Особенно заметны Ирландия и Люксембург, где низкие ставки налогообложения на доходы физических лиц способствуют притоку трудовой силы и экспатов. Япония и Южная Корея, несмотря на более жесткое регулирование, активно развивают программы привлечения квалифицированных работников из-за пределов страны. Польша, Мексика и Коста-Рика — примеры стран, которые используют выгодное налогообложение как часть стратегии повышения конкурентоспособности в региональном контексте.

Третий кластер представлен государствами с разнообразными подходами к налогообложению и миграционной политике. Его участники характеризуются значительным разбросом показателей: от высокой налоговой нагрузки в Греции и Турции до сравнительно низких ставок в Чешской Республике, Эстонии и Словакии. Несмотря на различия, все эти страны проявляют интерес к модернизации налоговых режимов и внедрению мер по привлечению высококвалифицированных работников и временных мигрантов. Государства Центральной и Восточной Европы активно развиваются как альтернативные центры притяжения для европейских специалистов, а Новая Зеландия и Швейцария — благодаря гибким иммиграционным программам и высокому качеству жизни — остаются привлекательными для долгосрочной миграции. В целом сегодня с учетом сложившейся политической конъюнктуры именно страны третьего кластера могут быть охарактеризованы высоким уровнем привлекательно-

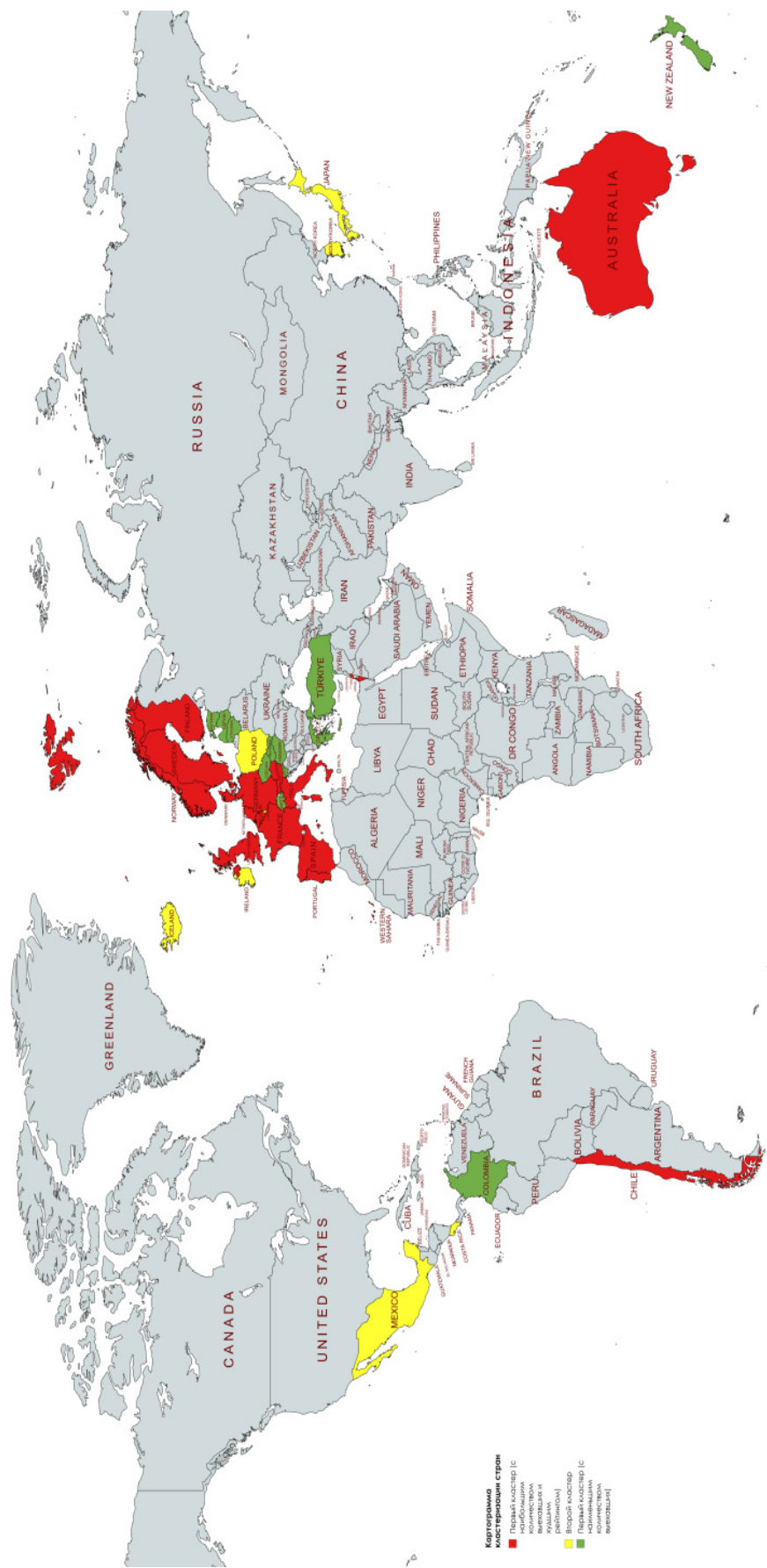

Рис. 2. Картограмма кластеризации стран методом k-средних
Составлено по: Tourism Statistics Database. URL: <https://www.untourism.int/tourism-statistics/tourism-statistics-database> (дата обращения: 22.01.2026).

сти для международных мигрантов и умеренно низкой налоговой нагрузкой на доходы физических лиц. Для удобства визуализации результатов кластерного анализа представлена картограмма (рис. 2).

Оценка взаимосвязи между налоговыми и миграционными показателями исследовалась с помощью аналитической группировки стран, где состав групп идентичен сформированным трем кластерам. Исходя из того, что все показатели кластерного анализа оказались значимы для разделения стран на совокупности, последующая проверка коэффициента детерминации и эмпирического корреляционного отношения не проводилась. Результаты группировки представлены в таблице 5.

Рост числа выездов граждан (с 6483 выездов в третьем кластере до 35 535 выездов в первом кластере) выделяется на фоне снижения показателей международной налоговой конкурентоспособности (в третьем кластере — 87, в первом кластере — 59), а также падения оценок по индивидуальному подоходному налогу (в третьем кластере — 73, в первом кластере — 52) и налогообложению прироста капитала и дивидендов (в третьем кластере — 82, в первом кластере — 48). Методика построения рейтингов такова, что чем более благоприятная система налогообложения, чем ниже налоговая нагрузка, тем выше итоговый рейтинг страны. В совокупности полученные результаты аналитической группировки свидетельствуют о том, что высокое налоговое бремя, особенно на личные и инвестиционные доходы, становится одним из значимых стимулов для эмиграции.

Прямая зависимость миграционных потоков от степени сложности системы подоходного налога не подтвердилась. Это означает, что усложнение административных процедур, многоуровневость и сложная шкала ставок, необ-

ходимость применения различных льгот не оказывает однозначного эффекта на решение граждан покидать страну. Миграция определяется совокупностью факторов, включая качество жизни, доступность медицинской и образовательной инфраструктуры, безопасность, уровень безработицы и, что особенно важно, реальное налоговое бремя. Таким образом, хотя сложность налогового законодательства может влиять на поведение физических лиц, она не выступает ключевым движущим фактором миграции. Основное значение имеет не форма налога, а его размер и распределение по видам и группам доходов. Не случайно страны с наибольшим оттоком населения демонстрируют наиболее низкие рейтинги по подоходному налогу. Это объясняется, в частности, распространённостью прогрессивных систем налогообложения, где высокие ставки действуют уже при относительно умеренных доходах.

Высокие ставки подоходного налога повышают издержки на труд, что способно привести к сокращению эффективного рабочего времени и снижению производственной активности. Экономика теряет гибкость, а предприниматели и работники могут искать более благоприятные условия трудоустройства за границей, особенно при широком распространении дистанционной занятости. Поэтому страны с высокими базовыми ставками подоходного налога с доходов физических лиц чаще всего получают меньшие баллы в индексах налоговой конкурентоспособности по сравнению с государствами, где эти ставки ниже. Особенно важно, при каком уровне дохода начинает применяться прогрессивная налоговая ставка: если он достигается при относительно небольших доходах, система воспринимается как менее привлекательная для мобильных специалистов и инвесторов.

Таблица 5. Результаты аналитической группировки 38 стран ОЭСР по показателям миграции и конкурентоспособности подоходного налогообложения

Кластер	Средняя стоимость выездных пассажирских перевозок, млн долларов США	Количество выездных поездок в отношении людей, оставшихся на ночь, тысяч поездок	Международный индекс налоговой конкурентоспособности	Рейтинг по индивидуальному подоходному налогу	Рейтинг сложности подоходного налога	Рейтинг налогообложения прироста капитала/ дивидендов
Первый	48970	35535	59	52	97	48
Второй	12667	20069	55	57	59	65
Третий	6380	6843	87	73	99	82

Источник: составлено авторами.

В целом первый этап анализа подтвердил наличие взаимосвязи между миграционными процессами и конкурентоспособностью индивидуального подоходного налогообложения, что обосновывает дальнейший теоретический анализ систем налогообложения стран, являющихся возможными конкурентами Российской Федерации за трудовые ресурсы.

Теоретический анализ условий налогообложения физических лиц стран — конкурентов Российской Федерации за трудовые ресурсы

Для проверки гипотезы о связи налоговых условий труда в приведенных странах и их привлекательности как направления трудовой миграции граждан России проведем анализ подоходного налогообложения физических лиц по двум направлениям: 1) критерии резидентства; 2) ставки подоходного налогообложения физических лиц для резидентов/нерезидентов.

Остановившись на первом направлении, отметим, что во всех странах, попавших в выборку, как и в России, в качестве основного критерия определения резидентства используется срок пребывания в государстве, превышающий 183 дня (6 месяцев) в течение 12-месячного периода. Подходы к определению этого пе-

риода могут отличаться (в одних юрисдикциях — это текущий календарный год, в других — любые 12 следующих подряд месяцев). Критерий срока нахождения физического лица на территории государства с целью определения резидентства заложен в Модельной конвенции ОЭСР о налогах на доход и капитал, поэтому использование его странами в национальном законодательстве закономерно. Однако во многих из рассматриваемых стран этот критерий дополняется иными (пребывание на территории государства 90 и более дней, наличие места постоянного проживания), которые обычно сопровождаются дополнительными условиями их применения (особый порядок получения статуса, наличие гражданства, ведение трудовой деятельности и т. д.). Соответственно, в отдельных странах статус резидента может быть получен физическим лицом до истечения срока в 183 дня при удовлетворении иным дополнительным условием. Дополнительные критерии для целей отнесения физических лиц к числу резидентов представлены в *таблице 6* (Узбекистан, в котором критерий «183 дня» является единственным, в таблице не указан).

Таблица 6. Дополнительные критерии определения резидентства в рассматриваемых странах

Страна	Дополнительные критерии определения резидентства
Турция	Резидентом признается лицо, имеющее место жительства (ikametgâh) в Турции. Не признаются резидентами (даже при условии нахождения на территории Турции более 6 месяцев): – бизнесмены, учёные, эксперты, государственные служащие, журналисты и радиожурналисты и другие лица с аналогичными условиями деятельности, а также те, кто приезжает в Турцию с целью образования, лечения, отдыха или путешествий; – те, кто был задержан или находился в Турции по причинам, не зависящим от них, таких как задержание, судимость или болезнь ¹⁾ .
ОАЭ	Резидентом признается физическое лицо: 1) пребывающее в стране 90 и более дней в течение 12 последовательных месяцев, при условии, что лицо является гражданином ОАЭ (обладает действующей резидентской визой ОАЭ) или страны — члена Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, и выполняется хотя бы одно из двух дополнительных условий: 1) наличие постоянного места проживания в ОАЭ; 2) ведение трудовой деятельности (действующий трудовой контракт) или бизнеса в ОАЭ; 2) имеющее основное место проживания и центр финансовых и личных интересов в ОАЭ ²⁾ .
Казахстан	Физическое лицо признается резидентом в случаях: 1) пребывания в Республике Казахстан не менее 90 календарных дней (включая дни приезда и отъезда) для инвестиционного резидента Международного финансового центра «Астана»; 2) наличия центра жизненных интересов в стране. Центр жизненных интересов является находящимся в Республике Казахстан при одновременном выполнении следующих условий: 1) физическое лицо имеет гражданство или разрешение на проживание, или вид на жительство; 2) супруг (супруга) и (или) близкие родственники физического лица проживают в стране; 3) наличие в стране недвижимого имущества, принадлежащего на праве собственности или на иных основаниях физическому лицу и (или) супругу (супруге) и (или) его (ее) близким родственникам, доступного в любое время для их проживания ³⁾ .

Окончание таблицы 6

Страна	Дополнительные критерии определения резидентства
Египет	Физическое лицо признается резидентом в случае наличия постоянного места проживания в Египте или при наличии гражданства и получении доходов из казны государства (государственные служащие). Постоянное проживание: когда физическое лицо находится в стране более полугода в жилье, которое ему принадлежит (арендует или пользуется на ином законном основании) или когда ему принадлежит бизнес-объект (офис, магазин и т. п.) ⁴⁾ .
Армения	Резидентами считаются: 1) физические лица, центр жизненных интересов которых находится в стране (дом или иное место жительства, семья, основное место профессиональной или иной деятельности); 2) временно работающие за пределами территории страны физические лица, находящиеся на государственной службе ⁵⁾ .
Грузия	Существуют специальные механизмы присвоения статуса резидента: 1) для состоятельных граждан (High Net Worth Individual, в соответствии с законодательством Грузии о рынке ценных бумаг). Процедура и условия признания устанавливаются Министерством финансов и Министерством юстиции Грузии; 2) для лиц, резидентство которых не может быть установлено в отношении какой-либо страны. Статус резидента может быть присвоен по заявлению лица, по процедуре предусмотренной Министерством финансов Грузии ⁶⁾ .

¹⁾ Ст. 3–5 Закона № 193 о подоходном налоге в Турции. URL: <https://www.lexpera.com.tr/resmi-gazete/metin/gelir-vergisi-kanunu-10700-193> (дата обращения: 10.01.2026).

²⁾ Ministerial Decision No. 27 of 2023 on Implementation of Certain Provisions of Cabinet Decision No. 85 of 2022 on Determination of Tax Residency. URL: <https://tax.gov.az/DataFolder/Files/Legislation/Corporate%20Tax/Ministerial%20Decision%20No.%2027%20of%202023%20-%20For%20publishing.pdf> (дата обращения: 10.01.2026).

³⁾ Статья 222 Налогового кодекса РК № 214 VIII от 18.07.2025. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214#z11007> (дата обращения: 10.01.2026).

⁴⁾ Income Tax Law (promulgated by Law No. 91 of 2005), Egypt. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19870> (дата обращения: 10.01.2026).

⁵⁾ Статья 25 Налогового кодекса Республики Армения. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/216365> (дата обращения: 10.01.2026).

⁶⁾ Статья 34 Налогового кодекса Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/1043717?publication=145> (дата обращения: 10.01.2026).

Источник: составлено авторами.

Статус резидента во всех странах влияет на объем налоговой ответственности (резиденты уплачивают налог со всех доходов, полученных как от источников на территории государства, так и за рубежом; нерезиденты — только с доходов, полученных в стране-источнике). Отметим, что все страны придерживаются подхода, когда под подоходное налогообложение активных доходов попадают совокупные выплаты работнику, связанные с выполнением им трудовой функции (непосредственно заработная плата, выплаты по договору/контракту, бонусы, премии и иные аналогичные выплаты) как в денежной, так и в натуральной форме. Налог удерживается преимущественно налоговым агентом (работодателем), однако в отдельных случаях может потребоваться заполнение налоговой декларации. Практически во всех рассматриваемых странах, где присутствует подоходное налого-

обложение физических лиц (в ОАЭ отсутствует), ставки, применяемые при налогообложении трудовых доходов резидентов и нерезидентов, являются идентичными. Исключение составляет лишь Египет, где к доходам нерезидентов применяется единая налоговая ставка (10%), наряду с прогрессией для резидентов у основного работодателя. Это составляет конкурентное преимущество зарубежных юрисдикций, так как основная ставка НДФЛ для нерезидентов в России достаточно высока — 30%. Отличия чаще всего кроются в порядке формирования налоговой базы — для нерезидентов недоступно применение налоговых вычетов. Ставки, применяемые при налогообложении трудовых доходов физических лиц по странам, представлены в *таблице 7*. Для упрощения восприятия все шкалы пересчитаны в рубли по курсу национальных валют к рублю на 31 декабря 2025 года.

Таблица 7. Ставки, предусмотренные для доходов в виде заработной платы, вознаграждений по договорам, контрактам

Страна	Ставки
Турция	Применяются прогрессивные ставки: – до 346 560 руб. – 15%; – 346 560 – 729 600 руб. – 51 984 руб. + 20% с превышения; – 729 600 – 2 736 000 руб. – 128 592 руб. + 27% с превышения; – 2 736 000 – 9 667 200 руб. – 670 320 руб. + 35% с превышения; – свыше 9 667 200 руб. – 3 096 240 руб. + 40% с превышения¹⁾. С дохода до 7759,9 руб. в месяц (минимальная валовая заработная плата за вычетом удерживаемой страховой премии) налог не удерживается. Если заработная плата превышает не облагаемый размер, из налога вычитается сумма налога, рассчитанная с не облагаемой суммы по минимальной ставке²⁾.
ОАЭ	Подходный налог с доходов физических лиц отсутствует.
Казахстан	Ставка прогрессивная: – до 5 698 187,5 руб. – ставка 10%; – сверх 5 698 187,5 руб. – 569 818,75 руб. + 15% к сумме превышения³⁾. Границы прогрессии привязываются к МРП (месячному расчетному показателю), который устанавливается на каждый год⁴⁾.
Египет	Прогрессивные налоговые ставки: – для дохода до 65 640 руб. – 0%; – свыше 65 640 до 90 255 руб. – 10%; – свыше 90 255 до 114 870 руб. – 15%; – свыше 114 870 до 328 200 руб. – 20%; – свыше 328 200 до 656 400 руб. – 22,5%; – свыше 656 400 до 1 969 200 руб. – 25%; – свыше 1 969 200 руб. – 27,5%⁵⁾. Доходы, полученные работником от работодателя, не являющегося основным, облагаются отдельно по ставке 10% без применения вычетов и учета порога со ставкой 0%. Аналогичный подход применяется к доходам лиц, которые не признаются налоговыми резидентами Египта.
Узбекистан	Ставка налога с «прочих» доходов, к которым относятся доходы от трудовой деятельности, составляет 12% ⁶⁾ .
Армения	Ставка 20% ⁷⁾ .
Грузия	Общая ставка по доходам в виде оплаты труда – 20%, к заработку определенных специалистов в сфере высоких технологий, в сфере НИОКР применяется специальная пониженная ставка в размере 10% ⁸⁾ .
Беларусь	Доходы в виде заработной платы облагаются по ставке 13%. Однако предусмотрен ряд особых условий: 1) ставка 25% применяется к доходам свыше 9 432 500 руб.⁹⁾, но не более 16 170 000 руб.; 2) ставка 26% применяется в ряде случаев к доходам, которые получены в результате неправомерных действий или в случае неверного декларирования доходов (п. 7 ст. 214 Налогового кодекса Республики Беларусь); 3) ставка 30% применяется к доходам свыше 16 170 000 руб. По специальным (повышенным) ставкам налогоплательщик уплачивает налог по налоговому уведомлению¹⁰⁾.
Киргизия	Основная ставка – 10%; при работе в приграничных населенных пунктах с преференциальными налоговыми режимами, у работодателей – резидентов Парка высоких технологий или Парка креативных индустрий, у работодателей, имеющих национальное и/или государственное и/или инвестиционное значение, применяется пониженная ставка в размере 5%¹¹⁾. Существует правило минимального расчетного дохода: если зарплата работника за месяц ниже минимального расчетного дохода, то база для расчета и удержания подоходного налога принимается равной ему, а недостающую сумму налога работодатель доплачивает из собственных средств¹²⁾.

¹⁾ Общее коммюнике по подоходному налогу № 322. URL: <https://www.lexpera.com.tr/resmi-gazete/metin/gelir-vergisi-genel-teblig-seri-no-332-33124-5> (дата обращения: 10.01.2026). По курсу турецкой лиры, установленному ЦБ РФ на 31.12.2025, 10TRY = 18,24 руб.

²⁾ Общее коммюнике по подоходному налогу № 319. URL: <https://www.lexpera.com.tr/resmi-gazete/metin/gelir-vergisi-genel-teblig-seri-no-319> (дата обращения: 10.01.2026).

³⁾ Статья 363 (для резидентов) и статья 682 (для нерезидентов) НК РК № 214 VIII от 18.07.2025. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2500000214#z11007> (дата обращения: 10.01.2026). По курсу казахского тенге, установленному ЦБ РФ на 31.12.2025, 100 KZT = 15,5 руб.

⁴⁾ Закон РК от 8 декабря 2025 г. № 239 VIII «О республиканском бюджете на 2026–2028 годы». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000239> (дата обращения: 10.01.2026).

- ⁵⁾ Income Tax Law (promulgated by Law No. 91 of 2005), Egypt. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19870> (дата обращения: 10.01.2026);
Закон № 7 «О внесении изменений в Закон о подоходном налоге», 2024 г. URL: https://www.eta.gov.eg/sites/default/files/2024-03/law_no.7-2024.pdf (дата обращения: 10.01.2026). По курсу египетского фунта, установленному ЦБ РФ на 31.12.2025, 10EGP = 16,41 руб
- ⁶⁾ Статья 381-382 Налогового кодекса Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/4674902#4675685> (дата обращения: 10.01.2026).
- ⁷⁾ Статья 150 Налогового кодекса Республики Армения. URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/216365> (дата обращения: 10.01.2026).
- ⁸⁾ Статья 81 Налогового кодекса Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/1043717?publication=145> (дата обращения: 10.01.2026).
- ⁹⁾ По курсу белорусского рубля, установленному ЦБ РФ на 31.12.2025, 1BYN = 26,95 руб.
- ¹⁰⁾ Статья 214 Налогового кодекса Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071> (дата обращения: 10.01.2026); Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 127-З «Об изменении законов по вопросам налоговых правоотношений». URL: <https://enp.by/nalogovyyj-kodeks/%D0%98%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%20%D0%9D%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%202026.pdf?ysclid=mk5g6grgpm762776219> (дата обращения: 10.01.2026).
- ¹¹⁾ Статья 197 Налогового кодекса Кыргызской Республики. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/22kg0003/> (дата обращения: 10.01.2026).
- ¹²⁾ Статья 200 Налогового кодекса Кыргызской Республики. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/22kg0003/> (дата обращения: 10.01.2026).
- Источник: составлено авторами.

В Узбекистане, Грузии, Армении и Киргизии применяются плоские шкалы ставок подоходного налога с физических лиц, кроме того, Киргизия и Грузия предлагают пониженные ставки для занятых в приоритетных секторах экономики. Остальные страны используют прогрессивные шкалы налогообложения доходов физических лиц, при этом в Турции и Египте присутствует необлагаемый минимум (в Египте — только для резидентов).

Также на условия налогообложения трудовых доходов существенное влияние могут оказывать (при их наличии) соглашения об избежании двойного налогообложения (СИДН), заключаемые между странами. У России со всеми рассматриваемыми государствами, за исключением Грузии, заключены СИДН. Стоит отметить, что при применении СИДН с ОАЭ, Казахстаном, Египтом, Арменией нужно также учитывать положения Многосторонней конвенции по противодействию размыванию налоговой базы (п. 9 Письма ФНС России от 09.03.2023 № ШЮ-4-13/2691), поскольку эти страны (как и Россия) ее ратифицировали⁶.

⁶ Signatories and parties to the multilateral convention to implement tax treaty related measures to prevent base erosion and profit shifting. URL: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/topics/policy-sub-issues/beps-mli/beps-mli-signatories-and-parties.pdf> (дата обращения: 10.01.2026).

Во всех соглашениях присутствует статья, касающаяся налогообложения доходов по найму, имеющая схожую структуру. Общим почти для всех соглашений⁷ является условие, согласно которому, если работник: 1) находится в стране менее 183 дней в течение 12-месячного периода; 2) получает доходы от нанимателя, не имеющего представительства на территории страны и 3) расходы не уменьшают налоговую базу представительства на территории страны, то налог с таких выплат в пользу работника в этой стране не удерживается, а удерживается в стране нанимателя. Особое внимание здесь также нужно уделить определению 12-месячного периода, как и в национальном законодательстве, присутствуют особенности от одной пары стран к другой. В соглашениях имеют место и исключительные правила, например, такие часто предусмотрены для экипажей морских, речных, воздушных судов, осуществляющих международные перевозки, а также государственных служащих.

В научной литературе в качестве одного из важнейших аспектов миграции, связанных с налогообложением, выделяется визовый режим (Shrestha et al., 2026). Обращаясь к необходимо-

⁷ СИДН с Беларусью не содержит лишь одно условие, касающееся 183 дней.

сти оформления разрешений на работу, рабочих виз (также один из важных факторов миграции, связанный с правилами налогообложения), отметим, что для государств — членов ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия) существует понятие «единого рынка труда» (ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе), поэтому для трудоустройства в этих странах гражданам России специальных разрешений не требуется. С этими государствами у России действует безвизовый режим въезда на территорию страны. Однако это не освобождает въезжающих граждан России от обязательной регистрации. В Армении и Киргизии необходимо пройти реги-

страцию в компетентных органах по истечении 30 дней пребывания, в Беларуси и Казахстане — по истечении 90 дней⁸. Условия въезда в остальные страны, а также необходимое документальное оформление для трудоустройства в них представлены в *таблице 8*.

Сравнивая условия визового режима, стоит отметить, что порядок въезда в Россию с целью осуществления трудовой деятельности сопоставим с практикой рассматриваемых стран. Обыкновенная рабочая виза выдается на срок действия трудового договора, но не более одного года, виза для высококвалифицированных специалистов — на срок до трех лет с последующим продлением⁹.

Таблица 8. Условия въезда и трудоустройства по странам

Страна	Въезд в страну с целью туризма ¹⁾	Въезд в страну для трудовой деятельности
Турция	Безвизовый режим для поездок – до 60 дней	Требуется «рабочая виза» и разрешение на работу Министерства труда Турции ²⁾ : первичное разрешение – до 1 года, продления: до двух лет (первое) и до трех лет (последующие)
ОАЭ	Суммарный срок разрешенного пребывания не должен превышать 90 дней в течение каждого периода в 180 дней	Требуется виза и разрешение на работу, оформляемое работодателем ³⁾ ; срок – до двух лет с продлением
Грузия	Безвизовый режим; разрешенный срок пребывания в стране – до 1 года, по истечении которого российский гражданин обязан ее покинуть либо получить временный или постоянный вид на жительство	Отдельная виза не требуется, оформляется временный вид на жительство по трудовой деятельности сроком 6 месяцев — год с возможностью продления ⁴⁾
Узбекистан	Безвизовый режим, однако в случае нахождения в стране свыше 15 дней в обязательном порядке не позднее 15-го дня пребывания необходимо оформить временную регистрацию по месту пребывания	Требуется «подтверждение права на труд»; срок – 1 год, для высококвалифицированных и квалифицированных специалистов – до трех лет с продлением ⁵⁾
Египет	Необходима въездная виза, действующая в течение 1 месяца с возможностью бесплатного продления в местных миграционных органах еще на 2 месяца	Необходимо разрешение на осуществление трудовой деятельности, на основании которого оформляется виза сроком на 1 год с продлением ⁶⁾

¹⁾ Консульский информационный портал. Данные по странам. URL: <https://www.kdmid.ru/docs/> (дата обращения: 25.01.2026).

²⁾ Типы разрешений на работу. URL: <https://www.csgeb.gov.tr/uigm/en/calisma-izni/calisma-izni-turleri/> (дата обращения: 25.01.2026).

³⁾ Визы и Emirates ID. URL: <https://u.ae/en/information-and-services> (дата обращения: 25.01.2026).

⁴⁾ Закон Грузии о правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства. URL: <https://www.matsne.gov.ge/en/document/view/2278806?publication=18&> (дата обращения: 25.01.2026).

⁵⁾ Получение подтверждения на право трудовой деятельности иностранных граждан в Узбекистане. URL: <https://gov.uz/ru/advice/NaN/document/364> (дата обращения: 25.01.2026).

⁶⁾ Как получить разрешение на работу в Египте? URL: <https://www.mondaq.com/employee-rights-labour-relations/1247956/how-to-obtain-a-work-permit-in-egypt> (дата обращения: 25.01.2026).

Источник: составлено авторами.

⁸ Консульский информационный портал. Данные по странам. URL: <https://www.kdmid.ru/docs/> (дата обращения: 25.01.2026).

⁹ Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Подводя итог, можно отметить, что ставки подоходного налогообложения физических лиц для активных доходов существенно разнятся по странам (где оно присутствует). Так, в Турции, Египте, Армении и Грузии (при условии неприменения льготной ставки) налоговая нагрузка на эту категорию доходов будет выше, чем в России. В Казахстане, Узбекистане, Киргизии — ниже, в Беларуси — сопоставима (в отношении базовой ставки) с налоговой нагрузкой в России. Однако, возвращаясь к анализу числа граждан, выезжающих за рубеж, отметим, что явной корреляции между наиболее популярными странами — направлениями для выезда из России и ставками подоходного налогообложения физических лиц в этих государствах не прослеживается, поэтому можно сделать вывод о том, что российские ставки НДФЛ конкурентоспособны по сравнению с другими странами с позиции ожидаемой трудовой миграции, на которую влияют иные факторы. В данном контексте представляется целесообразным усиление тех аспектов налогового регулирования, которые способствуют не только сохранению, но и привлечению на территорию страны высококвалифицированной рабочей силы. В конкурентной борьбе за трудовые ресурсы необходимо использовать дополнительные инструменты, среди которых налоговым должно быть отведено значимое место.

С этой точки зрения интересен опыт Грузии и Киргизии, где к доходам высококвалифицированных специалистов (ВКС) применяются пониженные ставки подоходного налогообложения. Такой подход привносит дополнительный вклад в привлечение в страну специалистов, в которых нуждается экономика. В России также применяются пониженные ставки по НДФЛ для доходов высококвалифицированных специалистов (абз. 4 п. 3. ст. 224 НК РФ), однако это приводит к снижению налоговой нагрузки только в отношении нерезидентов и работает в большей степени как техническая норма, позволяя исчислять налог по общим ставкам (прогрессия 13–22%) с момента въезда в страну и до получения статуса резидента. Поэтому полагаем, что в качестве налоговой меры по привлечению в страну высококвалифицированных специалистов из областей, в которых наблю-

дается кадровый дефицит, можно применять пониженные ставки подоходного налогообложения вне зависимости от их резидентства. В отношении таких специалистов возможно применение усеченной прогрессии (13–15%), что позволит снизить для них налоговую нагрузку и повысить привлекательность России в качестве места проживания и выполнения трудовых обязанностей. Предлагаемая мера актуальна в связи с достаточно низким порогом прогрессии (2,4 млн руб.) при относительно высоких доходах категории высококвалифицированных специалистов¹⁰.

Важно отметить, что сегодня пониженная ставка налога в России применяется исключительно к трудовым доходам ВКС, однако иные доходы, например материальная помощь, подарки, возмещение стоимости оплаты жилья и т. п., облагаются НДФЛ по ставке 30% в случае, если ВКС не являются налоговыми резидентами РФ (Письма Минфина России от 05.08.2014 № 03-04-06/38542, от 30.06.2014 № 03-04-06/31385, от 21.06.2013 № 03-04-06/23539). Подобная ситуация является весьма распространенной, когда ВКС может проживать на две страны, а в случае необходимости физического присутствия на территории России ему компенсируются сопутствующие расходы со стороны работодателя. Учитывая отмеченное, представляется целесообразным применять пониженную ставку НДФЛ 13 и 15% в отношении любых доходов ВКС, включая пассивные (сегодня под такую ставку попадают не все пассивные доходы нерезидентов), независимо от его статуса. Это будет способствовать привлечению капитала такой категории сотрудников в российскую экономику. В целях соблюдения принципа налогового равенства возможно установить льготный период применения пониженных ставок (до трех лет), по истечении которого ВКС либо переходит на условия налогообложения доходов резидентов при получении статуса (применение ставки 13–22% для трудовых доходов и 13, 15% — для прочих доходов), либо его доходы, не связанные с трудовой деятельностью, будут облагаться на условиях, действующих для нерезидентов.

¹⁰ URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/01/2025/676aafa49a7947ab96fbc7d9> (дата обращения: 31.01.2026).

Кроме того, сегодня высококвалифицированные специалисты (как и иные категории граждан-нерезидентов, в отношении которых применяется ставка 13–15%), лишены возможности получения налоговых вычетов (Письмо Минфина России от 15.06.2018 № 03-04-05/40970). Целесообразно предоставить право получения налоговых вычетов для высококвалифицированных специалистов с первого дня их трудоустройства на территории Российской Федерации, это позволит учитывать в полной мере социальные факторы, влияющие на миграцию данной категории граждан. Например, имущественные налоговые вычеты являются значимым экономическим стимулом к приобретению недвижимости, что позволит «закрепить» физическое местонахождение ВКС на территории России.

Обсуждение

Предлагаемый нами методический подход к исследованию имеет ряд важных ограничений. Во-первых, в обосновании наличия взаимосвязи между конкурентоспособностью подоходного налога и миграцией мы используем агрегированные данные без учета цели выезда за рубеж. Стоит отметить, что подобный подход нередко используется в научных исследованиях (Нюо et al., 2016), так как позволяет оценить общую тенденцию. Однако из-за отсутствия разбивки по целям выезда нельзя точно определить, какой именно компонент миграции обусловлен налоговым фактором, что определяет перспективы дальнейшего развития предлагаемой темы. Во-вторых, ограничения на интерпретацию результатов накладывает аналитическая группировка, основанная на данных о налоговой конкурентоспособности, так как данный метод не раскрывает, какие именно элементы системы налогообложения — например ставки, пороги начисления, наличие льгот или механизм налогового администрирования — оказывают наибольшее воздействие на решения граждан покинуть страну.

В исследовании мы не учитывали нефинансовые факторы, которые в сложившихся условиях могут играть существенную роль в миграции: политическая стабильность, уровень правовой защиты, степень коррупции, качество общественного управления, доступ к образова-

нию и здравоохранению, а также культурная и языковая близость к новой стране проживания (McKenzie, 2023). Особую роль среди нефинансовых факторов играет доверие к государству, экономике и бизнес-окружению (Фролова, Тюриков, 2024). В то же время стоит отметить, что набор факторов трудовой миграции отличается для разных стран (Одинаев, 2020), поэтому изучение вклада неэкономических факторов в миграционный процесс Российской Федерации требует самостоятельного исследования. Более того, при анализе законодательства стран-участниц была сделана попытка снизить влияние неналоговых детерминант миграции путём включения в выборку только государств, входящих в Единую экономическую зону ЕАЭС. Участие в этом соглашении предполагает согласование ключевых норм в сфере торговли, свободного перемещения товаров, услуг и людей, а также гармонизацию части налоговых и регуляторных практик. ЕАЭС формирует зону либеральной открытой торговли, а многочисленные исследования показали, что интеграция страны в мировую торговлю изменяет спрос на рабочую силу на зарубежных рынках и приводит к усилению миграционных потоков (Autor et al., 2013; Lee, 2020). В таких условиях политическая нестабильность и разрывы в правовом поле проявляются значительно слабее, что позволяет более чётко выделить роль налоговых факторов.

В целом полученные нами результаты соотносятся с итогами исследований других ученых. Мы отметили высокую конкурентоспособность НДФЛ, выделив при этом высокую ставку налога для нерезидентов, доказав выдвинутую гипотезу. Однако этот элемент негативно сказывается в первую очередь на пассивных доходах физических лиц от инвестиций в российские активы (например, доходы от сдачи имущества в аренду) (Милоголов, 2017). Налоговые же ставки на трудовые доходы во многих развитых государствах значительно превышают российскую для нерезидентов, что делает налоговую нагрузку для этой категории плательщиков менее стрессовым фактором.

Целесообразность выработки особых правил налогообложения для высококвалифицированных специалистов соответствует результатам,

полученным ранее (Bierbrauer et al., 2013). Морелль, Янг и Йе обосновали, что наименее квалифицированные работники предпочитают унитарное государство, чтобы получать более высокие субсидии, а наиболее квалифицированные работники предпочитают налоговую конкуренцию, чтобы снизить свои налоговые выплаты (Morelli et al., 2012). Исследования передового зарубежного опыта также корреспондируют с выдвинутыми нами идеями о дополнительном стимулировании доходов высококвалифицированных зарубежных специалистов (Анискина, Старостин, 2014). Наиболее радикальные исследования продвинулись далее в этой теме, обосновывая целесообразность отмены повышенной ставки НДФЛ для нерезидентов. Пребывание специалиста с целью трудоустройства в России обычно предполагает продолжительность более года. В таких условиях применение повышенной ставки НДФЛ в первые месяцы или в конце трудового периода выглядит противоречивым, так как это создаёт дискриминационный эффект (Милоголов, 2017).

Заключение

На фоне глобальных сравнений Россия демонстрирует устойчивую позицию в категории налоговой конкурентоспособности по условиям налогообложения физических лиц по ряду ключевых показателей (включая базовую ставку подоходного налога, структуру прогрессивных ставок, а также наличие или отсутствие дополнительных налогов и сборов). Таким образом, введенная прогрессивная шкала НДФЛ вряд ли выступит действительным стимулом для выезда за пределы страны.

Вместе с тем в условиях нехватки специалистов (особенно высококвалифицированных) в отдельных областях представляется целесообразным развитие данного направления налогообложения. С целью усиления привлекательности России как места для трудоустройства и постоянного проживания необходимо сосредоточиться на налогообложении ключевых групп граждан, чья деятельность напрямую влияет

на технологическое развитие, инновационный потенциал и устойчивый экономический рост страны. К таким группам в первую очередь относятся высококвалифицированные специалисты. Именно они являются основой для создания конкурентоспособной экономики нового типа. Современная система налогообложения в России, ориентированная преимущественно на массового потребителя и стандартные доходы, недостаточно адаптирована к нуждам этой группы. Высокие ставки на доходы, отсутствие гибких налоговых льгот для иностранцев, а также сложности в определении статуса налогоплательщика создают барьеры для привлечения ВКС.

С этой целью в исследовании предложено временное установление двухступенчатой налоговой шкалы НДФЛ (13 и 15%) для любых доходов приезжих высококвалифицированных специалистов и применение налоговых вычетов с первого дня получения дохода. Такой подход даёт возможность привлекать таланты, не нарушая принципы налогового равенства для местных граждан. Он снижает финансовую нагрузку на специалистов в период адаптации, когда переезд, поиск жилья, организация быта требуют значительных затрат. Одновременно это создаёт сигнал о готовности государства инвестировать в человеческий капитал, который в долгосрочной перспективе будет генерировать новые технологии, рабочие места и рост ВВП.

Научная новизна исследования состоит в разработке авторской двухэтапной методики анализа влияния элементов НДФЛ на миграционные потоки, а также в формировании предложений по совершенствованию налогообложения физических лиц в части адаптации к требованиям технологического развития шкалы налогообложения и подходов к применению налоговых вычетов высококвалифицированных специалистов, что обеспечивает привлечение наиболее ценных трудовых ресурсов, а также соблюдение принципов налогового равенства.

Литература

- Алиев О.М. (2024). Прогрессивная шкала НДФЛ как отражение справедливости // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. Т. 39. № 4. С. 39–56. DOI: 10.21779/2500-1930-2024-39-4-39-56

- Анискина Н.В., Старостин С.А. (2014). Налогообложение физических лиц — нерезидентов в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии: сравнительно-правовой анализ // Вопросы современной юриспруденции. № 42. С. 70–76.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А., Юревич М.А. (2020). Макрооценка эффекта от введения прогрессивной шкалы НДФЛ // Муниципальная академия. № 3. С. 80–88.
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2021). Оценка фискальной и социальной эффективности реформирования индивидуального подоходного налогообложения в России // Journal of Applied Economic Research. Т. 20. № 2. С. 175–193. DOI: 10.15826/vestnik.2021.20.2.008
- Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю. (2019). Масштабы эмиграции высококвалифицированных специалистов из России: статистическое и социологическое измерение // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. № 6. С. 19–31. DOI: 10.26653/2076-4650-2019-6-02
- Болденков А.В., Лисутин О.А., Трусевич Е.В., Романюк Е.В. (2025). Прогрессивная шкала НДФЛ в России — реалии и перспективы // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 1 (59). С. 9–16. DOI: 10.18324/2224-1833-2025-1-9-16
- Громов В.В. (2020). Налоговая конкуренция в России на разных этапах развития налоговой системы // Финансовый журнал. Т. 12. № 1. С. 41–57. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-1-41-57
- Дятлов О.И. (2024). Прогрессивная шкала НДФЛ: сравнительно-правовой подход (опыт США, Германии и Китая) // Вестник права. № 1 (5). С. 21–25.
- Милоголов Н.С. (2017). Повышенная ставка НДФЛ для нерезидентов в контексте налоговой конкуренции // Налоговед. № 8. С. 56–61.
- Новикова Т.С. (2024). К вопросу о введении прогрессивной шкалы НДФЛ в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 5. С. 58–86. DOI: 10.52180/2073-6487_2024_5_58_86
- Одинаев К.С. (2020). Исследование социально-экономических факторов и причин трудовой миграции населения Республики Таджикистан // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. № 2 (31). С. 125–131.
- Пансков В.Г. (2023). Изменение приоритетов в распределении налоговой нагрузки как условие обеспечения перехода к опережающему развитию // Экономика. Налоги. Право. Т. 16. № 1. С. 140–151. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-140-151
- Пансков В.Г. (2025). Налоговая реформа — 2025: продолжение следует // Экономика. Налоги. Право. Т. 18. № 1. С. 18–31. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-1-18-31
- Пинская М.Р., Тихонова А.В. (2024). Методы анализа мотивов законопослушного налогового поведения // Финансы: теория и практика. № 28 (2). С. 60–70. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-60-70
- Пинская М.Р., Тихонова А.В., Герасимова А.Е. (2025). Реализация лабораторного эксперимента в студенческой среде для исследования поведения налогоплательщиков в России // Journal of Applied Economic Research. Т. 24. № 1. С. 91–124. DOI: 10.15826/vestnik.2025.24.1.004
- Полежарова Л.В. (2025). К вопросу о введении «минимального налога» в России в условиях международной налоговой реформы // Экономика. Налоги. Право. Т. 18. № 1. С. 138–146. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-1-138-146
- Пугачев А.А., Парфенова Л.Б., Подвезько А. (2019). Оценка влияния налоговой конкуренции на конкурентоспособность национальной налоговой системы // Экономика. Налоги. Право. Т. 12. № 4. С. 143–155. DOI: 10.26794/1999-849X-2019-12-4-143-155
- Смирнова Е.Е. (2024). Оценка налоговых рисков, возникающих у налоговых агентов по налогу на доходы физических лиц // Финансы: теория и практика. Т. 28 № 1. С. 64–74. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-1-64-74
- Фомкин Ф.С. (2024). Проблема «утечки мозгов» из Российской науки и политика ее преодоления: сравнение с опытом Израиля и Китая // Вопросы политологии. Т. 14. № 11 (111). С. 4115–4127. DOI: 10.35775/PSI.2024.111.11.036
- Фролова Е.В., Тюриков А.Г. (2024). Механизмы формирования доверия в экономике: специфика и оценка функционального состояния // Народонаселение. Т. 27. № 2. С. 14–25. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-14-25
- Autor D.H., Dorn D., Hanson G.H. (2013). The China syndrome: Local labor market effects of import competition in the United States. *Am. Econ. Rev.*, 103(6), 2121–2168. DOI: 10.1257/aer.103.6.2121

- Bierbrauer F., Brett C., Weymark J.A. (2013). Strategic nonlinear income tax competition with perfect labor mobility. *Games and Economic Behavior*, 82, 292–311. DOI: 10.1016/j.geb.2013.08.001
- Buettner T., Poehnlein M. (2024). Tax competition effects of a minimum tax rate: Empirical evidence from German municipalities. *Journal of Public Economics*, 236. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2024.105148
- Hatfield J.W. (2015). Federalism, taxation, and economic growth. *Journal of Urban Economics*, 87, 114–125. DOI: 10.1016/j.jue.2015.01.003
- Huo J., Wang X., Zhao N., Hao R. (2016). Statistical characteristics of dynamics for population migration driven by the economic interests. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 451, 123–134. DOI: 10.1016/j.physa.2016.01.054
- Lee E. (2020). Trade, inequality, and the endogenous sorting of heterogeneous workers. *J. Int. Econ.*, 125. DOI: 10.1016/j.jinteco.2020.103310
- Lyssiotou P., Savva E. (2021). Labor supply responses to income tax free and bracket expansions. *Journal of Economic Studies*, 49(7), 1225–1239. DOI: 10.1108/JES-03-2021-0128
- McKenzie D. (2023). Fears and tears: Should more people be moving within and from developing countries, and what stops this movement? *World Bank Res. Obs.*, 39(1), 75–96.
- Morelli M., Yang H., Ye L. (2012). Competitive nonlinear taxation and constitutional choice. *Amer. Econ. J.: Microecon.*, 4, 142–175.
- Shrestha M., Kaila H., Cha'ngom N., Adhikari S. (2026). Do bilateral labor agreements increase migration? Global evidence from 1960 to 2020. *Journal of Development Economics*, 179. DOI: 10.1016/j.jdevco.2025.103673
- Zodrow G.R., Mieszkowski P. (1986). Pigou, tiebout, property taxation, and the underprovision of local public goods. *J. Urban Econ.*, 19(3), 356–370.

Сведения об авторах

Анна Витальевна Тихонова — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2; e-mail: AVTikhonova@fa.ru)

Юлия Васильевна Малкова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2; e-mail: YuMalkova@fa.ru)

Tikhonova A.V., Malkova Yu.V.

On the Impact of Personal Income Tax on Labor Migration

Abstract. The article proposes an original methodological approach to assessing the impact that changes in individual elements of the personal income tax have on migration flows. The subject of the study is personal income taxation instruments (PIT rates, tax residency criteria, the list of taxable incomes), as well as migration flows. The aim of the work is to substantiate directions for improving personal income taxation instruments in ways that give the Russian Federation a competitive edge in the competition for labor resources. The research methods employed include interval grouping, analytical grouping, cluster analysis (hierarchical and k-means), the cartographic method, and theoretical methods of juxtaposition and comparison. The resulting clusters made it possible to identify a relationship between migration processes and the competitiveness of individual income taxation, while a cross-country comparative analysis (covering data from 38 OECD countries) has substantiated the high competitiveness of Russia's PIT. As a result, the study finds that the changes introduced in personal income taxation (the adoption of a progressive scale, the change in the approach to taxing residents and non-residents) are unlikely to trigger negative consequences in the form of an outflow of labor resources abroad, yet at the same time they do not contribute to attracting the most valuable human capital. Recommendations are put forward for improving the taxation of highly qualified specialists. The methodological approach developed

makes it possible to assess the potential migration-related consequences of changes to income taxes in countries around the world. The scientific novelty of the study lies in the original two-stage methodology for analyzing the influence of PIT elements on migration flows, as well as in formulating proposals for improving personal income taxation – specifically, adapting the tax scale and the approaches to applying tax deductions for highly skilled professionals to the demands of technological development. This would help attract the most valuable labor resources while also upholding the principles of tax equality.

Key words: income tax, labor flows, tax residency, tax rate, progressive taxation, tax competition, cluster analysis, highly skilled professionals.

Information about the Authors

Anna V. Tikhonova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor of department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: AVTikhonova@fa.ru)

Yulia V. Malkova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor of department, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Avenue, Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: YuMalkova@fa.ru)

Статья поступила 09.02.2026.

Тренды реформирования российского образования в прогностических оценках демографических показателей

Александра Анатольевна

ШАБУНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: aas@volnc.ru

ORCID: 0000-0002-3467-0921; ResearcherID: HKF-0842-2023

Елена Ильинична

МЕДВЕДЕВА

Институт социально-экономических проблем народонаселения

имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: e_lenam@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4200-1047; ResearcherID: B-8964-2018

Сергей Викторович

КРОШИЛИН

Институт социально-экономических проблем народонаселения

имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: krosh_sergey@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6070-1234; ResearcherID: J-2184-2018

Для цитирования: Шабунова А.А., Медведева Е.И., Крошилин С.В. (2026). Тренды реформирования российского образования в прогностических оценках демографических показателей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 144–164. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.8

For citation: Shabunova A.A., Medvedeva E.I., Kroshilin S.V. (2026). Trends in Russian education reform in the predictive estimates of demographic indicators. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 144–164. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.8

Аннотация. В статье представлены результаты ретроспективного и перспективного анализа исследования трансформаций и реформирования российской системы образования. Отражены прогностические оценки её развития с учётом демографических показателей различных возрастных групп. Задачами являются анализ существующих трендов реформирования системы образования и разработка методики (механизма) оценивания развития/востребованности образовательных услуг на различных уровнях обучения. Объектом исследования выступает российская система образования, предметом — выделенные демографические показатели, соответствующие возрастным группам. Дизайн исследования включал в себя три этапа: первый — проведение ретроспективного и перспективного анализа трендов реформирования образования, второй — построение прогностических оценок развития уровней образования на основе применения авторской Гребневой модели, третий — визуализация полученных результатов для российской системы образования и нескольких регионов страны. Информационную базу составили данные Росстата и ЕМИСС. Согласно полученным результатам, в 2035 году практически на всех уровнях образования в России будет наблюдаться снижение численности обучающихся: на уровне дошкольного образования сокращение составит 10–11%; в школах уменьшение может достичь 13,9%; система среднего профессионального образования «потеряет» каждого десятого студента, а высшая ступень подготовки сократится на 14–15% по сравнению с уровнем 2025 года. Уникальность и новизна методологии заключаются в возможности с определенной долей вероятности предсказывать востребованность различных уровней образования с учётом демографических показателей. Подход универсальный и может быть использован на областном, региональном и местном уровнях. Учёт региональной специфики позволит более эффективно организовать процесс управления и реформирования системы образования для подготовки кадров. Методика может быть применена к оценке результативности федеральных национальных проектов. Это однозначно важно для решения стратегических задач социально-экономического развития и промышленного суверенитета страны. Результаты исследования могут быть использованы аналитиками, учёными и административными работниками, которые занимаются проблемами образования.

Ключевые слова: система образования, реформирование образования, прогностическая оценка, демографические показатели, качество жизни, социально-экономические показатели, трудовой потенциал, эконометрическое моделирование.

Введение

Развитие системы образования является основой стратегического развития любого государства. Благодаря разработке и реализации стратегии возможно обеспечить национальную безопасность страны. Это неоднократно подчеркивал Президент РФ В.В. Путин: «... От уровня образования, от уровня применяемых технологий, от того, какие амбиции возникают у каждого конкретного человека, региона либо всей страны, зависит будущее государства...»¹; «Помимо решения задач сегодняшнего дня ... нужно формировать задел в компетенциях на годы вперёд, чтобы нынешние школьники,

студенты, аспиранты ... и через 15–20 лет были готовы отвечать на вызовы времени, бурных технологических изменений, были среди лучших в глобальной конкуренции»².

Характеристикой масштаба российской системы образования является тот факт, что данная сфера охватывает 25% населения. В 2024 году на уровне дошкольной подготовки обучалось почти 6,4 млн человек, начальным школьным образованием было охвачено 18 млн детей. Среднее профессиональное образование получали чуть больше 3,8 млн студентов, в системе высшего образования на тот момент насчи-

¹ Встреча с учащимися вузов Калининградской области // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73303> (дата обращения: 05.04.2026).

² Заседание Совета по науке и образованию // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76222> (дата обращения: 05.04.2026).

тывалось 4,6 млн студентов. Для организации образовательной деятельности задействовано 493,4 тыс. воспитателей, больше 1 млн учителей в школах, 380 тыс. преподавателей в среднем профессиональном и высшем образовании³. К этому количеству людей следует добавить родителей, которые косвенно или напрямую вовлечены в образовательный процесс.

Очевидно, что в современном быстро меняющемся мире, с происходящими сменами технологических укладов (Глазьев, 2023), появлением новых информационно-коммуникационных технологических, инновационных решений, таких как искусственный интеллект (Макар, Крошилин, 2025), только те государства, которые имеют мощную и эффективную систему образования, могут обеспечить суверенитет и безопасность, совершать технологические прорывы и выходить на новый уровень производства. Система образования нацелена на подготовку будущих кадров страны и должна учитывать потребности рынка труда, запросы промышленности, сельского хозяйства и других отраслей, соответствовать запросам экономики и социальному развитию общества.

Именно поэтому Россия с учётом новых вызовов эндогенного и экзогенного характера остро нуждается в новой Стратегии развития системы образования, т. е. документа, который однозначно должен обозначить приоритеты и задачи стратегического развития. В настоящее время цели и задачи российского образования частично нашли отражение в государственной программе «Развитие образования», в рамках реализации национальных проектов «Образование», «Молодёжь и дети», в проекте «Приоритет-2030» (Каменева и др., 2023). Однако единой стратегии до сих пор нет, правительство только приступило к разработке Стратегии развития образования до 2040 года⁴. В российской системе образования уже более трети века происходят кардинальные изменения и реформы.

Некоторые из них завершены, некоторые пролонгированы. Отсутствует единая оценка эффективности их реализации. Как правило, реформы весьма активно начинаются, а оценка последствий преобразований либо отходит на второй план, либо вообще не осуществляется, так как на место «старой» реформы приходит «новая» и процесс начинается заново.

Недавно в России стартовал пилотный проект⁵ (Указ Президента РФ «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»⁶), целью которого является ориентация на изменение возможностей получения услуг высшего образования, с одной стороны, а также на выполнение стратегических ориентиров нового технологического уклада — с другой (Макаренко, 2022). Данные обстоятельства усугубляются существующими трендами в области демографических показателей (Локосов, 2025; Шабунова, 2025). Для того чтобы задачи стратегического развития образования в России были достигнуты, необходимо с помощью измерительных инструментов проанализировать существующие направления возможной модернизации с учётом влияния показателей рождаемости (Шабунова, Ростовская, 2022), численности обучающихся на всех уровнях получения образования для создания возможного сценария обеспечения научно-технологического суверенитета страны.

Цель настоящего исследования — критически оценить существующие трансформации и реформы системы образования за последние 30 лет с учётом влияния эндогенных и экзогенных факторов для возможности осуществления анализа на основе математических методов и построения пролонгированных вариантов векторов развития уровней отечественной системы подготовки.

³ Образование в цифрах (2025): краткий стат. сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: ИСИЭЗ ВШЭ. 136 с.

⁴ Сергей Кравцов назвал цели разработки Стратегии развития образования до 2040 года // Минпросвещения России. URL: <https://edu.gov.ru/press/9323/sergey-kravcov-nazval-celi-razrabotki-strategii-razvitiya-obrazovaniya-do-2040-goda/> (дата обращения: 01.04.2026).

⁵ Правительство определило правила проведения пилотного проекта по изменению уровней профессионального образования // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/49271/> (дата обращения: 05.04.2026).

⁶ О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49210> (дата обращения: 05.04.2026).

Исторические аспекты реформирования образования в стране

Вопросы планомерного и постоянного реформирования российского образования сопровождают процесс получения образовательных услуг уже более 30 лет. Начиная с 1992 года правительство России вплотную занялось процессом качественного и количественного преобразования данной сферы. Менялись нормативные акты, модернизировался учебный процесс, видоизменялись и появлялись новые специальности и направления обучения, происходили мероприятия по объединению общеобразовательных школ, вузов, внедрялась новая модель финансирования (произошёл переход на «подушевой» вариант на основе расчёта эффективности деятельности).

Трансформации, которые начались в 1996 году, предопределили переход на Болонскую систему подготовки кадров, «перевернули» и существенно скорректировали выстраиваемые годами отечественные образовательные стандарты. Стремление к консолидации с Евро-союзом, в том числе в системе подготовки специалистов, спровоцировало преждевременный скоропалительный переход к двухуровневому варианту обучения. Как показали современные реалии, эти изменения стали базовыми, зачастую «фатальными» и принципиальными ошибками для многих отраслей и экономических сфер деятельности. К сожалению, можно констатировать определенную утрату лидерства и эффективности российского образования (Клячко, 2023). В период бурной перестройки недофинансирование образования и науки привело к ликвидации многих научных школ, которые целыми коллективами и лабораториями переезжали в другие страны (Кораблин, 2018). Утечка «лучших умов» и, как следствие, дальнейший кадровый дефицит высококвалифицированных специалистов можно назвать ещё одной ошибкой, допущенной в стране (Казанцев, Боришполец, 2013; Тюрина, Ключарев, 2024). Сфера образования всегда характеризовалась существенным консерватизмом и «неповоротностью», что напрямую оказывало влияние на систему подготовки кадров, а также на отсутствие возможности быстрой адаптации к требованиям рынка труда. По словам ректора Сколковского института науки и технологий

А. Кулешова, «одна из главных известных в стране проблем — это огромный разрыв между образованием и наукой с одной стороны и практикой, массовым производством — с другой»⁷.

Для преодоления всевозможных кризисов (экономических, геополитических и иных) С.В. Новиков предлагает реализовывать модель взаимодействия образования, науки и производства, а также осуществлять трансформацию механизмов управления «на основе инструментов адаптивного управления» (Новиков, 2023). Сегодня мы столкнулись с тем, что от 50 до 70% выпускников с высшим образованием (в зависимости от направления обучения) не работают по специальности (Гайфуллин, 2022; Байрамов, Постников, 2024). Ситуация на рынке труда (востребованность одних специальностей и уход с рынка других), смена технологических укладов, социальные и демографические процессы (Кетова, 2025; Медведева, Крошилин, 2022), проблемы урбанизации, миграции населения требуют иных подходов и оценок для организации эффективной системы подготовки кадров.

21 апреля 2026 года в интервью Д. Проскурин, ректор Воронежского государственного технического университета, отметил: «Парадигму образования надо пересматривать, все компетенции, ФГОСы, и заново формулировать ответ на вопрос: что же реально должен знать студент?»⁸.

Следует отметить, что многие негативные проблемы и тренды минимизируются, а их влияние не становится доминантным для развития системы подготовки кадров. Так, например, в 2025 году правительство поддержало инициативу соответствующего министерства о необходимости регулировать не только стоимость обучения на платных специальностях, но и об-

⁷ «Обет начинания» (интервью с ректором Сколковского института науки и технологий Александром Кулешовым) // Ректор говорит! URL: <https://rectorspeaking.ru/obetnachinaniya> (дата обращения: 21.04.2026).

⁸ Сегодня главный вопрос к университетам: «Что вы умеете?» (интервью с ректором Воронежского государственного технического университета Дмитрием Проскуриным) // Ректор говорит! URL: https://rectorspeaking.ru/segodnya-glavnyj-vopros-k-universitetam-chto-vy-umeete?utm_source=Sendsay&utm_medium=email&utm_campaign=14.04_rg_szgmu_mechnikova (дата обращения: 21.04.2026).

щее количество мест для поступления. Также корректировке подверглись современные стандарты обучения, периоды получения знаний (количество лет на различных специальностях и направлениях), включая варианты дальнейшего трудоустройства (модернизация «целевого обучения» в вузах).

Если проследить все этапы реформирования образования в России, то весьма наглядно данный процесс можно представить в виде графика, на котором вверху оси ОХ (период с 1991 года по настоящее время) отражены различные реформы, регламентированные указами, законодательными актами, а под осью ОХ — названия судьбоносных для системы образования страны мероприятий и процедур (рис. 1).

Первым законом в сфере образования России стал Закон «Об образовании» № 3266-1⁹, принятый и вступивший в силу в 1992 году. Именно он предопределил начало всех реформ и в результате стало возможным лавинообразное развитие и увеличение числа направлений подготовки, появление специальностей, до того момента не реализуемых в стране. Министр образования Э. Днепрова в 1993 году декларировала следующее: «Необходимо разрушить тоталитарную систему образования, которая была инструментом порабощения личности... Школа должна стать институтом гражданского общества»¹⁰.

Ещё одним следствием принятия закона стало введение Единой тарифной сетки (ЕТС) оплаты труда для работников бюджетной системы¹¹. Она включала в себя 18 разрядов и соответствующие коэффициенты, которые могли отражать квалификацию педагога, стаж и иные характеристики. Ставка первого разряда определялась правительством.

⁹ Об образовании: Закон РФ от 10.07.1992 № 3266-1 (последняя редакция) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения: 15.04.2026).

¹⁰ Учительская газета. I-VI N. 1-26 /1993 // Государственная публичная историческая библиотека. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000005_430513/ (дата обращения: 15.04.2026).

¹¹ О дифференциации в уровнях оплаты труда работников бюджетной сферы на основе Единой тарифной сетки: Постановление Правительства РФ от 14.10.1992 № 785 (ред. от 20.12.2003) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1040/ (дата обращения: 15.04.2026).

В 1996 году был принят закон, согласно которому в стране официально появились и закрепились «новые» уровни высшего образования — бакалавриат и магистратура. Необходимо отметить, что их появление в законодательном поле не обязывало все вузы однозначно переходить на данный вариант подготовки кадров, но был предопределен тренд появления наряду со специалитетом иных ступеней и сроков обучения в Высшей школе. Тогда же было «закреплено» новое понятие — «образовательная услуга»¹². Оно в большей степени применялось к регулированию платных образовательных услуг, однако до этого момента никто не характеризовал возможность получения образования на платной основе.

Следующим шагом в реформировании системы образования стала реализация эксперимента с Единым государственным экзаменом (ЕГЭ). Старт этому нововведению был дан 16 февраля 2001 года¹³. Первоначально в эксперименте приняли участие 5 регионов, в дальнейшем охват увеличивался, и в 2009 году ЕГЭ стал обязательным для всех выпускников 11-х классов в России¹⁴.

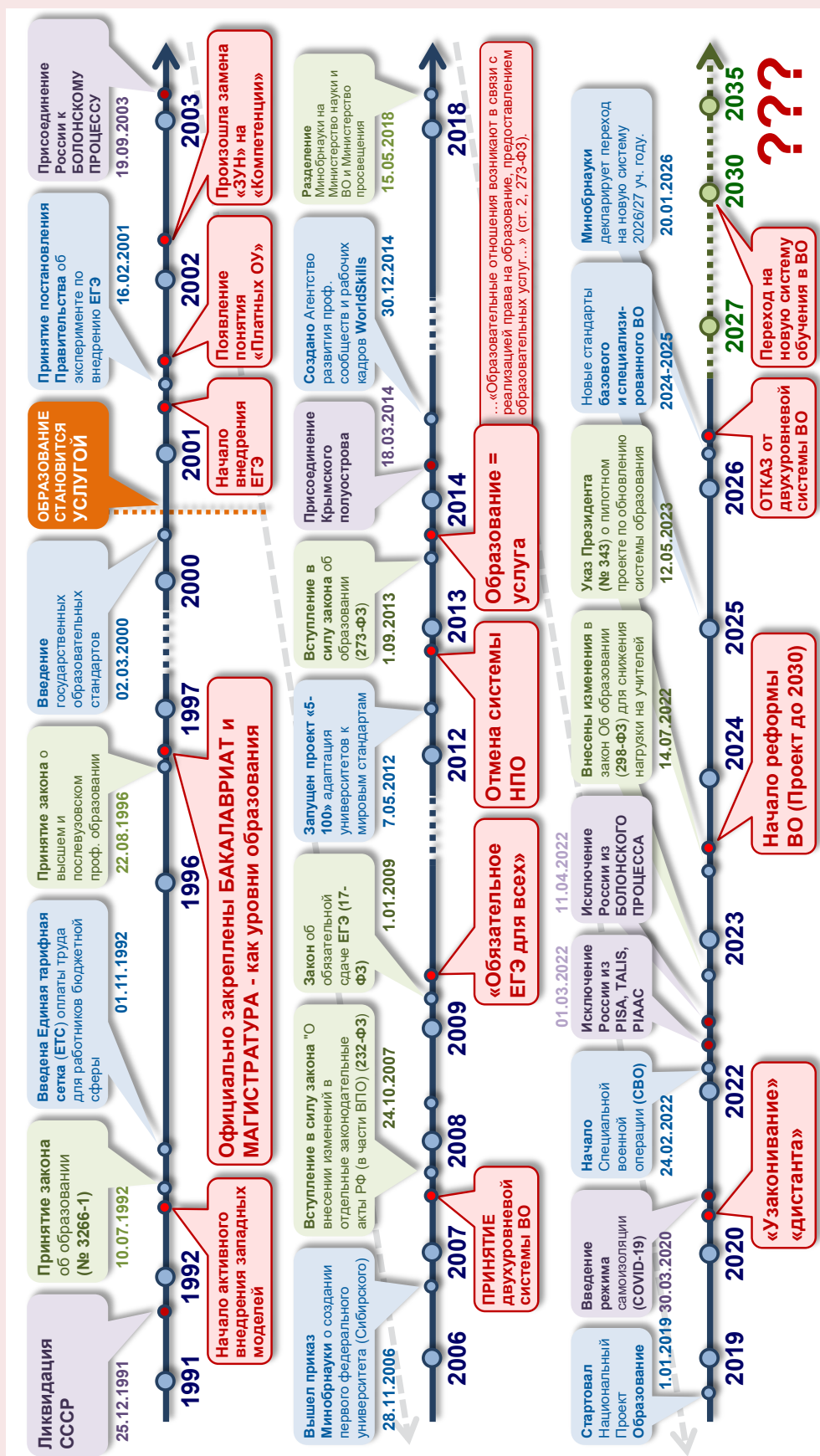
Осуществление процесса сдачи единого государственного экзамена как обеспечение возможностей реализации умственных, творческих и иных способностей обучающихся поддерживалось заявлениями многих руководителей соответствующих ведомств. Например, В. Болотов, глава Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор) отметил: «ЕГЭ — это не просто экзамен, это механизм обеспечения равных возможностей для

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/dcd33f582c1637141ba49e1333bf73186d6301/ (дата обращения: 15.04.2026).

¹³ Об организации эксперимента по введению единого государственного экзамена: Постановление Правительства РФ от 16.02.2001 № 119 // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/182981/> (дата обращения: 15.04.2026).

¹⁴ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения единого государственного экзамена: Федеральный закон от 09.02.2007 № 17-ФЗ // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24994> (дата обращения: 15.04.2026).

Рис. 1. Ретроспектива реформ, реализуемых в системе образования страны: основные этапы и ключевые решения

Источник: составлено авторами.

всех детей независимо от места проживания. Это социальный лифт»¹⁵. Однако уже тогда звучали и иные точки зрения. В. Садовничий, академик, ректор МГУ, назвал ЕГЭ «профанацией педагогики», которая «...убивает в ребёнке способность мыслить логически и анализировать, подменяя это угадыванием»¹⁶.

В 2003 году Россия вступила в Болонскую систему, которая предполагала наличие в стране уровневой системы подготовки кадров, а также существенные изменения в обучении аспирантов. Произошли кардинальные изменения и в самом образовательном процессе, начиная с ликвидации ЗУН (системы знаний / умений / навыков), появления компетенций и компетентностного подхода, заканчивая сроками обучения на разных программах (Тощенко, 2025).

Немаловажным этапом модернизации отечественной системы образования стало введение федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС)¹⁷. Так, например, принятие ФГОСов, касающихся начального общего образования, произошло в 2009 году¹⁸, основного общего — в 2010¹⁹, а обязательное введение ФГОС для 1 класса во всех образовательных учреждениях РФ началось с 2011–2012 учебного года.

¹⁵ Агранович М. (2023). Почему в ЕГЭ по русскому нужны уровни и появятся ли практические задания? Профессор Виктор Болотов — о будущем ЕГЭ // Российская газета. URL: https://rg.ru/2023/05/29/ege-vstal-na-uroven.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fmedia.foxford.ru%2F (дата обращения: 16.04.2026).

¹⁶ Ректор МГУ: противником ЕГЭ был и остаюсь // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2007/01/23/sadovnichij.html> (дата обращения: 15.04.2026).

¹⁷ О введении федерального государственного образовательного стандарта общего образования: Письмо Министерства образования и науки РФ от 19 апреля 2011 г. № 03-255 // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071359/> (дата обращения: 16.04.2026).

¹⁸ Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования: Приказ Министерства образования и науки РФ от 6 октября 2009 г. № 373 (с изменениями и дополнениями) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/197127/> (дата обращения: 16.04.2026).

¹⁹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070507/> (дата обращения: 16.04.2026).

Следующим судьбоносным решением в системе отечественного образования явилась ликвидация уровня НПО (начального профессионального образования). Новый закон «Об образовании», принятый и утвержденный 29 декабря 2012 года²⁰, предопределил новый виток изменений. Вслед за его принятием произошли территориальные преобразования, модернизация многих новых направлений, внедрение стандартов профмастерства (например, реализация проекта WorldSkills).

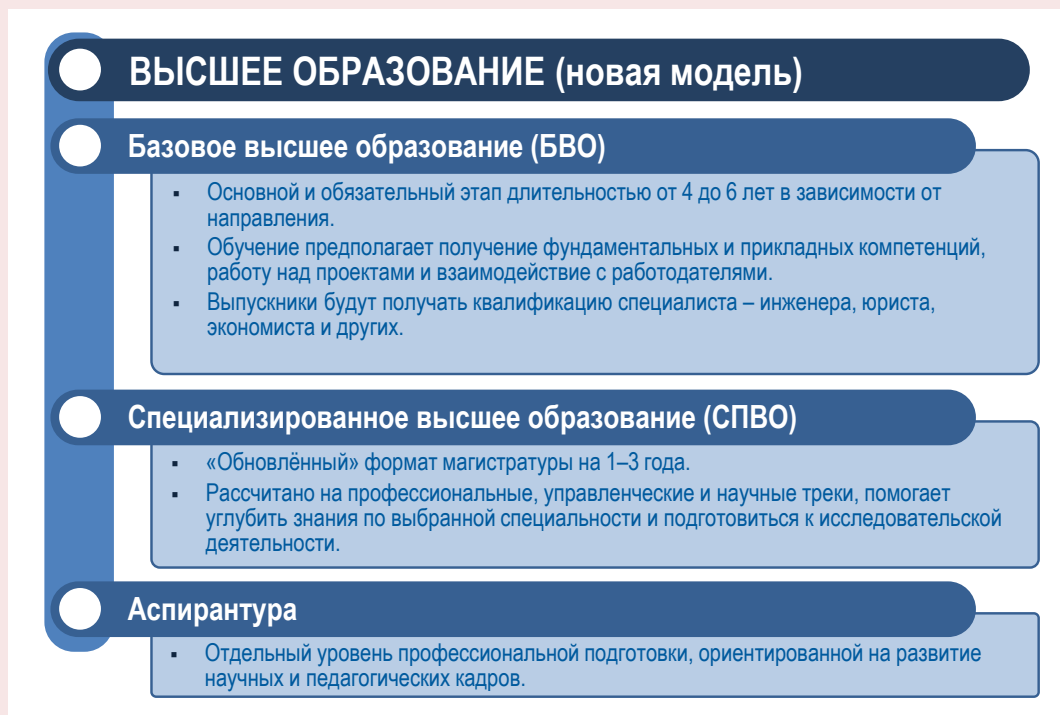
В 2018 году фиксировались кардинальные изменения в управлении данной сферой: если ранее деятельность образовательных организаций курировало одно министерство, то теперь произошло деление функционала и были образованы Министерство науки и высшего образования и Министерство просвещения.

Данный вариант делегирования и разделения полномочий направлен на более тщательную координацию и контроль исполнения всех инициатив и законодательных норм, реализуемых правительством страны. Это стало неким переломным моментом реформирования. В 2018 году определен и принят к исполнению национальный проект «Образование». Исключение России из Болонского процесса в 2022 году целесообразно рассматривать как появившуюся возможность грамотной перестройки процесса для решения стратегических задач государства. В том же году принят Федеральный закон № 298²¹, направленный на снижение нагрузки на учителей, что было весьма актуально и своевременно для осуществления необходимых корректив. Целесообразно также заострить внимание на перспективных направлениях деятельности в исследуемой области. Так, практически в режиме реального времени в России тестируется обновлённая структура ВО, которая включает три уровня. Болонская модель (бакалавриат — магистратура — аспирантура) постепенно трансформируется в национальную систему (рис. 2).

²⁰ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70191362/> (дата обращения: 16.04.2026).

²¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 298-ФЗ // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404893831/> (дата обращения: 16.04.2026).

Рис. 2. Новая модель реформирования уровней высшего образования в России

Составлено по: Фальков: 2025 год будет посвящен переходу на новую модель высшего образования // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22697675> (дата обращения: 15.04.2026); Розанова А. Образование в России 2026: правда о реформе вузов, отмене бакалавриата и что будет с дипломами // Life. URL: <https://life.ru/p/1837169> (дата обращения: 15.04.2026); Галайда-Перера Е. Без бакалавров, но с аспирантами: в 2026 году вузы РФ полностью перейдут на новую систему образования // Национальная служба новостей. URL: <https://nsn.fm/society/bez-bakalavrov-no-s-aspirantami-v-2026-godu-vuzy-rf-polnostu-pereidut-na-novuu-sistemu-obrazovaniya> (дата обращения: 15.04.2026).

Пилотный проект уже реализуется в шести университетах. В январе 2026 года В.В. Путин продлил действие проекта до 2030 года и включил в него ещё 11 вузов. Массовый переход всех вузов страны на новую систему запланирован на 2027–2028 учебный год. Что же будет дальше? Ответ на данный вопрос однозначно лежит в плоскости нахождения оптимального варианта реализации новаций, которые в полном объёме должны охватить стратегические ориентиры развития государства с учётом экономических, социальных, демографических и иных показателей, для того чтобы стало возможным оценить существующие потребности всех субъектов данных отношений и получить экономически развитое и современное государство.

От полученного образования зависит жизнь каждого россиянина, его социальный статус, экономическое положение, качество жизни.

Именно поэтому все реализуемые реформы должны коррелировать с перспективными запросами государства, общества и каждого отдельного человека.

Материалы и методы

По своей сущности «тренд»²² предопределяет устойчивое развитие в какой-либо сфере деятельности, в нашем случае в системе образования страны. Он указывает направление развития, и сегодня для российской системы подготовки кадров очень важно «уловить» данную тенденцию, понять востребованность новых компетенций и знаний. Отечественная система образования, как уже отмечалось, находится в постоянном изменении. Реформирование само по себе представляет процесс целенаправленного изменения существующей

²² Trend – от англ. «тенденция», «направление».

структуры, порядка, принципов и применяемых практик. Государство стремится усовершенствовать национальную образовательную систему с учётом актуальных политических, социально-экономических, технологических потребностей, а также оптимизации финансовых затрат. Социум же планирует получать качественно организованный учебный процесс и необходимые (востребованные в будущем) знания и компетенции на всех уровнях образования, что требует нахождения определённого баланса. В этом аспекте совершенствование образования представляет собой сложный процесс, который должен учитывать весь перечень факторов, требующих комплексного аналитического подхода.

В отечественной аналитике достаточно редко можно встретить оценку проводимых реформ. Как правило, оцениваются последствия проведенных преобразований уже спустя определённый лаг времени, а с учетом того, что сам по себе процесс получения образования «растянут» во времени, знания и компетенции постоянно меняются, оценить данный эффект ещё сложнее. Кроме того, для принятия объективных, взвешенных и эффективных решений необходимо применять как качественные, так и количественные методы оценки.

В теоретическом аспекте существует достаточно много подходов к оценке количественных показателей развития системы образования. Однозначно можно утверждать, что демографические процессы и образовательные тенденции влияют друг на друга и их взаимодействие используют для прогнозирования и анализа происходящих в обществе социально-экономических процессов. С помощью изучения демографических показателей могут быть определены основные количественные параметры и структура образовательных организаций, контрольные цифры приёма обучающихся и количество учебных заведений для каждого из уровней подготовки. Например, для устранения последствий депопуляции в регионах целесообразно повышать качество трудовых ресурсов, «улучшать возможности» подготовки и модернизировать квалификацию работающих — только это гарантирует возможность дальнейшего устойчивого развития региона. Но для реализа-

ции данных задач необходим анализ, который будет базироваться на различных методах исследования, например на анализе демографических баз данных и результатах переписей населения, APC-анализе²³ для изучения когортных эффектов (Burch, 2018), методах декомпозиции в демографическом анализе²⁴. Зарубежные ученые часто используют для моделирования развития образовательной системы мультистатусные модели (Poli, 2018), где статус уровня образования позволяет повысить точность и учесть динамику образовательного потенциала территорий (Schoen, 2016), а также сценарные методы (Bradfield, 2005; Bishop et al., 2007; Saussois, 2006). Для корректировки демографических моделей применяются статистические и математические методы (анализ основных демографических показателей и их динамики). В России с учетом особенностей неравномерного расселения населения по регионам, показателей рождаемости, а также под влиянием миграционных процессов необходимо использовать подобный опыт с точки зрения анализа и оценки загруженности уровней подготовки. Таким образом, демографические процессы в России создают ряд вызовов для системы образования, требующих комплексного подхода к адаптации инфраструктуры, образовательных программ и государственной поддержки.

В связи с вышеизложенным существует объективная необходимость разработки новых методик/подходов, которые можно было бы применять в оценке эффективности функционирования российской системы образования. Уровни в значительной степени связаны с потребностями населения и количеством детей в возрастных группах, которые начинают обучение в определенном регионе. Качественный

²³ APC analysis (англ. Age — Возраст, Period — Период, Cohort — Когорта) — метод анализа данных, позволяющий разделить влияние трёх временных измерений на изучаемый феномен: возраста, периода и когорты. Такой подход помогает выявить, как каждый из этих факторов влияет на динамику исследуемого процесса.

²⁴ Vocational education and training in Europe, 1995–2035: Scenarios for European vocational education and training in the 21st century. Cedefop reference series. No. 114. Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2801/794471

и количественный состав групп предопределяет наличие учебных мест и количество образовательных организаций. Исходя из этого, ещё 15 лет назад авторским коллективом под руководством академика РАН Н.М. Римашевской была предложена Гребневая (ридж) модель возрастной структуры детей и молодёжи (Римашевская и др., 2016; Медведева, Крошилин, 2022) для построения прогностических оценок загруженности всех образовательных уровней подготовки (далее — Гребневая модель). Такой подход позволяет ответить на главный вопрос: сколько учебных мест и на каком уровне будет необходимо с учётом складывающихся демографических тенденций.

Подход к построению Гребневой модели сводится к следующему.

1. Необходимо получить массив данных — региональные демографические показатели по возрастным группам. Источником могут быть данные статистики (отдельных федеральных округов, областей или районов). На их основе формируются отдельные возрастные когорты численности обучающихся. Для удобства они обозначены следующим образом: «Рождение» — дети возрастом до 1 года, «Ясли» (возраст 1 год), «ДО» — дошкольное образование / детские сады (3 года), «ОО» — общее образование / школа (7 лет), «СПО» — среднее профессиональное образование (16 лет), «ВПО» — высшее профессиональное образование (18 лет). В рамках исследования использовались данные Росстата (в т. ч. «Витрина статистических данных»²⁵), а также ЕМИСС²⁶. Для расчётов выделен показатель «Численность населения по полу и возрасту на 1 января»²⁷. Сущность отбора данных заключается в выборе групп учащихся, рожденных в определенном году и «прошедших» все уровни обучения. Например, тех, кто родился в 1990 году, учитывают как потенциально претендующих на места в яслях в 1993 году.

²⁵ Витрина статистических данных // Росстат. URL: <https://showdata.rosstat.gov.ru/finder/> (дата обращения: 22.03.2026).

²⁶ Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 22.03.2026).

²⁷ Демографический ежегодник России. 2023: стат. сб. // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 22.03.2026).

В 1991 году им исполнился 1 год, и это будет основой для первой группы пролонгированного анализа. Затем они в 7 лет приходят в школу (1997 год), а в 16 лет (2006 год) переходят либо в старшие классы, либо «уходят» в СПО. В 18 лет данная когорта детей заканчивает школу и потенциально «претендует» на поступление в вуз (2008 год). Далее аналогичным образом формируется следующий гребень рожденных в 1991 году, затем в 1992 году и т. д. В результате анализ производится с одной и той же когортой, их количество отслеживается на каждом уровне образования.

2. Применяются методы эконометрического моделирования. На основе информационной системы «Гребневая модель возрастной структуры детей и молодёжи «Ridge Model ver.1.0»²⁸ (далее — ПО для расчёта ГМ) строится Гребневая модель для всех уровней образования. Для каждой группы детей формируется (подбирается) собственная зависимость путем анализа лаговых эндогенных и экзогенных переменных. В результате расчётов получаются функции для каждой из анализируемых групп.

Оценка размера возрастных когорт для различных уровней образования выполнена на основе экспоненциального сглаживания временных рядов (Айвазян и др., 2019; Mirzanov, 2018), отражающих демографические показатели по определенной возрастной когорте (см. формулу 1):

$$D_n(t) = \alpha \cdot Y_{n-1}(t) + (1 - \alpha) \cdot D_{n-1}(t), \quad (1)$$

где $D_n(t)$ — прогнозируемое значение предстоящего периода в момент наблюдения параметра с номером n в момент времени t ;

$D_{n-1}(t)$ — прогнозное значение параметра на текущий год в момент времени t ;

α — коэффициент сглаживания, учитывающий параметры текущего наблюдения n ,

$Y_{n-1}(t)$ — фактическое значение параметра текущего наблюдения в момент времени t .

²⁸ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2018613095 Российская Федерация. «Гребневая модель возрастной структуры детей и молодёжи «Ridge Model ver. 1.0»: № 2018610529; заявл. 16.01.2018; опублик. 02.03.2018 / С.В. Крошилин, Е.И. Медведева.

Для визуализации полученных результатов использовался трендовый метод, который базируется на расчётах функции тренда: полиномиальной аппроксимации четвёртой степени. Это обусловлено тем, что демографические значения в анализируемых временных рядах то возрастают, то убывают, поэтому для оптимизации коэффициента детерминации было выбрано значение, равное 4. Используется экстраполяция тенденций, выявленная в предыдущие периоды наблюдения (см. формулу 2) (Ревунова, 2019; Heydari et al., 2019):

$$F_n(t) = \varphi_0 + \varphi_1 t + \varphi_2 t^2 + \varphi_3 t^3 + \varphi_4 t^4, \quad (2)$$

где $F_n(t)$ — оцениваемая функция / линия тренда в момент времени t ,

φ_i — константы, степень полинома равна 4 (по требованиям $n \leq 6$).

Для подбора оптимального значения степени полинома использовался «подбор» наибольшего значения расчётного показателя R^2 (коэффициента детерминации). Был выбран полином четвёртой степени, который позволяет подобрать наилучшую аппроксимацию для анализируемых параметров временных рядов (Маршалко, Труфанова, 2022; Zhang, Tian, 2023) с реальными показателями. Альтернативно применялись ARMA и ARIMA методы.

3. Визуализация результатов моделирования для всех построенных Гребневых моделей. Для получения графиков и проведения дополнительных расчётов использовался MS Excel с надстройками «Анализ данных» и «Поиск решения».

Таким образом, Гребневая модель позволила при известных значениях регионального демографического показателя «рождаемость» получить прогностические оценки количества обучающихся на всех уровнях системы. Сейчас это особенно актуально с учётом сложной (динамически меняющейся) демографической ситуации в российских регионах.

Авторский подход прошел множество апробаций, а также имеет программную реализацию в виде зарегистрированного ПО для расчёта ГМ. В программе реализовано построение прогностических оценок на основе эконометрических методов анализа. Методика построения

Гребневой модели детально описана в ряде публикаций (Римашевская и др., 2016; Медведева, Крошилин, 2022). Такой подход ориентирован на получение достаточно точной прогностической оценки и построение линии тренда.

Построение Гребневой модели (прогнозирование)

На основе данных Государственной статистики (Росстат) были сформированы необходимые информационные массивы демографических показателей по нескольким регионам. В качестве исследуемых регионов выделены: Российская Федерация (в целом), Московская и Вологодская области, г. Москва. Для примера сформированный массив по РФ представлен в виде *таблицы 1*. Подход к формированию «гребня» (волны) в таблице для каждой возрастной когорты (года рождения) выделен своим цветом: для 1990 года — темно-зеленым, для 1991 года — зеленым, для 1992 года — светло-зеленым и т. д.

Визуализация отобранных данных по РФ для построения Гребневой модели приведена на *рисунке 3*, где отражено количество обучающихся в каждой возрастной когорте уровней системы образования в РФ. Аналогичным образом сформированы массивы по остальным отобранным регионам.

Полученные массивы были загружены в ПО для расчёта ГМ, которое позволило на основе применения эконометрического моделирования представить Гребневую модель для каждой группы обучающихся (*рис. 4*).

Визуальное сопоставление демографических данных по выделенным группам с общей численностью населения позволяет оценить динамику изменения показателей в зависимости друг от друга. Это также влияет на идентификацию моделей при оценивании неизвестных параметров. В результате расчётов были получены функциональные зависимости (полиномы четвёртой степени (2)). Приведем результаты показателей для РФ (3):

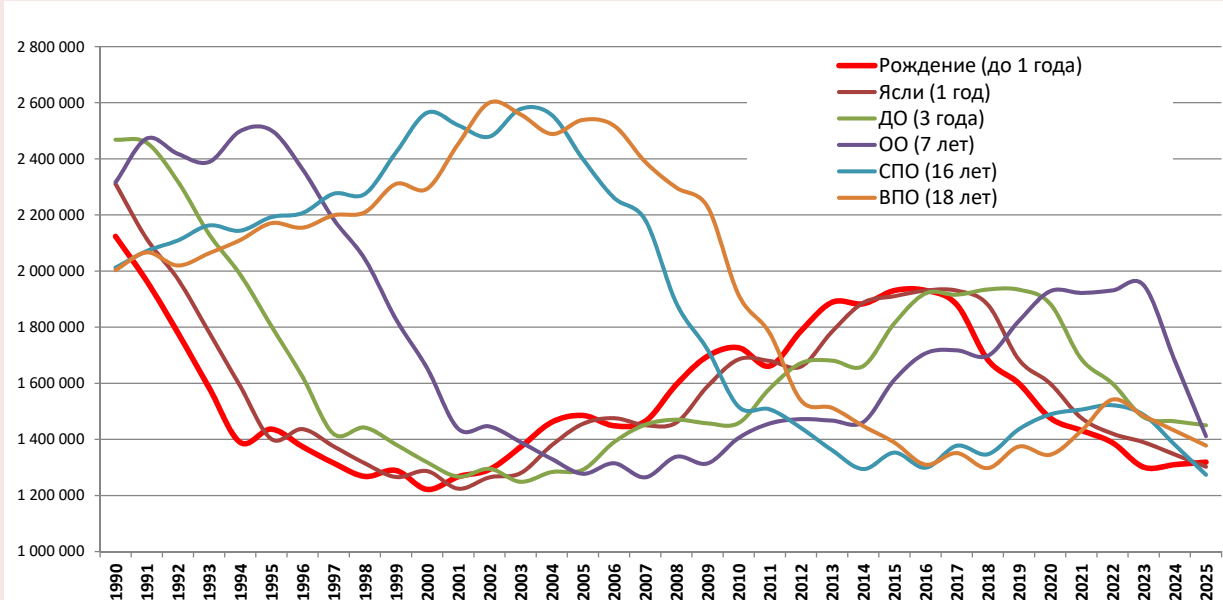
$$\begin{aligned} Y_{\text{Рождаемость (до 1 года)}}^{\text{РФ}} &= 6,4544 \cdot x^4 - 734,77 \cdot x^3 + 25773 \cdot x^2 - 312799 \cdot x + 2 \cdot 10^6 \quad (R^2 = 0,9042); \\ Y_{\text{Ясли (1 год)}}^{\text{РФ}} &= 2,8692 \cdot x^4 - 496,3 \cdot x^3 + 21546 \cdot x^2 - 307406 \cdot x + 3 \cdot 10^6 \quad (R^2 = 0,9333); \\ Y_{\text{ДО (3 года)}}^{\text{РФ}} &= -5,0057 \cdot x^4 + 97,285 \cdot x^3 + 8250,2 \cdot x^2 - 232599 \cdot x + 3 \cdot 10^6 \quad (R^2 = 0,9525); \\ Y_{\text{ОО (7 лет)}}^{\text{РФ}} &= -22,946 \cdot x^4 + 1631,9 \cdot x^3 - 34205 \cdot x^2 + 165393 \cdot x + 2 \cdot 10^6 \quad (R^2 = 0,9536); \\ Y_{\text{СПО (16 лет)}}^{\text{РФ}} &= 1,1721 \cdot x^4 + 149,19 \cdot x^3 - 11991 \cdot x^2 + 180921 \cdot x + 2 \cdot 10^6 \quad (R^2 = 0,8631); \\ Y_{\text{ВПО (18 лет)}}^{\text{РФ}} &= 13,169 \cdot x^4 - 768,04 \cdot x^3 + 10207 \cdot x^2 + 6351,6 \cdot x + 2 \cdot 10^6 \quad (R^2 = 0,9121). \end{aligned} \quad (3)$$

Таблица 1. Массив данных для построения Гребневой модели, Российская Федерация в целом; 1990–2025 гг., чел.

Показатель / Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Рождение (до 1 года)	2123530	1964547	1780031	1584813	1389192	1436350	1374042	1315450	1267765	1289086	1221452	1266627	1292461	1372458	1460997	1485054	1448509	1464203	1595212	1696313	1726549	1661526	1786173	1888640	1883389	1930593	1931054	1880216	1683430	1598669	1476347	1431935	1387940	1300801	1309782	1318763
Ясли (1 год)	2310881	2115235	1971236	1782259	1590312	1401284	1436543	1375356	1314605	1265782	1286936	1224258	1264598	1279629	1378953	1455321	1475587	1450867	1459980	1589155	1685419	1679633	1659811	1784532	1887170	1910448	1930684	1930605	1880058	1683458	1599323	1476583	1420506	1389778	1346051	1302324
ДО (3 года)	2468247	2456950	2319153	2131622	1987787	1804237	1623164	1419635	1441913	1381634	1318173	1266951	1295060	1248767	1283546	1291750	1390063	1452220	1470100	1457191	1458288	1581173	1671614	1680743	1661385	1813760	1920333	1915514	1934443	1933405	1883092	1686340	1599066	1478805	1464491	1450178
ОО (7 лет)	2316112	2472154	2417757	2388680	2498773	2501517	2363247	2184251	2042991	1828245	1653730	1437546	1445897	1389916	1329915	1277118	1314524	1264282	1337877	1313935	1404954	1456379	1471934	1466402	1461315	1612321	1706443	1717268	1697980	1822386	1927854	1921877	1930623	1949393	1680403	1411412
СПО (16 лет)	2011907	2071294	2108898	2162458	2143675	2192109	2206579	2275416	2274627	222250	2564121	2519316	2478764	2577485	2556072	2398867	2260995	2182342	1885616	1720314	1516555	1507135	1441146	1361615	1294293	1352968	1299133	1377491	1347357	1436871	1488943	1506393	1522149	1487613	1380875	1274137
ВПО (18 лет)	2003243	2066259	2019517	2063193	2110206	2170536	2154439	2198545	2209266	2310407	2293132	2453479	2600168	2558235	2488489	2538705	2518194	2389360	2297055	2229623	1914537	1777762	1538650	1511903	1447082	1388578	1309521	1351041	1297346	1374352	1345006	1430217	1541813	1483597	1430695	1377794

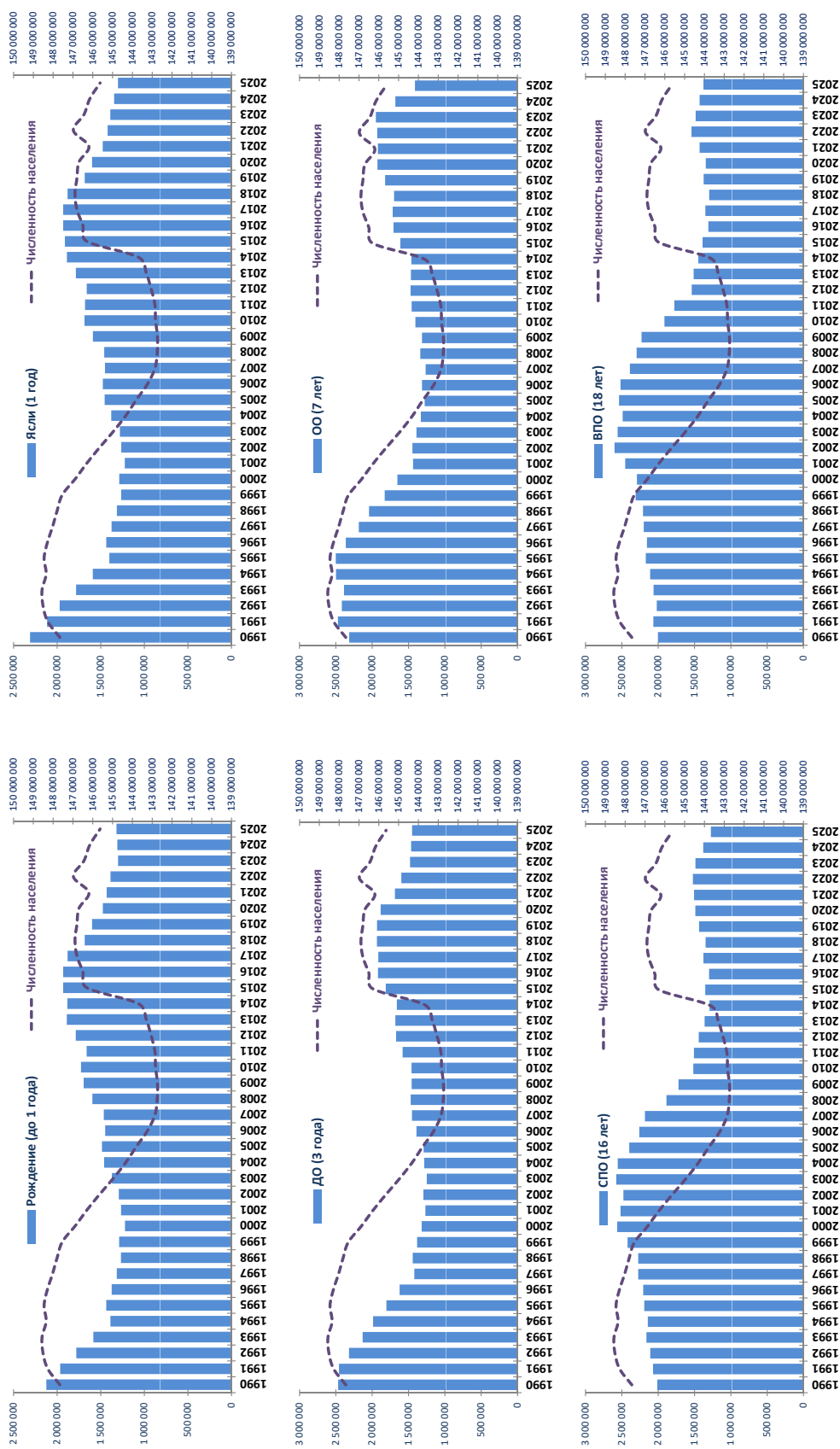
Составлено по: Витрина статистических данных Росстата и данные ЕМИСС.

Рис. 3. Данные для построения Гребневой модели по РФ, 1990–2025 гг., чел.

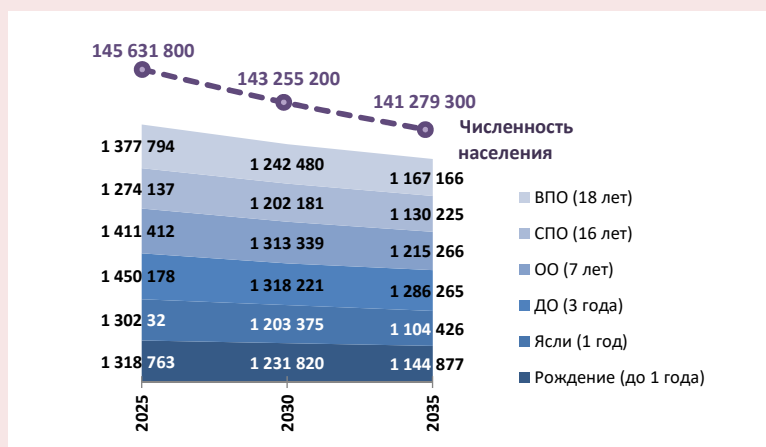
Источник: составлено авторами на основе сформированного массива данных.

Рис. 4. Сопоставление демографических данных по когортным группам с численностью населения по РФ, 1990–2025 гг., чел.

Источник: составлено авторами на основе сформированного массива данных.

Рис. 5. Сопоставление прогностических оценок демографических показателей по когортным группам с численностью населения по РФ (прогноз на 2030 и 2035 гг.), чел.

Примечание: для построения прогноза по некоторым видам демографических показателей данные за 2025 год использовались оценочные (прогнозные), так как на момент подготовки материала в официальных источниках они отсутствовали.

Источник: составлено авторами.

В данном случае используется полиномиальная аппроксимация четвертой степени и сглаживание, так как все демографические параметры (временные ряды) имеют тенденцию к значительному нелинейному изменению. На основе вычисленных функций тренда и экспоненциального сглаживания временных рядов (1) получены прогнозные значения анализируемых демографических показателей с временным лагом 5 лет (на 2030 и 2035 гг.; рис. 5).

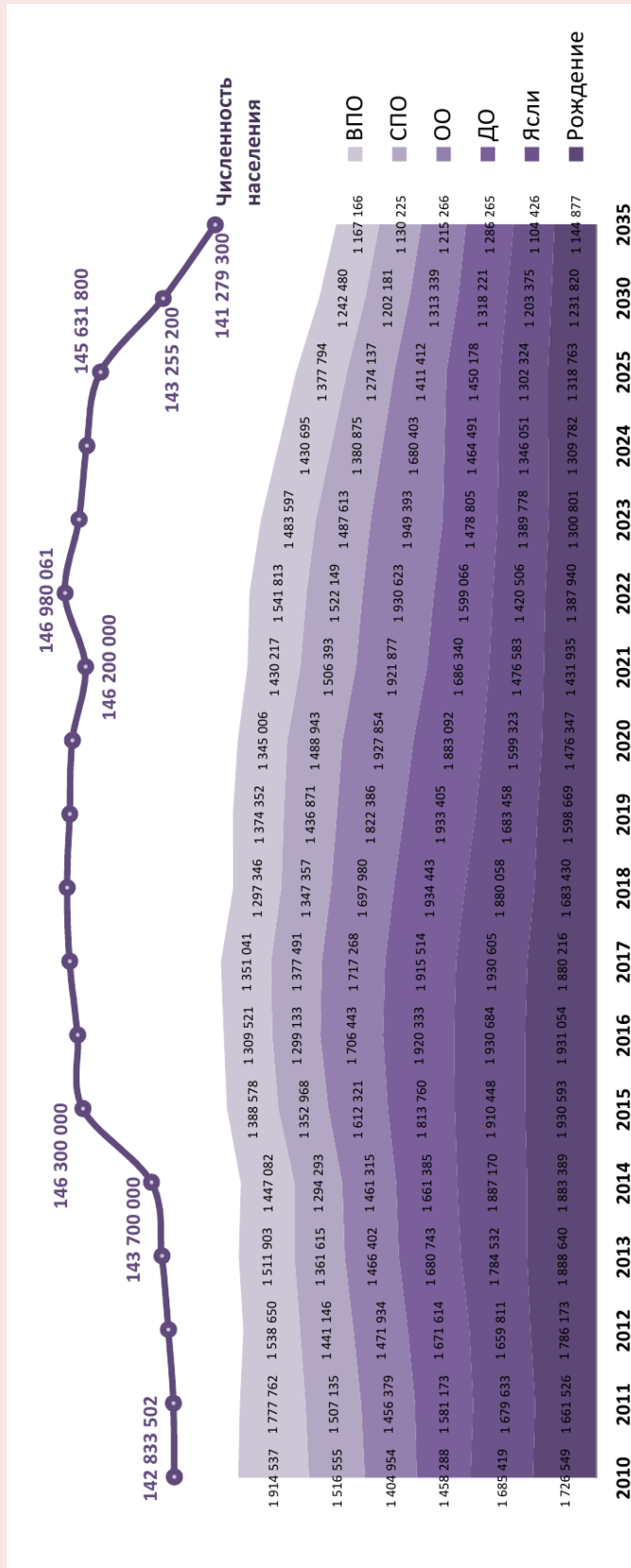
На заключительном этапе расчетов с учетом функциональных зависимостей (3) была получена Гребневая модель по РФ за период с 1990 по 2025 год и прогнозными значениями на 2030 и 2035 гг. (рис. 6).

Следует заметить, что все приведенные оценки носят вероятностный характер, так как получены в результате применения эконометрических методов прогнозирования с использованием данных официальной статистики. Тем не менее прогностические оценки достаточно точно отражают существующие тенденции и могут быть использованы при стратегическом планировании модернизации уровней системы образования как в стране в целом, так и в отдельных регионах.

Анализ полученных результатов

Полученная Гребневая модель (см. рис. 6) отражает изменение численности возрастных когорт на разных уровнях системы образования РФ в целом. С определенной долей вероятности возможно прогнозировать перспективные потребности и нагрузку на все уровни подготовки. За основу сравнения можно взять показатели 2020 года. Согласно полученной прогностической оценке, в 2025 году детей в возрасте до 1 года стало почти на 10% меньше. При сохранении подобной тенденции к 2035 году можно ждать уменьшения ещё на 13%. В «ясли» в 2025 году пришло на 18,6% меньше детей, нежели в 2020 году. В долгосрочной перспективе их количество будет сокращаться ещё на 9–10% каждые 5 лет. Количество пришедших в детские сады может уменьшиться на треть к 2035 году. По сравнению с 2020 годом количество учеников в 2025 году сократилось почти на треть и темпы сокращения будут лишь увеличиваться. Ситуация с уровнем СПО лучше: сокращение контингента в 2035 году «коснется» лишь каждого десятого студента. В системе ВПО в 2025 году можно наблюдать незначительный прирост в 3%, но к 2035 году произойдет уменьшение на 15% от нынешнего уровня.

Рис. 6. Гребневая модель демографических показателей по различным уровням образования РФ с прогностической оценкой на 2030 и 2035 гг., чел.

Источник: составлено авторами.

Полученные результаты отражают лишь общую тенденцию, на которую могут оказать влияние другие составляющие, например «послабление» в миграционной политике, «ориентация» на иностранных студентов и т. д.

Сегодня региональных исследований по вопросам развития образования недостаточно, поэтому было принято решение осуществить перспективную оценку и для других регионов России. В данной статье подробный анализ результатов прогностической оценки исследуемых показателей представим только по Московской области (рис. 7).

Московская область является одним из ведущих регионов по количеству и качеству оказываемых образовательных услуг. Кроме того, Московская область весьма привлекательна для проживания и «притягивает» рабочую силу из других субъектов. Это позволяет ей демонстрировать лучшие демографические показатели по сравнению с иными территориями. Например, прогнозная оценка показала, что можно ожидать положительный рост в категории «Рожденные» (до 1 года) примерно в 2–3%. Также существует положительный тренд в охвате «яслями». Однако показатель «ДО» уже не столь оптимистичен и к концу 2035 года может составить лишь 4% прироста от нынешнего уровня. В школе рост наблюдается только в 2025 году, а к 2030 году он будет равен 0, в 2035 году может произойти сокращение на 8–9%. В системе СПО ситуация сложнее: по возрастным показателям сокращение может происходить на 4–5% каждые 5 лет. В системе ВПО к 2035 году будет наблюдаться существенное уменьшение контингента – на 17% от 2024 года.

Применение авторского подхода к анализу демографических показателей на различных уровнях образования в региональном аспекте и в стране в целом с использованием Гребневой модели показало, что имеет место грация в существующих показателях, предопределяющих наличие вариантов возможного развития. Именно поэтому подобный инструментарий необходимо применять для принятия взвешенных, обоснованных решений с учётом российских особенностей, неравномерности заселенности и регионального социально-экономического развития при разработке Стратегий развития системы образования.

Обсуждение

Несмотря на то что аналитики и учёные по-разному подходят к существующей оценке системы отечественного образования, все они сходятся во мнении, что именно качество предоставляемых образовательных услуг является главным базисным фактором для всех контрагентов рынка. Причем на разных уровнях подготовки / обучения под понятием «качество» понимается различный набор благ и инструментов реализации и их получения.

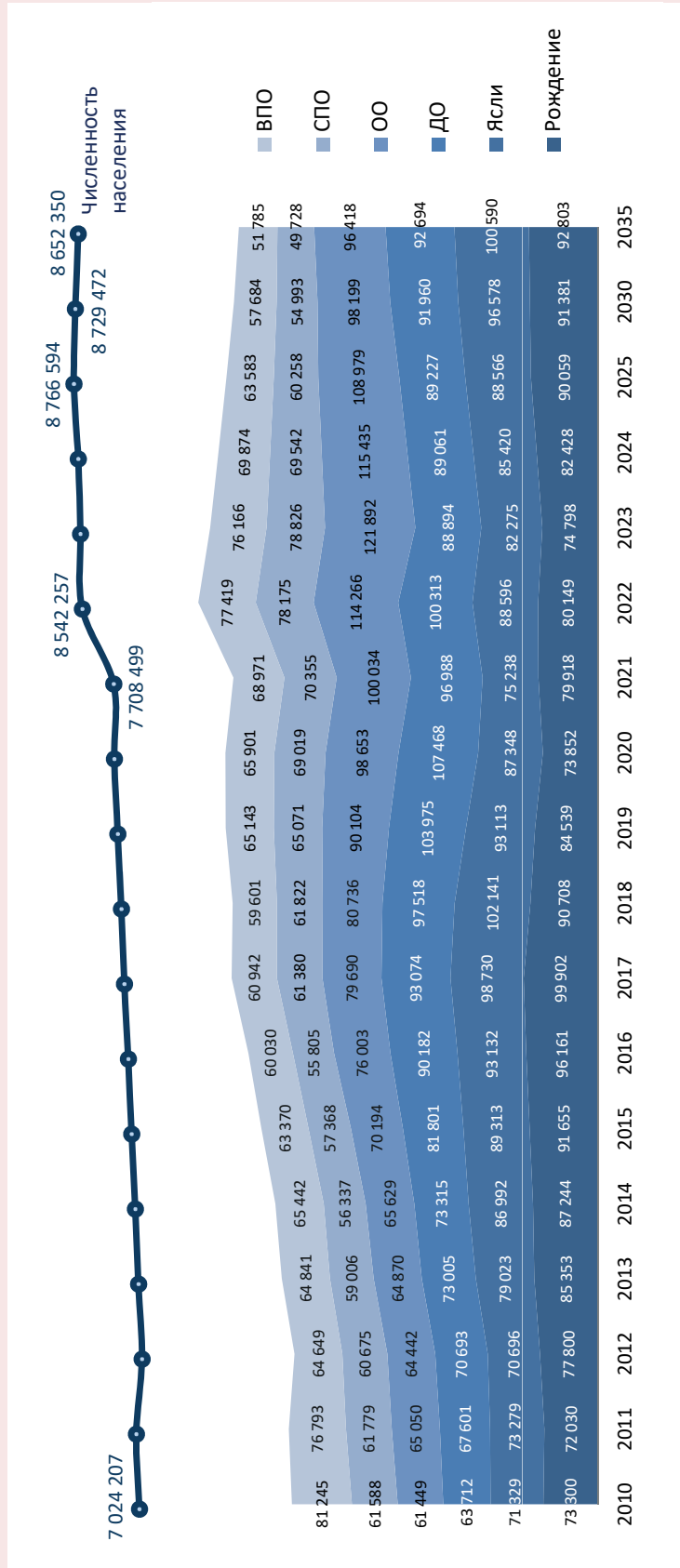
В начале 2026 года российский рынок труда столкнулся с проблемой дефицита кадров, который, по оценкам экспертов, может составлять от 3 до 4 млн человек. «Российская экономика впервые в современной истории столкнулась с дефицитом рабочей силы... И это новая реальность для властей, ... для бизнеса», — заявила Э. Набиуллина, глава Центробанка²⁹. Рынок труда, который последние два года был «перегрет», в конце 2025 года стал охлаждаться, число предложений по отдельным направлениям сократилось на четверть, а по некоторым вакансиям — на треть. Согласно аналитической отчетности Минтруда, сегодня в России в активную занятость включено порядка 75 млн человек. В ведомстве считают, что лучше всего для «закрытия» потребностей в кадрах подходит молодёжь в возрасте 18–25 лет. По оценкам РССП (Российский союз промышленников и предпринимателей), дефицит кадров до 2030 года может превысить 3 млн человек³⁰. В Центробанке констатируют, что «...наибольший дефицит кадров сохраняется на предприятиях сельского хозяйства и в сфере обрабатывающих производств, обеспечении энергией и водоснабжении»³¹. Минтруд и аналитики рынка труда, в свою очередь, отмечают

²⁹ Набиуллина: Россия впервые столкнулась с нехваткой рабочей силы // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20260416/nabiullina-2087338981.html> (дата обращения: 15.04.2026).

³⁰ Иностранная рабочая сила на рынке труда в РФ: баланс интересов бизнеса, общества и государства // Российский союз промышленников и предпринимателей. URL: <https://rspp.ru/events/news/inostrannaya-rabochaya-silana-rynke-truda-v-rf-balans-interesov-biznesa-obshchestva-i-gosudarstva-67a1ba6b2a11b/> (дата обращения: 15.04.2026).

³¹ Набиуллина: Россия впервые столкнулась с нехваткой рабочей силы // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20260416/nabiullina-2087338981.html> (дата обращения: 15.04.2026).

Рис. 7. Гребневая модель демографических показателей по различным уровням образования в Московской области с прогностической оценкой на 2030 и 2035 гг., чел.

Источник: составлено авторами.

дефицит производственного персонала, сервисных специалистов, технических сотрудников. Востребованными остаются рабочие специальности, производственные специалисты, торговый персонал, занятые в перевозках, не хватает строителей, медиков и учителей. Последние профессии — достаточно наукоемкие и требуют особых условий обучения. Такие тенденции, безусловно, сказываются на требованиях к системе подготовки и переподготовки кадров.

С другой стороны, в самой системе образования уже возникла проблема сокращения числа учеников первых классов, которая связана как с общим снижением числа детей иностранных граждан (в 2025 году уменьшилось на 45,5 тыс. человек, т. е. практически в 3 раза³²), так и с демографической ситуацией (Локозов, 2025). Согласно данным Минпросвещения, в 2025/2026 учебном году в начальной школе (с первого по четвёртый класс) почти на 350 тыс. детей меньше, чем в предыдущем. Это затронуло даже крупные мегаполисы (Москву и Санкт-Петербург). Например, в Москве в 2025 году количество учеников первых классов составило около 100 тыс. человек (в 2023 году их было на 15 тысяч больше). В Санкт-Петербурге в первый класс пришло примерно на 60 тыс. человек меньше по сравнению с 2023 годом. В определенной степени это «приблизило» обе столицы к общероссийским демографическим тенденциям³³. Ситуация планомерного уменьшения числа учеников, согласно аналитикам Минпросвещения, сохранится до 2040 года. Это приведет к высвобождению учителей начальных классов. Численность таких учителей может составить до 17 тысяч³⁴, что влечёт за собой

создание условий для их переподготовки в целях возможного трудоустройства.

Демографическая яма скажется и на количестве студентов в вузах. Согласно оценкам заместителя министра науки и высшего образования РФ Д. Афанасьева: «...Университеты России после 2030 года столкнутся с постепенным падением числа абитуриентов из-за демографической ямы... С 2032 года начнется плавный, постепенный, но существенный спад»³⁵. Исходя из этой ситуации вузы будут бороться за каждого абитуриента. Таким образом, очевидно, что именно демографические факторы, такие как численность населения, уровень рождаемости, миграционная активность, являются одними из ключевых при организации системы образования. Это особенно важно учесть при очередном витке реформирования высшего образования, о котором было объявлено главой Минобрнауки РФ В. Фальковым³⁶.

Заключение

Проведенный ретроспективный и перспективный анализ трансформаций российской системы образования и реформ, которые уже реализованы, показал, что данные процессы взаимосвязаны и коррелируют со множеством социальных, культурных, региональных, экономических и даже политических факторов. Однако ключевым фактором, предопределяющим эффективность и качество получаемых образовательных услуг, остаются региональные демографические показатели, которые напрямую влияют на необходимое количество учебных мест, образовательных организаций, учителей, преподавателей, объёмы финансирования.

Для выстраивания Стратегии российской системы образования авторами был предложен подход, позволяющий на основе использования Гребневой модели производить прогностические оценки демографических показателей на различных уровнях образовательной системы. Научный подход, заложенный академиком

³² Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2025/26 учебного года // Минпросвещения России. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/93f51afcc09b5803b956e2bffe9253ee/> (дата обращения: 17.04.2026).

³³ Резкое сокращение числа первоклассников в России в 2025 году: анализ причин и последствий // Образование в Москве. URL: https://obrmos.ru/go/go_school/Articles/_go_school_987.html (дата обращения: 16.04.2026).

³⁴ Мишина В. Школьные коды: десятки тысяч учителей могут остаться без работы // Известия. URL: <https://iz.ru/1925422/valeriia-mishina/shkolnye-kody-desiatki-tysiach-uchitelei-mogut-ostatsia-bez-raboty> (дата обращения: 12.04.2026).

³⁵ Иванов П. В Минобрнауки предупредили вузы о сокращении абитуриентов. Минобрнауки: вузы после 2030 года столкнутся с сокращением абитуриентов // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/06/19/26074190.shtml> (дата обращения: 12.04.2026).

³⁶ Фальков рассказал о проекте закона для новой модели высшего образования // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/684e2c4c9a79478178014a95> (дата обращения: 11.04.2026).

Н.М. Римашевской в разработанную методику Гребневой модели, в своей основе использует математический аппарат, эконометрическое моделирование и методы прогнозирования для соотнесения демографической динамики населения с возможностями / востребованностью различных уровней образования. Логичным продолжением и развитием авторской методики в рамках анализа обозначенных проблем может стать включение в нее новых параметров, например учёт миграционных потоков и/или потребностей рынка труда в профессиональной переподготовке кадров. Это позволит лучше адаптировать методологию под региональную специфику и учитывать особенности социально-демографических показателей, а также расширить региональные охваты для реализации образовательной траектории индивида и развития его трудового потенциала.

В заключение следует подчеркнуть, что современные условия развития страны предопределяют объективную необходимость использования подобных методик при оценке не только результатов реформ и их последствий в системе образования, но и результативности национальных проектов. Подобные подходы дают возможность моделирования и прогнозирования на этапе планирования и реализации проектов, позволяют оценивать масштаб и глубину предполагаемых решений, что очень важно для решения стратегических задач социально-экономического развития и промышленного суверенитета страны. Авторская методика может быть использована аналитиками, учёными, исследователями и административными работниками, которые занимаются проблемами развития и оценки эффективности региональных систем образования и страны в целом.

Литература

- Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю., Кудров А.В. (2019). Индикаторы основных направлений социально-экономического развития субъектов РФ // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование. Т. 26. № 7. С. 47–60. DOI: 10.20537/mce2019econ04
- Байрамов А.А., Постников И.М. (2024). Профессиональное образование в Челябинской области в связи с полученной специальностью // Генетическая социология XXI. № 1 (14). С. 25–34.
- Гайфуллин А.Ю. (2022). Профессиональные планы выпускников вузов: социологический анализ // Социальное время. № 4 (32). С. 48–57. DOI: 10.25686/2410-0773.2022.4.48
- Глазьев С.Ю. (2023). Адаптация российской экономики к смене технологических и мирохозяйственных укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 244. № 6. С. 95–102. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-244-6-95-102
- Казанцев А.А., Боришполец К.П. (2013). «Утечка мозгов» из России как политикоуправленческая проблема // Вестник МГИМО Университета. № 6 (33). С. 206–214.
- Каменева Е.А., Киселева Н.И., Селиванова М.А. [и др.] (2023). Национальные проекты и программы в сфере образования в России: осведомленность и ожидания участников образовательного процесса // Перспективы науки и образования. № 6 (66). С. 689–706. DOI: 10.32744/pse.2023.6.40
- Кетова Л.П. (2025). Демографические проблемы и реформа высшего образования в современной России // Аграрное и земельное право. № 7. С. 132–135. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_7_132
- Клячко Т.Л. (2023). Российская система высшего образования на переломе // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 35–51. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_35_51
- Кораблин Ю.А. (2018). «Утечка мозгов»: эмпирический анализ (по материалам инициативного социологического исследования: февраль-март 2017 г.) // Социодинамика. № 4. С. 29–42.
- Локоsov В.В. (2025). Демографический кризис современного российского общества: концептуальная оценка и возможности выхода // Народонаселение. Т. 28. № 4. С. 4–14. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-4-14
- Макар С.В., Крошилин С.В. (2025). Современные тренды трудовой деятельности: смена технологических укладов, искусственный интеллект и цифровизация // Дискуссия. № 6 (139). С. 6–17. DOI: 10.46320/2077-7639-2025-6-139-6-17
- Макаренко Н.В. (2022). Государственные органы управления образованием региона в реализации национального проекта «Образование» // Наука. Управление. Образование. РФ. № 3 (7). С. 57–62. DOI: 10.56464/2713-0487_2022_3_57

- Маршалко Г.Б., Труфанова Ю.А. (2022). Полиномиальные аппроксимации некоторых функций активации нейронных сетей // Информатика и автоматизация. Т. 21. № 1. С. 161–180. DOI: 10.15622/ia.2022.21.6
- Медведева Е.И., Крошилин С.В. (2022). Гребневая модель для прогноза демографических показателей российской системы образования // Народонаселение. Т. 25. № 2. С. 92–103. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.8
- Новиков С.В. (2023). Адаптивное управление сферой высшего образования посредством интеграции образования, науки и производства // Тенденции развития науки и образования. № 101-102. С. 55–59. DOI: 10.18411/trnio-09-2023-70
- Ревунова С.В. (2019). Эконометрические методы в современной экономике // Экономика и предпринимательство. № 9 (110). С. 1266–1269.
- Римашевская Н.М., Крошилин С.В., Медведева Е.И. (2016). Региональная гребневая модель для оптимизации системы образования // Народонаселение. № 4 (74). С. 39–46.
- Тощенко Ж.Т. (2025). Тернистые пути современного российского высшего профессионального образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 18. № 5. С. 47–60. DOI: 10.15838/esc.2025.5.101.2
- Тюрина И.О., Ключарев Г.А. (2024). Итоги проекта «5-100»: проекция на трудоустройство выпускников // Социологические исследования. № 9. С. 79–88. DOI: 10.31857/S0132162524090079
- Шабунова А.А. (2025). Рынок труда в России: демографические вызовы и территориальные дисбалансы // Экономическое возрождение России. № 2 (84). С. 85–96. DOI: 10.37930/1990-9780-2025-2-84-85-96
- Шабунова А.А., Ростовская Т.К. (2022). Демографическая политика в современной России: взгляд населения и экспертная оценка // Вестник Российской академии наук. Т. 92. № 12. С. 1145–1156. DOI: 10.31857/S0869587322090080
- Bishop P., Hines A., Collins T. (2007). The current state of scenario development: An overview of techniques. *Foresight*, 9(1), 5–25. DOI: 10.1108/14636680710727516
- Bradfield R., Wright G. (2005). The origins and evolution of scenario techniques in long range business planning. *Futures Research Quarterly*, 37, 795–812. DOI: 0.1016/j.futures.2005.01.003
- Burch T.K. (2018). The cohort-component population projection: A strange attractor for demographers. In: *Model-Based Demography. Demographic Research Monographs*. DOI: 10.1007/978-3-319-65433-1_10
- Heydari M., Xiaohu Zh., Lai K.K. et al. (2019). Investigating the impact of crisis on corporate costs and sales using econometrics method. *Proceedings of National Aviation University*, 4(81), 71–85. DOI: 10.18372/2306-1472.81.14604
- Mirzanov B.J. (2018). Econometric modeling of GDP calculation by ultimate consumption method. *Theoretical & Applied Science*, 6(62), 213–218. DOI: 10.15863/TAS.2018.06.62.37
- Poli R. (2018). A note on the classification of future-related methods. *European Journal of Future Research*, 6(15). DOI: 10.1186/s40309-018-0145-9
- Saussois J.M. (2006). Scenarios, international comparisons, and key variables for educational scenario analysis. In: *Think Scenarios, Rethink Education*. DOI: 10.1787/9789264023642-5-en
- Schoen R. (2016). Hierarchical multistate models from population data: An application to parity statuses. *PeerJ.*, 4, e2535, 25–35. DOI: 10.7717/peerj.2535
- Zhang M., Tian B. (2023). Estimation of the non-parametric spatial dynamic panel data model with fixed effects. *Mathematics*, 11(13), 2865. DOI: 10.3390/math11132865

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова — доктор экономических наук, доцент, заслуженный деятель науки РФ, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@volnc.ru)

Елена Ильинична Медведева — доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник, лаборатория исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: e_lenam@mail.ru)

Сергей Викторович Крошилин — кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория исследования поведенческой экономики, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римащевской, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: krosh_servey@mail.ru)

Shabunova A.A., Medvedeva E.I., Kroshilin S.V.

Trends in Russian Education Reform in the Predictive Estimates of Demographic Indicatorss

Abstract. The article presents the findings of a retrospective and forward-looking analysis of transformations and reforms in the Russian education system. It provides predictive estimates of its development, taking into account the demographic indicators of various age groups. The objectives are to analyze the existing trends in education system reform and to design a methodology (mechanism) for assessing the development of, and the demand for, educational services at different levels of instruction. The object of the study is the Russian education system, and the subject is the selected demographic indicators corresponding to the relevant age groups. The research design comprised three stages: first, conducting a retrospective and forward-looking analysis of education reform trends; second, constructing predictive estimates of the development of educational levels by applying the authors' ridge model; and third, visualizing the results obtained for the Russian education system and for several of the country's regions. The information base consisted of data from Rosstat and EMISS. According to the findings, by 2035 student numbers will decline at practically all levels of education in Russia: at the preschool level, the contraction will amount to 10–11%; at the school level, the decline could reach 13.9%; the system of secondary vocational education will "lose" every tenth student, and higher education will contract by 14–15% relative to the 2025 level. The uniqueness and novelty of the methodology lie in its ability to predict, with a certain degree of probability, the demand for various levels of education, taking demographic indicators into account. The approach is universal and can be applied at the regional, oblast, and local levels. Accounting for regional specificities will make it possible to organize the process of managing and reforming the education system more effectively, with a view to training the necessary personnel. The methodology can be applied to assessing the effectiveness of federal national projects. This is unquestionably important for the pursuit of the strategic objectives of the country's socio-economic development and industrial sovereignty. The results of the study can be used by analysts, scholars, and administrators who deal with education issues.

Key words: education system, education reform, predictive estimate, demographic indicators, quality of life, socio-economic indicators, labor potential, econometric modeling.

Information about the Authors

Aleksandra A. Shabunova — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, director, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@volnc.ru)

Elena I. Medvedeva — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, Laboratory of Behavioral Economics Research, Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: e_lenam@mail.ru)

Sergey V. Kroshilin — Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Behavioral Economics Research, Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Studies of Population FCTAS RAS (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: krosh_servey@mail.ru)

Статья поступила 29.04.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.9

УДК 378:311.17, ББК 74.58:60.6

© Вавилова Д.Д., Касаткина Е.В., Файзуллин Р.В.

Анализ и прогноз структуры и динамики численности выпускников российских вузов

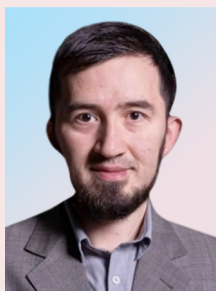
**Дайана Дамировна
ВАВИЛОВА**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: vavilova-dd@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2161-4402; ResearcherID: AAG-7809-2019

**Екатерина Васильевна
КАСАТКИНА**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: kasatkina_ev@vk.com
ORCID: 0000-0001-6596-0086; ResearcherID: M-6863-2016

**Ринат Васильевич
ФАЙЗУЛЛИН**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: fayzullin-rv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0002-1179-3910; ResearcherID: AAC-7347-2021

Для цитирования: Вавилова Д.Д., Касаткина Е.В., Файзуллин Р.В. (2026). Анализ и прогноз структуры и динамики численности выпускников российских вузов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 165–185. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.9

For citation: Vavilova D.D., Kasatkina E.V., Fayzullin R.V. (2026). Analysis and forecasting of the structure and dynamics of the number of graduates of Russian universities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 165–185. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.9

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения достоверности среднесрочных прогнозов подготовки кадров с высшим образованием для обоснованного планирования контрольных цифр приема и корректировки структуры подготовки специалистов в условиях меняющегося спроса на рынке труда. Цель работы — построение прогноза численности и структуры выпускников российских вузов до 2030 года в разрезе уровней образования и укрупненных групп специализаций. Проанализирована динамика приема и числа выпускников из российских высших учебных заведений за 2016–2025 гг. на основе официальных данных Минобрнауки России. Предложена математическая модель прогнозирования количества выпускников, учитывающая фактический прием прошлых лет и эмпирические коэффициенты успешного окончания обучения (отношение выпуска к приему с фиксированным временным лагом). Модель применена к десяти агрегированным группам специализаций. Анализ выявил существенную дифференциацию процента успешного окончания обучения среди групп специализаций. Максимальная эффективность выпуска зафиксирована на бюджетных местах специалитета в группе «Здравоохранение и медицинские науки» (97,6%), наиболее низкая — на внебюджетных местах специалитета в группе «Математика и естественные науки» (32,7%). В 2025 году средний процент успешного окончания обучения на уровне бакалавриата составил 75,8% среди бюджетных мест и 68,0% среди внебюджетных; на уровне специалитета — 81,2 и 56,3% соответственно; в магистратуре — 78,4 и 52,1%. В 2025 году численность выпускников вузов составила 843 тыс. человек, при этом прием 2020–2021 гг. составлял в среднем 1100 тыс. человек. По прогнозу, в 2030 году ожидается рост численности выпускников по всем уровням образования, наиболее выраженный в бакалавриате (до 641,5 тыс. человек). В структуре выпуска закрепляется увеличение доли специалистов в области информационных технологий и здравоохранения при сокращении доли экономистов и юристов. Теоретическая значимость работы заключается в развитии методологии среднесрочного прогнозирования численности и структуры выпускников вузов на основе балансового подхода с дифференциацией по успешности обучения. Практическая значимость определяется возможностью использования прогнозных оценок структуры и динамики выпуска при планировании бюджетных и внебюджетных мест, синхронизации образовательной политики с запросами экономики, что позволит минимизировать риски перепроизводства кадров в одних направлениях подготовки и дефицита — в других.

Ключевые слова: прогнозирование выпускников, высшее образование, коэффициент успешного окончания обучения, структура подготовки кадров, выпуск и прием в вузы.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РАНХиГС в рамках государственного задания.

Введение

В рамках формирования человеческого капитала страны как главного фактора экономического роста и социальной стабильности система высшего образования (ВО) выполняет функцию воспроизводства квалифицированных трудовых ресурсов (Кетова, Вавилова, 2020; Акаев, Sadovnichii, 2021). Согласно данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП)¹, к 2035 году на российском рынке труда может

сформироваться избыток 2,7 млн выпускников вузов при одновременном дефиците специалистов в отдельных отраслях. Анализ структуры и динамики количества выпускников высших учебных заведений позволяет оценить и спрогнозировать предложение квалифицированных кадров для рынка труда.

Выпускники вузов представляют собой особое предложение на рынке труда, качественные и количественные характеристики которого

¹ К 2035 году на рынке труда России может сформироваться дефицит 3,6 млн «синих воротничков» // УралБизнесКонсалтинг. URL: <https://urbc.ru/1068129378-k-2035-godu-na-rynke-truda-rossii-mozhet-sformirovatsya-deficit-36-mln-sinih-vorotnichkov.html>

формируются с существенным временным лагом. Долгий цикл подготовки специалиста (4–7 лет) отстает от скорости технологических изменений, вследствие чего важно выполнять опережающее планирование и корректировку количества выпускников на основе прогнозных моделей (Омельченко, Сафонов, 2024). Также целесообразно минимизировать временной лаг между возникновением спроса на рынке труда и предложением квалифицированных выпускников (Азарнова и др., 2025).

В 2025 году в российские вузы поступило 1,4 млн абитуриентов, при этом на рынок труда вышло 843,3 тыс. выпускников программ бакалавриата, специалитета и магистратуры², что подчеркивает масштаб кадрового предложения и его влияние на социально-экономическую стабильность. В современной российской экономике, переживающей период трансформации, наблюдается дисбаланс — в последние годы обострилась проблема несоответствия между структурой подготовки кадров и реальными потребностями экономики. По оценкам ЦМАКП³, максимальный избыток выпускников ожидается в гуманитарных направлениях, таких как политические науки (превышение спроса в 7 раз), СМИ, библиотечное дело, юриспруденция и языкознание, при дефиците в технических и рабочих профессиях. Особую остроту проблема кадрового дефицита приобретает в сфере науки и технологий, где подготовка исследователей и разработчиков высшей квалификации в аспирантуре сталкивается с низким процентом успешного окончания обучения и защит диссертаций. Это также требует учета при формировании новой Стратегии развития образования до 2040 года (Караваева, Маландин, 2025).

Выявленные структурные перекосы и обострение кадрового дефицита в условиях технологической трансформации требуют от государства выработки действенных механизмов регулирования системы подготовки специалистов. Ответом на эти вызовы стала новая методика определения предельных чисел платно-

го приема в системе ВО⁴, предусматривающая ограничение набора по направлениям с низкой востребованностью выпускников. Государство, допустив усиление рыночной логики, стремится ввести в нее корректирующий механизм, основанный на информации о трудоустройстве. По данным министерства⁵, сокращение коснется почти 45 тыс. мест по 40 направлениям подготовки, или 13% от общего числа всех платных мест; в негосударственных вузах сокращения будут шире — почти 20%. Число платных мест значительно снизится в непрофильных для юриспруденции и экономики высших учебных заведениях — технических, медицинских, аграрных, педагогических⁶.

Высвобождающийся контингент абитуриентов, ориентированных на гуманитарное образование, с высокой долей вероятности перераспределится в профильные университеты, сохраняющие набор на эти программы. Часть абитуриентов, не прошедших по баллам в вузы, сможет переориентироваться на смежные специальности внутри своих регионов либо временно уйти в систему среднего профессионального образования (СПО), что, с одной стороны, усилит отложенный спрос на высшее образование, с другой — поможет закрыть кадровые потребности в сегменте рабочих специальностей.

Как отмечает М. Tomlinson, отношения между университетами и работодателями в условиях структурных изменений на рынке труда выходят за рамки простого баланса спроса и предложения, требуя учета культурных и институциональных факторов (Tomlinson, 2021). В исследовании экспансии высшего образования в Европейском пространстве высшего об-

⁴ Об утверждении методики определения предельного количества мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об образовании, заключаемым при приеме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица, на 2026/27 учебный год: Приказ Минобрнауки России от 27.11.2025 № 913 (зарегистрировано в Минюсте России 28.11.2025 № 84345). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413067101/>

⁵ Минобрнауки сократит число платных мест в вузах // АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/society/22/12/2025/694907719a7947129eaf6bc8>

⁶ Число бюджетных мест в вузах по инженерным и сельскохозяйственным направлениям в следующем учебном году планируется увеличить // Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/98937/>

² Высшее образование // Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>

³ Человек умелый набивает цену // Коммерсант. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6773574?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

разования (Chvorostov, Waechter, 2025) показано, что в большинстве европейских стран спрос на выпускников превышает предложение, тогда как в ряде постсоветских государств (включая Россию) наблюдается устойчивый дисбаланс в сторону избыточного предложения специалистов по отдельным направлениям подготовки.

Для преодоления дисбаланса между выпуском специалистов из вузов и запросами рынка труда необходим анализ факторов, его порождающих. Во-первых, демографические колебания создают неравномерность потока абитуриентов. Введение материнского капитала в 2007 году и других мер поддержки способствовало постепенному росту рождаемости в 2010-х годах (Вавилова, Кетова, 2025). Вследствие этого с 2025 года наблюдается рост численности 15–18-летних, что приводит к новой волне абитуриентов до середины 2030-х годов; далее будет новая волна роста численности выпускников, следовательно, уже сейчас необходимо опережающее планирование в системе ВО (Блинова и др., 2021).

Во-вторых, структурные изменения экономики и технологические вызовы обостряют дисбаланс между подготовкой кадров по укрупненным группам специальностей и направлений (УГСН) и отраслевыми потребностями (Колесникова и др., 2023). Несмотря на перераспределение бюджетных мест для поступления в пользу технических направлений, сохраняется избыток выпускников гуманитарных специальностей при дефиците в информационных технологиях, нанотехнологиях и инженерии. Данный дисбаланс усугубляется качественными изменениями в структуре спроса, вызванными технологической трансформацией (Вавилова и др., 2025). Под влиянием искусственного интеллекта (ИИ) меняются требования к компетенциям специалистов. Это требует корректировки образовательных программ не только по объему, но и по содержанию подготовки.

В-третьих, территориальная концентрация ВО в крупных агломерациях РФ порождает дефицит квалифицированных кадров в малых городах и сельской местности, обостряя региональные диспропорции в уровне экономического развития (Габдрахманов, 2019).

Прогнозирование численности и структуры выпускников вузов приобретает характер стра-

тегической задачи, однако его реализация сталкивается с методологическими трудностями. Как отмечают эксперты, «наиболее распространенный подход, применимый к прогнозированию выпуска специалистов, требует увязки демографических трендов, текущей структуры приема в вузы и перспективных запросов экономики; ... прогнозирование потребностей в рабочей силе должно претерпеть существенные изменения, что требует пересмотра методов и методик, показателей, инструментов, наконец, информационной базы» (Колесникова и др., 2024).

Помимо количественных методов прогнозирования численности выпускников важно анализировать качественные изменения в структуре спроса на труд, обусловленные технологической трансформацией экономики. В исследовании (Алтухов и др., 2025) на основе анализа массива вакансий в РФ за 2020–2024 гг. выявлено, что под влиянием ИИ происходит структурная перестройка требований к компетенциям специалистов в области экономики и менеджмента, причем наиболее высокий спрос на узкоспециализированные навыки в области ИИ фиксируется в сферах бизнес-аналитики, управления проектами, а также на руководящих позициях. Полученные результаты актуализируют задачу корректировки образовательных программ с учетом не только прогнозной численности выпускников, но и качественного соответствия их подготовки формирующемуся под воздействием новых технологий спросу со стороны работодателей.

В связи с этим для контроля дисбаланса между предложением и спросом на рынке труда, а также для планирования кадрового потенциала страны необходимо прогнозирование количества выпускников вузов. Особую значимость это приобретает при построении прогнозов выпускников по УГСН. Оно помогает государству оптимизировать набор студентов, учитывая экономические тенденции.

Целью настоящего исследования является прогноз структуры и динамики количества выпускников российских вузов на период до 2030 года в дифференциации по уровням образования и группам специализаций при условии инерционного развития системы (сохранения текущих параметров приема и успеваемости).

Следует указать границы настоящего исследования: оно решает задачу прогнозирования исключительно предложения квалифицированных кадров со стороны системы ВО. Расчет потребностей (спроса) рынка труда и их сопоставление с прогнозными данными выпуска выходит за рамки данной работы.

Для достижения поставленной цели решены следующие задачи: анализ динамики и структуры приема и выпуска за последнее десятилетие; построение математической модели, учитывающей входной поток студентов, зачисленных на первый курс, и коэффициентов успешного окончания обучения по УГСН в дифференциации по уровням образования и источникам финансирования; оценка прогнозной структуры и динамики численности выпускников по группам специализаций до 2030 года.

Методологическую основу исследования составляют положения теории человеческого капитала и воспроизводства трудовых ресурсов, а также концептуальные подходы к прогнозированию численности и структуры выпускников, сочетающие количественный анализ статистических данных, методы математического моделирования и сравнительный анализ структурных изменений.

Инструментальный аппарат включает:

- агрегирование данных (группировка УГСН в десять групп специализаций на основе классификации, применяемой в статистических сборниках Росстата, НИУ ВШЭ, что обеспечивает сопоставимость данных и репрезентативность результатов);

- статистический анализ (анализ динамических рядов, расчет показателей приема и выпуска в разрезе уровней образования и групп специализаций, анализ относительных показателей, коэффициентов успешного окончания обучения);

- математическое моделирование (разработка математической модели прогнозирования численности выпускников, учитывающей показатели приема прошлых лет и процентов успешного окончания обучения в разрезе уровней образования и групп специализаций);

- метод прогнозирования (инерционный прогноз с фиксированным временным лагом, учитывающим нормативные сроки обучения: 4 года для бакалавриата, 5 лет для специалитета, 2 года для магистратуры).

Информационная база исследования содержит официальные статистические данные Минобрнауки России, представленные в ежегодной отчетности по форме № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» за период 2016–2025 гг., а также аналитические материалы НИУ ВШЭ и ЦМАКП. Массив панельных данных, охватывающий 10-летний период, составляет порядка 500 образовательных программ бакалавриата, специалитета и магистратуры (в зависимости от года) и два показателя (прием и выпуск) в разрезе двух форм финансирования (бюджет, внебюджет). В итоге в анализе участвует более 20 000 структурированных записей.

В основу исследования положена научная гипотеза: использование дифференцированных эмпирических коэффициентов успешного окончания обучения в рамках модели позволяет получить достаточно точный инерционный прогноз динамики численности выпускников по сравнению с традиционными трендовыми моделями, которые игнорируют фактор внутривузовского отсева по УГСН.

Новизна исследования заключается в адаптации и синтезе балансового подхода для прогнозирования численности выпускников, учитывающего в модели эмпирически рассчитанные, дифференцированные коэффициенты успешности окончания обучения. Ранее подобная степень детализации (в одновременном разрезе трех уровней образования, двух источников финансирования и десяти укрупненных групп специальностей) для среднесрочного прогнозирования не использовалась. Данный подход применен к современной российской системе высшего образования впервые. Теоретическая ценность работы состоит в обосновании того, что игнорирование гетерогенности коэффициентов отсева по специализациям приводит к системному завышению прогноза кадрового потенциала. Предложенный уровень детализации обеспечивает высокую точность прогноза при сохранении полной прозрачности и интерпретируемости модели для лиц, принимающих управленческие решения. Практическая значимость работы определяется ее вкладом в решение при-

кладных задач государственной политики. Полученные прогнозные оценки структуры и динамики выпуска позволяют минимизировать риски перепроизводства кадров в одних направлениях подготовки и дефицита — в других, что критически важно для реализации национального проекта «Кадры»⁷.

Методы и материалы исследования

Среди подходов к прогнозированию численности выпускников вузов наиболее распространено регрессионное моделирование, в том числе построение трендов. Так, в работе (Бычкова, Бычковский, 2024) рассматривается динамика количества выпускников вузов РФ за период 2007–2023 гг. и на основе графического анализа этой динамики предлагается строить прогноз по кубическим трендовым моделям. Прогнозы выглядят дискуссионно, особенно касательно специалитета, где полученные прогнозные значения представляются завышенными и, на наш взгляд, приводят к содержательно необоснованным результатам.

В исследовании (Бобко и др., 2023) численность выпускников региональных вузов прогнозируется с учетом изменения показателей социально-экономического развития. С помощью предложенной регрессионной модели можно изучать влияние каждого из аргументов модели на количество выпускников вузов, прогнозировать его динамику, обозначать целевые ориентиры для разработки управленческих решений в области регулирования численности молодых специалистов с высшим образованием, необходимых для экономики региона. Подобный подход использования методов машинного обучения применяется в работе (Преснецова, Константинов, 2025), где представлены результаты моделирования динамики выпускников вузов с учетом изменения ряда факторов, таких как валовой региональный продукт, инвестиции, и прогноз связывается с вакансиями на рынке труда.

В зарубежной литературе для прогнозирования численности выпускников активно применяются модели анализа выживаемости. В работе Martínez-Carrascal, Hlosta, Sancho-

Vinuesa данный метод используется для оценки рисков отсева студентов на различных этапах обучения, что влияет на успешность окончания обучения (Martínez-Carrascal et al., 2023). Дополняет этот подход исследование (Loder, 2024), в котором оценивается вероятность успешного завершения студентом хотя бы одной образовательной программы высшего образования. Также к прогнозированию численности выпускников применяются балансовые уравнения потоков студентов — прием, отсев, выпуск (Айкашев и др., 2025); частично для прогнозной оценки приема студентов учитываются демографические данные (Popescu et al., 2026).

В исследовании (Коваленко, Федотов, 2024) представлены результаты анализа динамики подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации (аспирантов и докторантов) за 2010–2023 гг. Предложена методология прогнозирования потребности в кадрах высшей квалификации на основе динамической модели квалификационно-возрастной структуры, учитывающей приток выпускников аспирантуры и докторантуры, отток кадров по возрасту, изменения в нормативах соотношения студентов и преподавателей. Развитие подобных подходов к моделированию возрастной структуры научных кадров представлено в работе (Балацкий, Юревич, 2018), где предложена модель, учитывающая не только количественные, но и качественные характеристики воспроизводства научного потенциала. Такой подход позволяет строить прогнозы, что полезно для долгосрочного планирования выпуска аспирантов и докторантов.

В настоящем исследовании для построения прогнозной динамики численности выпускников используются официальные статистические данные Минобрнауки России, представленные в ежегодной отчетности по форме № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Они содержат информацию о приеме и выпуске в дифференциации по источникам финансирования и программам УГСН.

⁷ Национальный проект «Кадры» // АНО «Национальные приоритеты». URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/kadry/>

Ввиду вариативности названий действующих УГСН⁸ и в целях анализа ситуации на рынке труда практикуется их объединение в более крупные группы⁹. В ходе исследования выделено 10 групп специализаций:

1) «Математические и естественные науки» (УГСН 01–06);

2) «Инженерное дело, технологии и технические науки» (УГСН 07–29), в т. ч. «Информационные технологии» (УГСН 09, 10);

3) «Информационные технологии» (ИТ) (УГСН 09, 10);

4) «Здравоохранение и медицинские науки» (УГСН 30–34);

5) «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» (УГСН 35, 36);

6) «Науки об обществе» (УГСН 37–43), в т. ч. «Экономика и управление» (УГСН 38) и «Юриспруденция» (УГСН 40);

7) «Образование и педагогические науки» (УГСН 44);

8) «Гуманитарные науки» (УГСН 45–48);

9) «Искусство и культура» (УГСН 49–55, 58);

10) «Оборона и безопасность государства, военные науки» (УГСН 56, 57).

В рамках настоящего исследования для среднесрочного прогнозирования выпускников предложена математическая модель, учитывающая входной поток студентов, зачисленных на первый курс, и коэффициент успешного окончания обучения по программе УГСН. Введены следующие обозначения:

$S_i^j(t)$ – количество студентов, зачисленных (принятых) на первый курс по i – группе специализаций j – уровня образования ($j = 1$ – бакалавриат, $j = 2$ – специалитет, $j = 3$ – магистратура) в год t ($j = 1:3$, $i = 1:10$); например, $S_1^1(2025)$ – это численность студентов, зачисленных (принятых) на первый курс уровня бакалавриата по группе «Математика и естественные науки», в 2025 году;

$\alpha_i^j(t)$ – коэффициент успешного окончания обучения студентов по i – группе специализации j – уровня образования (равен отношению числа выпускников в год t к числу поступивших в год $(t - \tau)$, где τ – временной лаг, связанный с обучением: для бакалавриата $\tau = 4$ года, для специалитета $\tau = 5$ лет, для магистратуры $\tau = 2$ года); например, $\alpha_2^2(2025)$ – это коэффициент успешного окончания обучения студентов уровня специалитета $\tau = 5$, поступивших в год $(t - \tau) = 2020$, по группе специализаций «Инженерное дело, технологии и технические науки» ($i = 2$);

$G_i^j(t)$ – фактическое количество выпускников в год t по i – группе специализации j – уровня образования; $\tilde{G}_i^j(t)$ – прогнозируемое количество выпускников в год t по i – группе специализации j – уровня образования.

Для построения прогноза количества выпускников по i – группе специализации j – уровня образования в год t предложена модель:

$$\tilde{G}_i^j(t) = \begin{cases} \tilde{\alpha}_i^j(t) \cdot S_i^j(t - \tau), & \text{если период прогноза} \leq \tau, \\ \tilde{\alpha}_i^j(t) \cdot \tilde{S}_i^j(t - \tau), & \text{если период прогноза} > \tau, \end{cases} \quad (1)$$

где $\tilde{S}_i^j(t - \tau) = k_i^j \cdot S_i^j(t - \tau - 1)$ – прогнозируемое значение приема с учетом корректировочного коэффициента k_i^j , учитывающего плановые нормативные ограничения объема платного приема (на основании Приказа Минобрнауки России от 27.11.2025 № 913)¹⁰. Численные значения k_i^j заданы интервально: для приоритетных направлений (ИТ, инженерия, медицина) $k_i^j = 1,0$; для направлений с ограничением приема (гуманитарные, экономические в непрофильных вузах) принят в диапазоне 0,80–0,87 (что соответствует заявленному сокращению на 13–20%).

Эмпирический коэффициент успешного окончания обучения $\tilde{\alpha}_i^j(t)$ на прогнозном периоде рассчитан как взвешенное скользящее среднее (Wang et al., 2023):

$$\tilde{\alpha}_i^j(t) = \frac{3\tilde{\alpha}_i^j(t-1) + 2\tilde{\alpha}_i^j(t-2) + \tilde{\alpha}_i^j(t-3)}{6}. \quad (2)$$

⁸ Шифры УГСН, утвержденные (действующие) согласно ФГОС ВО (3++). URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24>

⁹ Индикаторы образования 2026: стат. сборник / Н.В. Бондаренко, Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: НИУ ВШЭ, 2026. URL: <https://issek.hse.ru/news/1125008549.html>.

¹⁰ Число бюджетных мест в вузах по инженерным и сельскохозяйственным направлениям в следующем учебном году планируется увеличить // Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/98937/>

Суммируя по всем группам специализаций ($i = 1, 10$) в рамках уровня образования, получаем прогнозную численность выпускников по уровням бакалавриата, специалитета и магистратуры:

$$\tilde{G}^j(t) = \sum_{i=1}^{10} \tilde{\alpha}_i^j(t) \cdot S_i^j(t - \tau). \quad (3)$$

Суммируя по уровням образования ($j = \overline{1, 3}$) в рамках отдельной группы специализаций, получаем прогнозную численность выпускников конкретной УГСН:

$$\tilde{G}_i(t) = \sum_{j=1}^3 \tilde{\alpha}_i^j(t) \cdot S_i^j(t - \tau). \quad (4)$$

Формулы (3) и (4) представляют собой операторы агрегации. Формула (3) суммирует абсолютные значения прогнозного выпуска (формула 1) по всем специализациям для получения итоговой цифры по уровню образования (например, сколько всего бакалавров выпустится в 2030 году). Формула (4) суммирует выпуск по всем уровням образования для получения итоговой цифры по укрупненной группе специализаций (например, сколько всего ИТ-специалистов всех уровней выпустится в 2030 году).

Модель (1)–(4) можно охарактеризовать как математическую модель прогноза численности

выпускников вузов по коэффициенту успешного окончания обучения УГСН с фиксированным временным лагом. Это детерминированная линейная конструкция, в которой оценка будущего выпуска строится на основе двух составляющих: входного потока студентов (известная или планируемая величина) и усредненного за три последних года эмпирического коэффициента успешного окончания обучения. Модель может быть внедрена в практику планирования и прогнозирования выпускников. Коэффициент $\tilde{\alpha}_i^j$ имеет ясный содержательный смысл; это доля студентов, дошедших до выпуска. Дифференциация по i и j позволяет фиксировать различия в успешности между инженерными, естественно-научными и гуманитарными направлениями, а также между бакалавриатом, специалитетом и магистратурой.

Анализ показателей российской системы высшего образования

Перейдем к анализу данных, характеризующих текущее состояние и динамику российской системы ВО. Рассмотрим изменение численности обучающихся, структуру приема и выпуска за период 2016–2025 гг. в разрезе уровней образования, источников финансирования и групп специализаций. В *таблице 1* представлены сведения о численности обучающихся вузов на начало учебного года, а также о числе реализуемых программ ВО в Российской Федерации.

Таблица 1. Численность обучающихся и количество образовательных программ, реализуемых высшими учебными заведениями РФ (на начало учебного года)

Учебный год	Число реализуемых образовательных программ, ед.			Итого обучающихся, чел.	В том числе по уровням образования, чел.		
	Бакалавриат	Специалитет	Магистратура		Бакалавриат	Специалитет	Магистратура
2016/2017	23613	4185	13314	4431653	3282820	695990	452843
2017/2018	24631	3235	14387	4277034	3051983	710418	514633
2018/2019	26020	3418	15381	4191957	2920166	730043	541748
2019/2020	26579	3635	16283	4099245	2814179	753393	531673
2020/2021	27312	3854	16424	4082961	2793051	777407	512503
2021/2022	30081	4610	17129	4079342	2780944	800775	497623
2022/2023	30564	4854	17642	4169976	2800405	832048	537523
2023/2024	30980	5142	18190	4368445	2909678	873361	585406
2024/2025	31109	5343	18300	4479455	2977371	910504	591580
2025/2026	30700	5350	18391	4708241	3127378	958177	622686

Источник: Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за период 2016–2025 гг. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/>

Согласно данным, увеличение числа образовательных программ, особенно в специалитете и магистратуре, отражает как реализацию государственной политики, нацеленной на возврат специалитета по приоритетным направлениям подготовки, так и устойчивый спрос абитуриентов на программы углубленной специализации¹¹. Однако сам по себе рост количества программ не гарантирует их качества и соответствия запросам рынка. За анализируемый 10-летний период динамика общей численности студентов в РФ имеет волнообразный характер: снизившись с 4,4 млн человек в 2016 году до 4,1 млн человек в 2021 году (на 352,3 тыс. человек; -8,0% к значению 2016 года), начиная с 2022 года численность обучающихся устойчиво возрастала. В 2025 году она увеличилась до 4,7 млн человек (прирост за 4 года составил 628,9 тыс. человек, +15,4% к значению 2021 года). Это означает, что после окончания обучения в среднесрочной перспективе (до 2030 года) предложение молодых специалистов на рынке труда будет увеличиваться.

Самый быстрый рост численности обучающихся демонстрирует специалитет (+37,7% за 10 лет). Это может быть ответом на запрос рынка на узкопрофильных специалистов, где нужны глубокие отраслевые знания. Численность обучающихся в магистратуре также растет (+37,5% в 2025 году по отношению к 2016 году), что может говорить об углубленной подготовке и приобретении компетенций для работы со сложными технологиями. Бакалавриат, напротив, демонстрировал снижение численности обучающихся в период 2016–2021 гг.; к 2025 году она увеличилась на 12,5% по отношению к 2021 году. Это может указывать на смещение фокуса абитуриентов в сторону более длинных и практико-ориентированных программ (специалитет) или программ углубленной подготовки (магистратура).

Динамика показателей, представленных в таблице 1, свидетельствует, что вузы наращивают прием и создают программы, особенно в специалитете и магистратуре. Основной вопрос: является ли такая адаптация адекватной и опережающей по отношению к кардинальным изменениям на рынке труда из-за внедре-

ния ИИ, или это лишь экстенсивное развитие, которое может усугубить будущий дисбаланс?

В таблице 2 отражена динамика численности приема и выпуска в системе ВО в дифференциации по уровням образования и источникам финансирования.

Показатели таблицы 2 отражают устойчивый рост общего приема абитуриентов по направлениям подготовки системы ВО на фоне стагнации числа выпускников. За 2016–2025 гг. прием увеличился на 22,6% (с 1157,8 до 1419,5 тыс. человек), тогда как выпуск сократился на 5,6% (с 893,6 до 843,3 тыс. человек). В 2025 году разрыв достиг рекордных 576,2 тыс. человек (таким образом, прием на 68,3% больше выпуска). Абсолютная разность отражает не ежегодный отсев, а системный дисбаланс входящих (абитуриентов) и исходящих (выпускников) потоков. Он обусловлен государственной политикой 2021–2025 гг. по росту контрольных цифр приема, нацеленной на формирование кадрового резерва на выходе из системы ВО. Однако значительная часть увеличенного в этот период контингента временно остается внутри вузов за счет тенденции к повышению фактического срока обучения (вследствие взятия академических отпусков, призыва на срочную военную службу, смены образовательной программы и иных причин), что отодвигает переход обучающихся в категорию выпускников.

Если оценить структуру приема и выпуска ВО по уровням образования, то для 2025 года она примерно одинаковая: на долю бакалавриата (как в приеме, так и в выпуске) приходится 63–64%, специалитета – 14–16%, магистратуры – 20–22%. За 10-летний период наибольшие изменения в структуре коснулись специалитета: доля выпускников выросла с 5,5% в 2016 году до 14,3% в 2025 году. Подобный рост зафиксирован и в структуре приема. Это подтверждает востребованность длинных 5–6-летних программ с углубленной практико-ориентированной подготовкой, характерных для медицины, инженерии, оборонных специальностей.

Анализ структуры приема и выпуска в системе ВО по источникам финансирования показывает, что доля внебюджетного (платного) приема после снижения в 2016–2022 гг. вырос-

¹¹ В 2025 году доступность высшего образования сохранится на высоком уровне. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/90681/?spm=a2ty_o01.29997173.0.0.2c2355fbZa9uc8

Таблица 2. Динамика приема и выпуска в системе ВО РФ за 2016–2025 гг.

Год приема/выпуска	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Прием, тыс. чел., в том числе	1157,8	1142,0	1147,9	1129,4	1093,3	1129,1	1201,5	1287,6	1298,1	1419,5
– бакалавриат	773,9	745,0	741,1	735,1	707,3	732,1	751,8	819,6	829,7	905,5
– специалитет	150,1	154,0	162,4	167,5	166,0	176,4	187,6	202,4	208,3	224,5
– магистратура	233,8	243,0	244,5	226,8	220,1	220,6	262,2	265,6	260,0	289,5
Распределение приема по источникам финансирования, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Бюджет	44,2	44,4	46,0	45,0	47,7	48,6	49,9	43,9	43,5	40,0
Внебюджет	55,8	55,6	54,0	55,0	52,3	51,4	50,1	56,1	56,5	60,0
Выпуск, тыс. чел., в том числе	893,6	960,5	933,2	908,5	849,4	813,3	816,3	805,9	827,6	843,3
– бакалавриат	761,7	732,5	661,7	621,9	558,8	528,9	540,7	532,7	527,6	534,3
– специалитет	49,5	90,1	101,1	104,5	105,4	108,0	110,5	115,0	117,9	120,6
– магистратура	82,4	137,9	170,4	182,1	185,2	176,4	165,2	158,3	182,0	188,4
Распределение выпуска по источникам финансирования, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Бюджет	40,1	42,2	43,5	45,5	47,8	48,4	46,6	46,4	47,8	47,9
Внебюджет	59,9	57,8	56,5	54,5	52,2	51,6	53,4	53,6	52,2	52,1
Абсолютная разность между выпуском и приемом, тыс. чел.	-264,2	-181,5	-214,7	-220,9	-243,9	-315,8	-385,2	-481,7	-470,5	-576,2
Источник: Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за период 2016–2025 гг. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed										

ла с 50,1% в 2022 году до 60,0% в 2025 году. При этом структура выпуска в последний пятилетний период остается более стабильной (52–54% внебюджета). Это указывает на частичную смену концепции государственного регулирования высшего образования в сторону усиления рыночных механизмов.

На *рисунке 1* представлена фактическая динамика численности выпускников вузов РФ за 2020–2025 годы по 10 группам специализаций.

По графикам на *рисунке 1* можно заметить тенденцию роста числа выпускников в группах «Информационные технологии» (среднегодовой темп прироста за 2020–2025 гг. составил +10,9%), «Здравоохранение и медицинские науки» (+5,9% в год), «Оборона и безопасность государства, военные науки» (+26,0% в год).

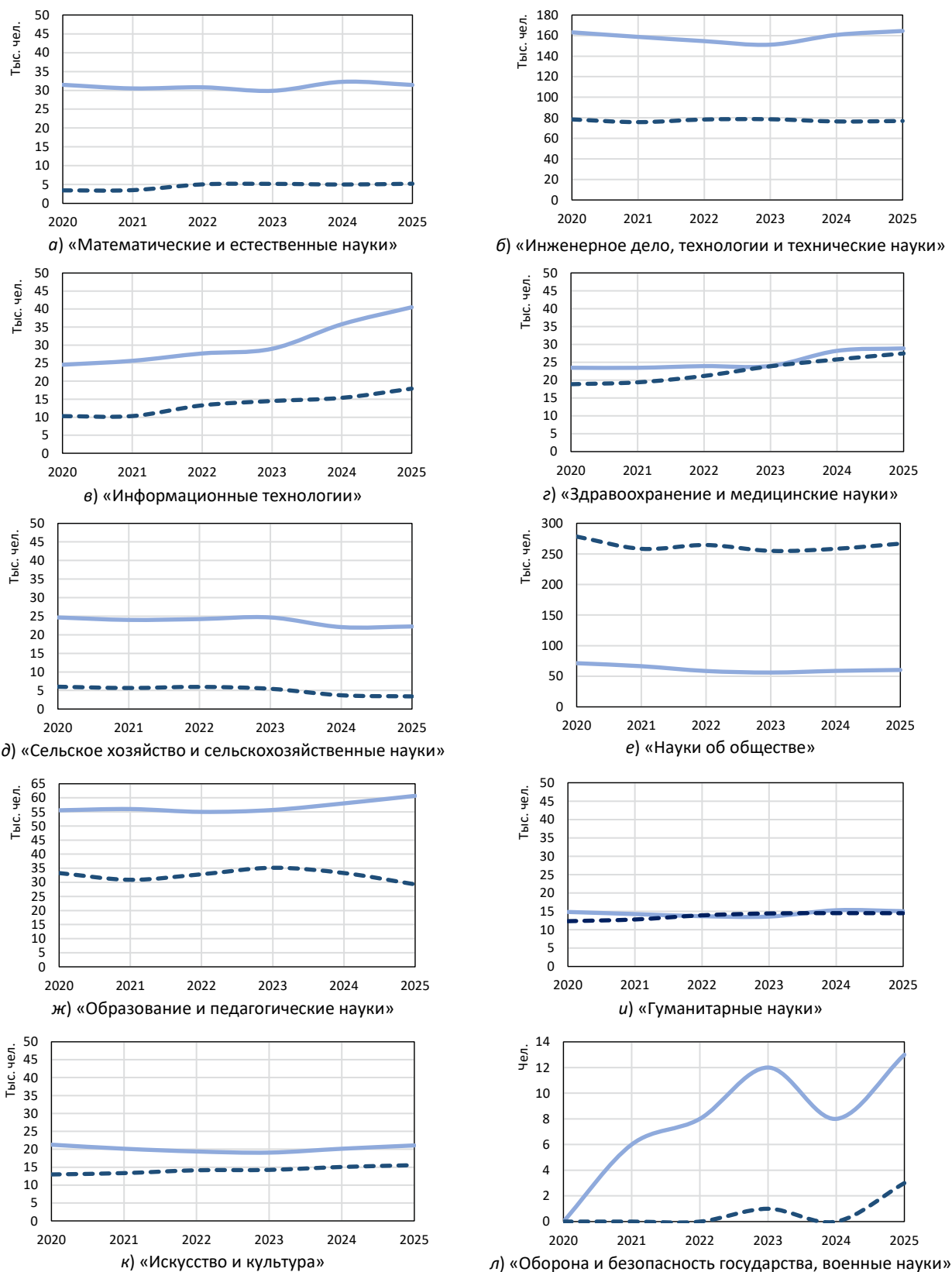
Самая многочисленная группа специализаций – «Науки об обществе» (в нее входят программы по психологическим наукам, экономике и управлению, социологии, юриспруденции, политическим наукам и регионоведению, СМИ и информационно-библиотечному делу, серви-

су и туризму): на них приходится более трети всех выпускников. Только для этой группы специализаций число внебюджетных выпускников превышает число бюджетных более чем в 4 раза.

Инженерное направление остается лидером по масштабам бюджетной подготовки, формируя ядро технического кадрового потенциала страны. В 2024 году выпуск вырос до 160,6 тыс. человек, а в 2025 году достиг максимума за семь лет – 164,5 тыс. специалистов. Это эффект увеличенного приема последних лет, направленного на покрытие кадрового голода в промышленности.

Группа «Информационные технологии» демонстрирует наиболее впечатляющую динамику роста среди всех направлений подготовки. Бюджетный выпуск вырос более чем в 1,6 раза – с 24,5 тыс. человек в 2020 году до 40,5 тыс. человек в 2025 году. Ключевой скачок произошел в 2024–2025 гг., что напрямую отражает государственную политику по достижению цифрового суверенитета, а также многолетние усилия по увеличению контрольных цифр приема для ИТ.

Рис. 1. Фактическая динамика численности выпускников вузов РФ по группам специализаций за 2020–2025 гг.

Источник: расчеты авторов.

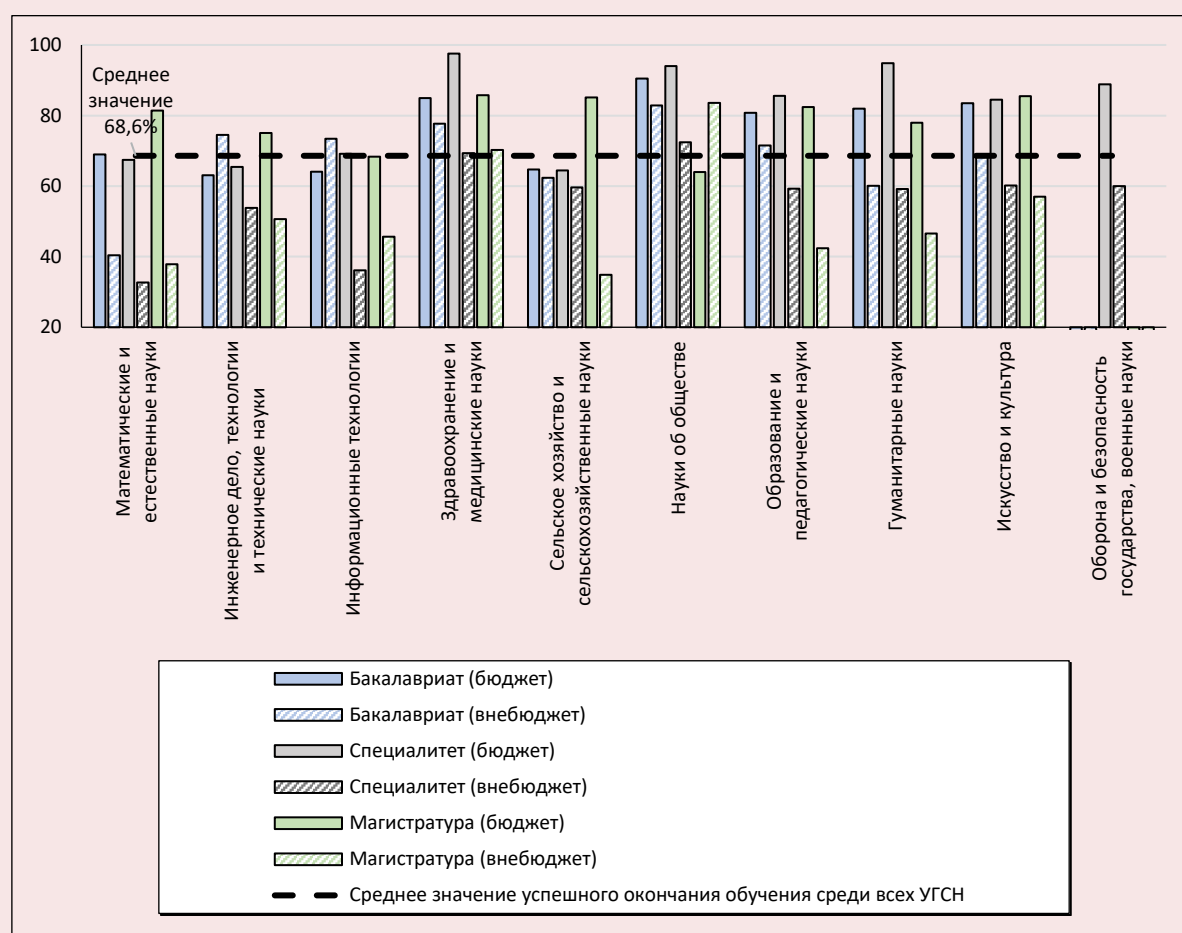
Отметим, что статистические данные по группе «Оборона и безопасность государства, военные науки» представлены лишь в ограниченной степени из-за специфики учета и режимного характера ведомственных учебных заведений. Бюджетный выпуск отражает лишь небольшую часть гражданских специалистов, обучавшихся по открытым программам в вузах, подведомственных Минобрнауки России. Внебюджетный выпуск по данной группе практически отсутствует, что логично, учитывая закрытый характер большинства специальностей и их финансирование исключительно из средств федерального бюджета в интересах обороноспособности страны.

Прогноз структуры и динамики количества выпускников российских вузов

Для построения прогноза структуры и динамики количества выпускников высших учебных заведений РФ необходимо учитывать процент успешно завершивших обучение. Будем выполнять это в разрезе групп специализаций. На рисунке 2 приведены результаты расчета эмпирического коэффициента успешного окончания обучения студентов по соответствующей группе специализации для 2025 года.

Если оценивать результативность российской системы ВО по критерию успешного окончания обучения, то она выглядит высокой. Средний показатель завершаемости обучения

Рис. 2. Процент успешно завершивших обучение (от числа поступивших 4 года назад для бакалавриата, 5 лет назад для специалитета, 2 года назад для магистратуры) по группам специализаций в 2025 году, %

Источник: расчеты авторов.

среди всех групп специализаций составляет 68,6% (данная величина носит справочный характер и отражает усредненную картину по системе ВО, не являясь прогнозным параметром). За этими значениями скрываются структурные разрывы не только между группами специализаций, но и между формами обучения (бюджет — внебюджет) и уровнями образования (бакалавриат и специалитет против магистратуры).

Среди бюджетных мест лидерами являются следующие группы: «Здравоохранение и медицинские науки» (специалитет) — 97,6% — практически стопроцентный выпуск, система профессионального отбора, обучения и социальной поддержки работает без сбоев; «Гуманитарные науки» (специалитет) — 94,9% — характеризуется высокой мотивацией, осознанным выбором у абитуриентов и низким отсевом; «Науки об обществе» (бакалавриат) — 94,0% — экономические направления и юриспруденция по-прежнему удерживают студентов. В зоне отстающих «Инженерное дело» (бакалавриат) — 63,1%, «Информационные технологии» (бакалавриат) — 64,1%, «Сельское хозяйство» (бакалавриат) — 64,7%. Инженерные и аграрные специальности теряют каждого третьего бюджетного студента уже на первой ступени образования.

В магистратуре среди бюджетных мест показывают максимальные проценты выпуска группы «Здравоохранение и медицинские науки» — 85,7%, «Искусство» — 85,5%, «Сельское хозяйство» — 85,2%, «Образование и педагогические науки» — 82,4%, «Математика и естественные науки» — 81,4%. Очевидно, что отсев минимален, следовательно, в бюджетную магистратуру по данным группам поступают мотивированные студенты. Среди платной магистратуры есть 5 групп, которые находятся в критической зоне: процент успешно завершивших обучение в них варьируется от 34,9 до 46,6%, т. е. более половины магистрантов, обучающихся платно, не доходят до диплома. В частности, это группы «Сельское хозяйство» — 34,9%, «Образование и педагогические науки» — 42,4%, «Информационные технологии» — 45,6%. Скорее всего, на указанные направления поступают студенты, не готовые к исследовательской и иной деятельности, в процессе обучения разочаровываются и не видят экономической целесообразности в получении диплома, при

этом совмещают учебу с полной занятостью на работе. Существуют и исключения: внебюджетная магистратура показывает рекордные 83,6% завершения обучения в группе «Науки об обществе».

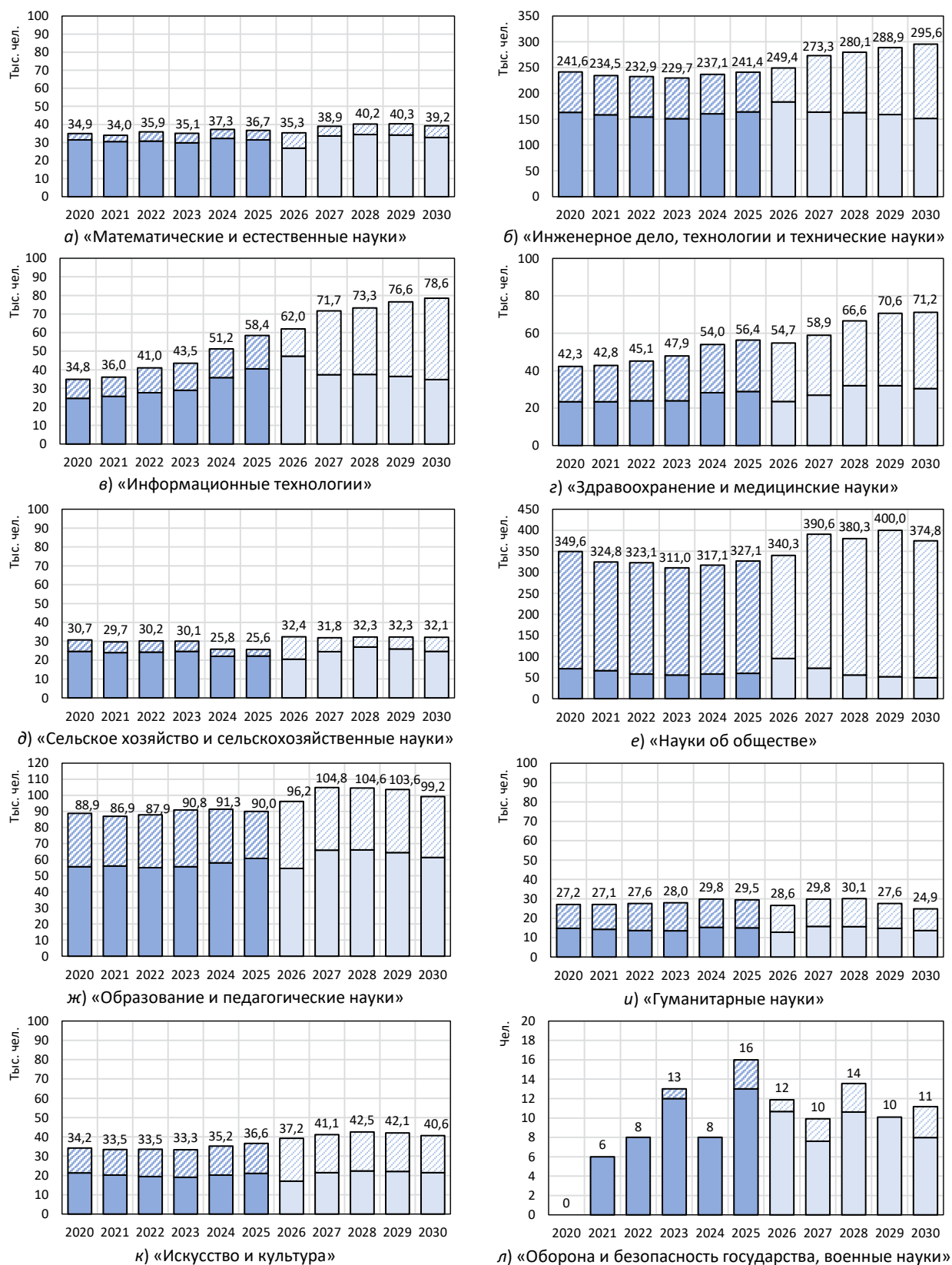
Рисунок 2 фиксирует проблемы удержания контингента в системе ВО. В 2025 году средний процент успешного окончания обучения на уровне бакалавриата составил 75,8% среди бюджетных мест и 68,0% среди внебюджетных; на уровне специалитета этот показатель составил 81,2 и 56,3% соответственно; в магистратуре — 78,4 и 52,1%. Наибольшие потери в подготовке кадров происходят в платной магистратуре и в инженерном бакалавриате. Это зоны первоочередного управленческого вмешательства. Сельское хозяйство, математика, педагогика, гуманитарные науки на платной основе магистратуры теряют более 50% контингента. Это означает, что государство (через субсидии вузам) и население (через оплату обучения) несут колоссальные потери. Диплом не получает каждый второй. Системная проблема заметна в инженерном бакалавриате. Потеря 36,9% бюджетников — сигнал к пересмотру образовательных программ. Студенты уходят, потому что не выдерживают нагрузки или не видят смысл образования для работы.

С использованием математической модели (1)–(4) получен прогноз количества выпускников вузов РФ с учетом эмпирического коэффициента успешного окончания обучения студентов по соответствующей группе специализации. Фактическая (за период 2020–2025 гг.) и прогнозная (на период до 2030 года) численность выпускников вузов РФ по группам УГСН представлена на *рисунке 3*.

Верификация модели (1)–(4) была выполнена на статистических данных за 2021–2025 гг.: средняя ошибка аппроксимации (стандартная средняя абсолютная процентная ошибка) численности выпускников по отдельным группам специальностей варьируется от 2,2 до 7,8%. В то же время средняя ошибка по общей численности выпускников составила 2,9%, что подтверждает адекватность построенных прогнозов.

Фактическая (за период 2020–2025 гг.) и прогнозная (до 2030 года) структура выпускников вузов РФ по группам специализаций представлена на *рисунке 4*.

Рис. 3. Фактическая (за период 2020–2025 гг.) и прогнозная (на период до 2030 года) численность выпускников вузов РФ по группам специализаций

— Бюджет — Внебюджет

Источник: расчеты авторов.

Рис. 4. Фактическая (за период 2020–2025 гг.) и прогнозная (на период до 2030 года) структура выпускников вузов РФ по группам специализаций, %

Математические и естественные науки	4,1	4,2	4,4	4,4	4,5	4,3	4,0	4,0	4,1	4,0	4,0
Инженерное дело, технологии и технические науки (без ИТ)	24,3	24,4	23,5	23,1	22,5	21,7	21,4	20,8	21,2	21,1	22,2
Информационные технологии	4,1	4,4	5,0	5,4	6,2	6,9	7,1	7,4	7,5	7,6	8,0
Здравоохранение и медицинские науки	5,0	5,3	5,5	5,9	6,5	6,7	6,3	6,1	6,8	7,0	7,3
Сельское хозяйство и сельскохозяйств. науки	3,6	3,6	3,7	3,7	3,1	3,0	3,7	3,3	3,3	3,2	3,3
Науки об обществе (без экон., управ. и юрис.)	6,4	6,7	6,8	7,3	7,6	8,2	9,0	9,2	9,0	9,7	9,4
Экономика и управление	21,7	20,8	20,9	20,2	18,9	18,6	18,6	18,4	17,8	17,9	17,5
Юриспруденция	13,0	12,5	11,8	11,1	11,8	12,0	11,3	12,7	12,1	12,2	11,5
Образование и педагогические науки	10,5	10,7	10,8	11,3	11,0	10,7	11,0	10,8	10,7	10,3	10,2
Гуманитарные науки	3,2	3,3	3,4	3,5	3,6	3,5	3,3	3,1	3,1	2,7	2,5
Искусство и культура	4,0	4,1	4,1	4,1	4,3	4,3	4,3	4,2	4,4	4,2	4,2
Оборона и безопасность госуд., воен. науки	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030

Источник: расчеты авторов.

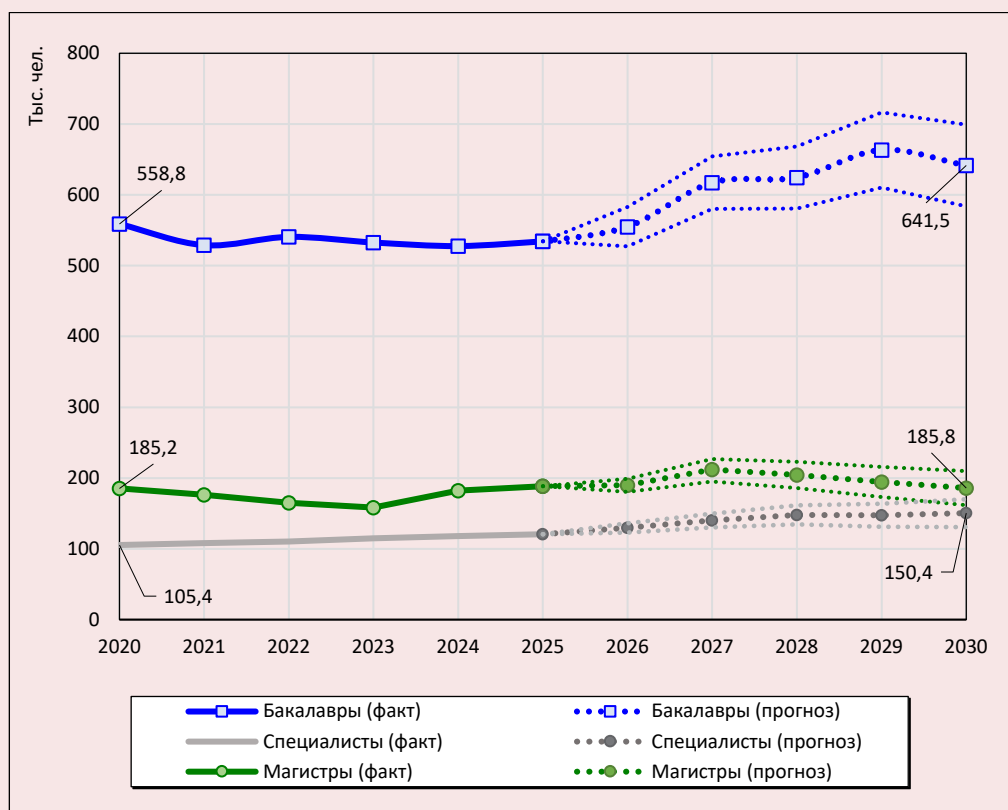
Структура подготовки специалистов в России претерпевает изменения, причем ряд тенденций, наметившихся в фактическом периоде, усиливается в прогнозном. В социально-экономическом блоке доля группы «Экономика и управление» сокращается с 21,7% в 2020 году до 17,5% в 2030 году, «Юриспруденция» — с 13,0 до 11,5%. Также снижается удельный вес групп «Гуманитарные науки» (до 2,5%) и «Образование и педагогические науки» (до 10,2%).

В технологическом блоке «Инженерное дело, технологии и технические науки (без ИТ)» доля выпуска снижается с 24,3 до 22,2%; в группе «Информационные технологии» возрастает с 6,9% в 2025 году до 8,0% к 2030 году. Доля группы «Математические и естественные науки» стабильна на уровне 4,0%.

Среди специализированных направлений «Здравоохранение и медицинские науки» усилит позиции с 5,0% в 2020 году до 7,3% к 2030 году. Доли групп «Сельское хозяйство» (с 3,6 до 3,3%), «Искусство и культура» (с 4,0 до 4,2%) колеблются в пределах 0,5 процентных пункта.

Таким образом, структура ВО в прогнозе до 2030 года будет характеризоваться сокращением экономико-юридического блока (при условии сохранения политики ограничения платных мест) в сторону более узких и прикладных специальностей, в первую очередь информационных технологий и здравоохранения. Инженерные специальности сохраняют высокую долю, но теряют позиции относительно других групп. Суммируя по всем группам специализаций в рамках уровня образования, получаем прогнозную численность выпускников (рис. 5).

Рис. 5. Фактическая (за период 2020–2025 гг.) и прогнозная (до 2030 года) численность выпускников вузов РФ по уровню бакалавриата, специалитета и магистратуры

Примечание: пунктирными линиями отражены 95% доверительные интервалы для прогнозов, построенные на основе стандартного отклонения эмпирических коэффициентов успешного окончания обучения за ретроспективный период (2016–2025 гг.).

Источник: расчеты авторов.

Графики на рисунке 5 отражают фактическую и прогнозную динамику численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры. С 2020 по 2022 год численность бакалавров неуклонно снижалась с 558,8 до 528,0 тыс. человек. Начиная с 2026 года прогнозируется рост численности бакалавров. В прогнозном периоде с 2026 до 2030 года показатель увеличится с 555,0 до 641,5 тыс. человек. Численность специалистов к 2030 году прогнозируется на уровне 150,4 тыс. человек, что говорит о сохранении спроса на традиционные инженерные и медицинские специальности, которые реализуются через программы специалитета. Магистратура в целом стабильна: в прогнозном периоде численность выпускников составит порядка 185,0 тыс. спе-

циалистов. Суммарно к 2030 году прогнозируется численность в 977,7 тыс. выпускников по всем уровням образования.

Заключение

Результаты проведенного анализа и прогнозирования структуры и динамики выпускников российских вузов позволяют сформулировать ряд выводов, имеющих высокую прикладную значимость. Предложенная в работе модель, опираясь на инерционный сценарий развития системы, формирует базовый прогноз изменения численности выпускников в среднесрочной перспективе (до 2030 года).

В отличие от упрощенных подходов предложенная модель, построенная на балансовых соотношениях между приемом студентов и их выпуском через фиксированный временной лаг с

использованием эмпирических коэффициентов успешного окончания обучения (дифференцированных по уровням образования, источникам финансирования и группам специализаций), позволяет перейти от абстрактных экстраполяций к прогнозу, опирающемуся на фактические потоки обучающихся. Это углубляет теоретические представления о системе высшего образования как о динамической системе с запаздыванием.

Верификация предложенной модели подтвердила выдвинутую научную гипотезу. Расчет средней ошибки аппроксимации на ретроспективном периоде 2021–2025 гг. показал, что использование дифференцированных эмпирических коэффициентов успешного окончания обучения (в трехмерном разрезе: уровень образования, источник финансирования, укрупненная группа специализаций) обеспечивает высокую точность инерционного прогноза: средняя ошибка по общей численности выпускников составила всего 2,9%, а по отдельным группам специальностей варьировалась в пределах от 2,2 до 7,8%.

В отличие от традиционных трендовых моделей (например, Бычковская, Бычковский, 2024), которые экстраполируют общие тренды приема и игнорируют фактор внутривузовского отсева, предложенный дифференцированный подход позволяет избежать системного завышения прогноза — в частности, по программам специалитета, где трендовые модели дают содержательно необоснованно высокие значения. Учет реальной гетерогенности коэффициентов успешности (от 97,6% в бюджетном специалитете группы «Здравоохранение и медицинские науки» до 32,7% во внебюджетном специалитете группы «Математика и естественные науки») помогает выявлять структурные «точки разрыва», которые остаются невидимыми для агрегированных экстраполяционных моделей.

Таким образом, гипотеза о том, что дифференцированный балансовый подход с учетом фактора отсева по УГСН обеспечивает более точный и содержательно обоснованный прогноз по сравнению с традиционными трендовыми моделями, нашла эмпирическое подтверждение.

Полученные в ходе исследования прогнозные оценки коррелируют с макроэкономическими предупреждениями ЦМАКП о риске формирования избытка выпускников к 2035

году. Полученный прогноз показывает устойчивый рост выпуска до 2030 года (до 977,7 тыс. человек) на фоне структурного сокращения доли экономико-юридического блока. Это подтверждает своевременность и адекватность текущих мер государственного регулирования, таких как Приказ Минобрнауки № 913 об ограничении платного приема по неостребованным направлениям. Если бы модель не учитывала реальную дифференциацию коэффициентов завершения обучения (например, 97,6% в медицине против 32,7% в платных естественных науках), она не смогла бы выявить эти точки разрыва.

С прикладной точки зрения значимость работы определяется ее направленностью на решение задач государственной кадровой политики. Полученные прогнозные оценки численности выпускников до 2030 года в разрезе десяти укрупненных групп специальностей и трех уровней образования позволяют:

- 1) верифицировать текущую государственную политику; исследование наглядно демонстрирует последствия увеличения контрольных цифр приема последних лет: прогнозируемый рост выпуска по инженерным специальностям, информационным технологиям и здравоохранению является прямым следствием ранее принятых решений и подтверждает их эффективность в части наращивания предложения стратегически важных кадров;

- 2) выявить зоны структурных дисбалансов; работа фиксирует устойчивый перекося в пользу группы «Науки об обществе», которая, несмотря на сокращение доли, продолжает доминировать в структуре выпуска преимущественно за счет платного обучения, что служит эмпирическим обоснованием для введения регулирующих мер, подобных Приказу Минобрнауки № 913, и подчеркивает необходимость их дальнейшего совершенствования;

- 3) определить «точки разрыва» в подготовке кадров; анализ коэффициентов успешного окончания обучения выявил критические зоны потерь контингента — прежде всего в платной магистратуре по естественно-научным, педагогическим и аграрным направлениям, а также в инженерном бакалавриате; это сигнал для руководства вузов и учредителей о необходимости пересмотра содержания программ и качества работы с абитуриентами и студентами.

Выявленные дисбалансы в подготовке кадров в целом соответствуют мировым закономерностям. Как и во многих странах (включая государства Европейского союза, США и развивающиеся экономики), глобальная цифровая трансформация и внедрение технологий ИИ формируют устойчивый мировой дефицит кадров в сферах STEM (наука, технологии, инженерия, математика) и здравоохранения при одновременном перепроизводстве выпускников гуманитарных и социально-экономических направлений. Однако российский кейс обладает и специфическими чертами. Во-первых, высокая доля платного обучения в группах «Науки об обществе» и «Гуманитарные науки» при низких показателях успешного окончания (особенно в магистратуре) может указывать на то, что для значительной части студентов получение диплома важнее освоения программы. Во-вторых, масштаб и скорость государственного регулирования (например, ограничение платного приема по невостребованным направле-

ниям и опережающее перераспределение контрольных цифр приема) демонстрируют более жесткую и централизованную модель коррекции дисбалансов по сравнению с либеральными рыночными моделями рынка образования, преобладающими в ряде западных стран. Таким образом, РФ следует общемировому тренду на переориентацию ВО в сторону технологического суверенитета, но реализует эту стратегию с опорой на специфические демографические условия и административные рычаги.

Для построения долгосрочных сценарных прогнозов (горизонт более 10 лет) математическая модель требует учета опережающих демографических факторов, в частности ожидаемого сокращения численности населения РФ в возрасте 15–18 лет после середины 2030-х годов. Формализация и включение в математический аппарат факторов, учитывающих демографические волны, макроэкономические шоки, изменение спроса со стороны рынка труда, станут предметом дальнейших исследований.

Литература

- Азарнова Т.В., Дашкова Е.С., Дорохова Н.В., Каширина И.Л. (2025). Прогнозирование трендов формирования предложения на рынке труда по открытым данным абитуриентов в социальных сетях // *Terra Economicus*. Т. 23. № 2. С. 43–61. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-43-61
- Айкашев П.В., Черушева Т.В., Зверовщикова Н.В. (2025). Анализ и математическое моделирование распределения выпускников инженерно-технических специальностей Пензенского государственного университета // *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе*. № 1. С. 46–57. DOI: 10.21685/2227-8486-2025-1-4
- Алтухов В.В., Золотина О.А., Никулина Ю.О., Разумова Т.О. (2025). Влияние технологий искусственного интеллекта на рынок труда в области экономики и менеджмента в России: количественный и качественный аспекты // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. Т. 60. № 2. С. 148–177. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-2-8
- Балацкий Е.В., Юревич М.А. (2018). Моделирование возрастной структуры научных кадров // *Terra Economicus*. Т. 16. № 3. С. 60–76. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-3-60-76
- Блинова Т.Н., Федотов А.В., Коваленко А.А. (2021). Соответствие структуры подготовки кадров с высшим образованием потребностям экономики: проблемы и решения // *Университетское управление: практика и анализ*. Т. 25. № 2. С. 13–33. DOI: 10.15826/umpra.2021.02.012
- Бобко Т.В., Ефремкова Т.И., Петрова Т.В. (2023). Моделирование численности выпускников вузов для развития экономики Кемеровской области // *Вестник университета*. № 12. С. 72–84. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-12-72-84
- Бычковская Ю.А., Бычковский В.С. (2024). Анализ изменения количества выпускников по программам бакалавриата, магистратуры и специалитета за период с 2007 по 2023 год для дальнейшего прогноза // *ИТ-Стандарт*. Т. 40. № 3. С. 79–86.
- Вавилова Д.Д., Кетова К.В. (2025). Влияние места проживания семей и очередности появления детей в семье на рождаемость // *Экономика региона*. Т. 21. № 2. С. 435–451. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-2-13
- Вавилова Д.Д., Касаткина Е.В., Файзуллин Р.В. (2025). Оценка потенциала масштабирования инструментов искусственного интеллекта в высшем образовании: российский и зарубежный опыт // *Образование и наука*. Т. 27. № 9. С. 128–157. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-8-128-157

- Габдрахманов Н.К. (2019). Концентрация студентов в системе высшего образования на карте Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 27. № 1. С. 7–17. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-1-7-17
- Караваева Е.В., Маландин В.В. (2025). Проблемы кадрового обеспечения научно-технологического развития России в свете формирования новой Стратегии развития образования до 2040 года // Высшее образование в России. Т. 34. № 1. С. 30–41. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-1-30-41
- Кетова К.В., Вавилова Д.Д. (2020). Оценка тенденций изменения человеческого капитала социально-экономической системы на основе применения алгоритма нейросетевого прогнозирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 6. С. 117–133. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.7
- Коваленко А.А., Федотов А.В. (2024). Обеспечение вузов научно-педагогическими кадрами высшей квалификации // Университетское управление: практика и анализ. Т. 28. № 3. С. 95–122. DOI: 10.15826/umpra.2024.03.028
- Колесникова О.А., Маслова Е.В., Околелых И.В. (2023). Кадровый балласт, или почему система высшего образования не успевает за трансформацией рынка труда // Социально-трудовые исследования. № 3 (52). С. 153–164. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-153-164
- Колесникова О.А., Маслова Е.В., Околелых И.В., Ярышина В.Н. (2024). Научно-методические подходы к проведению мониторинга и прогнозированию потребности в кадрах российской экономики // Социально-трудовые исследования. Т. 57. № 4. С. 172–184. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-172-184
- Омельченко И.Б., Сафонов А.С. (2024). Прогноз потребности в кадрах для формирования государственного заказа системе образования // Социально-трудовые исследования. Т. 57. № 4. С. 139–149. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-139-149
- Преснецова В.Ю., Константинов И.С. (2025). Методика прогнозирования востребованности выпускников вузов с применением интеллектуального анализа данных // Computational Nanotechnology. Т. 12. № 5. С. 67–79. DOI: 10.33693/2313-223X-2025-12-5-67-79
- Akaev A.A., Sadovnichii V.A. (2021). The human component as a determining factor of labor productivity in the digital economy. *Studies on Russian Economic Development*, 32, 29–36. DOI:10.1134/S1075700721010020
- Chvorostov A., Waechter N. (2025). Rapid expansion of tertiary education and regional labour market equilibria in the EHEA and its major European regions: Graduates and their tentative jobs (observation of trends 1970s to 2010s). *J Innov Entrep*, 14, 140. DOI:10.1186/s13731-025-00607-4
- Loder A.K.F. (2024). Multiple enrollment policy: Survival analyses and odds of graduating in at least one university degree program. *Trends in Higher Education*, 3(3), 578–601. DOI:10.3390/higheredu3030034
- Martínez-Carrascal J.A., Hlosta M., Sancho-Vinuesa T. (2023). Using survival analysis to identify populations of learners at risk of withdrawal: Conceptualization and impact of demographics. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 24(1), 1–21. DOI:10.19173/irrodl.v24i1.6589
- Popescu L. et al. (2026). Statistical analysis and forecasting of the number of students, teachers and graduates in Romania's pre-university education system. *Education Sciences*, 16(1), 73. DOI:10.3390/educsci16010073
- Tomlinson M. (2021). Employers and universities: Conceptual dimensions, research evidence and implications. *High Educ Policy*, 34, 132–154. DOI:10.1057/s41307-018-0121-9
- Wang J. et al. (2023). Triple exponentially weighted moving average control chart with measurement error. *Scientific Reports*, 13, 14760. DOI:10.1038/s41598-023-41761-7

Сведения об авторах

Дайана Дамировна Вавилова — кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Дирекция приоритетных образовательных инициатив Общеакадемического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-т Вернадского, стр. 1, д. 82; e-mail: vavilova-dd@mail.ru)

Екатерина Васильевна Касаткина — кандидат физико-математических наук, доцент, эксперт, Дирекция приоритетных образовательных инициатив Общеакадемического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-т Вернадского, стр. 1, д. 82; e-mail: kasatkina_ev@vk.com)

Ринат Васильевич Файзуллин — кандидат экономических наук, доцент, директор проекта, эксперт, Дирекция приоритетных образовательных инициатив Общеакадемического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-т Вернадского, стр. 1, д. 82; e-mail: fayzullin-rv@ranepa.ru)

Vavilova D.D., Kasatkina E.V., Faizullin R.V.

Analysis and Forecasting of the Structure and Dynamics of the Number of Graduates of Russian Universities

Abstract. The relevance of this study is determined by the need to improve the reliability of medium-term forecasts of the training of personnel with higher education, in order to enable well-founded planning of state-funded admission quotas and adjustments to the structure of specialist training under conditions of changing demand in the labor market. The aim of the work is to construct a forecast of the number and structure of graduates from Russian universities by 2030, disaggregated by level of education and broad field of study groups. The dynamics of enrollment and the number of graduates from Russian higher education institutions for the period 2016–2025 were analyzed based on official data from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. An original mathematical model for forecasting the number of graduates is proposed. This model takes into account actual past enrollment figures and empirical graduation success rates (the ratio of graduates to enrollments with a fixed time lag). The model was applied to ten aggregated groups of specializations. The analysis revealed significant differentiation among the groups of specializations in terms of graduation success rates. The highest graduation efficiency was recorded for state-funded specialist programs in the “Health and Medical Sciences” group (97.6%), while the lowest was for tuition-fee specialist programs in the “Mathematics and Natural Sciences” group (32.7%). In 2025, the average success rate at the bachelor’s level was 75.8% among budget-funded places and 68.0% among non-budget-funded places; at the specialist’s level, this figure was 81.2 and 56.3%, respectively; and at the master’s level, it was 78.4 and 52.1%. In 2025, the total number of university graduates was 843 thousand people, while enrollment in 2020–2021 averaged 1,100 thousand people. According to the forecast, a steady increase in the number of graduates across all levels of education is expected by 2030, most pronounced at the bachelor’s level (up to 641.5 thousand people). The graduate structure is projected to show a sustained increase in the share of specialists in information technology and healthcare, alongside a reduction in the share of economists and lawyers. The theoretical contribution of the study consists in developing a medium-term forecasting methodology for university graduates using a balancing approach that accounts for differences in academic success. The practical relevance stems from the applicability of the projected structure and dynamics of graduate output to the allocation of publicly funded and tuition based places and to the synchronization of educational policy with labor market needs, thereby reducing the risks of both graduate oversupply in some specializations and shortages in others.

Key words: graduation forecasting, higher education, completion rate, training structure, graduation and admission to universities.

Information about the Authors

Daiana D. Vavilova – Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher, Directorate of Priority Educational Initiatives, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, building 1, Vernadsky Avenue, Troparevo-Nikulino Municipal Okrug, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: vavilova-dd@mail.ru)

Ekaterina V. Kasatkina – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, expert, Directorate of Priority Educational Initiatives, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, building 1, Vernadsky Avenue, Troparevo-Nikulino Municipal Okrug, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: kasatkina_ev@vk.com)

Rinat V. Fayzullin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, project director, expert, Directorate of Priority Educational Initiatives, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, building 1, Vernadsky Avenue, Troparevo-Nikulino Municipal Okrug, Moscow, 119571, Russian Federation; e-mail: fayzullin-rv@ranepa.ru)

Статья поступила 02.03.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.10

УДК 331.29, 331.104, 316.444.5, ББК 65.04

© Соболева И.В., Леонидова Г.В., Белехова Г.В.

Работа и благополучие: эмпирический анализ на региональной базе данных

Ирина Викторовна

СОБОЛЕВА

Институт экономики РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: irasobol@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3049-7789; ResearcherID: AAS-5711-2021

Галина Валентиновна

ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: galinaleonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

Галина Вадимовна

БЕЛЕХОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: belek-galina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6373-9043; ResearcherID: I-8182-2016

Для цитирования: Соболева И.В., Леонидова Г.В., Белехова Г.В. (2026). Работа и благополучие: эмпирический анализ на региональной базе данных // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 186–208. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.10

For citation: Soboleva I.V., Leonidova G.V., Belekova G.V. (2026). Work and well-being: An empirical analysis using the regional database. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 186–208. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.10

Аннотация. В статье на основе концепции благополучия, связанного с работой, апробирован методологический инструментарий комплексной оценки положения человека в сфере труда. Авторский подход к измерению благополучия, связанного с работой, реализован на информационной базе мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области. Уникальность предлагаемого исследования обусловлена возможностями информационной базы, позволяющей выстроить трехуровневую систему индикаторов благополучия, связанного с работой. Наряду с объективными фактологическими индикаторами она включает два ряда субъективных оценок, характеризующих разные стороны субъективного благополучия. Основные результаты исследования состоят в следующем: 1) по большинству ключевых аспектов уровень благополучия, связанного с работой, является довольно высоким, что в значительной степени обусловлено превышением субъективных индикаторов благополучия над фактологическими; 2) оценки уровня благополучия, связанного с работой, практически по всем его аспектам находятся в прямой зависимости от уровня материального благосостояния семьи; 3) наиболее острые проблемные зоны профиля благополучия, связанного с работой, приходятся на его немонетарные аспекты, прежде всего на аспект профессионального развития; 4) важнейшими факторами, позитивно влияющими на уровень благополучия, являются уровень профессионального образования при условии его соответствия требованиям рабочего места и устойчивость занятости; 5) уровень благополучия, связанного с работой, слабо коррелирует с возрастом, но тесно взаимосвязан с качественными характеристиками трудового потенциала работника. Практическая значимость исследования видится в возможности выработки обоснованных управленческих решений как на корпоративном, так и на региональном уровне, направленных на формирование более качественной и достойной занятости, способствующей улучшению положения человека в сфере труда.

Ключевые слова: сфера труда, качество занятости, достойный труд, качество трудовой жизни, благополучие, связанное с работой.

Введение

К исследованию сферы труда можно подходить с разных точек зрения, отражающих интересы различных сторон социально-трудовых отношений. В центре внимания государства — сбалансированность макроэкономических пропорций, способность трудового потенциала обеспечить потребности народного хозяйства в рабочей силе с учетом меняющейся структуры спроса на труд. Работодатели заинтересованы в повышении отдачи от персонала, минимизации оппортунистического поведения, оптимизации соответствующих компонентов затрат. В свою очередь для работников сфера труда выступает важнейшим источником удовлетворения широкого круга материальных и нематериальных потребностей. Таким образом, интересы экономических агентов расходятся, иногда противостоят друг другу, но могут иметь зоны взаимопроникновения. Масштабы и роль этих зон в современных условиях увеличиваются в связи с объективным трендом возрастания роли человека, его компетенций, предпочтений и мотиваций в обеспечении успешного экономического развития. Это актуализирует исследовательский

ракурс, рассматривающий сферу труда с точки зрения интересов трудящегося населения. Наиболее полно, на наш взгляд, его отражает концепция благополучия, связанного с работой.

В статье ставится задача эмпирического анализа регионального профиля благополучия, связанного с работой, в разрезе соотношения его объективной и субъективной сторон, выявления его уязвимых зон и связи монетарных и немонетарных аспектов благополучия с характеристиками работников и рабочих мест. Данная работа продолжает серию исследований, посвящённых различным аспектам благополучия людей (Шабунова и др., 2026).

Рост интереса представителей экономической науки к проблеме благополучия в сфере труда обусловлен по меньшей мере двумя обстоятельствами. Во-первых, все больше эмпирических подтверждений находит гипотеза, согласно которой хорошее качество трудовой жизни выступает фактором повышения производительности труда, укрепляет конкурентоспособность фирмы и экономики в целом (Корогодина, 2021; Harter et al., 2002; Donald et al., 2005;

Kauhanen, Nätti, 2015). Во-вторых, объективные глобальные тренды роста материального благосостояния и расширения многообразия условий и форм занятости ведут к тому, что по мере насыщения базовых потребностей спектр значимых для работника аспектов договора с работодателем выходит далеко за пределы денежного вознаграждения за труд.

Осознание важности обеспечения благоприятных для работника условий занятости по широкому кругу монетарных и немонетарных аспектов нашло отражение в появлении международных проектов, направленных на улучшение качества рабочих мест, соблюдение прав и гарантий работников. Наиболее известным из них является инициатива Международной организации труда (МОТ) по продвижению индикаторов достойного труда, утверждающая стандарты в социально-трудовой сфере, соблюдению которых должны способствовать работодатели и государство¹. Следует отметить, что подход, разработанный в рамках МОТ, предполагает отслеживание макроэкономических индикаторов, характеризующих инфраструктуру и ключевые характеристики рынка труда в целом, т. е. контекст формирования социально-трудовых отношений. Однако наряду с ним по инициативе Евросоюза и Организации экономического сотрудничества и развития были запущены масштабные проекты по оценке качества занятости на основе обследований работников, что позволило отследить трудовую ситуацию на индивидуальном уровне и в разрезе социально-демографических групп². Следует отметить, что общей чертой этих исследований является их направленность на характеристику объективных параметров рабочих мест вне связи с конкретными свойствами, потребностями и предпочтениями занятых на них работников.

¹ Достойный труд и Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: материалы МОТ. URL: <https://www.ilo.org/topics-and-sectors/decent-work-and-2030-agenda-sustainable-development> (дата обращения: 26.04.2026).

² Eurofound (2017). Sixth European Working Conditions Survey – Overview report (2017 update), Publications Office of the European Union, Luxembourg. <https://assets.eurofound.europa.eu/f/279033/75885649e5/ef1634en.pdf>; Cazes, S., Hijzen A., Saint-Martin A. (2015). Measuring and Assessing Job Quality: The OECD Job Quality Framework, OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 174, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/5jrj02kjlmr-en>

Альтернативой объективистскому подходу международных организаций в рамках социологии и социальной психологии получил распространение подход к оценке положения человека в сфере труда с позиций концепции субъективного благополучия, ставящей во главу угла индивидуальные оценки своего положения на работе и удовлетворенность различными аспектами занимаемого рабочего места и работой в целом (Diener et al., 2010; Bakker, Oerlemans, 2011; Paralta et al., 2023). Характерная для представителей этого направления опора на субъективные оценки вызывает методологические и методические дискуссии.

Критики такого подхода обоснованно указывают на ограниченную достоверность субъективных оценок, которые подвержены влиянию личностных характеристик и ситуативных обстоятельств. Неучет объективной стороны занятости чреват искажениями, поскольку степень удовлетворенности работников может сильно различаться в зависимости от обстоятельств, вовсе не связанных с работой или же напрямую не зависящих от работодателя. В связи с этим часто ссылаются на теорию заданного уровня (set point theory), в соответствии с которой каждому индивиду генетически свойственен определенный уровень удовлетворенности жизнью и ее аспектами (в том числе работой). Он может меняться под воздействием внешних обстоятельств, но является своеобразным «центром притяжения», к которому человек возвращается по мере того, как новая ситуация становится привычной (Cummins et al., 2014).

Признавая справедливость высказанных аргументов, следует, однако, сказать, что при всей важности объективных характеристик занятости нельзя сбрасывать со счетов субъективную сторону благополучия.

Во-первых, удовлетворенность как таковая представляет собой самостоятельную ценность и важнейшую составляющую благополучия, которая не только благотворна для индивида, но и способна приносить экономическую отдачу через рост инициативы, более ответственное отношение к выполняемым обязанностям, снижение оппортунистического поведения и т. д. Исследования показывают, что количественные измерения человеческих чувств, эмоций и состояний обладают достаточной предсказательной силой (Kaiser, Oswald, 2022) и коррели-

руют с реальным поведением. Например, низкая удовлетворенность работой повышает вероятность последующих увольнений (De Neve, Ward, 2023).

Во-вторых, самостоятельный позитивный или, наоборот, негативный вклад в благополучие работника вносит степень соответствия личностных и профессиональных характеристик, потребностей и предпочтений работника объективным условиям, в которые он поставлен. Мы полагаем, что учет этого соответствия при разработке методологии исследования способствует более полному отражению реального уровня благополучия, чем если принимать во внимание только объективные параметры рабочих мест и ситуации на рынке труда.

Методология и информационная база

В рамках данного исследования количественная оценка благополучия, связанного с работой, основана на индексном методе, который широко применяется в социально-экономических науках для агрегирования индикаторов, характеризующих объект исследования с разных сторон, в комплексную измерительную конструкцию.

Авторский подход к измерению благополучия, связанного с работой, реализован на основе уникальной информационной базы данных мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области (Леонидова и др., 2018). Региональный характер эмпирической базы, с одной стороны, ограничивает возможность распространения выводов на другие территории и страну в целом, с другой стороны — позволяет отследить локальную специфику.

Мониторинг проводится Вологодским научным центром РАН с 1997 года: до 2009 года включительно — ежегодно, с 2011 года — один раз в два года. Метод сбора данных — анкетный опрос населения трудоспособного возраста. Выборочная совокупность формируется на основе районирования с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки — квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки не превышает 3–4% при доверительном интервале 4–5%. Опросы проводятся в крупных городах (Вологда и Череповец) и восьми муниципальных округах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском).

Апробация предлагаемого методического инструментария проведена на данных волны 2024 года. Соответственно, объектом исследования с учетом действующего законодательства выступило население региона в возрасте от 16 до 57 лет для женщин и от 16 до 62 лет для мужчин. Общий объем выборки составил 1500 человек. Для итогового анализа отобраны респонденты, занятые на момент опроса: работающие только на основной работе (59% от общего числа респондентов), имеющие основную и дополнительную работу (10,6%), сочетающие основную работу со случайными приработками (6,3%), а также не имеющие основной работы, но участвующие в случайных приработках (4,1%). Таким образом, объем анализируемой выборки работающего населения в 2024 году составил 1201 человек (80% от исходной выборки в 1500 чел.).

Наш подход к измерению благополучия, связанного с работой, предполагает сопоставление фактологических индикаторов, характеризующих объективную сторону положения индивида в сфере труда, и соответствующих им субъективных оценок по доступному кругу монетарных и немонетарных аспектов, отражающих индивидуальное восприятие объективной ситуации работниками через призму их интересов, потребностей и предпочтений. При отборе индикаторов мы опирались на предшествующие эмпирические исследования качества трудовой жизни, качества занятости и субъективного благополучия работников и учитывали возможности информационной базы, стремясь охарактеризовать ключевые стороны трудовой деятельности и отразить многогранную природу изучаемого явления (Соболева, Черных, 2025).

На сегодняшний день эталонного набора аспектов и характеризующих их индикаторов в исследовательском сообществе не выработано, но более-менее четкий консенсус в отношении ключевых параметров занятости, формирующих благополучие трудящегося населения, все же сформирован. Наряду с заработком, характеризующим материальную сторону благополучия, в их числе, как правило, выделяют такие нематериальные аспекты, как условия труда, возможности самореализации, профессионального развития и карьерного роста, стабильность занятости (гарантии сохранения рабочего ме-

ста), условия для артикуляции интересов и диалога с работодателем, баланс работы и других сфер жизнедеятельности. Некоторые из этих аспектов характеризуют процесс труда как таковой, другие — его институциональное обрамление, третьи — взаимодействие с другими жизненными обстоятельствами, но в совокупности они формируют объемную картину благополучия, связанного с работой.

В данном исследовании с учетом особенностей информационной базы выделены восемь компонентов благополучия, связанного с работой: профессиональное соответствие; самореализация; профессиональное развитие; карьера; защищенность занятости; защита и артикуляция интересов работника; условия труда; доход от занятости (табл. 1). Предложенная структура позволяет учесть как внутренние

Таблица 1. Компоненты и индикаторы оценки благополучия, связанного с работой

Компонент	Индикаторы		
	Фактологические	Оценочные	
		Мнение	Удовлетворенность
Профессиональное соответствие	Соответствие работы полученному образованию	Соответствие квалификации (подготовки) выполняемой работе	Удовлетворенность соответствием квалификации, знаний и умений выполняемой работе
Самореализация	– Соответствие способностям, – соответствие призванию, – вынужденность делать менее интересную работу	Оценка перспективы самореализации в профессии	– Удовлетворенность содержанием работы, – удовлетворенность возможностью проявления креативности на работе
Профессиональное развитие	Вовлеченность в дополнительное образование и повышение квалификации (по основному месту работы; в сторонней организации, самостоятельно)	Оценка перспектив повышения квалификации	Удовлетворенность возможностями обучения, повышения квалификации
Карьера	Изменение должностного положения	Оценка перспектив карьеры	Удовлетворенность возможностями карьерного роста
Защищенность занятости	– Тип контракта, – форма занятости, – вынужденность неоплачиваемого отпуска, – вынужденность перехода на сокращенное рабочее время	– Угроза потери работы, – уплата работодателем страховых взносов	– Удовлетворенность надежностью положения в организации, – удовлетворенность устойчивостью организации
Защита и артикуляция интересов	– Членство в профсоюзе, – нарушения трудовых прав	Возможность диалога с работодателем по отстаиванию трудовых прав	– Удовлетворенность работой профсоюзной либо иной рабочей организации, – удовлетворенность отношениями с руководством организации, – удовлетворенность соблюдением трудового законодательства в организации
Условия труда	– Нагрузка на физические возможности и здоровье, – нагрузка на психическое самочувствие	Возможность диалога с работодателем по улучшению условий труда	– Удовлетворенность условиями труда в целом, – удовлетворенность безопасностью труда, – удовлетворенность технической оснащенностью
Доход от занятости	– Размер заработка, – регулярные задержки, – вынужденность согласиться на уменьшение заработка	Оценка перспективы достойной оплаты труда	– Удовлетворенность заработком, – удовлетворенность системой материального стимулирования
Источник: составлено авторами.			

содержательные характеристики трудовой деятельности, так и ее внешние условия и результаты, формирующие целостное восприятие работником своего положения. Такие компоненты, как профессиональное соответствие, самореализация, профессиональное развитие, карьера и условия труда, непосредственно характеризуют трудовой процесс. Компонентами благополучия, отражающими его институциональное обрамление и инструментальную полезность, являются доход от занятости, защищенность занятости, защита и артикуляция интересов работника. Перечень вопросов, использованных для оценки восьми компонентов благополучия, связанного с работой, подробно представлен в *Приложении*.

Уникальность предлагаемого инструментария оценки обусловлена возможностями информационной базы, позволяющей выстроить трехуровневую систему индикаторов благополучия, связанного с работой. Наряду с объективными фактологическими индикаторами она включает два ряда субъективных оценок, характеризующих разные стороны субъективного благополучия: мнение респондента о тех или иных параметрах рабочего места и удовлетворенность соответствующим аспектом работы. Такая компоновка позволяет преодолеть ограничения, присущие подходам, опирающимся исключительно на одну из этих групп показателей, и получить более релевантную и многомерную картину благополучия, связанного с работой. Первый блок — фактологические показатели — фиксирует объективные параметры трудовой ситуации. Второй блок — оценочные показатели — отражает субъективное восприятие, то есть то, как работа преломляется в сознании респондента. Выделение в оценочном блоке нескольких составляющих (мнений и удовлетворенности) способствует повышению достоверности результатов, поскольку позволяет сгладить влияние ситуативных и личностных факторов, которые могут искажать ответы респондентов.

Для проверки внутренней согласованности (надежности) сформированного интегрального индекса и компонентных субиндексов (чтобы показать, что вопросы, вошедшие в каждый индекс, действительно согласованы между собой) был рассчитан коэффициент Альфа Кронбаха. Интегральный индекс благополучия, связан-

ного с работой, демонстрирует высокую надежность / согласованность ($\alpha = 0,866$ по 44 отдельным переменным; $\alpha = 0,857$ по 8 компонентным субиндексам). Субиндексы «Самореализация» (6 переменных; $\alpha = 0,616$), «Профессиональное развитие» (5 переменных; $\alpha = 0,687$), «Защищенность занятости» (8 переменных; $\alpha = 0,635$), «Защита и артикуляция интересов» (6 переменных; $\alpha = 0,601$), «Доход от занятости» (6 переменных; $\alpha = 0,600$) характеризуются приемлемой надежностью. Субиндексы «Профессиональное соответствие» (3 переменных; $\alpha = 0,417$), «Карьера» (3 переменных; $\alpha = 0,475$), «Условия труда» (6 переменных; $\alpha = 0,389$) имеют невысокую, но допустимую для небольших шкал внутреннюю согласованность.

Для обеспечения ясности изложения и устранения терминологической путаницы рассмотрим содержание рассчитываемых индексов:

1) интегральный индекс благополучия, связанного с работой ($ИИ_{\text{благ}}$) — обобщающий показатель, характеризующий уровень благополучия, связанного с работой, в целом;

2) компонентные субиндексы — показатели, характеризующие уровень благополучия по каждому из восьми выделенных аспектов; каждый компонентный субиндекс оценивается по трем типам индикаторов (фактологические показатели, мнение, удовлетворенность);

3) субиндексы по видам индикаторов — показатели, характеризующие интегральный уровень благополучия в разрезе способа измерения:

— фактологический субиндекс ($СИ_{\text{факт}}$) — суммирует объективные (фактологические) показатели по всем восьми компонентам благополучия,

— субиндекс удовлетворенности ($СИ_{\text{удовл}}$) — включает показатели удовлетворенности по всем восьми компонентам благополучия,

— субиндекс мнений ($СИ_{\text{мнение}}$) — включает когнитивные оценки по всем восьми компонентам благополучия.

Данная система индексов позволяет выявить как проблемные зоны в сфере труда, так и специфику их восприятия. Значительное превышение субиндекса удовлетворенности над фактологическим может быть маркером адаптивной рационализации ожиданий и притязаний в объективно неблагоприятных условиях (Sen, 1992; Burchardt, 2005).

Интегральный индекс благополучия, связанного с работой, рассчитывается как среднее арифметическое значений компонентных субиндексов, каждый из которых в свою очередь рассчитывается как среднее арифметическое нормализованных значений входящих в него частных показателей (все использованные переменные приведены в стандартизованный вид со значениями в интервале от 0 до 1; см. подробнее в *Приложении*). Область значений всех рассчитанных индексов находится в интервале от 0 до 1, где 0 соответствует минимально возможному уровню благополучия, а 1 — максимально возможному.

Интерпретация рассчитанных индексов осуществляется как по средним значениям, так и на основе равноинтервальной шкалы, разделенной на четыре качественных уровня с шагом 0,25: низкий уровень (0–0,249), уровень ниже среднего (0,25–0,499), уровень выше среднего (0,5–0,749), высокий уровень (0,75–1). Подобная градация обеспечивает наглядность анализа, позволяет проводить сравнительный анализ и выявлять целевые группы для разработки корректирующих мер.

В числе ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов и которые задают направления для дальнейших исследований, следует отметить отказ от взвешивания компонентов благополучия при конструировании интегрального индекса. Данное решение, хотя и может рассматриваться как дискуссионное, основано на теоретической предпосылке о равной значимости каждого из восьми аспектов и согласуется с практикой многих известных индексных разработок³, позволяя избежать субъективности в определении весовых коэффициентов. В то же время присвоение равных весов всем восьми компонентам может не отражать реальную дифференциацию их значимости для разных групп работников. В перспективе возможно включение в расчеты весов, полученных на основе факторного анализа или экспертных оценок.

³ В числе наиболее известных индексов, рассчитанных по такой схеме, относятся индекс человеческого развития ПРООН (<https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI>), Индекс лучшей жизни ОЭСР (<https://www.oecd.org/en/data/tools/well-being-data-monitor/better-life-index.html>).

Другим важным ограничением является статичность измерения. Рассчитанные индексы фиксируют состояние на момент опроса и не отражают тенденции изменения уровня и структуры благополучия, связанного с работой. Однако мониторинговый характер информационной базы дает возможность в дальнейшем исследовать тренд изменений профиля благополучия, связанного с работой, в регионе.

Для проверки в ходе исследования были обоснованы и сформулированы следующие гипотезы.

1. В последние годы обострившийся дефицит рабочей силы способствовал укреплению конкурентных позиций работников на рынке труда, что нашло выражение в росте заработных плат. При этом на фоне ускорившегося роста цен номинальные доходы от занятости увеличивались более высокими темпами по сравнению с реальными, что могло способствовать завышенной позитивной оценке изменений (Соболева, Соболев, 2025). Отсюда можно предположить, что *в современных реалиях благополучие, связанное с работой, находится на высоком уровне или по крайней мере на уровне выше среднего, что в большой степени обусловлено превышением субъективных индикаторов благополучия над фактологическими*.

2. Особенностью отечественной экономики, истоки которой берут начало в плановой советской системе, является относительно низкий уровень оплаты труда в сочетании с ориентацией на полную занятость и высокими институциональными гарантиями сохранения рабочих мест (Соболев, Соболева, 2022). Поэтому можно предположить, что *наиболее заметной зоной уязвимости общего профиля благополучия, связанного с работой, выступает его монетарный аспект, сопряженный с недостаточностью заработной платы для удовлетворения базовых потребностей на социально приемлемом уровне, а его сильной стороной — стабильность занятости*.

3. «Пропуском», дающим доступ к хорошим рабочим местам, открывающим перспективы стабильного профессионального и карьерного роста, традиционно считается образование. В то же время в современных условиях заметен тренд предпочтения гибкой нестандартной занятости, дающей свободу

распоряжения временем и относительно высокий заработок, в том числе среди молодых образованных и вполне конкурентоспособных работников (Баймурзина и др., 2024; Стребков, Шевчук, 2022). Тем не менее мы предполагаем, что на сегодняшний день в отсутствие эффективной инфраструктуры обеспечения прав и гарантий, распространяющейся на новые нестандартные формы занятости, *в разрезе категорий работников более уязвимый профиль благополучия, связанного с работой, наряду с обладателями относительно низкого уровня образования могут иметь занятые в нестандартных условиях, а также занятые в первичном секторе экономики.*

4. Существует довольно большой пласт литературы, посвященный дискриминации работников по возрасту (Клепикова, Колосницyna, 2017; Козина, Зангиева, 2018; Ashwin et al., 2021). В то же время данные Комплексного наблюдения условий жизни населения фиксируют в старших возрастных группах наиболее высокие показатели удовлетворенности различными аспектами работы. В последние годы в связи с нехваткой рабочей силы опытные работники, в том числе старших возрастов, стали более востребованы во многих секторах экономики. С учетом этих обстоятельств можно предположить, что *уровень благополучия, связанного с работой, слабо коррелирует с возрастом, но тес-*

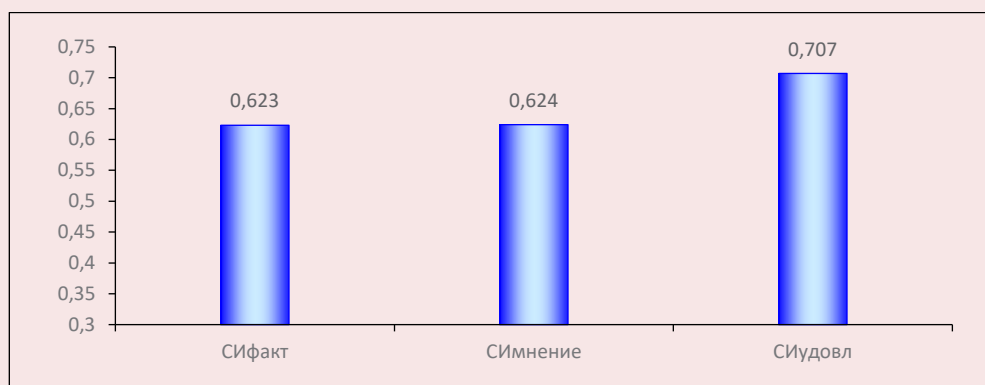
но взаимосвязан с качественными характеристиками трудового потенциала работника.

Результаты и обсуждение

Первая гипотеза — ожидание высокого уровня благополучия, связанного с работой, прежде всего за счет вклада субъективных оценок — в основном подтвердилась. Проведенные расчеты показали, что значения всех субиндексов благополучия по видам индикаторов находятся в зоне выше среднего, а интегральный индекс составил 0,644, т. е. попадает примерно в середину третьего интервала (средний и выше среднего). При этом самые высокие значения наблюдаются для индикаторов удовлетворенности. Любопытно отметить, что значения фактологического субиндекса и субиндекса мнений очень близки и составляют 0,623 и 0,624 соответственно (рис. 1). В то же время субиндекс удовлетворенности составил 0,707, что очень близко к верхней границе интервала «средний и выше среднего» и подтверждает ожидаемый результат «всплеска» удовлетворенности на фоне ускорившейся повышательной динамики зарплаток.

В ходе исследования была выявлена важная взаимосвязь: индивидуальные оценки уровня благополучия, связанного с работой, практически по всем компонентам находятся в прямой зависимости от уровня материального благосостояния семьи, т. е. «благополучные» работники

Рис. 1. Субиндексы благополучия, связанного с работой, по видам индикаторов

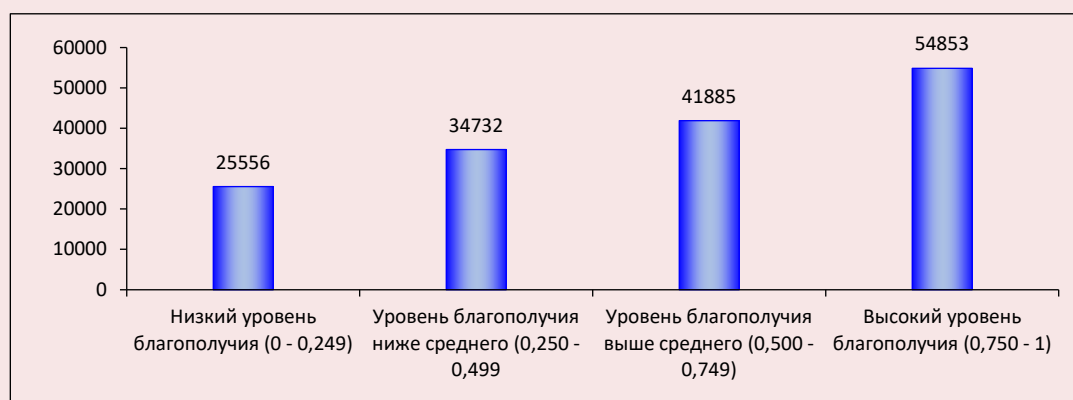
Примечание: СИ_{факт} — фактологический субиндекс; СИ_{мнение} — субиндекс мнений; СИ_{удовл} — субиндекс удовлетворенности.

Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2024 г.; расчеты авторов.

с более высокими значениями интегрального индекса получают более высокую заработную плату (рис. 2а, 2б). Кроме того, если у респондентов, для которых «покупка большинства товаров не вызывает трудностей», интегральный индекс благополучия, связанного с работой, достигает значения 0,694, а субиндекс удовлетворенности выходит в зону высокого уровня (0,750), то для работников, испытывающих затруднения даже с приобретением продуктов питания, соответствующие значения существен-

но ниже (интегральный индекс 0,564, субиндекс удовлетворенности 0,602). С учетом того что рамку материальных возможностей домохозяйств образуют доходы от занятости, составляющие более 60% совокупного объема доходов (Леонидова и др., 2026), наблюдавшаяся в последние годы повышательная динамика заработной платы могла сопровождаться «эффектом перелива», оказывающим позитивное воздействие на все аспекты субъективной стороны благополучия работника.

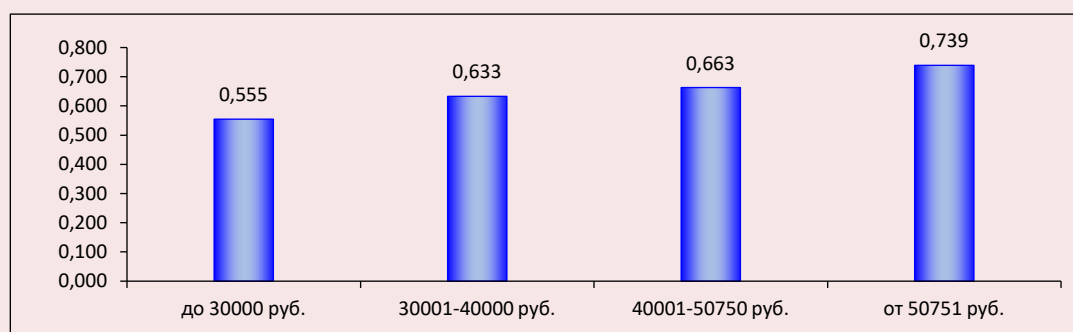
Рис. 2а. Размер заработной платы в разрезе уровней интегрального индекса благополучия, связанного с работой, руб.

Примечание. Для оценки статистических различий между средними значениями заработной платы по уровням интегрального индекса благополучия, связанного с работой, применялся непараметрический критерий Краскела – Уоллиса. Распределение зарплаты статистически значимо различается ($p < 0,05$).

Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2024 г.; расчеты авторов.

Рис. 2б. Значения интегрального индекса благополучия, связанного с работой, по квартилям заработной платы, руб.

Примечание. Для оценки статистических различий между значениями индекса благополучия, связанного с работой, по квартилям зарплаты применялся непараметрический критерий Краскела – Уоллиса. Распределение значений индекса статистически значимо различается ($p < 0,05$).

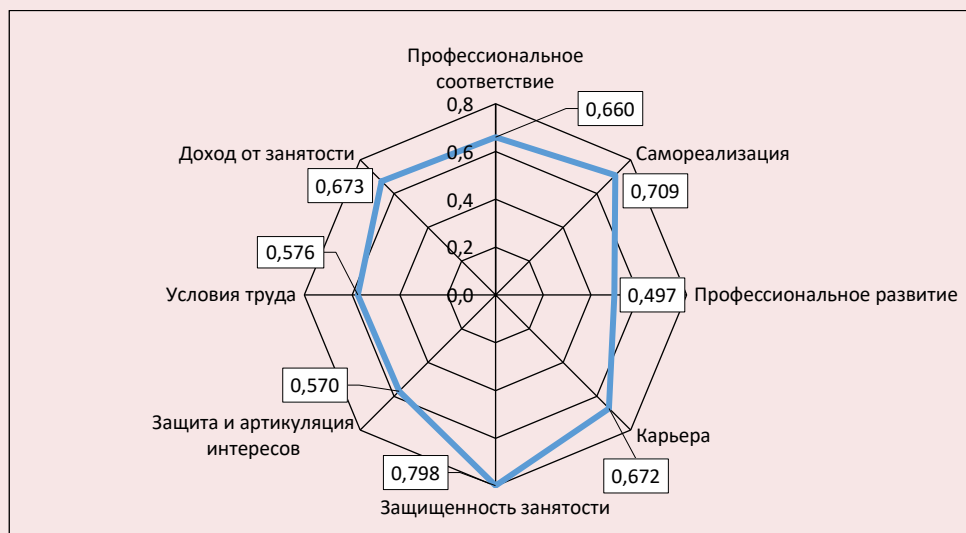
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2024 г.; расчеты авторов.

Вторая гипотеза, касающаяся ожидаемых уязвимых зон и сильных сторон профиля благополучия, связанного с работой, подтвердилась частично. В соответствии с нашими предположениями по компоненту «защищенность занятости» уровень благополучия стал самой высокой точкой профиля благополучия (0,798). Следует отметить, что это единственный аспект, попадающий в наиболее благополучный четвертый интервал (высокий уровень; *рис. 3*). Это полностью согласуется с особенностями отечественной трудовой модели, ставящей во главу угла устойчивость и надежность занятости (Соболев, 2015). В нашем обследовании подавляющее большинство респондентов заняты на постоянной основе (88%) на условиях полного рабочего дня (75%), т. е. их занятость прочно защищена законодательством.

В то же время, вопреки ожиданиям, монетарный аспект благополучия не попал в число уязвимых зон. Значение субиндекса по компоненту «доход от занятости» составляет 0,673,

что даже несколько выше значения интегрального индекса (среднеарифметического всех аспектов), и относит этот компонент в зону выше среднего уровня благополучия. Можно предположить, что такой результат отражает отмеченный эффект повышательной динамики зарплаток и, соответственно, улучшения монетарного благосостояния домохозяйств. Однако для многих категорий работников некоторый рост доходов не решил проблему недостаточности заработной платы для удовлетворения базовых потребностей на социально приемлемом уровне. Так, опрос, проведенный исследовательским центром портала Superjob⁴ в феврале 2026 года, показал, что 26% россиян считают недостаточными зарплаты педагогов и воспитателей, 16% — врачей, фельдшеров и медсестер. Наши исследования свидетельствуют, что 65% молодых учителей в школах Вологодской области не удовлетворены уровнем своей заработной платы (Белехова, Леонидова, 2023).

Рис. 3. Компонентные субиндексы благополучия, связанного с работой, 2024 год

Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2024 г.; расчеты авторов.

⁴ Учителя, медики, рабочие и инженеры — самые недооцененные работники по мнению россиян. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/115676/uchitelya/> (дата обращения: 14.03.2026). Данные исследовательского центра портала Superjob.ru. В открытом опросе SuperJob приняли участие 1600 представителей экономически активного населения из всех округов страны.

Тем не менее на текущий момент наиболее острые проблемные зоны профиля благополучия, связанного с работой, приходятся на его немонетарные аспекты. Самое низкое значение (0,497) отмечено в аспекте профессионального развития. Отметим, что это единственный компонентный субиндекс, попадающий в зону ниже среднего уровня благополучия. Этот тревожный результат отражает имеющиеся на предприятиях и в организациях проблемы с ограниченными возможностями для повышения квалификации работников. Каждый третий респондент (30%) отметил, что система повышения квалификации на предприятии отсутствует (Попов и др., 2026). В условиях, когда трансформационные процессы в экономике требуют от работника постоянной подстройки под динамично изменяющиеся требования рабочих мест, обновления и расширения навыков и компетенций, выявленный провал по компоненту «профессиональное развитие» чреват серьезными негативными последствиями как для благополучия работников, так и для экономики региона.

Еще одной проблемной зоной выступает «защита и артикуляция интересов» (0,570), что, по-видимому, связано с невыраженностью в рабочих коллективах функций профсоюзных органов и возможными нарушениями трудовых прав. Последнее подтверждает тот факт, что 32% опрошенных затруднились дать однозначный ответ об уплате предприятием, на котором они заняты, страховых взносов. О неразвитости инфраструктуры, обеспечивающей представительство интересов работников, свидетельствует низкая вовлеченность в профсоюзное движение. По данным опроса, всего 13% респондентов являются членами профсоюзов.

Третья гипотеза, касающаяся факторов, влияющих на уровень благополучия, связанного с работой, в основных чертах подтвердилась. Важнейшими факторами, позитивно влияющими на уровень благополучия, являются уровень образования и устойчивость занятости. Однако исследование позволило выявить ряд нюансов и исключений. Прежде всего это касается фактора образования.

Практически все значения компонентных субиндексов у обладателей высшего профессионального образования выше, чем у респонден-

тов с образованием более низкого уровня⁵. Для всех образовательных категорий компонентный субиндекс «защищенности занятости» имеет самые высокие значения и попадает в четвертый интервал (высокий уровень благополучия). В категории работников с высшим образованием он составляет 0,832, со средним профессиональным — 0,771, с неполным средним и начальным профессиональным — 0,802. В то же время важно отметить, что связь более высокой удовлетворенности работой и высшего образования у работников не является абсолютной. Более важный фактор — соответствие профиля полученного профессионального образования требованиям рабочего места. При наличии такого соответствия вероятность высокой удовлетворенности возрастает, при его отсутствии — снижается. Этот результат согласуется с выводами ряда других исследований.

В разрезе форм занятости по оценкам благополучия четко выделяются группы работников. Первую группу составляют работники, оформленные по постоянному контракту в соответствии с требованиями Трудового кодекса РФ. Вторую — имеющие временную, сезонную, платформенную занятость, а также перебивающиеся случайными заработками и работающие вахтовым способом. Как показывают расчеты, представителей первой группы отличают более высокие оценки благополучия, связанного с работой, по сравнению с большинством занятых в нестандартных условиях (табл. 2). Это подтверждается и результатами исследований, проведенных на данных Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата (Черных, 2023; Соболева и др., 2025).

Из общей картины выбивается лишь одна категория работников с нестандартной занятостью — работающие вахтовым способом. Вахтовики показывают не только самый высокий уровень монетарного благополучия, что вполне предсказуемо, но и лидерство по таким компонентам, характеризующим уровень и пер-

⁵ Для оценки статистических различий между средними значениями индексов по образовательным группам применялся расчет непараметрического критерия Краскала — Уоллиса. Для интегрального индекса благополучия, связанного с работой, и для всех компонентных субиндексов, за исключением субиндекса «Условия труда», различия статистически значимы ($p < 0,05$).

Таблица 2. Компонентные субиндексы благополучия, связанного с работой, в разрезе форм занятости

Субиндекс	Постоянная / регулярная занятость	Временная занятость	Сезонная занятость	Случайная / эпизодическая занятость	Вахтовая занятость	Платформенная занятость
Субиндекс «Профсоответствие»*	0,681	0,420	0,482	0,342	0,581	0,417
Субиндекс «Самореализация»*	0,720	0,603	0,622	0,431	0,786	0,458
Субиндекс «Профессиональное развитие»	0,503	0,466	0,352	0,347	0,659	0,208
Субиндекс «Карьера»*	0,683	0,546	0,624	0,458	0,795	0,450
Субиндекс «Защищенность занятости»*	0,815	0,636	0,632	0,411	0,804	0,531
Субиндекс «Защита и артикуляция интересов»*	0,581	0,452	0,493	0,385	0,529	0,525
Субиндекс «Условия труда»	0,577	0,554	0,600	0,498	0,529	0,507
Субиндекс «Доход от занятости»	0,680	0,620	0,593	0,500	0,866	0,424
Интегральный индекс благополучия, связанного с работой*	0,655	0,537	0,550	0,422	0,694	0,440
Примечание. Для оценки статистических различий между средними значениями индексов по формам занятости применялся расчет непараметрического критерия Краскела – Уоллиса. Звездочкой (*) отмечены индексы, по которым различия статистически значимы ($p < 0,05$). Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2024 г.; расчеты авторов.						

спективы развития человеческого потенциала, как «самореализация», «профессиональное развитие», «карьера». Среди респондентов-вахтовиков большую долю составили водители-дальнобойщики (57%). В то же время исследования Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН совместно с Национальным автомобильным союзом (НАС) выявили парадокс, заключающийся в том, что, несмотря на высокий уровень удовлетворенности, больше половины дальнобойщиков меняли место работы в течение последних трех лет⁶. Возможно, их высокие оценки связаны с имеющимися для этой социально-профессиональной группы льготами и компенсациями за вредные условия труда, прописанными в Трудовом кодексе РФ и других законодательных актах (наличие дополнительного оплачиваемого отпуска, право на досрочную пенсию и т. д.). В свете этого обстоятельства объясни-

мым становится высокое значение компонента «защищенность занятости» (0,804). Кроме того, высокий уровень монетарного благополучия (компонент «доход от занятости» для этой категории работников – 0,866) сопряжен, как отмечалось, с эффектом перелива, что может позитивно влиять на весь рисунок профиля благополучия. Аналитики hh.ru, российской рекрутинговой онлайн-платформы, выяснили, что медианная предлагаемая зарплата в вахтовых вакансиях в целом по России составила в I квартале 2025 года 154,5 тыс. руб., что в два раза превышает средний уровень предложений по рынку труда (74 тыс. руб.)⁷.

В то же время уровень благополучия представителей остальных форм неустойчивой занятости: временной, сезонной, платформенной и эпизодической – относительно низкий, в особенности в группе работников со «случайными подработками». По аспекту «профессиональное соответствие» субиндекс составляет лишь 0,342. Низкие оценки фиксируются и у

⁶ Эксперты выяснили, какую зарплату дальнобойщики считают для себя справедливой. URL: <https://e1-card.ru/blog/v-rejse/eksperty-vyyasnili-kakuyu-zarplatu-dalnobojshchiki-schitayut-dlya-sebya-spravedlivoj> (дата обращения: 14.03.2026).

⁷ Зарплата на вахте в два раза выше средней по рынку. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2025-04-28_zarplata_na_vahte_v_dva_raza (дата обращения: 14.02.2026).

представителей платформенной занятости, для которых наиболее проблемным компонентом также выступает «профессиональное развитие». Выявленные среди респондентов с неустойчивой занятостью проблемные зоны свидетельствуют о повышенной уязвимости данных категорий, что указывает на необходимость специальных усилий по их поддержке.

Наряду с работниками неустойчивых форм занятости в зоне уязвимости находятся занятые в первичном секторе экономики (табл. 3). Такое положение, вероятно, может объясняться спецификой аграрного труда (сезонный характер занятости, территориальная удаленность рабочих мест, ограниченные возможности для профессионального роста и коллективной защиты интересов и т. п.).

По большинству компонентов благополучия, связанного с работой, в лидеры выходит вторичный сектор (промышленность). Выраженными зонами уязвимости для занятых здесь работников выступают условия труда (0,543), профессиональное развитие (0,526), защита и артикуляция интересов (0,567). Этот результат вполне ожидаем. На промышленность, особенно добывающую, приходится значительная

доля занятости в неблагоприятных условиях⁸. Что же касается профессионального развития и отстаивания интересов, эти аспекты существенно «проседают» по всем категориям работников, что, как уже отмечалось, является очень тревожным симптомом, чреватый многоплановыми негативными последствиями.

Сопоставляя индикаторы благополучия занятых в промышленности и в третичном секторе, следует иметь в виду, что по сравнению с материальным производством последний значительно менее однороден и характеризуется большим разнообразием условий труда и форм занятости. В рамках этого сектора самые низкие значения как фактологических, так и оценочных компонентных субиндексов дают работники торговли (их интегральный индекс благополучия равен 0,595), а также работники вида экономической деятельности «гостиницы и рестораны» (0,629). Такой результат в целом ожидаем с учетом того, что средняя заработная плата в торговле, несмотря на ее существенный рост, спровоцированный обострением дефицита кадров, остается примерно на треть ниже, чем в целом по России⁹.

Таблица 3. Компонентные субиндексы благополучия, связанного с работой, в разрезе секторов экономики

Субиндекс	Сельское хозяйство (первичный сектор)	Промышленность (вторичный сектор)	Сфера услуг (третичный сектор)
Субиндекс «Профсоответствие»	0,613	0,677	0,664
Субиндекс «Самореализация»*	0,651	0,747	0,707
Субиндекс «Профессиональное развитие»	0,462	0,526	0,492
Субиндекс «Карьера»*	0,671	0,713	0,661
Субиндекс «Защищенность занятости»	0,768	0,795	0,799
Субиндекс «Защита и артикуляция интересов»	0,544	0,567	0,567
Субиндекс «Условия труда»*	0,597	0,543	0,579
Субиндекс «Доход от занятости»*	0,692	0,717	0,653
Интегральный индекс благополучия, связанного с работой	0,625	0,661	0,640
Примечание. Для оценки статистических различий между средними значениями индексов по секторам экономики применялся расчет непараметрического критерия Краскела – Уоллиса. Звездочкой (*) отмечены индексы, по которым различия статистически значимы ($p < 0,05$).			
Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2024 г.; расчеты авторов.			

⁸ Следует отметить, что рабочие места с вредными условиями труда имеют 40% обрабатывающих предприятий России. Удельный вес численности работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в организациях Российской Федерации по отдельным видам экономической деятельности (на конец 2024 года), таблицы. URL: https://www.rosstat.gov.ru/working_conditions (дата обращения: 23.02.2026).

⁹ HeadHunter: средняя зарплата продавцов выросла на 15%. URL: <https://www.audit-it.ru/news/personnel/1121301.html> (дата обращения: 12.02.2026).

Безусловное подтверждение получила четвертая гипотеза, увязывающая благополучие с качеством трудового потенциала работника.

Исследование показало, что возрастной профиль благополучия, связанного с работой, является в целом сглаженным (табл. 4). По большинству аспектов несколько менее благополучной выглядит самая младшая возрастная группа, что может объясняться как завышенным уровнем притязаний, так и тем обстоятельством, что среди 18–24-летних работников высока доля не пожелавших или еще не успевших получить достаточное профессиональное образование, т. е. не возрастом как таковым, а характеристиками трудового потенциала. Этот вывод в целом согласуется с результатами ряда других исследований (Paul, Phua, 2011; Карташевич и др., 2015; Кучеренко, 2024; Черных, 2023).

В то же время, согласно проведенным расчетам, высокий уровень благополучия работни-

ка соответствует более высокой оценке качественных характеристик его трудового потенциала (Леонидова и др., 2018). Данная связь прослеживается и по фактологическому и оценочным субиндексам благополучия (табл. 5). Полученные результаты позволяют предположить наличие взаимосвязи между качеством трудового потенциала и уровнем благополучия работника: более высокие качественные характеристики соотносятся с более высоким уровнем благополучия.

Связь благополучия и качества трудового потенциала подтверждается не только комбинационными таблицами, но и коэффициентами корреляции (табл. 6). Между индексом благополучия, связанным с работой ($ИИ_{\text{благ}}$), и индексом качества трудового потенциала ($И_{\text{КТП}}$) существует статистически значимая положительная связь: умеренная по Кендаллу ($\tau = 0,317$, $p < 0,01$); заметная – по Спирману ($\rho = 0,456$, $p < 0,01$).

Таблица 4. Компонентные субиндексы благополучия, связанного с работой, в разрезе возраста работников

Компонентный субиндекс	Возраст			
	18–24 года	25–29 лет	30–49 лет	от 50 лет
Субиндекс «Профсоответствие»	0,583	0,695	0,663	0,659
Субиндекс «Самореализация»	0,644	0,725	0,719	0,693
Субиндекс «Профессиональное развитие»*	0,498	0,559	0,502	0,456
Субиндекс «Карьера»	0,680	0,712	0,675	0,647
Субиндекс «Защищенность занятости»	0,760	0,814	0,803	0,788
Субиндекс «Защита и артикуляция интересов»	0,511	0,592	0,573	0,572
Субиндекс «Условия труда»	0,570	0,580	0,571	0,588
Субиндекс «Доход от занятости»	0,670	0,685	0,678	0,655
Интегральный индекс благополучия, связанного с работой	0,614	0,670	0,648	0,632

Примечание. Для оценки статистических различий между средними значениями индексов по возрастным группам применялся расчет непараметрического критерия Краскела – Уоллиса. Звездочкой (*) отмечены индексы, по которым различия статистически значимы ($p < 0,05$).

Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2024 г.; расчеты авторов.

Таблица 5. Значения индекса качества трудового потенциала в разрезе уровней субиндексов благополучия, связанного с работой

Субиндекс	Уровень субиндексов благополучия			
	Низкий	Ниже среднего	Выше среднего	Высокий
Фактологический субиндекс ($СИ_{\text{фактол}}$)	0,570	0,652	0,682	0,708
Субиндекс мнений ($СИ_{\text{мнение}}$)	0,641	0,645	0,687	0,703
Субиндекс удовлетворенности ($СИ_{\text{удовл}}$)	0,617	0,652	0,662	0,705
Интегральный индекс благополучия, связанного с работой ($ИИ_{\text{благ}}$)	0,572	0,639	0,672	0,722

Источники: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, 2024 г.; расчеты авторов.

Таблица 6. Теснота парной связи независимых переменных – индекса благополучия, связанного с работой, и индекса качества трудового потенциала

Показатель			ИИ _{благ}	И _{кп}
Тай-в Кендалла	ИИ _{благ}	Коэффициент корреляции	1,000	0,317**
		Знач. (двухсторонняя)		0,000
Ро Спирмана	ИИ _{благ}	Коэффициент корреляции	1,000	0,456**
		Знач. (двухсторонняя)		0,000
** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).				

Выявленная связь имеет двунаправленный характер и показывает, что, с одной стороны, более высокое качество трудового потенциала (навыки, компетенции, состояние здоровья и др.) соответствует более высокому уровню благополучия, связанного с работой, с другой стороны, более благополучные работники, как правило, обладают более высокими характеристиками трудового потенциала. Однако подчеркнем, что корреляция не равна причинно-следственной связи: нельзя утверждать, что одно напрямую вызывает другое. Возможно как взаимное влияние (рост качества трудового потенциала повышает благополучие, связанное с работой, а более высокое благополучие способствует развитию трудового потенциала), так и влияние третьей переменной (например, корпоративной культуры). Точный механизм связи благополучия работника и трудового потенциала требует дополнительного исследования.

Заключение

Проведенный эмпирический анализ регионального профиля благополучия, связанного с работой, показал, что использование этой концепции в качестве методологической рамки дает возможность целостной диагностики благополучных и уязвимых зон положения работающего населения на микроуровне и его связи с характеристиками работников и рабочих мест.

В рамках исследования был выдвинут и проверен ряд гипотез, что позволило получить следующие результаты.

1. По большинству ключевых аспектов уровень благополучия, связанного с работой, является довольно высоким, что в значительной степени обусловлено высокой составляющей удовлетворенности. Субиндексы удовлетворенности существенно выше по сравнению с субиндексом мнений и фактологическими индикаторами.

2. Оценки уровня благополучия, связанного с работой, практически по всем его аспектам находятся в прямой зависимости от уровня материального благосостояния семьи. Для работников с низкими доходами недостаточность заработной платы выступает сдерживающим фактором по всем аспектам профиля благополучия, связанного с работой, в том числе немонетарным. В то же время вопреки первоначальной гипотезе монетарный аспект благополучия (доход от занятости) на сегодняшний день не входит в число наиболее уязвимых зон профиля благополучия. Возможно, это связано с наблюдавшейся в последние годы повышательной динамикой заработной платы.

3. Как наиболее благополучные, так и наиболее острые проблемные зоны профиля благополучия, связанного с работой, приходятся на его немонетарные аспекты. Высокий уровень благополучия по таким аспектам, как защищенность занятости и самореализация, контрастирует с низкими индексами профессионального развития и защиты интересов работников. Это указывает на устойчивость модели занятости, для которой характерен приоритет поддержания стабильности при одновременном дефиците возможностей для роста и социального диалога.

4. Важнейшими факторами, позитивно влияющими на уровень благополучия, являются уровень профессионального образования при условии его соответствия требованиям рабочего места и устойчивость занятости. Практически все компонентные субиндексы благополучия у респондентов с высшим образованием больше, чем у работников с менее высоким уровнем образования. В то же время обладатели высшего образования, не работающие по специальности, лишаются значительной части сопряженных с образованием монетарных

и немонетарных выгод. В зону неблагополучия попадают работники, занятые на нестандартных условиях и в первичном секторе экономики. Это может создавать очаги напряженности и требует адресной проработки.

5. Обнаружена положительная корреляция между уровнем благополучия и качеством трудового потенциала, что подчеркивает не только социальную, но и экономическую целесообразность инвестиций в укрепление благополучия, связанного с работой. Повышение благополучия работников сопряжено с ростом их человеческого капитала и, как следствие, с повышением производительности труда.

Ограничениями примененного в данном исследовании инструментария выступают его статичность, использование равновзвешенной схемы построения индексов, а также его ре-

гиональный характер, что, однако, задает направления для дальнейших изысканий. Перспективы работы видятся в проведении сопоставительного анализа с привлечением общероссийских баз данных (таких как КОУЖ и РМЭЗ) и в более глубоком исследовании причинно-следственных связей между благополучием и другими доступными социально-экономическими показателями.

Таким образом, разработанный инструментарий открывает возможности для мониторинга, межрегиональных сравнений и выработки обоснованных управленческих решений как на корпоративном, так и на региональном уровне, направленных на формирование более качественной и достойной занятости, способствующей улучшению положения человека в сфере труда.

Литература

- Баймурзина Г.Р., Бессокирная Г.П., Бочаров В.Ю. [и др.] (2024). Труд в меняющемся мире: трансформации в трудовой сфере и фокус новых исследований (круглый стол) // Социологические исследования. Т. 50. № 5. С. 3–26. DOI: 10.31857/S0132162524050019
- Белехова Г.В., Леонидова Г.В. (2023). Качество трудовой жизни школьных учителей: опыт измерения в Вологодской области // Уровень жизни населения регионов России. Т. 19. № 4. С. 483–500. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_2_483_500
- Карташевич Е.В., Агишева А.В., Григорьева А.А. (2015). Применение эконометрических методов в системе оценки удовлетворенности персонала // Символ науки. № 9. С. 142–148.
- Клепикова Е.А., Колосницына М.Г. (2017). Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. Т. 15. № 1. С. 69–88. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.104
- Козина И.М., Зангиева И.К. (2018). Государственное и рыночное регулирование трудовой активности пенсионеров // The Journal of Social Policy Studies. Т. 16 (1). С. 7–22. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-7-22
- Корогодин И.Т. (2021). Качество труда как система, его проявление в росте производительности под влиянием цифровой технологии // Экономика труда. Т. 8. № 1. С. 11–22. DOI: 10.18334/et.8.1.110979
- Кучеренко К.С. (2024). Удовлетворенность трудом как элемент развития профессионального потенциала работников в условиях старения населения // Экономика труда. Т. 11. № 10. С. 1649–1664. DOI: 10.18334/et.11.10.121855
- Леонидова Г.В. (2023) Риски и возможности трудоустройства не по специальности (на материалах регионального мониторинга) // Проблемы развития территории. Т. 27. № 3. С. 61–78. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.5
- Леонидова Г.В., Россошанская Е.А., Попов А.В. (2018). Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет исследований / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 193 с.
- Леонидова Г.В., Соловьева Т.С., Белехова Г.В., Колесов А.А. (2026). Труд и занятость в регионах Северо-Запада России: научно-справочный атлас / под общей ред. А.А. Шабуновой, О.Н. Калачиковой. Вологда: ВолНЦ РАН. 95 с.
- Мельников Р.М. (2018). Соответствие профиля образования сфере профессиональной деятельности как фактор формирования трудовых доходов и удовлетворенности работой в российских условиях // Экономический анализ: теория и практика. Т. 17. № 2. С. 232–248. DOI: 10.24891/ea.17.2.232

- Попов А.В., Соловьева Т.С., Белехова Г.В., Леонидова Г.В. (2026). Социально-трудовая сфера регионов Северо-Запада России: территориальные диспропорции и центр-периферийные различия: аналитический доклад / под ред. А.А. Шабуновой, А.В. Попова. Вып. 2. Вологда: ВолНЦ РАН. 67 с.
- Соболев Э.Н. (2015). Российские трудовые отношения и трудовой менталитет в условиях рыночной трансформации // *Россия и современный мир*. № 1 (86). С. 48–57.
- Соболев Э.Н., Соболева И.В. (2022). Российская трудовая модель и политика занятости // *Общество и экономика*. № 3. С. 22–34. DOI: 10.31857/S020736760019059-3
- Соболева И.В., Баскакова М.Е., Кубишин Е.С. [и др.] (2025). Монетарные и немонетарные аспекты благополучия, связанного с работой, в российской экономике: научный доклад. Москва: ИЭ РАН. 53 с.
- Соболева И.В., Соболев Э.Н. (2025). Благополучие работников в трудодефицитной экономике // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 5. С. 7–26. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_7_26
- Соболева И.В., Черных Е.А. (2025). Благополучие, связанное с работой: концепция и методологические подходы к измерению // *Вопросы теоретической экономики*. № 4. С. 7–19. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_7_19
- Стребков Д.О., Шевчук А.В. (2022). Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики. 527 с.
- Черных Е.А. (2023). Динамика и детерминанты удовлетворённости работой россиян в характеристике человеческого потенциала // *Уровень жизни населения регионов России*. Т. 19. № 2. С. 199–215. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215
- Шабунова А.А., Бабич Л.В., Леонидова Г.В. (2026). Категория «благополучие»: концептуализация и оценка с позиций социо-эколого-экономического подхода // *Вестник Российской академии наук*. Т. 96. № 3. С. 218–231. DOI: 10.7868/S3034520026030029
- Ashwin S., Keenan K., Kozina I.M. (2021). Pensioner employment, well-being, and gender: Lessons from Russia. *American Journal of Sociology*, 127(1), 152–193. DOI: 10.1086/715150
- Bakker A.B., Oerlemans W. (2011). Subjective well-being in organizations. *Oxford Handbook Positive Organ. Scholarsh.*, 49, 178–189. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199734610.013.0014
- Burchardt T. (2005). Are one man's rags another man's riches? Identifying adaptive expectations using panel data. *Social Indicators Research*, 74, 57–102. DOI: 10.1007/s11205-005-6519-y
- Cummins R., Li N., Wooden M., Stokes M. (2014). A demonstration of set-points for subjective wellbeing. *Journal of Happiness Studies*, 15(1), 183–206. DOI: 10.1007/s10902-013-9444-9
- De Neve J-E., Ward G. (2023). *Measuring Workplace Wellbeing*. University of Oxford Wellbeing Research Centre. Working Paper 2303. DOI: 10.5287/ora-exxjkdzym
- Diener E., Wirtz D., Tov W. et al. (2010). New well-being measures: Short scales to assess flourishing and positive and negative feelings. *Social Indicators Research*, 97, 143–156. DOI: 10.1007/s11205-009-9493-y
- Donald I. Taylor P., Johnson S. et al. (2005). Work environments, stress, and productivity: An examination using ASSET. *International Journal of Stress Management*, 12(4), 409–423.
- Harter J.K., Schmidt F.L., Hayes T.L. (2002). Business unit-level relationship between employee satisfaction, employee engagement, and business outcomes: A meta-analysis. *Journal of Applied Psychology*, 87(2), 268–279.
- Kaiser C., Oswald A.J. (2022). The scientific value of numerical measures of human feelings. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 119(42), e2210412119. DOI: 10.1073/pnas.2210412119
- Kauhanen M., Nätti J. (2015). Involuntary temporary and part-time work, job quality and well-being at work. *Social Indicators Research: An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement*, 120(3), 783–799. DOI: 10.1007/s11205-014-0617-7
- Paralta R., Simões E., Duarte Ana P. (2023). Subjective well-being in organizations: Effects of internal ethical context and ethical leadership. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20(5), 44–51. DOI: 10.3390/ijerph20054451
- Paul E.P., Phua S.K. (2011). Lecturers' job satisfaction in a public tertiary institution in Singapore: ambivalent and non-ambivalent relationship between job satisfaction and demographic variables. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 33(2), 141–151. DOI: 10.1080/1360080X.2011.550087
- Sen A.K. (1992). *Inequality Reexamined*. Harvard University Press.

Методика расчета индекса благополучия, связанного с работой

Фактологическая компонента	Оценочная компонента	
	Мнение	Удовлетворенность
Субиндекс «Профсоответствие» – J_{проф.соот.}		
Соответствие работы полученному образованию (на основе вопроса «Работаете ли вы по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации (вуз, техникум, колледж)?»)	Соответствие квалификации (подготовки) выполняемой работе (на основе вопроса «В какой мере Ваша квалификация (подготовка) соответствует выполняемой вами работе?») 1. Да = 1 балл 2. Работаю по близкой (схожей) специальности = 0,7 балла 3. Нет, работаю по другой специальности = 0 баллов 4. Не получал(а) специальности = исключены	Соответствием квалификации, знаний и умений выполняемой работе (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни...?») 1. Вполне удовлетворен(а) + 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл 3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла 4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов
Субиндекс «Самореализация» – J_{реал.}		
• Соответствие способностям (на основе вопроса «Соответствует ли ваша профессия (основная работа) вашим способностям и склонностям?») 1. Да = 1 балл 2. Нет = 0 баллов 3. Затрудняюсь ответить = 0,5 балла • Соответствие призванию (на основе вопроса «Соответствует ли ваша профессия (основная работа) вашему призванию?») 1. Да = 1 балл 2. Нет = 0 баллов 3. Затрудняюсь ответить = 0,5 балла • Интересная работа (на основе вопроса «Случались ли с вами за последние 6 месяцев следующие события по отношению месту работы – были вынуждены делать менее интересную работу?») 1. Да = 0 баллов 2. Нет = 1 балл 3. Затрудняюсь ответить = 0,5 балла	Самореализация в профессии (на основе вопроса «Как вы оцениваете свои профессиональные перспективы?») 1. Высокие + 2. Скорее высокие = 1 балл 3. Скорее низкие + 4. Низкие = 0 баллов 5. Затрудняюсь ответить = 0,5 балла	• Содержанием работы работе (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни...?») 1. Вполне удовлетворен(а) + 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл 3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла 4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов • Возможностью проявления креативности на работе (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни...?») 1. Вполне удовлетворен(а) + 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл 3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла 4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов

Фактологическая компонента	Оценочная компонента	
	Мнение	Удовлетворенность
Субиндекс «Профессиональное развитие» – J_{развит.}		
Вовлеченность в дополнительное образование (на основе вопроса «Приходилось ли вам за последние 6 месяцев участвовать в курсах повышения квалификации / переквалификации, образовательных программах и т.д.?») 1. По основному месту работы 1. Да = 1 балл, 2. Нет = 0 баллов 3. Затрудняюсь ответить = 0 баллов 2. В сторонней организации 1. Да = 1 балл, 2. Нет = 0 баллов 3. Затрудняюсь ответить = 0 баллов 3. Самостоятельно 1. Да = 1 балл, 2. Нет = 0 баллов 3. Затрудняюсь ответить = 0 баллов	Оценка перспектив повышения профквалификации (на основе вопроса «Как вы оцениваете свои профессиональные перспективы (Повышение профессиональной квалификации)») 1. Высокие + 2. Скорее высокие = 1 балл 3. Скорее низкие + 4. Низкие = 0 баллов 5. Затрудняюсь ответить = 0,5 балла	Возможностями обучения, повышения квалификации (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни ...?») 1. Вполне удовлетворен(а) + 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл 3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла 4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов
Субиндекс «Карьера» – J_{карьер}		
Изменение должностного положения (на основе вопроса «Как бы вы оценили изменение своего должностного положения ...?») 3. Осталось без изменения = 1 балл 2. Ухудшилось = 0 баллов 4. Затрудняюсь ответить = 0,5 баллов За последние пять лет 1. Улучшилось + 3. Осталось без изменения = 1 балл 2. Ухудшилось = 0 баллов 4. Затрудняюсь ответить = 0,5 баллов	Оценка перспектив карьеры (на основе вопроса «Как вы оцениваете свои профессиональные перспективы - Карьерный рост?») 1. Высокие + 2. Скорее высокие = 1 балл 3. Скорее низкие + 4. Низкие = 0 баллов 5. Затрудняюсь ответить = 0,5 балла	Возможностями карьерного роста (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни...?») 1. Вполне удовлетворен(а) + 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл 3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла 4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов
Субиндекс «Защищенность занятости» – J_{защ.занят.}		
Тип контракта (на основе вопроса «Как оформлены ваши трудовые отношения на основной работе?») 1. Бессрочный (постоянный) договор = 1 балл 2. Срочный трудовой договор = 0,8 балла 3. Договор-подряд (трудовое соглашение / договор на выполнение определенной работы) + 5. Являюсь индивидуальным предпринимателем / самозанятым = 0,5 балла 4. Без оформления трудового договора (устная договоренность) + 6. Другое + 7. Затрудняюсь ответить = 0 баллов	Угроза потери работы (на основе вопроса «Случались ли с вами за последние 6 месяцев следующие события по основному месту работы - Вы испытывали чувство беспокойства из-за угрозы потерять работу?») 1. Да = 0 баллов 2. Нет = 1 балл 3. Затрудняюсь ответить = 0,5 балла	Надежность положения в организации (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни...?») 1. Вполне удовлетворен(а) + 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл 3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла 4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов

Оценочная компонента		
Фактологическая компонента	Мнение	Удовлетворенность
- Вынуждены уйти в неоплачиваемый отпуск (на основе вопроса «Случались ли с вами за последние 6 месяцев следующие события по основному месту работы...?») 1. Да = 0 баллов; 2. Нет = 1 балл; 3. Затрудняюсь ответить = 0,5 балла - Пришлось перейти на сокращенное рабочее время (на основе вопроса «Случались ли с вами за последние 6 месяцев следующие события по основному месту работы...?») 1. Да = 0 баллов; 2. Нет = 1 балл; 3. Затрудняюсь ответить = 0,5 балла - Форма занятости (на основе вопроса «Какая у вас была основная форма занятости за последние 6 месяцев?») 1. Постоянная (регулярная) занятость = 1 балл 2. Временная занятость + 3. Сезонная занятость (уборка урожая, лесозаготовка и т.д.) = 0,5 балла 4. Случайная (эпизодическая) занятость + 5. Затрудняюсь ответить + 6. Другая форма занятости = 0 баллов	Уплата страховых взносов работодателем (на основе вопроса «Если вы являетесь наемным работником, то, как вы думаете, уплачивает ли работодатель страховые взносы с вашей заработной платы?») 1. Да, уплачивает в полном объеме = 1 балл 2. Уплачивает частично = 0,5 балла 3. Нет, не уплачивает + 4. Затрудняюсь ответить = 0 балл	Устойчивость организации (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни...?») 1. Вполне удовлетворен(а) + 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл 3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла 4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов
Субиндекс «Защита и артикуляция интересов» – J защита интересов		
Членство в профсоюзе (на основе вопроса «Являетесь ли вы членом профсоюзной организации?») 1. Да, являюсь членом профсоюза = 1 балл 2. Нет, но раньше состоял в профсоюзе + 4. Затрудняюсь ответить + 3. Нет, никогда не состоял в профсоюзе = 0 баллов	Оценка возможностей диалога с работодателем (на основе вопроса «Имеются ли у вас возможности для диалога с работодателем без угрозы увольнения или понесения наказания по основному месту работы в части отстаивания своих трудовых прав?») 1. Да, имеются в полной мере = 1 балл 2. Да, формально имеются, но реализовать на практике весьма сложно = 0,3 балла 3. Нет, не имеются = 0 баллов 4. Затрудняюсь ответить = 0,3 балла	Работой профсоюзной либо иной рабочей организации (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни...?») 1. Вполне удовлетворен(а) + 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл 3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла 4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов

Оценочная компонента	
Мнение	Удовлетворенность
Фактологическая компонента Нарушения трудовых прав (на основе вопроса «Случались ли с вами за последние 6 месяцев следующие события по основному месту работы...?»)1. Да = 0 баллов2. Нет = 1 балл3. Затрудняюсь ответить = 0,5 балла	- Отношениями с руководством организации (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены различными аспектами Вашей трудовой жизни...?»)1. Вполне удовлетворен(а)+ 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов - Соблюдением трудового законодательства в организации (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены различными аспектами Вашей трудовой жизни...?»)1. Вполне удовлетворен(а)+ 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов
Субиндекс «Условия труда» -- J _{усл.труда}	
- Нагрузка на физическое самочувствие (на основе вопроса «Насколько сильно вы «выкладываетесь» на работе? В какой степени используете свои качества и умения? – Физические возможности и здоровье»)4. В полной мере (на пределе своих возможностей) = 0 баллов3. Более-менее полно (могу использовать больше) = 1 балл2. Частично (мало) + 1. Очень мало (по минимуму) = 0,5 балла - Нагрузка на психическое самочувствие (на основе вопроса «Насколько сильно вы «выкладываетесь» на работе? В какой степени используете свои качества и умения? – Психологическая устойчивость»)4. В полной мере (на пределе своих возможностей) = 0 баллов3. Более-менее полно (могу использовать больше) = 1 балл2. Частично (мало) + 1. Очень мало (по минимуму) = 0,5 балла	Возможность диалога с работодателем по улучшению условий труда (на основе вопроса «Имеются ли у вас возможности для диалога с работодателем без угрозы увольнения или понесения наказания по основному месту работы в части улучшения условий труда?»)1. Да, имеются в полной мере = 1 балл2. Да, формально имеются, но реализовать на практике весьма сложно = 0,3 балла3. Нет, не имеются = 0 баллов4. Затрудняюсь ответить = 0,3 балла - Удовлетворённостью условиями труда в целом (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены различными аспектами Вашей трудовой жизни...?»)1. Вполне удовлетворен(а)+ 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов - Безопасностью (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены различными аспектами Вашей трудовой жизни...?»)1. Вполне удовлетворен(а)+ 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов - Технической оснащённостью (на основе вопроса «Насколько вы удовлетворены различными аспектами Вашей Трудовой жизни...?»)1. Вполне удовлетворен(а)+ 2. Скорее удовлетворен(а), чем нет = 1 балл3. Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет = 0,5 балла4. Скорее не удовлетворен(а) + 5. Совершенно не удовлетворен(а) = 0 баллов

207

Сведения об авторах

Ирина Викторовна Соболева — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующий Центром развития человеческого потенциала, Институт экономики РАН (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; e-mail: irasobol@gmail.com)

Галина Валентиновна Леонидова — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Галина Вадимовна Белехова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Soboleva I.V., Leonidova G.V., Belekova G.V.

Work and Well-Being: An Empirical Analysis Using the Regional Database

Abstract. Drawing on the concept of work-related well-being, this article tests a methodological toolkit designed to comprehensively assess an individual's standing in the world of work. The authors' approach to measuring work-related well-being relies on data from the Vologda Region labor potential quality monitoring survey. The uniqueness of the proposed study is due to the capabilities of its information base, which helps to construct a three-tier system of work-related well-being indicators. Alongside objective, factual indicators, this system incorporates two sets of subjective assessments that capture different dimensions of subjective well-being. The main findings of the study are as follows: 1) across most key dimensions, the level of work-related well-being is fairly high, largely because subjective indicators tend to outpace the factual ones; 2) assessments of work-related well-being in virtually all of its dimensions are directly correlated with a family's level of material well-being; 3) the most acute problem areas in the profile of work-related well-being are found in its non-monetary aspects, primarily, professional development; 4) the crucial factors that positively influence the level of well-being are the level of professional education — provided it matches the requirements of the workplace — and the stability of employment; 5) the level of work-related well-being is only weakly correlated with age but is closely associated with the qualitative characteristics of the worker's labor potential. The practical significance of the study lies in its potential to produce well-grounded management decisions at both the corporate and the regional level, aimed at creating higher-quality and more decent employment that helps improve a person's standing in the world of work.

Key words: world of work, quality of employment, decent work, quality of working life, work-related well-being.

Information about the Authors

Irina V. Soboleva — Doctor of Sciences (Economics), Chief Researcher, head of the Center for Human Potential Development, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: irasobol@gmail.com)

Galina V. Leonidova — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Galina V. Belekova — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru)

Статья поступила 05.05.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.11

УДК 316.334.23, ББК 60.54

© Каргаполова Е.В., Кошкин А.П., Новиков А.В.

Социокультурное пространство столичного мегаполиса в ценностных установках жителей

Екатерина Владимировна

КАРГАПОЛОВА

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: K474671@list.ru

ORCID: 0000-0002-2892-3953; ResearcherID: O-6734-2017

Андрей Петрович

КОШКИН

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: Koshkin.AP@rea.ru

ORCID: 0000-0003-2331-5497; ResearcherID: T-1005-2018

Андрей Вадимович

НОВИКОВ

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: Novikov.AV@rea.ru

ORCID: 0000-0001-9863-0104; ResearcherID: AAF-7836-2019

Для цитирования: Каргаполова Е.В., Кошкин А.П., Новиков А.В. (2026). Социокультурное пространство столичного мегаполиса в ценностных установках жителей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 209–227. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.11

For citation: Kargapolova E.V., Koshkin A.P., Novikov A.V. (2026). The socio-cultural space of a capital megalopolis in the residents' value orientations. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 209–227. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.11

Аннотация. Цель исследования — анализ системы ценностей населения как индикатора социокультурного пространства столичного мегаполиса, отражающего динамичные, зачастую полярные векторы глобальных трансформаций. Основным исследовательский метод — опрос жителей Москвы на основе Типовой методики «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Научная новизна заключается в определении степени разобщенности морально-нравственных скреп москвичей, что выражается прежде всего в дефиците поддержки ценностей, нечеткости интегрирующего аксиологического ядра. Показано общее и особенное в структуре ценностей жителей столицы по таким социально-демографическим характеристикам, как пол и возраст. Проведен сравнительный анализ полученных среди москвичей данных с результатами исследования системы ценностей жителей других регионов России по аналогичной методике. По доминирующим ценностным установкам, детерминирующим ориентиры социального поведения (миграционные установки, социальное самочувствие, удовлетворенность работой, приоритеты взаимодействия и т. п.), выявлены три группы респондентов — «индивидуалисты», «традиционалисты», «волонтаристы». Проведено распределение и анализ полученных эмпирических результатов по функционально-ориентирующим кластерам ценностей. Предпринята попытка выяснить причины полученных результатов, среди которых унифицирующее воздействие глобализации, динамичное развитие альтернативных реальному миру виртуальных медиатизированных пространств, наполненных аксиоризмами, потребительством и культом удовольствий. Также сформулирована авторская позиция по изучаемому вопросу, суть которой заключается в том, что сохранение роли Москвы как глобального города, центра потребления и потребительства, «Вавилонской башни» противоречит задаче возвращения столицы к роли духовного центра страны. В условиях развития России как государства-цивилизации требуется дальнейшее укрепление морально-нравственных устоев всего российского общества и тем более жителей столичного мегаполиса.

Ключевые слова: социокультурное пространство, ценности, мегаполис, столица, глобальная трансформация.

Введение

Социокультурное пространство — это «система мировоззренческих установок, норм, ценностей, символов и их объективаций в той или иной культуре» (Мажитова, 2011, с. 132), позволяющая раскрыть онтологическое единство социума, культуры и человека, духовных и материальных аспектов деятельности людей (Литвиненко, 2003); «перманентный процесс создания смыслов и событий» (Шакирова, 2013, с. 180), «конструированное смысловое местоположение социума, в котором отражена его культурная специфика»¹, детерминирующая формирование индивидуальной и коллективной (социальной) идентичности (Колинько, 2007). Как отмечает С.А. Храпов, «в иерархии общественных духовных феноменов — социокультурное пространство является первичным и наиболее емким, включающим такие определяющие

культурные феномены, как язык, социальная память, менталитет, социальное бессознательное, общественное сознание, социокультурная идентичность, *habitus*» (Храпов, 2016, с. 834).

По мере интенсификации процессов урбанизации растет роль городов в формировании социокультурного пространства современности. Кроме того, появляются собственно городские социокультурные пространства — динамично развивающиеся организмы (Постников, 2008, с. 7), особые типы социальной организации, которые «наиболее отчётливо проявляются в социальной топографии, отличаются спецификой интеллектуальной и художественной деятельности, особым укладом жизни, мировоззрением и мировосприятием различных слоёв городского населения» (Адаменко, 2011, с. 4).

Города становятся центрами и зеркалами жизни общества, воспроизводства и развития общественных отношений (Сайко, 2011, с. 8), зачастую трансляторами смыслов на неурбанизированные территории. «Каждый город

¹ Шакирова Е.Ю. (2015). Аксиологический ризоморфизм современного социокультурного пространства: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Специальность 09.00.11 — социальная философия. Уфа. 43 с. С. 11.

обладает уникальным социокультурным пространством, которое выступает не просто нейтральным фоном, а является неким конструктом — пространством смысла, создаваемым людьми в ходе коммуникативного взаимодействия и отражающим культурную специфику социальной организации изучаемого социума...». Таким образом, с одной стороны, социокультурное пространство города формируется его жителями и определяется их творческой энергией, а с другой, являясь своеобразным «контекстом» ... обыденной действительности, влияет на мировосприятие горожан и их самоопределение» (Захарова, 2017, с. 22).

При этом пространство столичного мегаполиса формирует смыслы, выходящие за пределы его территориальных границ, в силу, во-первых, динамизма жизни большого города, во-вторых, его центральной роли в пространстве страны. Особенно велика роль таких мегаполисов в периоды системных кризисов, по выражению Президента РФ, «тектонического процесса глобальной трансформации. Это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху. Мир вступает в зону турбулентности. И, безусловно, этот период будет длительным и болезненным. Здесь не надо питать иллюзий»².

Методика и методы исследования

Ценности как индикатор состояния социокультурного пространства

Исследование мегаполиса сквозь призму пространственного подхода является средством интерпретации и прогнозирования городской жизни (Mohamed, 2026). В рамках социокультурного подхода «пространство города с заложенными в него смыслами задаёт координаты культурного существования людей в рамках определённых территориальных границ» (Захарова, 2017, с. 22). Основу социокультурного пространства составляет система мировоззренческих универсалий, наиболее значимых ценностно-символических ориентиров³ (Гаври-

лина, 2019, с. 26; Берньюкевич, 2022, с. 14), на которых базируется система «отношений индивида к окружающему его миру и его отношений с другими индивидами» (Григорьева, 2011, с. 97).

Рассмотрим систему ценностных ориентаций москвичей по методике Н.И. Лапина (Лапин, 2010) на базе результатов инициативного социологического исследования «Наш город», проведенного в декабре 2023 года исследовательской группой кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова под руководством доктора социологических наук, профессора Е.В. Каргаполовой.

Был проведен опрос среди жителей Москвы по апробированной с 2006 года в 30 регионах Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», разработанной в Центре изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (руководители на федеральном уровне: член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор Н.И. Лапин, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель ЦИСИ ИФ РАН Л.А. Беляева)⁴.

Цель исследования — анализ системы ценностей населения как индикатора социокультурного пространства столичного мегаполиса, отражающего динамичные, зачастую полярные векторы глобальных трансформаций.

Метод исследования — онлайн-анкетирование (N = 1070). Тип выборки — целевая, для чего несколько лет нашей исследовательской группой разрабатывается алгоритм реализации онлайн-анкетирования по заданным квотируемым признакам. Анкетеры получают задание — опросить респондентов из целевой группы по квотам. В данном исследовании были установлены квоты по полу и возрасту. В гугл-форме респонденты указывали фамилию анкетера и свою контактную информацию, что позволяло осуществлять контроль работы анкетеров.

² Путин В.В. (2012). Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Вестник Российской нации. № 2–3 (22–23). С. 66–71.

³ Тулиганова И.В. (2009). Социокультурное пространство современного города: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Специальность 09.00.01 — социальная философия. Саратов. 18 с. С. 8.

⁴ Более подробно о Типовой методике см.: (Лапин, Беляева 2010). Некоторые результаты по данной методике см.: (Соколова, 2023; Когай, 2023; Агафонова, Ромашкина, 2024; Андрианова, 2024; Валиахметов, Туракаев, 2024; Груздева, Жданова, 2024; Груздева, Когай, 2024а; Когай, 2024b; Маркова и др., 2025; Соколова, Калачикова, 2025).

В итоге половозрастная структура опрошенных респондентов соответствует структуре генеральной совокупности населения Москвы: опрошено 43,2% мужчин и 56,8% женщин, 27,7% молодежи (от 14 до 35 лет включительно), 46,7% взрослых (от 36 до 59 лет включительно), 25,6% пожилых (старше 60 лет)⁵.

Методы математической обработки информации включали расчет взвешенных средних

баллов по 10-балльной шкале, ранжирование, распределение по кластерам в соответствии с методикой Н.И. Лапина, факторный и регрессионный анализ.

Результаты

При анализе системы ценностей на основе результатов эмпирического исследования жителей Москвы видно, что ни одна из ценностей не вошла в интегрирующее ядро (табл. 1).

Таблица 1. Ценностные предпочтения населения Москвы, взвешенный средний балл по 10-балльной шкале / ранг

Ценность	Балл	Ранг	
1. ИНТЕГРИРУЮЩИЙ КЛАСТЕР ЦЕННОСТЕЙ			
а) интегрирующее ядро (свыше 8,8 балла)			
б) интегрирующий резерв (7,81–8,79 балла)			
Самое ценное на свете — это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах	Жизнь человека	8,74	1
Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами	Порядок	8,61	2
В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения	Общительность	8,19	3
Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям	Независимость	8,14	4
Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии	Благополучие	7,96	5
Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл	Свобода	7,91	6
Люди и государство должны больше всего заботиться о детях	Семья	7,89	7
ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЙ КЛАСТЕР ЦЕННОСТЕЙ			
а) оппонирующий дифференциал (6,0–7,80 балла)			
Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни	Работа	7,41	8
Главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	Инициативность	6,94	9
Главное — это уважение к сложившимся обычаям, традициям	Традиция	6,86	10
В любых условиях красота делает человека лучше и чище	Нравственность	6,74	11
Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя	Жертвенность	6,01	12
б) конфликтогенная периферия (5,99 балла и меньше)			
Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других	Властность	3,94	13
Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека	Своевольность	3,74	14
СРЕДНИЙ БАЛЛ ПОДДЕРЖКИ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ 7,08			
СРЕДНИЙ БАЛЛ ПОДДЕРЖКИ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ (порядок, благополучие, работа, общительность, нравственность, властность) 7,14			
СРЕДНИЙ БАЛЛ ПОДДЕРЖКИ СОВРЕМЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (жизнь человека, свобода, независимость, инициативность) 7,93			
СРЕДНИЙ БАЛЛ ПОДДЕРЖКИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (традиция, семья, жертвенность, своевольность) 6,12			
КОЭФФИЦИЕНТ СОВРЕМЕННОСТИ/ТРАДИЦИОННОСТИ СТРУКТУРЫ ЦЕННОСТЕЙ 1,29			
Источник: составлено авторами.			

⁵ Распределение по возрастным группам проведено в соответствии с законодательством РФ и классификацией ВОЗ. Самый старший опрошенный среди наших респондентов — в возрасте 91 года.

Такая же ситуация была выявлена в Курской области по результатам исследования того же 2023 года (Маркова и др., 2025); а в Астраханской области — по результатам опроса населения 2016 года, что свидетельствовало о маргинальности сознания населения приграничного региона, обусловленной и историческими особенностями освоения территории, и глобальными трансформациями последних десятилетий. В социокультурном пространстве столичного региона — современной Москвы — также проявляется некоторая разобщенность ценностного сознания населения.

Отметим, что в других регионах России, участвовавших в эмпирических исследованиях по методике Н.И. Лапина в 2023 году, в интегрирующее ядро ценностей вошли от двух до шести ценностей, среди которых порядок, инициативность, общительность, благополучие, семья, жизнь человека, независимость. Из представленных регионов меньше всего (две) — в интегрирующем ядре ценностей в Башкортостане и больше всего в Свердловской области и Чеченской Республике⁶ (Груздева, Жданова 2024; Маркова и др., 2025). В Москве такие ценности зафиксированы в интегрирующем резерве, на первом месте по степени поддержки находится ценность жизни человека (с минимальным отрывом в 0,06 балла от интегрирующего ядра), далее следуют ценности порядка и общительности, независимости и семьи, последняя замыкает группу ценностей интегрирующего резерва.

Перемещение ценности жизни человека из интегрирующего ядра в интегрирующий резерв, то есть снижение степени их поддержки может проявлять степень дегуманизации человеческих отношений, духовно-нравственного кризиса: ценности семьи — усиление атомизации, ценностей общительности и порядка, формальных (порядок) и неформальных (общительность) правил, скреп выстраивания межличностных и социальных отношений, соблюдения правовых

норм, сохранения моральных устоев, что всегда высоко ценилось в обществе, — дезорганизованность общественной жизни.

Большинство жителей Москвы не разделяют ценности оппонирующего дифференциала. Они перестали служить интеграторами и начали выполнять функцию сохранения и изменения структуры статусов и ролей. Примечательно, что в оппонирующий дифференциал ценностей у жителей Москвы входят ценности работы, инициативности, традиции, нравственности и жертвенности, в конфликтогенную периферию — властности и своевольности. Согласно результатам многолетних наблюдений, проводимых в ряде регионов России и по стране в целом по методике Н.И. Лапина, зафиксирована высокая устойчивость функционального слоя конфликтогенной периферии, который, как правило, образуют категории «своевольность» и «властность», что «в целом свидетельствует о неоднозначном отношении населения к традиционалистской своевольности и общечеловеческой властности» (Лапин, 2010, с. 31).

Средний балл поддержки всех ценностей — 7,08, общечеловеческих — 7,14. Поддержка современных ценностей значительно превышает поддержку традиционных. Как и в других регионах России, в интегрирующем резерве представлены в большей степени общечеловеческие ценности. Таким образом, как и по результатам многолетних исследований в регионах России, проводимых с 2006 года, в структуре базовых ценностей москвичей зафиксировано «динамичное совмещение трех культурно различных типов ценностей — общечеловеческих, традиционных и современных»⁷.

Распределение ценностей по полу и возрастным группам

При рассмотрении результатов исследования по возрастным группам отмечается, что только у пожилых в интегрирующее ядро вошла одна ценность жизни человека (табл. 2).

⁶ Социокультурный портрет регионов России — 2023: база данных / А.А. Шабунова, Л.А. Беляева, Г.Ф. Ромашкина, Е.А. Когай, А.Н. Тарасова, О.Н. Калачикова, Р.М. Валиахметов, М.М. Юсупов, Ю.С. Маркова, Е.В. Андрианова, Ю.М. Пасовец, М.А. Груздева, А.Н. Гордиевская, М.С. Туракаев. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024623834, 30.08.2024. Заявка № 2024623498 от 15.08.2024.

⁷ Социокультурный портрет регионов России — 2023: база данных / А.А. Шабунова, Л.А. Беляева, Г.Ф. Ромашкина, Е.А. Когай, А.Н. Тарасова, О.Н. Калачикова, Р.М. Валиахметов, М.М. Юсупов, Ю.С. Маркова, Е.В. Андрианова, Ю.М. Пасовец, М.А. Груздева, А.Н. Гордиевская, М.С. Туракаев. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024623834, 30.08.2024. Заявка № 2024623498 от 15.08.2024. С. 670.

У молодежи она находится на втором месте, уступая ценности порядка. И последняя ценность поддерживается в данной возрастной группе больше всего по сравнению со взрослыми и пожилыми. Общительность выше всего оценивается пожилыми, тогда как у молодежи предпочтение отдается благополучию,

у взрослых — независимости. Свобода менее всего важна для пожилых, тогда как семья ими оценивается выше всего по сравнению с молодежью и взрослыми. У молодежи семья вообще оказывается в оппонирующем дифференциале ценностей, то есть не поддерживается значительной долей респондентов.

Таблица 2. Распределение ценностных ориентаций по кластерам
(взвешенные средние баллы по 10-балльной шкале)

Кластер	Молодежь		Взрослые		Пожилые		Мужчины		Женщины	
	Ценность	Балл	Ценность	Балл	Ценность	Балл	Ценность	Балл	Ценность	Балл
Интегрирующее ядро	–	–	–	–	Жизнь человека	8,86	–	–	Жизнь человека	9,07
Интегрирующий резерв	Порядок	8,64	Жизнь человека	8,77	Порядок	8,60	Порядок	8,42	Порядок	8,74
	Жизнь человека	8,59	Порядок	8,58	Общительность	8,52	Жизнь человека	8,31	Общительность	8,36
	Благополучие	8,22	Независимость	8,25	Семья	8,36	Общительность	7,96	Независимость	8,30
	Независимость	7,95	Общительность	8,24	Благополучие	8,18	Независимость	7,93	Благополучие	8,06
	Свобода	7,95	Семья	7,99	Независимость	8,15	Благополучие	7,82	Семья	8,04
	Общительность	7,81	Свобода	7,94	Свобода	7,85	–	–	Свобода	8,04
Оппонирующий дифференциал	Работа	7,71	Благополучие	7,70	Традиция	7,79	Свобода	7,77	Работа	7,40
	Семья	7,29	Работа	7,37	Работа	7,19	Семья	7,70	Традиция	7,06
	Инициативность	7,26	Традиция	6,81	Жертвенность	6,85	Работа	7,43	Нравственность	6,86
	Нравственность	6,86	Инициативность	6,80	Инициативность	6,84	Инициативность	7,15	Инициативность	6,76
	Традиция	6,12	Нравственность	6,72	Нравственность	6,60	Традиция	6,61	–	–
	–	–	–	–	–	–	Нравственность	6,56	–	–
	–	–	–	–	–	–	Жертвенность	6,11	–	–
Конфликтотенная периферия	Жертвенность	5,37	Жертвенность	5,94	Властность	3,58	Своевольность	4,42	Жертвенность	5,93
	Властность	4,71	Властность	3,69	Своевольность	3,11	Властность	4,22	Властность	3,73
	Своевольность	4,70	Своевольность	3,53	–	–	–	–	Своевольность	3,22
Средний балл поддержки ценностей										
базовых	7,08		7,02		7,18		7,03		7,11	
общечеловеческих	7,32		7,05		7,11		7,07		7,19	
современных	7,94		7,94		7,92		7,79		8,04	
традиционных	5,87		6,07		6,53		6,21		6,06	
Коэффициент современности / традиционности структуры ценностей										
	1,35		1,31		1,21		1,25		1,33	
Источник: составлено авторами.										

Работа во всех возрастных группах входит в оппозирующий дифференциал, но более всего поддерживается молодежью, как и инициативность и нравственность. Ценности традиции и жертвенности более всего разделяются пожилыми. У молодежи и взрослых жертвенность входит в конфликтогенную периферию ценностей. Молодежь также в значительно большей степени разделяет ценности властности и своевольности, чем взрослые и пожилые. Средний балл поддержки базовых ценностей выше всего у пожилых, ниже всего — у взрослых. Общечеловеческие ценности в большей степени поддерживаются молодежью, традиционные — пожилыми.

Интересен для изучения сравнительный анализ иерархии ценностей женщин и мужчин Москвы. Так, у женщин одна ценность (жизнь человека) входит в интегрирующее ядро. У мужчин в этом кластере нет ни одной ценности. У мужчин ценность порядка находится на первом месте иерархии, у женщин — на втором, хотя они и поддерживают ее гораздо больше, чем мужчины. Интересно также, что женщины отдают предпочтение «неженским», по сути, ценностям независимости, благополучия, семьи и свободы (у мужчин последние две ценности вообще находятся в оппозирующем дифференциале).

Для мужчин (ожидаемо) важнее ценность инициативности, а для женщин — нравственности и традиции. Для мужчин важнее жертвенность, тогда как у женщин данная ценность попадает в конфликтогенную периферию. И мужчины гораздо больше, чем женщины, поддерживают ценности конфликтогенной периферии — властность и своевольность.

В итоге средний балл поддержки базовых, общечеловеческих и современных ценностей выше у женщин, тогда как традиционных — у мужчин.

Факторный анализ системы ценностей москвичей

В целях изучения структуры ценностей респондентов был также проведен факторный анализ методом главных компонент с вращением варимакс и нормализацией Кайзера. Вращение факторной матрицы сошло за пять итераций. Каждый извлеченный фактор, отобранный и представленный в матрице, обладает положительной насыщенностью $\geq 0,35$ (табл. 3). Для шкалы ценностей было обнаружено трехфакторное решение, в совокупности составляющее 47,145% дисперсии. Мера адекватности выборки Кайзера — Майера — Олкина (КМО) для представленного решения составила 0,817 при $p < 0,001$.

Таблица 3. Факторная матрица ценностей населения

Вопрос анкеты	Компонент		
	1	2	3
	Индивидуализм	Традиционализм	Волюнтаризм
19.4. Свобода человека — это то, без чего его жизнь теряет смысл ($M \pm SD = 7,92 \pm 2,431$)	,679		
19.6. Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами ($M \pm SD = 8,61 \pm 1,93$)	,624		
19.2. Главное в жизни — забота о своем здоровье и благополучии ($M \pm SD = 7,96 \pm 2,24$)	,620		
19.5. Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни ($M \pm SD = 7,42 \pm 2,49$)	,602		
19.9. Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям ($M \pm SD = 8,14 \pm 1,99$)	,601		
19.13. Самое ценное на свете — это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах ($M \pm SD = 8,74 \pm 2,24$)	,448	,397	
19.14. Главное — это уважение к сложившимся обычаям, традициям ($M \pm SD = 6,87 \pm 2,69$)		,743	
19.11. Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя ($M \pm SD = 6,01 \pm 2,94$)		,712	
19.8. Люди и государство должны больше всего заботиться о детях ($M \pm SD = 7,89 \pm 2,24$)		,710	
19.7. В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения ($M \pm SD = 8,19 \pm 2,07$)	,454	,542	
19.10. Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других ($M \pm SD = 3,94 \pm 3,02$)			,774

Окончание таблицы 3

Вопрос анкеты	Компонент		
	1	2	3
	Индивидуализм	Традиционализм	Волюнтаризм
19.3. Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека ($M \pm SD = 3,74 \pm 3,50$)			,687
19.12. Главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве ($M \pm SD = 6,93 \pm 2,49$)			,465
19.1. В любых условиях красота делает человека лучше и чище ($M \pm SD = 6,73 \pm 2,90$)			,390
Альфа Кронбаха	,728	,703	,591
% объясненной дисперсии	18,941	15,991	12,213
Средние пунктов	8,140	7,542	5,336
Диапазон пунктов	1,327	2,735	3,185
Дисперсия	,198	1,197	2,988
Источник: рассчитано авторами.			

Первый фактор (18,94% дисперсии) может характеризовать ориентацию на индивидуальные ценности. Второй фактор (15,99% дисперсии) связан с традиционными ценностями. Третий фактор (12,21% дисперсии) соотносится с ориентацией респондентов на ценности власти, доминирования и предприимчивости.

Далее были оценены переменные, которые могут оказывать влияние на определенные ценностные ориентации респондентов. Для этой цели использовался линейный регрессионный

анализ методом наименьших квадратов с пошаговым отбором переменных. Зависимыми переменными в моделях выступали ранее извлеченные факторы, характеризующие ценностно-рефлексивное отношение опрошенных граждан.

Показатели линейной модели, связывающей ориентацию на индивидуалистические ценности с независимыми переменными, представлены в *таблице 4*. Данная модель обладает крайне низким коэффициентом детерминации

Таблица 4. Регрессионная модель оценки взаимосвязи «индивидуалистических» ценностных ориентаций и социального поведения

Модель 1	Нестандартизованные коэффициенты		t	Значимость	Статистика коллинеарности	
	B	Стандартная ошибка			Допуск	VIF
(Константа)	,394	,137	2,885	,004		
8.3. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в менее крупный город/село и жили там	-,144	,027	-5,365	,000	,884	1,132
14. Вы удовлетворены своей работой?	,104	,029	3,584	,000	,992	1,008
9.3. Как Вы считаете, в какой степени улучшение вашей жизни сегодня зависит... (от друзей, земляков)?	-,096	,026	-3,705	,000	,888	1,126
8.4. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	,059	,022	2,643	,008	,912	1,097
9.6. Как Вы считаете, в какой степени улучшение вашей жизни сегодня зависит... (от общероссийской власти)	,068	,026	2,591	,010	,948	1,055
R	,240					
R-квадрат	,058					
Стандартная ошибка оценки	,976					
Дарбин – Уотсон	1,935					
F	12,964					
p	,000					
Источник: рассчитано авторами.						

($R^2 = 0,058$). В то же время в модели отсутствует мультиколлинеарность переменных ($VIF < 4$), а также наблюдается отсутствие гетероскедастичности из-за отсутствия автокорреляции в остатках модели (Дарбин – Уотсон = 1,935). В целом модель обладает высокой степенью значимости ($p < 0,001$), что свидетельствует о надежности полученного результата.

Отметим особенности некоторых независимых переменных, включенных в модель.

1. Опрошенные не хотели бы, чтобы их дети уехали жить в менее крупные российские города. Они крайне положительно относятся к отъезду их детей за границу для постоянного проживания.

2. Данная группа полагает, что их жизнь сильно зависит от действий российской власти, и в целом для них характерны более оппозиционные настроения. В то же время они не имеют сильных связей со своими близкими друзьями и окружающими, полагая, что улучшение их повседневной жизни никак не зависит от налаживания межличностных отношений.

3. В то же время была выявлена существенная положительная взаимосвязь между высокой

удовлетворенностью всеми аспектами своей работы и индивидуалистскими ценностями.

Показатели линейной модели, связывающей традиционные ценности населения с независимыми переменными, представлены в *таблице 5*. Данная модель обладает существенно большим коэффициентом детерминации ($R^2 = 0,251$) и также высоким уровнем значимости ($p < 0,001$).

Отметим особенности некоторых независимых переменных, включенных в модель.

1. Респонденты с традиционными ценностными ориентациями хотели бы, чтобы их дети продолжили жить в родном городе. Они негативно относятся к идее переезда их детей и родственников за рубеж.

2. Для данной группы характерен высокий уровень религиозности, который значительно усиливает их ориентацию на традиционные российские ценности. Также для них характерен более высокий средний возраст, чем для всех других групп.

3. Они считают, что улучшение их жизни сегодня зависит непосредственно от их межличностных отношений с друзьями и земляками.

Таблица 5. Регрессионная модель оценки взаимосвязи «традиционных» ценностных ориентаций и социального поведения

Модель 2	Нестандартизованные коэффициенты		t	Значимость	Статистика коллинеарности	
	B	Стандартная ошибка			Допуск	VIF
(Константа)	-,645	,176	-3,670	,000		
8.1. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети построили свою жизнь в родном городе – там, где мы живем	,197	,027	7,258	,000	,875	1,143
33. Что Вы можете сказать о своей религиозности?	,216	,027	8,078	,000	,925	1,082
8.4. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	-,132	,021	-6,416	,000	,846	1,182
Возрастные группы (молодежь, взрослые, пожилые)	,224	,038	5,947	,000	,919	1,088
9.3. Как Вы считаете в какой степени улучшение вашей жизни сегодня зависит... (от друзей, земляков)	,069	,022	3,098	,002	,948	1,054
R	,501					
R-квадрат	,251					
Стандартная ошибка оценки	,862					
Дарбин – Уотсон	2,044					
F	70,928					
p	,000					

Источник: рассчитано авторами.

Показатели линейной модели с независимыми переменными, связывающей волюнтаризм и ориентацию на доминирование, представлены в *таблице 6*. Данная модель обладает достаточно низким коэффициентом детерминации ($R^2 = 0,126$) и также высоким уровнем значимости ($p < 0,001$).

Отметим особенности некоторых независимых переменных, включенных в модель.

1. Для данной группы характерна высокая уверенность в своем будущем. Также это, как правило, довольно молодые люди.

2. Эти респонденты считают, что улучшение их жизни в первую очередь зависит от их близкого окружения, что объединяет их с представителями «традиционалистов».

3. Основной особенностью этих респондентов являлось желание любым способом улучшить свое положение и своей семьи за счет возможного переезда детей в другой крупный российский город, но еще лучше — в любое иностранное государство.

Таким образом, по результатам факторного анализа мы выделяем три группы респондентов, у которых доминирующие ценности детерминируют важные ориентиры социального поведения: миграционные установки, приоритеты взаимодействия с социальными акторами, социальное самочувствие, удовлетворенность работой и т. п.

Функционально-ориентирующие кластеры ценностей

Н.И. Лапин выделяет терминальные ценности-цели и инструментальные ценности-средства. К терминальным традиционным ценностям-целям он относит традицию и семью, к общечеловеческим — порядок, благополучие и работу, к современным — жизнь и свободу. Среди инструментальных ценностей также выделяются традиционные (жертвенность и своевольность), общечеловеческие (общительность, нравственность, властность) и современные (независимость и инициативность). Таким образом, согласно методике Н.И. Лапина, три

Таблица 6. Регрессионная модель оценки взаимосвязи «волюнтаристских» ценностных ориентаций и социального поведения

Модель 3	Нестандартизованные коэффициенты		t	Значимость	Статистика коллинеарности	
	B	Стандартная ошибка			Допуск	VIF
(Константа)	-,329	,147	-2,235	,026		
8.4. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали жить за рубеж, в другую страну	,137	,022	6,102	,000	,842	1,187
11. Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?	,122	,026	4,769	,000	,977	1,024
9.3. Как Вы считаете в какой степени улучшение вашей жизни сегодня зависит... (от друзей, земляков)	,107	,024	4,363	,000	,921	1,086
Возрастные группы (молодежь, взрослые, пожилые)	-,122	,040	-3,040	,002	,955	1,047
8.2. Я хотел(а) бы, чтобы мои дети уехали в другие крупные города нашей страны и жили там	,066	,026	2,559	,011	,837	1,194
R	,354					
R-квадрат	,126					
Стандартная ошибка оценки	,935					
Дарбин – Уотсон	1,856					
F	30,499					
p	,000					
Источник: рассчитано авторами.						

функционально-ориентирующих кластера теоретически конструируются из четырнадцати изучаемых ценностей — по пять в каждом кластере (при этом ценность «свобода» включена в два кластера) (Лапин, 2010, с. 28). Рассмотрим систему ценностных предпочтений населения Москвы в сферах жизнеобеспечения, регуляции поведения людей, а также коммуникации между человеком и социальными и культурными структурами общества (табл. 7).

Таблица 7. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения Москвы

Ценность	Балл
1. Жизнеобеспечивающий кластер	
Независимость	8,14
Благополучие	7,96
Семья	7,89
Работа	7,41
Инициативность	6,94
2. Институционально-регулятивный кластер	
Порядок	8,61
Свобода	7,91
Традиция	6,86
Властность	3,94
Своевольность	3,74
3. Антропно-коммуникативный кластер	
Жизнь человека	8,74
Общительность	8,19
Свобода	7,91
Нравственность	6,74
Жертвенность	6,01
Источник: составлено авторами.	

Жизнеобеспечивающий кластер включает ценности, имеющие близкое отношение к функциям жизнеобеспечения индивидов и домохозяйств, организаций и поселений, регионов и общества. Парадоксально, но доминантной ценностью данного кластера у москвичей является ценность независимости. Далее следуют благополучие и семья. Парадоксально также, что в динамичном и предоставляющем множество возможностей для профессиональной реализации и инициативы городе ценности работы и инициативности не являются доминантами жизнеобеспечивающего кластера.

Система ценностей институционно-регулятивного кластера населения Москвы аналогична общероссийской. «Такое единообразие свидетельствует о высокой устойчивости иерархии

данного кластера ценностей как результата длительного исторического развития России, учитывающего и трансформационные процессы последних десятилетий. В самом деле, ценность порядка давно сомкнулась в сознании россиян (как, впрочем, и народов многих стран) со следованием традициям, а бунтовщически-революционные события воспринимаются либо как кратковременные всплески, либо как новый порядок, который вскоре станет традиционным. Властность и своевольность также стали в России компонентами политической жизни и бытового поведения — отчасти они конфликтуют между собой, отчасти совмещаются; но при этом большинство населения их отвергает»⁸.

Антропно-коммуникативный кластер населения столицы, как и в других регионах России, предполагает вершиной иерархии ценность «жизнь человека», далее «в качестве непосредственной, ближайшей предпосылки ценность общительности, которая осуществляется прежде всего по нормам свободы, а также жертвенности... и нравственности...»⁹.

Обсуждение результатов

Каковы же причины полученных результатов, характеризующих ценностные ориентиры москвичей? Эти причины, не претендуя на полноту их перечня, так как вопрос нуждается в дальнейшем наблюдении и исследовании, можно условно разделить на три группы: изменения в социокультурном пространстве человечества, всей России и самой столицы.

Отметим, что социокультурное пространство Москвы трансформируется под влиянием процессов глобализации, интернационализации, культурной ассимиляции в контексте интеграции экономической, политической, культурной, духовно-информационной сфер жизни большинства стран мира, возрастающих межкультурных связей, стремительного роста различного вида технологий и коммуникаций, формирования единого для всех информационного пространства (Григорьева, 2011, с. 97).

⁸ Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт философии. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов»; сост. и общ. ред.: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. Москва: Academia, 2009. 807 с. С. 679.

⁹ Там же. С. 681.

Данное пространство характеризуется наличием аксиоризом — «ценностных формирований, являющихся перерожденной системой и имеющих в своем строении несколько равноправных ценностных векторов-направлений»¹⁰. Аксиоризомы характеризуются неравновесной целостностью, организационным беспорядком, непрерывной подвижностью, ценностным релятивизмом, травматичностью, нелинейностью развития, парадоксальностью, предельно-кризисной социальной рискогенностью, временными смысловыми разрывами, деструкцией смыслов. «В таком обществе вследствие множественности ценностных «корней»-оснований ризомной аксиосферы ценностный релятивизм достигает наивысшей степени, неопределенность приобретает максимальное значение. Кризис характеризуется потерей опорных составляющих и выходом социокультурного пространства за пределы пограничных точек ... Российское социокультурное пространство современности — это пространство перманентного противоборства дезорганизационных и самоорганизационных сил»¹¹. Как подчеркивает Л.А. Цыганова, современный мир становится миром «относительно простых социокультурных идентификаторов, у которых зачастую утрачивается изначальный смысл» (Цыганова, 2022, с. 174).

Ценностные ориентации населения изменяются под влиянием не только унифицирующего воздействия глобализации, но и становления информационного общества, сопровождающегося бурным распространением электронных коммуникаций, в частности интернета. Интернет-среда претендует на роль «нового социокультурного пространства жизни и развития современного человека, сферы самореализации, субъектности, самоосуществления» (Крамаренко, 2016, с. 39). Но манипулятивность, анонимность характера коммуникации в интернете, отсутствие системообразующих факторов в лавинообразных потоках информации приводит к неготовности пользователей к фильтрации информации, ресоциа-

лизации, усиливает тенденции распространения различных форм девиантного поведения, аддикции, вызванных ситуацией аномии в традиционной культуре¹². Это нередко проявляется в амбивалентности, нечеткости моральных установок. Отметим, что в этой ситуации возможна актуализация форм традиционной культуры, связанная с тем, что электронная культура, задающая, как и культура в целом, векторы и смыслы деятельности человека, находится еще в стадии формирования и в ее рамках не предлагаются устойчивые модели идентификации личности. Но одновременно масштабируется электронная экранность, ее включенность в повседневные практики большинства людей, усиливающая информационно-коммуникационную глобализацию (Берлева, 2022). Электронная экранность задает векторы когнитивной деятельности индивида вовне, на визуальные (виртуальные) экранные образы, отвлекая от самопознания, исследования внутреннего мира, выстраивания глубоких межличностных отношений, составляющих основу духовного опыта.

Это ведет к дефициту продуктивных увлечений и интересов, с одной стороны, а с другой — к противоречиям «между ценностями социума, диктуемыми современными темпами экономического развития, и недостаточной интернализацией общезначимых ценностей»¹³, между целями и стратегиями достижения цели, между приверженностью ценностям удовольствий, пассивно-развлекательных видов деятельности и ценностям усилий и достижений¹⁴. Приверженность к данным целям является одной

¹⁰ Шакирова Е.Ю. (2015). Аксиологический ризоморфизм современного социокультурного пространства: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Специальность 09.00.11 — социальная философия. Уфа. 43 с. С. 11.

¹¹ Там же. С. 11–13.

¹² Шамыкина В.М. (2012). Управленческие взаимодействия в социоинформационной блогосфере: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Специальность 22.00.08 — социология управления. Москва. 22 с.

¹³ Махиянова А.В. (2013). Социализация личности в современных условиях: интернализационный дисбаланс и пути его преодоления (на материалах Республики Татарстан): автореф. дис. ... д-ра соц. наук. Специальность 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы. Саранск. 43 с.

¹⁴ Пишиш А.А. (2012). Норма и девиация в молодежной субкультуре: проблемы социализации в современной России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Специальность 22.00.06 — социология культуры. Майкоп. 25 с. URL: <http://www.dslib.net/sociologia-kultury/norma-i-deviacija-v-molodezhnoj-subkulture-problemy-socializacii-v-sovremennoj.html>

из причин того, что по результатам исследований не только в Москве, но и в других регионах России категория «нравственность» в системе ценностных ориентаций населения занимает неустойчивое положение, находясь на нижней границе между оппонирующим дифференциалом и конфликтогенной периферией.

Результаты эмпирического исследования ценностных ориентаций Москвы отражают также характеристики социокультурного пространства России, основными механизмами динамики которого являются «фиксация, конфликтность, интеграция, деактуализация, актуализация» (Храпов, 2016, с. 834). Ценностные ориентации населения изменяются под влиянием институциональных трансформаций в России последних десятилетий, формируя ситуацию аномии в жизни практически целого поколения. Вектор институциональных трансформаций был направлен от коллективизма к индивидуализму, замещению традиционных ценностей западными, индивидуалистическими, от служения обществу и государству — к достижительности и самооценности отдельной личности¹⁵ (Давыдова, 2012; Гуляихин, 2013; Ильин, Морев, 2022). При этом сложности институционального реформирования «обернулись включением обратных социальных механизмов, возвращающих общество к его прошлому. По сути, на территории страны был дан импульс развитию процесса демодернизации, архаизации. Значительные массы людей стихийно, бессознательно стали обращаться к архаическим культурным смыслам и соответствующим социальным практикам» (Когай, 2023, с. 3–4).

В эмпирических исследованиях ценностных ориентаций различных социальных групп, в частности молодежи, современной России стало фиксироваться противоречивое сочетание современных и традиционных ценностей¹⁶

(Дулина и др., 2015; Когай, 2023). Эклектичность и внутренняя противоречивость системы ценностных ориентаций проявляются в результатах опроса москвичей. Отметим также, что перемещение, согласно результатам нашего исследования, ценности жертвенности у молодежи и взрослых, особенно у женщин, в конфликтогенную периферию может быть опасным симптомом, так как жертвенность является системообразующей компонентой коллективизма, частью национального социокультурного кода.

Социокультурное пространство современного города характеризуют «текучесть, транзитивность, пористость, ритмичность, бессистемность» (Костко, 2021, с. 54). В современном городе как сложной системе одновременно «происходят процессы генерации, концентрации, развития, распада и инновации материально-вещественных и нематериальных элементов воспроизводства жизнедеятельности человека в условиях перманентного риска, конфликтов, столкновения интересов и трансформационных изменений общества, что не может не оказывать влияние на ценностные ориентации горожан» (Костко, 2021, с. 54). В связи с этим, продолжая анализировать причины некоторой слабости ценностных скреп москвичей, отметим, что Москва является не просто крупным городом, а мегаполисом.

Современные мегаполисы характеризуются собственной спецификой социокультурного пространства. Так, по мнению исследователей, мегаполисы являются микрокосмами глобализации, в которых личное взаимодействие между гражданами с космополитической и многокультурной идентичностью происходит в локализованных пространствах. Это порождает множество проблем мегаполисов, к которым относятся приватизация, интенсивное управление с целью максимизации финансовой выгоды, потребительство, экологические проблемы, сегрегация населения и экономическое неравенство (Ghahremani et al., 2021; Houshmand et al., 2026). Изменения в пространстве современного мегаполиса настолько динамичны, разнообразны, сложны и пространственно расширены, что исследователи считают его совершенно новым явлением (Ford, 1965; Barnes, 2002; Bourdeau-Lepage, Huriot, 2005; Akubue, 2019; Hussaini, Hussaini, 2023; Garau,

¹⁵ Захаркин Р.А. (2013). Коммуникационная деятельность в структуре социального процесса формирования жизненных ценностей молодежи: на примере Приморского края: дис. ... канд. соц. наук. Специальность 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы. Хабаровск. 170 с.

¹⁶ Давыдова М.А. (2012). Влияние электронных медиа на формирование индивидуализма в молодежной среде: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Специальность 22.00.06 — социология культуры. Майкоп. 22 с. URL: <http://edu.of.ru/attach/17/199451.doc>

Frankhauser, 2026). Случайность становится повседневным способом существования, а туристификация и постцифровые преобразования превращают город в пространство фантасматических и стремления к более осмысленному существованию (Han, 2026; Jansson et al., 2026).

Мегаполисы трансформируются в особые механизмы получения прибыли, причем прибыль сосредоточена в сфере услуг (Brenner et al., 2009). Это город потребления и потребителей, а не производства и производителей. А.Г. Голова отмечает, что доход и потребление становятся смыслом жизни обитателя мегаполиса, по мере того как город отказывается от созидательной миссии и становится центром утилизации массы продуктов, производимых вне его пространств: «Эта деструктивная функция отражается на его жителях, формируется особый тип личности, активно включенной в потребление товаров или услуг. Потребление становится и формой самореализации, и формой конструирования своей идентичности, и формой досуга, и формой коммуникации... Появился формат магазинов ритейлтейнмент (от английских слов retail — розница и entertainment — развлечение) ... В итоге объемы продаж в торгово-развлекательных центрах существенно превышают показатели объектов, лишенных досуговой зоны. Развлечение приходит в образование (edutainment), в спорт (sportainment), в информационное обслуживание (infotainment) и т. д. В городе частота взаимодействий заменяет глубину отношений. В результате отношения людей формализуются и обезличиваются, разрушаются традиционные социальные связи. Эта тенденция выгодна потребительскому рынку. По разным данным, одинокие люди тратят на продукты питания, одежду, средства по уходу и лекарства на 20–30% больше, чем семейные. Не связанные семейными узами люди более социально активны, у них нет отложенного спроса, они много тратят на развлечения» (Голова, 2013).

Современный мегаполис утрачивает черты полиса как пространства общего дела. Среда второй природы в мегаполисе преобладает над первой (уничтожаются, например, природные естественные зоны и заменяются парками, парки — клумбами и т. п.). Преобладание искусственной, техногенной среды приводит к

смещению фокусов существования личности — от «быть» к «казаться», то есть перформативности, имиджевости, формированию новых (зачастую экстремальных) типов телесности как попытке обретения смысла жизни в городских джунглях. Исследователь Е.А. Иваненко так трактует это явление: «Если полис — среда порядка, то мегаполис — это среда избытка. Мегаполис в этом смысле действительно подобен Левиафану, который хаотичен, стихийен ... Правда, этот Левиафан такое чудовище, которое снабжено «дружественным интерфейсом», а проглоченные им Ионы не спешат покинуть его вполне комфортабельное нутро, подчиняясь его притяжению, адаптируясь сами под эту среду обитания» (Иваненко и др., 2009, с. 37–38).

Модель гипермаркета или ресторана фаст-фуда, по мнению Ю.А. Ланкинен, становится моделью новых социальных отношений, сокращающей время и усилия на удовлетворение каких-либо потребностей, ориентированной на калькуляцию денег, времени и усилий, предсказуемость, «контроль над людьми посредством гуманизированных технологий — табличек, указателей, барьеров, предназначенных для упорядочивания очередей, фиксированных меню, ограничивающих выбор, и т. п.» (Ланкинен, 2009, с. 161–162). Возможно, поэтому для молодежи Москвы ценность порядка несколько важнее, чем для взрослых и пожилых.

Социокультурное пространство Москвы можно также рассматривать в двух аспектах — как пространство столицы, точки отсчета пространства страны, и как собственное пространство. Как пространство столицы Москва рассматривалась в качестве ровесницы национального государства, национального духовного центра (Вершинина, Полякова, 2014, с. 123); «в образе исконного, благочинного, сердечного города, дома для каждого русского человека, ... узла, в котором скрещены все живые нервы страны, где сходятся помыслы, упования, надежды всего трудящегося человечества, где живет и работает мозг партии, как писали в газетах». Далее исследователь подчеркивает особую миссию города: «Вышка всемирной истории» — Москва стала символом нового мира, боевым кличем пролетариата, борющегося под руководством великого Сталина за победу социализма. Столица СССР олицетворяла собой

город будущего, город счастья и изобилия, плодородия и жизнерадостности. Монументальность сталинской архитектуры и ритуальность советской песни — все посвящалось „матушке-Москве”»; (Баяндина, 2009, с. 51, 53).

В плане собственного пространства Москва может рассматриваться как естественная монополия, «по размеру своего бюджета и по значению в политике и экономике России Москва схожая с «Газпромом», ... привилегированный регион и один из многих элементов властной вертикали» (Баяндина 2009, с. 53). Ряд ученых характеризует российскую столицу как глобальный город, один из таких городов, которые придут на смену столицам национальных государств (Isolde, Rudolph, 2004). «Современный этап развития Москвы — это процесс дальнейшего практически бесконтрольного роста населения, „мигрантизации” населения и появление сопутствующих этому процессу социальных проблем, требующих специального изучения. Среди них и структура современной московской иммиграции, и изменение социальной дифференциации населения, и рост среднего класса, и расширение низшего (за счет мигрантов и пенсионеров), и сложности социального обеспечения населения, и транспортные проблемы, и проблемы коммунального хозяйства, а также проблемы системы образования и культуры. И это далеко не полный перечень проблем, с которыми сталкивается такой древний и такой современный мегаполис, как Москва» (Вершинина, Полякова, 2014, с. 129).

М.Г. Анохин и Д.С. Чумаков считают, что эпоха и идеология постмодернизма предполагают появление новых акторов, субъектов общественной жизни, в том числе и политической, к которым они относят связанные друг с другом политически, экономически и организационно глобальные города: «Среди них выделяются, главным образом, столичные мегаполисы стран так называемой большой двадцатки (G-20), которые являются определяющими центрами глобализационных процессов и формируют общемировую сеть международного сотрудничества в экономической, политической, социальной и духовной сферах. Вместе с этим современные мегаполисы являются и центрами международного соперниче-

ства и даже конфронтации» (Анохин, Чумаков, 2014, с. 8). Москву, сосредоточившую по разным оценкам в своих руках более 75% финансовых потоков страны, данные исследователи сопоставляют, как и другие глобальные города, с крупной транснациональной корпорацией (ТНК): «Именно решению стоящих перед московским мегаполисом проблем подчинена его социально-политическая деятельность на российской и международной арене. Будучи одновременно субъектом РФ, территориальной группой интересов и политическим актором, Москва стремится к повышению своей значимости в принятии и реализации политических решений на всех уровнях, как внутри страны, так и за ее пределами. В связи с этим сегодня столица России активно работает над увеличением своего политического веса и авторитета, созданием позитивного международного имиджа, привлечением и накоплением политического и финансового капитала. Все это должно быть во многом подчинено одной цели — улучшению жизни людей, живущих на территории московского мегаполиса» (Анохин, Чумаков, 2014, с. 6, 10).

Заключение

Таким образом, результаты исследования ценностных ориентаций москвичей выявляют некоторую степень разобщенности морально-нравственных скреп по полу, возрасту, доминирующим ценностным установкам, детерминирующим ориентиры социального поведения. В определенной степени данные результаты детерминированы унифицирующим воздействием глобализации, стремительным развитием альтернативных реальному миру виртуальных медиатизированных пространств, наполненных аксиоризомами, потребительством и культом сиюминутных прихотей, удовольствий.

Состояние социокультурного пространства столичного мегаполиса, дифференцированное по ценностным основаниям, является также отражением процесса дифференциации российского общества в условиях формирования национальной идеи, поиска идеологических оснований и целей развития России как государства-цивилизации. Ценности перестают наполняться глубинными смыслами, становятся симулякрами, либо трактуются представителями различными групп по-разному. У части

населения приоритетом жизни является выживание, а если не выживание, то потребление, слабо выражено представление о взаимосвязи коллективизма, нравственности с гармоничным существованием.

Требуется дальнейшее укрепление морально-нравственных устоев всего российского общества, особенно жителей ее столицы — Москвы,

с тем чтобы формировать гражданина, а не потребителя. В условиях острого геополитического противостояния столица должна вернуться к роли духовного центра стяжения Земли русской, а не быть олицетворением Вавилонской башни, в которой люди не только не понимают друг друга, но даже обоюднo враждебно настроены.

Литература

- Агафонова Д.Ю., Ромашкина Г.Ф. (2024). Социальный капитал: доверие и общественное участие (на примере Тюменской области) // Социологические исследования. № 8. С. 146–154.
- Адаменко С.В. (2011). Западноевропейский средневековый город как социокультурное пространство // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. № 11. С. 4–8.
- Андрианова Е.В. (2024). Качество жизни в оценках жителей Тюменской области // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 10. № 3 (39). С. 111–128. DOI: 10.21684/2411-7897-2024-10-3-111-128
- Анохин М.Г., Чумаков Д.С. (2014). Московский мегаполис в современном российском и мировом политическом пространстве // Вестник РУДН. Серия: Политология. № 2. С. 5–10.
- Баяндина Е.Д. (2009). Москва — глобальный город и столица России: тенденции развития и трансформационные перспективы // Вестник Пермского университета. Политология. Вып. 2 (6). С. 47–58.
- Берлева И.Н. (2022). Интеграция экрannости в социокультурное пространство: культурфилософская аналитика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. Т. 11. № 5–1. С. 257–263.
- Бернюкевич Т.В. (2022) Социокультурное пространство города: от метафизики города до исследования городских практик // Общество: философия, история, культура. № 7 (99). С. 13–17.
- Валиахметов Р.М., Туракаев М.С. (2024). Социальное благополучие жителей регионов России как фактор миграционного потенциала местного населения // Уровень жизни населения регионов России. Т. 20. № 4. С. 629–644.
- Вершинина И.А., Полякова Н.Л. (2014). Москва: столица — глобальный город — агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. № 4. С.122–137.
- Гаврилина Т.О. (2019). Социокультурное пространство города: структура, функции // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 2 (59). С. 26.
- Голова А.Г. (2013). Мегаполис: обитель потребителя // Человек. № 1. С. 63–69.
- Григорьева Е.Н. (2011). Современное социокультурное пространство: социальный аспект // Международный журнал экспериментального образования. № 5. С. 97–98.
- Груздева М.А., Жданова А.Э. (2024). Молодежь региона: динамика социокультурных характеристик // Социальное пространство. Т. 10. № 3. URL: <http://sa.volnc.ru/article/30096?info=references>
- Груздева М.А., Соколова А.А. (2023). Социокультурные характеристики региона в периоды нестабильности // Устойчивое развитие города и региона: социальные и социологические проблемы: материалы межрегиональной научно-практической конференции, 1–3 ноября 2022 года, г. Череповец. С. 244–253.
- Гуляихин В.Н. (2013). Вхождение российской молодежи в общественно-правовую жизнь: роль правовой социализации // NB: Вопросы права и политики. № 11. С. 88–104. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_9698
- Дулина Н.В., Овчар Н.А., Токарев В.В. (2015). Глобализация в масштабах отдельно взятого региона // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвузовский сборник научных статей. № 2 (155). Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 20. С. 59.
- Захарова В.И. (2017). Социокультурное пространство города: управленческий аспект // Научное отражение. № 3 (7). С. 22–23.
- Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В. (2009). Мегаполис: Левиафан с человеческим лицом // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. № 1 (5). С. 37–47.

- Ильин В.А., Морев М.В. (2022). На пути к преодолению внутреннего рубикона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 9–31. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.1
- Когай Е.А. (2023). Новации и традиции в ценностном поле российской культуры // Роль философских дисциплин в формировании цивилизационной идентичности на основе российских традиционных ценностей: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, 24 мая 2023 года, г. Москва. С. 51–58.
- Когай Е.А. (2024a). Социальное благополучие населения в социологическом измерении // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. В поисках альтернативы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Ижевск. С. 287–290.
- Когай Е.А. (2024b). Счастье и социальное благополучие в региональном измерении // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики: сборник научных статей 3-й Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. Курск. С. 206–209.
- Колинько И.В. (2007). Социокультурное пространство как концептуальное и категориальное понятие современных общественных наук // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 2. С. 63–65.
- Костко Н.А. (2021). Модели реализации концепции «креативный город»: анализ европейского опыта // Siberian Socium. Т. 5. № 3 (17). С. 52–68. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-3-52-68
- Крамаренко Н.С. (2016). Интернет как социокультурное пространство жизни и развития человека // Педагогика. № 3. С. 39–46.
- Ланкин Ю.А. (2009). Торгово-развлекательные комплексы в социокультурном пространстве крупного города // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (42). С. 160–167.
- Лاپин Н.И., Беляева Л.П. (2010). Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России». Москва: ИФ РАН. 135 с.
- Лاپин Н.И. (2010). Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. № 1. С. 28–36.
- Литвиненко Л.Л. (2003). Социокультурное пространство непрерывного образования // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 4. С. 65–69.
- Любченко В.С. (2021). Социокультурное пространство современного общества: генезис и основные характеристики // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. Т. 14. № 6. С. 237–245.
- Мажитова А.Р. (2011). Влияние глобализации на социокультурную сферу Республики Башкортостан // Новые проблемы социокультурной эволюции регионов: сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», 12–15 октября 2011 г., г. Казань. Казань: КНИТУ. С. 311–317.
- Маркова Ю.С., Плотникова Е.Б., Соловьев С.С. (2025). Систематическая визуализация индексов ценностной консолидации жителей регионов России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 11. № 2 (42). С. 19–41.
- Постников С.П. (2008). Социокультурное пространство города в историческом измерении // Уральский исторический вестник. № 1 (18). С. 4–7.
- Сайко Э.В. (2001). Введение. Город как феномен социокультурного развития // Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурные характеристики / отв. ред. Э.В. Сайко. Москва. С. 3–24.
- Соколова А.А., Калачикова О.Н. (2025). Территориальная идентичность и миграционные настроения жителей Вологодской области // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 5. № 2. С. 138–156. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.9
- Храпов С.А. (2016). Социокультурное пространство постсоветской России: категория, феномен, механизмы динамики // Философия и культура. № 6 (102). С. 834–841.
- Цыганова Л.А. (2022). Памятник и социокультурное пространство: коммуникационный аспект // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. № 6 (60). С. 174–181.
- Шакирова Е.Ю. (2013). Социокультурное пространство современности: основные характеристики // Культура. Духовность. Общество. № 7. С. 174–181.
- Akubue J. (2019). Challenges of mega cities. *Modern Economy*, 10(09), 2031–2050. DOI: <https://doi.org/10.4236/me.2019.109128>

- Barnes P. (2002). Approaches to community safety: Risk perception and social meaning. *Australian Journal of Emergency Management*, 17(1), 15–23. DOI: <https://search.informit.org/doi/10.3316/informit.370758269308829>
- Bourdeau-Lepage L., Huriot J.-M. (2005). The metropolis in retrospect from the trading metropolis to the global metropolis. *Laboratoire d'Erconomie et de Gestion (LEG) UMR CNRS*, 5118, 257–285.
- Brenner N., Marcuse P., Mayer M. (2009). Cities for people, not for profit. *City*, 13(2-3), 176–184. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604810903020548>
- Ford J.B. (1965). The challenge of the megalopolis. *The International Migration Digest*, 2(1), 41–51. DOI: <https://doi.org/10.2307/3002979>
- Garau C., Frankhauser P. (2026). Fractalopolis: A multi-scale scenario-modelling approach for evaluating master plans and rebalancing metropolitan hierarchy. *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. DOI: <https://doi.org/10.1177/23998083261460673>
- Ghahremani H., Bajestani S.A., McCarthy L., Jalalianhosseini M. (2021). Transformation of urban spaces within cities in the context of globalization and urban competitiveness. *Journal of Urban Planning and Development*, 147(3). DOI: [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)UP.1943-5444.0000703](https://doi.org/10.1061/(ASCE)UP.1943-5444.0000703)
- Han Y. (2026). Countdown city: Contingency as urban condition, hustle as exit, and everyday crisis in Seoul. *City*, 30(1-2), 455–471. DOI: <https://doi.org/10.1080/13604813.2025.2569971>
- Houshmand Nanehkaran A., Samadzadeh R., Masoumi M.T. (2026). New urbanism in Ardabil City, Iran. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, 19(2), 493–517. DOI: <https://doi.org/10.1080/17549175.2023.2278444>
- Hussaini W., Hussaini S.G. (2023). Risks of a megacity. *Journal of Survey in Fisheries Sciences*, 10(1), 1576–1588. DOI: <https://doi.org/10.53555/sfs.v10i1.2414>
- Isolde B., Rudolph R. (2004). Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas. *Area*, 36(1), 69–80. DOI: <http://www.jstor.org/stable/20004359>
- Jansson A., Fast K., Andersson M. (2026) The touristification of work in the post-digital city: A new structure of feeling? *City, Culture and Society*. DOI: 10.1016/j.ccs.2026.100720
- Mohamed A.A. (2026). Space syntax after Hillier: Reclaiming theory in the age of data. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*. DOI: 10.1080/17549175.2026.2665174

Сведения об авторах

Екатерина Владимировна Каргаполова — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 109992, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: K474671@list.ru)

Андрей Петрович Кошкин — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 109992, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: Koshkin.AP@rea.ru)

Андрей Вадимович Новиков — кандидат экономических наук, доцент кафедры, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 109992, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: Novikov.AV@rea.ru)

Kargapolova E.V., Koshkin A.P., Novikov A.V.

The Socio-Cultural Space of a Capital Megalopolis in the Residents' Value Orientations

Abstract. The aim of the study is to analyze the population's value system as an indicator of the socio-cultural space of a capital megalopolis — a space that reflects the dynamic, and often polarizing, vectors of global transformation. The principal research method is a survey of Moscow residents based on the standard methodology "The Sociocultural Evolution of Russia and Its Regions". The scientific novelty lies in identifying the degree of fragmentation of Muscovites' moral bonds. This fragmentation manifests

itself, above all, in the lack of a widely shared value base and in the blurred nature of any integrating axiological core. The paper traces both common and distinctive features in the value structures of the capital's residents across socio-demographic characteristics such as gender and age. The data obtained for Moscow are compared with the findings of analogous studies of value systems conducted in other Russian regions using the same methodology. Based on the dominant value attitudes that shape the vectors of social behavior – such as migration intentions, social well-being, job satisfaction, and interaction priorities – three groups of respondents are identified: “individualists”, “traditionalists”, and “voluntarists”. The empirical results are further distributed and analyzed across functionally orienting value clusters. An attempt is made to uncover the reasons behind the findings, which include the homogenizing impact of globalization and the rapid development of virtual, mediatized spaces – alternatives to the real world, replete with axiorhizomes, consumerism, and the cult of pleasure. The authors' own position on the issue is also articulated. Its essence is that the preservation of Moscow's role as a global city, a center of consumption and consumerism – a “Tower of Babel” – runs counter to the task of restoring the capital's role as the spiritual heart of the country. In the context of Russia's development as a civilization-state, the moral foundations of all Russian society, and especially of the capital's residents, need to be further strengthened.

Key words: socio-cultural space, values, megalopolis, capital, global transformation.

Information about the Authors

Ekaterina V. Kargapolova – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, professor of department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation; e-mail: K474671@list.ru)

Andrey P. Koshkin – Doctor of Sciences (Political Science), Professor, head of department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation; e-mail: Koshkin.AP@rea.ru)

Andrey V. Novikov – Candidate of Sciences (Economics), associate professor of department, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 109992, Russian Federation; e-mail: Novikov.AV@rea.ru)

Статья поступила 13.03.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.12

УДК 316.334.56, ББК 60.546.21

© Гужавина Т.А., Ясников Н.Н.

Индикаторная модель измерения инновационного потенциала городского сообщества

**Татьяна Анатольевна
ГУЖАВИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: tanja_gta@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0636-7690; ResearcherID: R-4871-2017

**Николай Николаевич
ЯСНИКОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: nyasnikov94@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1845-154X; ResearcherID: U-2140-2018

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на разработку и апробацию инструментария для количественной оценки инновационного потенциала городских сообществ. Актуальность работы обусловлена необходимостью перехода от абстрактных представлений об инновационном потенциале к измеримым параметрам, позволяющим принимать обоснованные управленческие решения. Научная задача, решаемая в рамках данного исследования, заключалась в разработке и обосновании методологии количественного измерения и оценки инновационного потенциала территориального сообщества. Авторами предложено теоретическое обоснование индикаторной модели, подробно описан процесс её построения и представлен опыт её практического применения посредством расчёта интегрального индекса

Для цитирования: Гужавина Т.А., Ясников Н.Н. (2026). Индикаторная модель измерения инновационного потенциала городского сообщества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 228–245. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.12

For citation: Guzhavina T.A., Yasnikov N.N. (2026). An indicator model for measuring the innovative potential of an urban community. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 228–245. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.12

инновационности, что позволило операционализировать данный социокультурный феномен. Эмпирическая апробация методики проведена на данных двух крупных городов Вологодской области — Вологды и Череповца. Результаты подтвердили диагностические возможности инструментария по выявлению межгородских различий. Установлено, что население Череповца демонстрирует более высокую готовность к технологическим изменениям, тогда как для Вологды характерно преобладание респондентов со средними и низкими значениями инновационности, что коррелирует с более консервативными установками и структурой занятости. Сделан вывод о том, что предложенная модель может служить основой для мониторинга динамики инновационных установок, оценки эффективности стратегий развития и своевременной корректировки управленческих воздействий. Инструментарий позволяет органам власти перейти к адресной работе с различными группами населения: поддерживать лидеров инноваций, вовлекать прагматиков и снижать тревожность консервативных групп через дифференцированные коммуникационные стратегии. Показана возможность масштабирования методологии для анализа профессиональных и молодежных сообществ, а также для типологизации муниципальных образований. Исследование доказывает, что измерение инновационного потенциала является эффективным инструментом управления территориальным развитием, позволяющим сочетать технологическую модернизацию с опорой на социальный капитал местных сообществ.

Ключевые слова: инновация, индекс инновационности, индикаторная модель, методика измерения, группы носителей, социальный капитал, городское сообщество.

Введение

Инновационность становится современной парадигмой общественного развития, что актуализирует исследовательский интерес в этой сфере. Обозначив себя впервые достаточно ярко в сфере экономики и промышленности, инновационные процессы породили изменения в институциональном устройстве, актуализировали процессы развития сферы науки и образования, затронули инфраструктуру общества, его социальную структуру, создав новые профессиональные и образовательные страты.

Выяснилось также, что инновационные преобразования во многом зависят от социокультурных особенностей сообщества, существующие ценности и нормы поведения определяют уровень готовности населения к изменениям, успешность внедрения инноваций связана не только с их продуманностью, своевременностью, но и с готовностью к ним работника либо населения в целом (Rogers, 2023). Таким образом, исследование инноваций не может быть ограничено чисто технологическими или экономическими границами, которые затрагивают в основном материальную сторону инновационных процессов, будь то продукт или услуга (Патраков и др., 2022). Важным становится изучение социальных аспектов инноваций в самом широком смысле слова. В этом случае социологический подход выступает

одним из приоритетных направлений исследовательской оптики, поскольку именно готовность общества к восприятию изменений определяет успех внедрения инноваций.

В результате встаёт вопрос, как количественно измерить инновационный потенциал городского сообщества, учитывая его социокультурную природу (готовность к переменам, отношение к новому, патернализм, кооперацию и доверие), если существующие подходы либо остаются абстрактными, либо фокусируются по большей части на технологических и экономических показателях, игнорируя человеческий фактор.

С опорой на это понимание сформировалась гипотеза о том, что инновационный потенциал городского сообщества является измеримым параметром, который может быть операционализирован через интегральный индекс, открывающий возможности для оценки уровня инновационности населения и позволяющий увидеть потенциал развития сообщества. Исходя из этого, сформулирована цель нашего исследования, которая состоит в разработке комплексного методологического подхода к выявлению и анализу инновационности территориального сообщества, отражающей готовность к внедрению инноваций и измеряемой через конкретные практики и установки.

Первым необходимым шагом в этом случае становится теоретический анализ, что даст возможность создать когнитивную модель для разработки индикаторной модели, на основании которой будет сформирован интегральный индекс измерения инновационности, который, в свою очередь, позволит описать инновационный потенциал территориального сообщества.

Теоретические основы анализа

В становлении и развитии категории «инновация» нашли отражение неоклассический, институциональный, эволюционный, системный подходы, теория современного менеджмента и ряд других направлений. Принято считать, что основы современной инновационной проблематики заложили Й. Шумпетер (Shumpeter, 1939) и Н. Кондратьев (Кондратьев, 2002). Выявленная ими взаимосвязь между социально-экономическим прогрессом и инновацией стала стимулом для изучения данного общественного феномена.

Понимание инновации как комплексного процесса позволило структурировать его от начального этапа, толчком к которому чаще всего становится фундаментальное научное исследование, до результативного внедрения в сфере потребления (Коростышевская и др., 2018). Еще одним результатом исследований стало введение в научный обиход таких понятий, как «инновационная деятельность», «инновационный процесс», «инновационный цикл» и т. п. (Барнева, 2007). Следует обратить внимание и на многообразие инноваций, что позволило выстроить их классификацию по целому набору критериев. Тем самым был сделан важный шаг в их изучении и открылись новые исследовательские возможности (Голдякова, 2006).

В исследованиях экономистов второй половины прошлого столетия все чаще стал появляться подход к инновациям скорее как к социальному явлению, чем чисто экономическому. Эти идеи обнаруживаются в работах П. Друкера, К. Фримена, Г. Менша, А. Клайхнехта и ряда других ученых. Они напрямую начинают выделять связи между инновациями и прогрессом общества во всех его сферах. Развивая эти идеи, современные авторы поднимают вопросы ответственных инноваций, направляемых на общественное благо (Zhou et al., 2026), изучают роль инноваций в обществе

эпохи пост-роста (post-growth era) (Isacson et al., 2026), а также рассматривают роль инвазивных быстрых (invasive rapid) инноваций в повседневной жизни современного общества (Lasarov, Hoffmann, 2026).

Исходя из социологической перспективы на понимание инноваций, следует учитывать наличие существующих концептуальных подходов к их трактовке, среди которых базовыми можно считать структуралистский, структурно-функциональный и социокультурный анализ. Опора на них позволяет трактовать инновацию как социальное действие, наделенное специфическими общественными смыслами. При этом реализация такого действия обусловлена культурными нормами и установками, которые, в свою очередь, способны выступать не только драйверами, но и препятствиями на пути нововведений.

Сквозь призму системного анализа в границах структурно-функционального подхода, разработанного Т. Парсонсом (Парсонс, 1997), можно рассматривать институты и институциональную среду в качестве фактора, определяющего возможность и успешность инноваций. Институты в парсонсовской традиции представляют собой устойчивые комплексы норм, ценностей и образцов поведения, что делает их регуляторами социальных действий. Поэтому для успешного внедрения инновации необходимо, чтобы она была воспринята существующей институциональной системой, то есть либо вписалась в сложившиеся нормативные структуры, либо инициировала их постепенную адаптацию. Именно в процессе институализации, когда происходит закрепление инновации в формальных и неформальных правилах, стандартах и ролевых ожиданиях, которые разделяются членами общества и обеспечивают воспроизводство социальной системы, она становится социально значимой (Парсонс, 2002). В свою очередь, продолжая эту традицию, П. Штомпка, анализируя социальные изменения, акцентировал внимание на том, что институты выступают не только стабилизирующим фактором, но и структурной возможностью для творческой активности индивидов, которые могут переопределять и трансформировать институциональные рамки в процессе внедрения новшеств (Sztompka, 1993).

Современные исследования конкретизируют этот теоретический вывод в двух аспектах. Во-первых, на макроуровне «готовность к инновационной деятельности» связывается с качеством институциональной среды, анализируемым через такие параметры, как стабильность регуляторной политики и эффективность государственного управления, что нашло отражение в методологии Глобального инновационного индекса¹. Во-вторых, эмпирические работы на примере высокотехнологичных отраслей (в частности, индустрии искусственного интеллекта) демонстрируют, что институциональная среда выступает значимым модератором инновационной активности: государственные субсидии и режим защиты интеллектуальной собственности могут как усиливать, так и перераспределять эффект от сетевого взаимодействия инноваторов (Yang et al., 2025).

Современные отечественные исследования подтверждают и развивают эту идею. Так, В.С. Михайлов и Г.Р. Ислакаева показывают, что специфичные для России неформальные институты (рентоориентированное поведение, консерватизм, избегание изменений) продолжают негативно влиять на предпринимательское поведение и инновационную готовность, несмотря на активные государственные меры поддержки формальных институтов (Михайлов, Ислакаева, 2025). М.Г. Аллабян концептуализирует барьеры инновационной готовности как фобии, прокрастинацию, гедоническую адаптацию и инновационный нигилизм, трансформирующиеся в угрозы технологического суверенитета, которые можно преодолеть построением «антихрупкой национальной инновационной системы», невозможной без комплексного, институционального подхода (Аллабян, 2025). В свою очередь Л.Н. Дробышевская и К.М. Исаков демонстрируют, что проактивные предприятия, способные к институциональной адаптации, имеют на 36% меньший риск ликвидации и показывают значительный прирост прибыли (Дробышевская, Исаков, 2024). Отдельное внимание современные исследователи уделяют роли инновационности в устойчивом развитии. Уточняется методология

разработки дорожных карт инноваций (Муха, 2024), рассматривается роль инноваций в обеспечении устойчивого регионального развития (Хамидова, Бабаева, 2024), предлагаются решения по внедрению инноваций, направленных на достижение целей устойчивого развития (Рагулина, 2024).

Выйти за рамки институционального анализа при интерпретации инновационных практик позволяет социокультурный подход, основы которого были сформулированы П.А. Сорокиным. Он дает возможность обратить внимание на такие внеинституциональные факторы отношения к инновациям, как культура и традиции. Социокультурный подход, обладая существенным эвристическим потенциалом, предоставляет ключ к пониманию парадоксальной ситуации, когда одни инновации органично вписываются в социальную ткань, тогда как другие встречают сопротивление даже при наличии самых благоприятных институциональных условий. Объяснение этому феномену коренится в фундаментальном положении сорокинской теории: любые изменения на уровне практик, быта, орудий труда или социальной организации становятся возможными лишь постольку, поскольку им предшествует трансформация «внутреннего мира» человека. Как подчеркивал П. Сорокин, «изменение практики, быта... наступает лишь после соответствующего изменения в психике, в идеях, в знаниях и убеждениях, и без предварительного психического изменения оно не может наступить» (Сорокин, 1992). Иными словами, культура как система смыслов выступает тем фильтром, который либо пропускает инновацию в повседневность, либо блокирует ее.

В западной научной традиции линию социокультурного анализа инноваций наиболее последовательно развил Г. Хофстеде, чья модель культурных измерений позволила эмпирически верифицировать влияние ценностных ориентаций на инновационную активность (Hofstede, 2001; Hofstede et al., 2010). Исследователь показал, что такие параметры национальной культуры, как дистанция власти, избегание неопределенности и долгосрочная ориентация, напрямую коррелируют со способностью общества генерировать и принимать нововведения: низкий уровень избегания неопределенности способствует большей толерантности к риску и

¹ URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2025/en/appendix-iii-sources-and-definitions.html>

экспериментам, тогда как высокая долгосрочная ориентация создает благоприятную среду для внедрения постепенных, но устойчивых инноваций (Hofstede, 2001). Р. Инглхарт, развивая этот исследовательский вектор в рамках теории постиндустриальных ценностных сдвигов, продемонстрировал, что переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения создает принципиально иную социокультурную среду, в которой инновационность становится не отклонением от нормы, а массовой поведенческой практикой (Inglehart, 1997; Inglehart, Welzel, 2005). В свою очередь Ш. Шварц на основе масштабных кросс-культурных исследований доказал, что ценностные приоритеты «открытости изменениям» (самостоятельность, стимуляция) непосредственно predisполагают индивидов и группы к инновационной активности, тогда как доминирование ценностей «сохранения» (безопасность, конформность, традиция) формирует культурный барьер на пути нововведений (Schwartz, 2006; Schwartz, 2014).

В контексте изучения инноваций структуралистский взгляд П. Бурдьё ценен тем, что позволяет преодолеть упрощенное понимание процесса внедрения новшеств. С одной стороны, как подчеркивал сам автор, инновации могут выступать в качестве объективных социальных структур, задающих рамки и детерминирующих поведение акторов (Бурдьё, 2007). С другой стороны, эти внешние структуры должны быть «освоены» субъектом, т. е. переведены на уровень внутренних диспозиций. Это происходит в процессе формирования специфических установок, или габитуса. Именно габитус, будучи интернализованным социальным опытом, порождает практики и стратегии поведения по отношению к новшеству (принятие или отторжение). Габитус выступает тем концептуальным инструментом, который позволяет исследовать процесс «опривычивания», то есть раскрывает механизм превращения инновации из чужеродного в естественную составляющую мира повседневности (Ростова, Желнина, 2016).

В зарубежной исследовательской традиции основанная на подходе Бурдьё оптика получила плодотворное развитие в работах, посвященных анализу инновационных процессов. Так, Б. Фрер, рассматривая ограничения теории

габитуса, предложил пути ее концептуального расширения для объяснения творческой активности и радикальных инноваций, демонстрируемых акторами в новых социальных движениях (Frère, 2011). Исследователь показывает, что габитус способен выступать не только инерционной структурой, но и генератором практик, трансформирующих социальное поле изнутри. Тем самым инновация предстает не как внешнее вторжение в социальную ткань, а как результат специфической конфигурации диспозиций, сформированных предшествующим опытом и актуализируемых в ответ на вызовы текущей ситуации.

Среди российских практик обратим внимание на подход, предложенный Н.И. Лапиным. Его трактовка инновации представляет собой одну из наиболее глубоких и системных в отечественной социологической традиции, что позволяет выйти за рамки узкоэкономического или технологического понимания этого феномена. Для ученого инновация — не просто новшество или конечный продукт внедрения. Это достаточно сложный, многомерный и динамичный социокультурный процесс, вбирающий не только создание, распространение и использование нового практического средства, но и возможные изменения в окружающей среде². По мнению Н.И. Лапина, инновация содержит не только все тенденции настоящего времени культуры, но и определенные ориентиры на будущее, таким образом, темпоральная двойственность является важнейшей характеристикой инновации³. Эта амбивалентность делает инновацию мощным фактором социокультурной динамики, одновременно являясь продуктом своего времени и его потенциальным преобразователем (Лапин, 2011). Специфика подхода ученого состоит в единении двух аспектов — средового и процессного, что делает его незаменимым для комплексного анализа инноваций.

Такое понимание открывает широкие перспективы для интеграции идей различных теоретических школ. Процессный характер инновации позволяет рассматривать ее институциональную укорененность, близкую идеям

² Лапин Н.И. (2008). Люди в инновациях // Теория и практика инноватики: учеб. пособие. Москва: Университетская книга, Логос. 327 с.

³ Там же.

Т. Парсонса: любое нововведение неизбежно проходит через фильтры существующих правил и норм, либо адаптируясь к ним, либо инициируя их трансформацию. Зависимость успеха и траектории инновации от культурных кодов и ценностных структур перекликается с традицией П. Сорокина: инновация должна резонировать с фундаментальными ценностями социума, чтобы быть принятой и получить широкое распространение. Наконец, подход Н.И. Лапина акцентирует роль агентов инновации, чьи диспозиции, привычки и практики (габитус по П. Бурдьё) играют решающую роль в принятии или отторжении нового. В этом контексте инновация предстает не как абстрактный процесс, а как поле напряженного взаимодействия между носителями различных габитусов, институциональными правилами и культурными смыслами. Иными словами, инновация локализована на пересечении институциональных правил, культурных смыслов и повседневных практик социальных агентов. Н.И. Лапин подчеркивает, что инновационные процессы не всегда носят исключительно позитивный характер. Они могут порождать и дисфункциональные последствия, вступать в противоречия со сложившейся системой интересов и становиться источником социальных конфликтов. Осознание этого риска является неотъемлемой частью его системного подхода, который требует учета не только потенциала развития, но и возможных негативных эффектов нововведений. Таким образом, интерпретация инновации Н.И. Лапина создает прочный теоретический фундамент для понимания этого феномена во всей его социокультурной сложности.

Следует добавить еще один аспект, предвещающий информацию относительно нашей модели. Продуктивным ориентиром для решения этой задачи выступают также работы ряда зарубежных исследователей, предложивших модели измерения инновационного потенциала. Среди них концепция Б. Асхайма и А. Изаксена (Asheim, Isaksen, 2002), где внимание акцентируется на инновационной способности территории, основанием которой служит сложившаяся конфигурация институтов, знаний и сетевых взаимодействий, что позволяет учитывать как формальные, так и неформальные практики.

Прежде чем предложить авторский подход, необходимо проанализировать уже существующие модели. Такой опыт есть, и на разных уровнях. Первый и самый известный уровень измерения — макроуровень. Глобальные индексы инноваций представляют собой иерархические индикаторные модели, которые агрегируют десятки показателей в единый сводный индекс. Они позволяют ранжировать страны, выявлять сильные и слабые стороны национальных инновационных систем, отслеживать динамику и проводить межстрановой анализ. Основных игроков здесь два. Global Innovation Index (GII) публикуется Всемирной организацией интеллектуальной собственности, охватывает более 140 стран мира и определяет 100 лучших инновационных кластеров мира (в их числе Москва)⁴. Вторая модель — это European Innovation Scoreboard (EIS). Она представляет собой инструмент Европейской комиссии, сфокусированный на странах — членах Европейского союза. EIS построен по иной логике, адаптированной под европейскую специфику⁵. На основе сводного индекса все страны делятся на четыре группы: лидеры инноваций (Innovation Leaders), сильные инноваторы (Strong Innovators), умеренные инноваторы (Moderate Innovators) и скромные инноваторы (Emerging Innovators). Отметим, что оба подхода имеют схожие ограничения: статистические лаги, проблемы сопоставимости данных разных стран и, главное, за бортом остаётся человеческий фактор — социокультурные особенности.

На мезоуровне можно обнаружить несколько моделей, ориентированных на регионы и кластеры (табл. 1). Модель RIS (Regional Innovation Systems) делает акцент на учёте неформальных практик (доверие, патернализм, готовность к переменам) как основы инновационной способности. Кластерная модель обращает внимание на кооперацию и сетевые взаимодействия (индекс кооперации и доверия). Модель тройной спирали (Triple Helix) оцени-

⁴ Global Innovation Index. URL: <https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index> (дата обращения: 02.02.2026).

⁵ European innovation scoreboard. URL: https://research-and-innovation.ec.europa.eu/statistics/performance-indicators/european-innovation-scoreboard_en (дата обращения: 02.02.2026).

вает институциональное доверие к власти, бизнесу и общественным организациям. Концепция умной специализации (Smart Specialisation, S3) исходит из принципа адресности — понимания специфики территории для точечного управления.

Наш интерес к инновационным возможностям территориальных сообществ потребовал анализа возможностей моделей мезоуровня, что позволило увидеть их специфику и целевую направленность. В итоге выяснилось, что существует возможность разработки еще одной мезомодели, которая имеет как общие черты с анализируемыми выше моделями, так и существенные отличия, делающие ее оригинальной авторской разработкой. Например, с RIS авторскую модель объединяет учёт неформальных практик (доверие, патернализм, готовность к переменам) как основы инновационных способностей; с кластерной моделью — внимание к кооперации и сетевым взаимодействиям (индекс кооперации и доверия); с тройной спиралью — оценка институционального доверия к власти, бизнесу, общественным организациям; с умной специализацией — принцип адресности: понимание специфики территории для точечного управления. В качестве существенных отличий назовем объект, методы измерения, типы данных и практическую направленность. В качестве объекта измерения модель ориентирована на население территориального сообщества, являющегося носителем инновационного потенциала. Отметим, что RIS, кластерная модель или S3 фокусируются на институтах и структурах. Для сбора данных используются массовые опросы, фиксирующие субъективные установки людей (в отличие от статистики). Это позволяет получить и иной тип данных. Вместо «количества патентов» или «объёма инвестиций» вскрывается социокультурный код: готовность к переменам, локус контроля, уровень доверия и кооперации и ряд других показателей. На основе анализа данных возникает возможность выработки практических рекомендаций, которые становятся инструментом для адресного управления: понимание, с какими установками люди живут в городе, позволяет разрабатывать меры, работающие «на почве», а не вопреки ей. Таким образом, если сравнить три подхода, то макроуровень (GII, EIS) измеряет институты и инфраструктуру на основе

статистики, микроуровень (BSC) — финансы и процессы на базе отчётности, а авторская мезомодель — социокультурный код и установки на основе массовых опросов. Каждый уровень решает свои задачи, и только вместе они могут дать полную картину.

В основу авторской мезомодели была положена индикаторная модель, выступающая в качестве методологической основы для перевода абстрактных теоретических конструктов в плоскость конкретных измеримых показателей, что позволяет получить объективную картину инновационного развития территории.

Материалы и методы

В рамках измерения и оценки инновационности территориального сообщества мы обратились к нашей более ранней разработке построения индикаторной модели социального капитала⁶. Индикаторная модель выступает в качестве методологической основы для перевода абстрактных теоретических конструктов в плоскость конкретных измеримых показателей, что позволяет получить объективную картину инновационного развития территории (Гужавина и др., 2022). Использование индикаторной модели измерения инновационности имеет ряд методологических преимуществ, таких как возможность количественной оценки ряда характеристик: мониторинг динамики инновационного развития, выявление проблемных зон и потенциала развития, сравнительный анализ различных территориальных сообществ, существующие инновационные практики населения, существующие культурные коды и ценностные структуры и т. д.

Индикаторная модель представляет собой «...совокупность индикаторов, сформированную на определенном концептуальном основании и позволяющую получить в систематизированном виде информацию об изучаемом явлении, процессе, выявить взаимосвязи между составляющими элементами» (Афанасьев, 2016). Построение индикаторной модели требует соблюдения определённого алгоритма.

⁶ Методика построения индикаторной модели апробирована при реализации грантов «Проект №16-03-00188-ОГН «Региональный социальный капитал в условиях кризиса» и «Проект № 20-011-00326 А «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе». Результаты исследований опубликованы в монографиях и статьях.

В нашем исследовании инновационности этот алгоритм включает следующие этапы: 1) выделение обобщающего понятия, которое объединяет совокупность операциональных понятий; 2) конкретизация этих понятий; 3) отбор необходимого числа показателей (на основе гипотезы исследования).

Исходя из теоретической трактовки категории инновации, мы интерпретируем ее как социокультурное в своей основе и социальное по своему характеру действие. Операциональными понятиями, характеризующими инновационность, являются готовность к переменам, отношение к новому, патернализм, кооперация и доверие. Затем происходит перевод этих понятий в индексные показатели, которые закладываются в инструментарий исследования. Это позволяет включить в структуру модели группы индикаторов, характеризующие ее составные элементы. Данный подход находит отражение в разработке *когнитивной модели* изучаемого объекта. Рассмотрим подробнее вошедшие в нее элементы.

Готовность к переменам — это не только открытость к новому, но и способность адаптироваться к новым условиям, готовность предпринимать что-то для реализации преобразований, активная вовлеченность в перемены. Готовность к переменам выступает именно как антипод оппортунизму и пассивности, будучи интегральной установкой, синтезирующей осознание, позитивное отношение и деятельную вовлеченность. В ряде исследований готовность к организационным изменениям определяется через убеждения, установки и намерения членов организации, причем подчеркивается, что именно эти когнитивные и аффективные предпосылки предшествуют активной поддержке преобразований и отличают готовность от пассивного сопротивления (Наумцева, 2016; Armenakis et al., 1993).

Еще одной переменной индекса инновационности является *отношение к новому*. Представляя собой интегральную психологическую характеристику, отношение к новому характеризует способность личности воспринимать, оценивать новые идеи, технологии, процессы, объекты и реагировать на них. Данный индикатор выступает как важнейший предиктор инновационного поведения. Позитивное отношение к новому служит внутренним ката-

лизатором инновационной активности (Понукалин, 2010), тогда как негативное отношение блокирует инновации на уровне личности или группы (Кудрин, Хабаров, 2025). В зарубежной исследовательской традиции это понятие операционализируется через близкие конструкты (Gavin, 1984).

Связь *патернализма* с ориентацией на инновации не является однозначной. С одной стороны, он служит барьером, ограничивая креативность и требуя подчинения. В закрытых сообществах может формироваться сознание, неспособное адаптироваться к переменам, что служит свидетельством его социокультурной инертности. С другой стороны, в определенных условиях патернализм вполне может стать катализатором инноваций. Это свойственно культурам с высокой дистанцией власти (Баранова, 2018). Данная двойственность находит подтверждение в современных исследованиях патерналистского лидерства (Lu et al., 2022).

Для российской практики более актуальным является вариант, когда государственный патернализм выступает как стартовый механизм для развития стратегических направлений. Здесь государство берет на себя риски начального этапа, выступая софинансистом или соучредителем проекта. Здесь важно, чтобы в период поддержки сформировались горизонтальные связи между акторами (Васюков, 2025), которые необходимо сохранить для дальнейшей реализации инновационного проекта. Именно такой вариант трактовки патернализма наиболее близок нашей модели.

Кооперацию и доверие можно трактовать как фундаментальный механизм, на котором базируется успех инноваций во многих сферах жизни (Юсупова, 2021). Особенно это важно для социальных инноваций, которые возникают прежде всего в сетях взаимодействий между различными акторами. Кооперация в инновационной сфере представляет собой форму совместной деятельности разнородных участников с целью создания нового знания, продукта, отношений. Кооперация создает пространство для воспроизводства доверия, оно же обеспечивает возможность сотрудничества. Это связано с тем фактом, что доверие, будучи совокупностью социально обоснованных и социально подтвержденных ожиданий акторов по отношению к друг другу, составляет фундаментальное

содержание жизни и поддерживает устойчивость и интегрированность общества (Гужавина, 2014). Оно обеспечивает снижение рисков оппортунистического поведения и расширяет основы кооперации в рамках коллективных действий. Кооперация и доверие имеют связь диалектического характера: доверие является собой основу любого сотрудничества, а успешная кооперация укрепляет доверие.

Когнитивная модель служит основанием для построения собственно индикаторной модели, состоящей из совокупности базовых индексов. В нашем случае это следующие индексы.

«*Индекс готовности к переменам*» — объединяет индикаторы, измеряющие практическую и психологическую расположенность респондента к освоению конкретных нововведений в повседневной и профессиональной жизни. Вопросы охватывают отношение к цифровым сервисам и технологиям (онлайн-услуги, умные устройства, телемедицина), новым форматам занятости и досуга, а также экологическим практикам. Отдельно фиксируется оценка респондентом последствий технологических изменений в профессиональной сфере, склонность к творческой, изобретательской деятельности и доминирующая стратегия трудового поведения (материалистическая, новаторская, адаптивная либо семейно-ориентированная).

«*Индекс отношения к новому*» вобрал вопросы, направленные на выявление ценностно-мотивационного отношения респондента к социально-экономическим изменениям, новизне и свободе. Индикаторы фиксируют, насколько человек воспринимает перемены как возможность для роста и улучшения благосостояния либо как угрозу, требующую отказа от привычного уклада. Дополнительно оценивается значимость свободы, содержательного труда, инициативы и предприимчивости в жизни, а также место традиций и стабильности в системе ценностей респондента.

«*Индекс патернализма*» основан на вопросах-индикаторах, диагностирующих локус контроля и степень личной ответственности, которую респондент возлагает на себя либо на внешние инстанции. Индикаторы выявляют, в какой мере человек связывает своё материальное положение, карьеру и качество жизни с собственными усилиями, а не с действиями руководителей или властей различных уровней. Дополни-

тельно оценивается отношение к идее активной заботы государства о благосостоянии граждан и запрос на внешнее руководство и поддержку в сложных ситуациях. Высокие значения по данному субиндексу (отвержение патернализма) интерпретируются как установка на самостоятельность и самодетерминацию, необходимые для инновационного поведения.

«*Индекс кооперации и доверия*» направлен на оценку уровня межличностного и институционального доверия — от ближайшего окружения до государственных и общественных структур. Также фиксируется готовность индивида к объединению с другими людьми для совместных действий, будь то решение бытовых проблем, защита прав, участие в самоуправлении, экологические инициативы или творческие проекты. Дополнительно учитывается реальная вовлечённость в деятельность общественных организаций.

По итогам отбора индикаторов сформирована модель переменных инновационности как многомерного феномена, количественная оценка которого осуществляется на основе формулы:

$$I_{\text{ин}} = (I_{\text{гот}} + I_{\text{пат}} + I_{\text{кооп}} + I_{\text{нов}})/4,$$

где

$I_{\text{ин}}$ — индекс инновационности;
 $I_{\text{гот}}$ — субиндекс готовности к переменам;
 $I_{\text{пат}}$ — субиндекс патернализма;
 $I_{\text{кооп}}$ — субиндекс кооперации и доверия;
 $I_{\text{нов}}$ — субиндекс отношения к новому.

Для измерения уровня инновационности был использован метод социологического опроса населения, где индикаторами являются ответы респондентов. В инструментарий вошли собственно индикаторные вопросы для оценки уровня инновационности населения, а также вопросы, дающие возможность охарактеризовать акторов инновационного поведения, выявить условия для его формирования и реализации.

При анализе данных использован индексный метод, агрегирующий показатели в частные индексы по выделенным структурным компонентам инновационности. Расчет по каждому блоку позволяет не размыть общий индекс, а равноценность расчётных субиндексов проистекает из трактовки инновационно-

сти как многомерного социокультурного феномена, возникающего на пересечении четырёх измерений: готовности к переменам, отношения к новому, патернализма (как обратного показателя самостоятельности) и кооперации с доверием. Согласно синтезу институционального, социокультурного и структуралистского подходов, ни один из этих компонентов не доминирует над другими. Такой подход является достаточно распространённым и используется как зарубежными исследователями, например ООН при расчёте индекса человеческого развития⁷, так и отечественными, например для измерения уровня социального капитала (Гужавина и др., 2022). Каждая переменная в блоке была приведена к стандартизированной пятибалльной шкале для обеспечения возможности расчёта. При этом интерпретируется не столько само по себе числовое значение индекса, сколько его колебания и изменения во времени. Индексный метод открывает возможности как для точечного измерения свойства социального объекта, так и для мониторинга его состояния. Методика показала высокий уровень согласованности итогового индекса. Согласованность и надёжность отобранных переменных в модели доказывает уровень показателя Альфа Кронбаха 0,7 при пороговом значении 0,7.

Созданная на основе авторской общей теоретической модели и индексного метода аддитивная индикаторная модель измерения инновационности открывает возможность для измерения уровня инновационности каждого респондента. Интегральный индекс инновационной активности рассчитывается для каждого опрошенного. Все респонденты были разделены на пять групп, что позволило сформировать сбалансированную шкалу (очень низкий — ниже среднего — средний — выше среднего — высокий). Это обеспечивает достаточную степень дифференциации и сохраняет наглядность выводов. Разделение на меньшее число групп ведет к излишней агрегации, тогда как их большее число порождает излишнюю детализацию.

В первую группу вошли респонденты с самым низким индексом инновационности. Эта группа условно обозначена как обладатели минимального индекса инновационности (условно — тип 1).

Представители данной группы при ответе на индикаторные вопросы в основном выбирали позиции «не могу приспособиться к переменам», «будущее не зависит от меня», «не доверяю», «не готов объединяться», «не состою», «не участвую», «нужно соблюдать традиции», «проблемы людей должно решать государство» и т. п. Они в основном негативно относятся к инновациям. У них преобладают установки на недоверие и отрицание нового. Доминирует ориентация на государственный патернализм. Это *устойчивые консерваторы*.

Во вторую группу были включены респонденты с более высоким индексом, обозначенные как обладатели низкого индекса инновационности (условно — тип 2). Представители этой группы настороженно относятся к новому. Они скорее консервативны по своим установкам и близки первому типу, но их позиция менее категорична. Потенциал адаптации уже заметен. Это *патерналисты-традиционалисты*.

Третья группа объединила респондентов с индексом инновационности среднего уровня (условно — тип 3). Они составили значительную часть опрошенных. Люди принимают новое, готовы к нему если видят в этом пользу, что позволяет определить их как прагматиков. Данная группа обеспечивает диффузию инноваций в обществе. Они понимают пользу, удобство от внедрения инноваций в свою жизнь, но могут и отказаться от навязывания, противостоя в той или иной степени внешнему давлению. Это *прагматики*.

Четвёртую группу составили те, кто имеет относительно высокий уровень индекса инновационности (условно — тип 4). Четвертая группа представляет собой, по сути, *социальных активистов*. Они легко адаптируются к переменам, имеют вокруг себя единомышленников, первыми готовы принять новшество, в переменных видят ресурс, воспринимают их позитивно. Они во многом блокируют оппозиционное поведение коллег.

Респонденты с индексом инновационности высокого уровня были отнесены к пятой группе (условно — тип 5). Ее представители, отвечая на индикаторные вопросы, чаще прочих выбирали позиции «перемены несут возможности», «моё будущее в моих руках», «готов доверять и объединяться», «состою и участвую», «проблемы нужно решать самостоятельно» и им подобные.

⁷ URL: <https://hdr.undp.org/data-center/documenta-tion-and-downloads>

Пятая группа вбирает в себя *инноваторов-лидеров*. Вошедшие в группу самостоятельно конструируют будущее, они главные проводники и инициаторы перемен, воспринимают будущее как поле своих возможностей. Это люди с высоким уровнем социального капитала, способные взять ответственность на себя. Распределение респондентов по группам показывает их отношение к инновациям в самых разных сферах жизнедеятельности.

В качестве эмпирической базы были использованы результаты исследования, проведенного в 2025 году на территории Вологодской области при реализации проектов «Гений места и Дух времени» (АО МЦСЭИ «Леонтьевский центр») и «Социокультурное развитие и социодинамика общественно-государственных отношений в российских регионах» (ВолНЦ РАН, госзадание № FMGZ-2025-0015). Проект реализовывался в парадигме количественного исследования. Методология исследования основывается на массовом опросе населения крупных городов Вологодской области. Объем выборочной совокупности составил 800 человек старше 18 лет. Выборка двухступенчатая квотная с контролем территории и с отбором районов в крупных городах области с охватом разных типов застройки. На второй ступени анкеры работали по свободному маршруту с фиксированным шагом отбора.

Результаты и обсуждение

Опросы, проведенные в крупных городах Вологодской области — Вологде и Череповце, дали достаточный материал для расчета индекса инновационности. Интеграция концептуальных перспектив создает теоретико-методологическую рамку для конструирования индекса, способного зафиксировать характеристики инновационности территориального сообщества. Данная задача требует обращения к эмпирическим методам получения информации и их аналитическому обобщению с возможностью разработки для количественной оценки ситуации индекса инновационности территориального сообщества.

В результате анализа данных были выявлены группы респондентов, обладающих разным индексом инновационности и демонстрирующих существенное отличие в своем отношении к инновациям в различных сферах жизнедея-

тельности, а также определены реальный баланс полярных установок и особенности социокультурного ландшафта городов (табл. 1).

Таблица 1. Уровень инновационности горожанина, %

Город	Уровень инновационности				
	1	2	3	4	5
Вологда	5	35	42	17	1
Череповец	4	20	50	20	7

Источник: данные социологического опроса, апрель – май 2025 года, Вологодская область.

Сопоставление групп с низким (типы 1 и 2) и высоким (типы 4 и 5) уровнями инновационности в Вологде показало, что доля населения с патерналистско-консервативными установками превышает долю носителей инновационной активности. Несколько иная ситуация в Череповце, где новаторы (группы 4 и 5) показали некоторое преимущество перед консерваторами (группы 1 и 2). Наиболее многочисленная в обоих городах группа прагматиков (тип 3) занимает срединную позицию и выступает потенциальным ресурсом для диффузии инноваций при условии их практической полезности. Таким образом, социокультурный ландшафт городского населения характеризуется не столько поляризацией, сколько умеренным доминированием низкоинновационных установок при наличии критической массы прагматичного большинства.

В рамках статьи мы имеем ограниченные возможности в демонстрации применения разработанного индекса. Тем не менее рассмотрим несколько примеров. Обратим внимание на установки горожан в профессиональной среде, поскольку именно в этой сфере прежде всего возникают возможности для самореализации и инициативности (табл. 2). В этой сфере по ряду параметров различия между городскими сообществами достаточно существенны.

Уровень инновационности населения существенно дифференцирует трудовые приоритеты. Переход от низких значений индекса к высоким сопровождается сдвигом от потребности в безопасности, стабильности и иерархических отношениях к потребности в автономии, влиянии, творчестве и достойном материальном вознаграждении. При этом профиль «инновационного работника» может иметь свои оттен-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Какие из приведенных характеристик Вашего места работы для Вас наиболее важны?», в зависимости от индекса инновационности, %

Вариант ответа	Уровень инновационности				
	1	2	3	4	5
	Вологда				
Безопасность (риск для жизни и здоровья минимален)*	29	22	39	39	20
Возможность влиять на работу предприятия**	5	6	18	30	40
Возможность приносить пользу обществу	14	18	19	18	20
Возможность проявлять инициативу, творчески решать поставленные задачи	19	11	22	20	20
Возможность работать самостоятельно	33	21	21	26	60
Возможность реализовать свои способности, навыки, умения	33	21	26	39	20
Высокая заработная плата*	38	56	67	52	80
Надежность, стабильность места работы	43	56	51	41	40
Отношения с руководителями	43	36	27	23	40
Отношения с коллегами по работе	24	42	31	26	60
Перспективы профессионального, служебного роста**	0	12	27	14	40
Работа оставляет время для досуга, личной жизни	14	18	14	17	0
Работа пользуется уважением в Вашем окружении**	5	4	7	20	0
Содержание работы (чтобы она была интересной)	14	11	11	15	20
	Череповец				
	1	2	3	4	5
	Череповец				
Безопасность (риск для жизни и здоровья минимален)**	56	64	47	47	19
Возможность влиять на работу предприятия	13	9	6	9	22
Возможность приносить пользу обществу**	6	6	6	17	22
Возможность проявлять инициативу, творчески решать поставленные задачи**	6	8	5	22	41
Возможность работать самостоятельно*	19	27	29	46	44
Возможность реализовать свои способности, навыки, умения**	19	18	35	57	30
Высокая заработная плата	50	60	69	72	56
Надежность, стабильность места работы**	25	63	73	58	33
Отношения с руководителями**	56	42	17	19	22
Отношения с коллегами по работе**	50	51	31	22	48
Перспективы профессионального, служебного роста	38	17	17	19	26
Работа оставляет время для досуга, личной жизни**	13	37	48	27	11
Работа пользуется уважением в Вашем окружении**	6	4	17	16	30
Содержание работы (чтобы она была интересной)	38	18	27	24	26

* Переменная значима на уровне $P < 0,05$; Хи-квадрат по критерию Краскела – Уоллеса $> 10,9$; $df = 4$.
 ** Переменная значима на уровне $P < 0,01$; Хи-квадрат по критерию Краскела – Уоллеса $> 10,9$; $df = 4$.
 Источник: данные социологического опроса, апрель – май 2025 года, Вологодская область.

ки, что свидетельствует о значимости такого фактора, как городская социокультурная среда. Тем не менее хорошо заметны общие тренды: от выживания к развитию. Так, для групп 1–2, где доминируют базовые, по сути, охранные ценности, важнее всего безопасность труда, стабильность и хорошие отношения с руководством. Инициативность и влияние на предприятие практически не имеют веса (5–13%). Это стратегия адаптации и сохранения места. Третья группа – это своего рода зона перелома. Можно

видеть пиковые значения надежности и оплаты труда. Здесь уже есть готовность к новому, но и потребность в твердой основе достаточно высока. Высокий индекс (группы 4–5) связан с дрейфом к автономии и влиянию, значимости содержания труда. Максимальные значения достигаются по шкалам «возможность влиять на предприятие», «работать самостоятельно» и «проявлять инициативу». Потребность в «безопасности» и «отношениях с руководителем» резко падает.

Рост инновационности везде повышает спрос на свободу и влияние. Но если в Вологде, административном центре региона, «инноватор» — это скорее автономный профессионал-карьерист, готовый работать на себя и за большую зарплату, то в Череповце, промышленном центре, в большей степени востребованы инициативные члены команды, для которых важны как возможность творить, так и признание со стороны коллег. Это указывает на более коллективистский характер труда, где даже инновационные задачи решаются в команде (вероятно, проектные группы на крупных предприятиях). Промышленный контекст говорит о важности горизонтального престижа и репутации в профессиональной среде, что типично для устоявшихся заводских коллективов с высокой ролью профессиональных династий и сообществ.

Не менее интересные результаты мы получаем при наблюдении за выборами альтернатив при ответе на вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?» (табл. 3). Индекс инновационности позволяет увидеть связь между готовностью к новому и отношением к стабильности, риску, доходу и свободному времени.

С ростом индекса инновационности наблюдается закономерный сдвиг от консервативных моделей занятости к более активным и предпринимательским. Так при низком показателе индекса (группы 1–2) наблюдается доминирование запроса на определенность. Люди предпочитают небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне, либо готовы пожертвовать доходом ради свободного времени и легкой работы. Риск и полная самоотдача на работе им чужды.

Средний индекс (группа 3) вновь стал зоной перелома. Резко падает привлекательность «легкой работы» и растет интерес к высокому заработку без гарантий. Люди начинают делать ставку на доход, даже если это сопряжено с нестабильностью. При высоком индексе (группы 4–5) формируется запрос на интенсивную трудовую модель и самостоятельность. Максимальные значения достигаются по стратегии «много зарабатывать, целиком отдаваясь работе». Одновременно растет доля желающих иметь собственное дело (особенно в Череповце), тогда как потребность в гарантиях и свободном времени уходит на второй план. Вполне возможно, что такие установки приводят

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Какую работу Вы бы предпочли сегодня, если бы могли выбирать?», в зависимости от индекса инновационности, %

Вариант ответа	Уровень инновационности				
	1	2	3	4	5
	Вологда*				
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	24	19	30	21	20
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	33	42	14	18	20
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	14	24	25	29	20
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	29	7	9	13	0
Много зарабатывать, целиком отдаваясь работе	0	9	21	21	40
	Череповец**				
	1	2	3	4	5
	Череповец**				
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	44	40	26	4	7
Иметь небольшой заработок, но больше свободного времени и более легкую работу	25	22	12	10	11
Много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее	13	18	37	34	26
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	0	5	10	24	22
Много зарабатывать, целиком отдаваясь работе	19	14	16	28	33

* Переменная значима на уровне $P < 0,01$; точный критерий Фишера 52,275.
 ** Переменная значима на уровне $P < 0,01$; точный критерий Фишера 70,460.
 Для анализа связи использовался точный критерий Фишера с аппроксимацией методом Монте-Карло (10000 выборок, 99% ДИ) в связи с тем, что часть ячеек таблицы имели ожидаемую частоту менее 5.
 Источник: данные социологического опроса, апрель – май 2025 года, Вологодская область.

к определенному результату. В Череповце медианная зарплата составляет 60000 рублей⁸, тогда как в Вологде 50000 рублей⁹.

Городская среда накладывает значимый отпечаток на эти предпочтения, что выражается в профиле «инновационного работника». Выделенные на основе индекса группы респондентов показали явные различия в трудовых приоритетах: выявлены существенные различия в структуре инновационного потенциала двух городских сообществ. Жители Череповца демонстрируют более высокую готовность к технологическим изменениям и нововведениям, что выражается в большей доле групп с высоким и относительно высоким индексом инновационности. В Вологде, напротив, преобладают респонденты со средними и низкими показателями, что может быть связано с консервативными установками и спецификой профессиональной структуры занятости. Предложенный инструментарий не только фиксирует текущее распределение установок, но и позволяет выявить связь инновационности с жизненными стратегиями.

Любопытным результатом исследования стало обнаружение высокой доли желающих открыть свое дело среди наименее инновационной группы вологжан. Это является противоречием только на первый взгляд. Среди респондентов данной группы значительна доля самозанятых. Эта категория не желает менять свою жизненную позицию (консерватизм), и они действительно готовы вести собственное дело на свой страх и риск. Важно то, что эта информация может служить основанием для выработки конкретных управленческих решений, ориентированных на данную категорию.

Заключение

Разработанная в рамках исследования индикаторная модель и рассчитанный на ее основе индекс инновационности представляют собой попытку не только операционализировать сложный социокультурный феномен инновационности, но и перевести его в плоскость количественного измерения. Апробация методи-

ки на данных крупных городов Вологодской области подтвердила диагностическую способность модели. Индекс дает возможность выявить основные характеристики профиля «инновационности респондента», который представляет собой определенную конфигурацию социокультурных установок и поведенческих диспозиций индивида, характеризующую готовность к переменам, отношение к новому. Группа с низким значением индекса — тип 1 (инерционно-патерналистский профиль) демонстрирует крайне низкую способность адаптироваться к переменам, воспринимая их часто как угрозу сложившемуся укладу. Для ее представителей характерны ориентация на внешний локус контроля, генерализованное недоверие, низкий уровень готовности к объединению и сотрудничеству, отсутствие вовлеченности в коллективные действия. Ценностный фокус ориентирован на сохранение традиций и стабильности.

Тип 2 (настороженно-консервативный профиль) обнаруживает сдержанное, настороженное отношение к нововведениям, но без абсолютного их отрицания, но нет и инициативы. Консервативные установки смягчены потенциалом адаптации, который пока не актуализирован. Патерналистские ожидания выражены менее категорично, чем у первого типа. Профиль характеризуется ситуативной готовностью к принятию нового при условии внешнего подкрепления и демонстрации очевидных преимуществ. Тип 3 (прагматически-адаптивный профиль) принимает новое не по ценностным, а по утилитарным основаниям. В случае, если перемены несут практическую пользу, удобство или выгоду, он выступает в роли активного пользователя инноваций, обеспечивая их диффузию в повседневных и профессиональных практиках. Данный тип эмоционально нейтрален к новизне или умеренно позитивен. Готовность к кооперации носит инструментальный характер. Данный профиль является основным проводником инноваций в социуме, не генерируя их, но эффективно осваивая.

Тип 4 (социально-активистский профиль) воспринимает перемены как ресурс и источник возможностей для роста. Это делает его адаптивным, способным находить единомышленников и выстраивать кооперативные сети. Он первым принимает новшества, может проявить

⁸ ГородРабот.ру. URL: <https://cherepovets.gorodrabot.ru/salaries#salary-statistics-chart-item-3> (дата обращения: 26.04.2026).

⁹ ГородРабот.ру. URL: <https://vologda.gorodrabot.ru/salaries#salary-statistics-chart-item-1> (дата обращения: 26.04.2026).

себя как агент их продвижения, характеризуется внутренним локусом контроля и готовностью брать ответственность за себя и окружающих. Это делает его способным в определенной мере нейтрализовать оппозиционные и инерционные настроения в коллективе. Высокий уровень индекса, присущий типу 5 (инновационно-лидерский профиль) показывает его как инициатора и проводника перемен, раскрывает его способность генерировать новое знание, принимать решения и брать ответственность в условиях неопределенности. Данный профиль задает векторы инновационного развития, выступая драйвером социокультурных и технологических трансформаций, способен самостоятельно конструировать свое будущее, воспринимая его как поле собственных возможностей.

Практическая значимость разработанного подхода видится в нескольких плоскостях. Во-первых, индикаторная модель открывает возможности для мониторинга динамики инновационного потенциала. Регулярные замеры позволяют оценивать эффективность реализуемых стратегий, отслеживать сдвиги в ценностных ориентациях населения и своевременно корректировать управленческие решения. Особую ценность это приобретает в контексте крупных инфраструктурных или технологических проектов, где успех внедрения напрямую зависит от готовности сообщества к изменениям.

Во-вторых, предложенный инструментарий позволяет органам власти и институтам развития перейти от «слепого» стимулирования инноваций к адресной работе с конкретными группами населения. Понимание того, какие сегменты сообщества являются носителями инновационных установок, а какие занимают

консервативную позицию, дает возможность проектировать дифференцированные коммуникационные стратегии: создавать пространства для самореализации и горизонтальных связей «инноваторам-лидерам»; показать конкретные выгоды от нововведений «прагматикам»; способствовать снижению тревожности у «традиционалистов» через механизмы социальной защиты и постепенного вовлечения в орбиту изменений.

В-третьих, методология может быть масштабирована на иные уровни и объекты. Представляется перспективным ее применение для анализа инновационности профессиональных и отраслевых сообществ, молодежных когорт, а также для сравнительных исследований малых городов и сельских территорий. Выявленные закономерности могут быть положены в основу типологизации муниципальных образований по характеру инновационного потенциала, что создаст базу для более тонкой региональной политики.

Таким образом, исследование подтвердило гипотезу о том, что инновационный потенциал является измеримым параметром, который может быть эффективно использован в практике управления территориальным развитием и формирования инновационной среды.

Дальнейшие исследования в этом направлении способны не только углубить теоретическое понимание механизмов социального развития, но и предложить практические решения, ориентированные на гармоничное сочетание технологической модернизации с сохранением и укреплением социальной ткани сообщества. Инновации, лишённые человеческого измерения, остаются лишь техникой; инновации, опирающиеся на живой социальный капитал, становятся подлинным драйвером развития.

Литература

- Аллабян М.Г. (2025). Барьеры инновационного развития при разработке и реализации разноуровневой инновационной политики // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 7. С. 220–228. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2025.11.07.021
- Афанасьев Д.В. (2016). Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6. С. 110–125. DOI: 10.15838/esc/2016.6.48.6
- Баранова Е.В. (2018). Традиции патернализма и риск инноваций // Социальные коммуникации в современном мире: сборник научных статей по материалам работы Первого белорусского философского конгресса. Минск: БГУ. С. 144–148.

- Барнева А.Ю. (2007). Инновация как экономическая категория // *Инновации*. № 9 (107). С. 61–63.
- Бурдые П. (2007). Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Васюков Р.В. (2025). Патерналистская модель помощи: проблемы и перспективы (социально-философский анализ) // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. № 2. С. 73–80.
- Голдякова Т.В. (2006). Понятие и классификация инноваций // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 2. С. 20–27.
- Гужавина Т.А. (2018). Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 11. № 4. С. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16
- Гужавина Т.А. (2014). Доверие и его роль в модернизационном развитии региона // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. С. 156–172.
- Гужавина Т.А., Афанасьев Д.В., Косыгина К.Е. [и др.] (2022). Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 228 с.
- Дробышевская Л.Н., Исаков К.М. (2024). Совершенствование институциональной среды инновационной деятельности предприятий на основе проактивности // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. Т. 20. № 3. С. 516–540. DOI: 10.24891/ni.20.3.516
- Кондратьев Н.Д. (2002). Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Москва: Экономика. 765 с.
- Коростышевская Е.М., Румянцева С.Ю., Самылов И.О. (2018). Этапы становления и развития понятия «инновации» // *Инновации*. № 3 (233). С. 36–46.
- Кудрин А.К., Хабаров В.И. (2025). Переход компаний к инновационному менеджменту как драйверу повышения стабильного состояния организаций // *Ученые записки Российской академии предпринимательства*. Т. 24. № 3. С. 58–67. DOI: 10.24182/2073-6258-2025-24-3-58-67
- Лапин Н.И. (2011). Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // *Социологические исследования*. № 9. С. 3–18.
- Михайлов В.С., Ислакаева Г.Р. (2025). Специфичные для России неформальные институты, тормозящие развитие инновационного предпринимательства // *Экономика и управление: научно-практический журнал*. № 3. DOI: 10.34773/EU.2025.3.11
- Муха Д. (2024). Теоретические и методологические аспекты разработки дорожных карт в сфере науки, технологий и инноваций для достижения целей устойчивого развития // *Общество и экономика*. № 3. С. 69–90. URL: DOI: 10.31857/S0207367624030056
- Наумцева Е.А. (2016). Психологическая готовность к организационным изменениям: подходы, понятия, методики // *Организационная психология*. № 2. С. 55–74.
- Парсонс Т. (1997). Система современных обществ. Москва: Аспект Пресс. 270 с.
- Парсонс Т. (2002). О структуре социального действия. Москва: Академический проект. 800 с.
- Патраков Э.В., Сабо Ч.М., Батурина Л.И. [и др.] (2022). Отношение к технологическим инновациям: кросскультурное исследование // *Психология человека в образовании*. № 4(4). С. 459–474. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-4-459-474
- Понукалин А.А. (2010). Социальная психология управления инновационной деятельностью // *Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. № 4. С. 83–88.
- Рагулина Ю.В. (2024). Перспективы глобального влияния инноваций на экономическое развитие // *Экономическая безопасность*. Т. 7. № 9. С. 2219–2238. DOI: 10.18334/ecssec.7.9.121710.
- Ростова А.В., Желнина Е.В. (2016) Инновационная открытость населения: концептуализация понятия // *Концепт*. № 9. URL: <https://e-koncept.ru/2016/September.htm>
- Сорокин П.А. (1992). Человек. Цивилизация. Общество / под ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. Москва: Политиздат. 534 с.
- Хамидова П.С., Бабаева З.Ш. (2024). Устойчивое развитие региона: инновации и конкурентоспособность // *Journal of monetary economics and management*. № 12. С. 115–121. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.85.97.163 (дата обращения: 28.05.2026).

- Юсупова А.Т. (2021). Кооперация науки и бизнеса: уроки сибирского опыта // Управление наукой: теория и практика. Т. 3. № 4. С. 96–103.
- Armenakis A.A., Harris S.G., Mossholder K.W. (1993). Creating readiness for organizational change. *Human Relations*, 46(6), 681–703.
- Asheim B.T., Isaksen A. (2002). Regional innovation systems: The integration of local ‘sticky’ and global ‘ubiquitous’ knowledge. *The Journal of Technology Transfer*, 27(1), 77–86.
- Frère B. (2011). Bourdieu’s sociological fiction: A phenomenological reading of habitus. In Susen S., Turner B. (Eds.). *The Legacy of Pierre Bourdieu: Critical Essays*. London: Anthem Press.
- Gavin G. (1984). Correlates of innovativeness: Individual and group level perspectives. *Journal of Applied Psychology*, 69(3), 412–420.
- Hofstede G. (2001). *Culture’s Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations (2nd Ed.)*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. New York: McGraw-Hill.
- Inglehart R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press.
- Isacson Å., Adelfio M., Thuvander L. (2026). Post-growth technologies: A scoping review of innovations related to degrowth, sharing economy and self-sufficiency. *SN Soc, Sci.*, 6, 65. DOI: <https://doi.org/10.1007/s43545-026-01329-4>
- Lu L., Zhou K., Wang Y., Zhu S. (2022). Relationship between paternalistic leadership and employee innovation: A meta-analysis among Chinese samples. *Front. Psychol.* 13:920006. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.920006
- Rogers E. (2003) *Diffusion of Innovations. 5th Ed.* New York: Free Press,
- Schwartz S.H. (2006). A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 5(2-3), 137–182.
- Schwartz S.H. (2014). National culture as value orientations: Consequences of value differences and cultural distance. In: Ginsburgh V.A., Throsby D. (Eds.), *Handbook of the Economics of Art and Culture, Volume 2*. Elsevier.
- Shumpeter J. (1939). *Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process. Volume 1*. New York: McGraw-Hill.
- Sztompka P. (1993). *The Sociology of Social Change*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Lasarov W., Hoffmann S. (2026). Invasive rapid innovation: An introduction and exploration of their acceptance. *Technology in Society*, 84, 103118. DOI: 10.1016/j.techsoc.2025.103118.
- Yang D., Sun S., Wu S. (2025). Sustainable innovation networks in China’s AI industry: How network position and institutional environment shape regional collaborative performance. *Sustainability*, 18(1), 1–29. DOI: <https://doi.org/10.3390/su18010205>
- Zhou Q., Yu H., Chen M., Snell M., Adams K. (2026). Managing technological innovation for social good: A systematic literature review. *Strategic Change*. DOI: <https://doi.org/10.1002/jsc.2651>

Сведения об авторах

Татьяна Анатольевна Гужавина — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Николай Николаевич Ясников — преподаватель-исследователь, младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: nyasnikov94@mail.ru)

Guzhavina T.A., Yasnikov N.N.

An Indicator Model for Measuring the Innovative Potential of an Urban Community

Abstract. The article presents the results of a study aimed at developing and testing tools for quantifying the innovation potential of urban communities. The relevance of the work is determined by the need to move from abstract concepts of innovation potential to measurable parameters that allow making informed management decisions. The scientific task solved within the framework of this study was to develop and substantiate a methodology for quantifying and evaluating the innovation potential of a territorial community. The authors proposed a theoretical justification for the indicator model, described in detail the process of its construction and presented the experience of its practical application through the calculation of the integral index of innovation, which made it possible to operationalize this socio-cultural phenomenon. Empirical testing of the methodology was carried out on the data of two large cities of the Vologda Region – Vologda and Cherepovets. The results confirmed the diagnostic capabilities of the toolkit for detecting inter-urban differences. It was found that the population of Cherepovets demonstrates a higher willingness to technological changes, whereas Vologda is characterized by the predominance of respondents with medium and low values of the innovation index, which correlates with conservative attitudes and employment structure. It is concluded that the proposed model can serve as a basis for monitoring the dynamics of innovation attitudes, evaluating the effectiveness of development strategies and timely adjustment of management impacts. The toolkit allows authorities to move to targeted work with various segments of the population: to support innovation leaders, involve pragmatists, and reduce anxiety among conservative groups through differentiated communication strategies. The possibility of scaling the methodology for the analysis of professional and youth communities, as well as for the typologization of municipalities, is substantiated. The study proves that measuring innovation potential is an effective tool for managing territorial development, allowing combining technological modernization with reliance on the social capital of local communities.

Key words: innovation, innovativeness index, indicator model, measurement methodology, bearer groups, social capital, urban community.

Information about the Authors

Tatiana A. Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Nikolay N. Yasnikov – Research Teacher, Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: nyasnikov94@mail.ru)

Статья поступила 20.04.2026.

DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.13

УДК 316.344, ББК 60.54

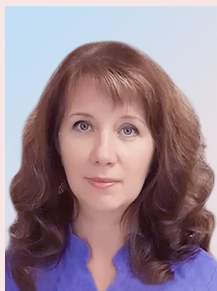
© Косыгина К.Е., Макарова С.П.

В поисках патриотического активизма: между декларацией и реальностью

**Ксения Евгеньевна
КОСЫГИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: sene4ka.87@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5875-8912

**Светлана Павловна
МАКАРОВА**

Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники
Министерства обороны Российской Федерации
Череповец, Российская Федерация
e-mail: svet578@mail.ru
ORCID: 0009-0001-6140-7926

Аннотация. Исторический период смены миропорядка, перехода от однополярной к многополярной форме мироустройства предъявляет ключевым странам мира ряд экзистенциальных вызовов, связанных с духовно-нравственным и культурным самоопределением на стратегическую перспективу. Этот вызов особенно актуален для России, которая с началом специальной военной операции на Украине находится в процессе комплексного преобразования всех сфер жизни, в основе которого лежат отказ от либерально-капиталистической парадигмы и смена ее на собственный, суверенный курс национального развития, базирующийся на традиционных культурно-нравственных ценностях и самоопределении страны как государства-цивилизации. В законодательстве последних лет отражены контуры образа будущего России, однако они по-прежнему нуждаются в дальнейшей конкретизации, о чем свидетельствуют продолжающиеся дискуссии вокруг таких понятий, как идеология, образ будущего и т. д. Одним из таких по-

Для цитирования: Косыгина К.Е., Макарова С.П. (2026). В поисках патриотического активизма: между декларацией и реальностью // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 3. С. 246–262. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.13

For citation: Kosygina K.E., Makarova S.P. (2026). In search of patriotic activism: Between declaration and reality. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(3), 246–262. DOI: 10.15838/esc.2026.3.105.13

нятий является патриотизм — термин, который включен Указом Президента № 809 от 9 ноября 2022 года в перечень традиционных ценностей, формирующих мировоззрение граждан России. Данное обстоятельство актуализирует научные поиски вокруг содержания и ключевых характеристик понятия «патриотизм», современных представлений о нем среди различных категорий российского общества. Исследование призвано внести свой вклад в этот поиск. Его цель заключалась в выявлении взаимосвязи между уровнем патриотической самоидентификации и субъективными оценками гражданской активности населения, включая чувство ответственности людей за состояние дел на различных уровнях организации социальной жизни на примере одного из регионов России — Вологодской области. Эмпирическую основу работы составили результаты социологического опроса, проведенного Вологодским научным центром Российской академии наук в апреле 2025 года на территории региона. Объем выборки — 1500 человек. При обработке результатов применялся кросс-табуляционный анализ с расчетом коэффициента Крамера для оценки силы и значимости связей между номинативными переменными. По результатам анализа был сформирован социально-демографический профиль респондентов, идентифицирующих себя в качестве патриотов, а также дана оценка взаимосвязи между степенью патриотической самоидентификации различных категорий граждан. В содержательном плане в представлениях людей о патриотизме зафиксировано преобладание мировоззренческого компонента над деятельностным, что характеризуется сочетанием высокой степени патриотической самоидентификации при относительно низком уровне гражданской активности. Также в рамках исследования полученные данные сравниваются с результатами аналогичных по тематике опросов, проводимых на общенациональном и региональном уровнях. Авторский вклад состоит в разработке методического подхода к исследованию характеристик и представлений граждан о патриотизме, основанного на эмпирических данных, что позволяет использовать его для сравнительного анализа в аналогичных по тематике научных проектах, а также в практике государственного управления.

Ключевые слова: патриотизм, активизм, ответственность, гражданское участие, установки, Родина, регион, идентичность, ценности.

Введение

Специальная военная операция, с самого начала нацеленная на защиту «людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима...», а также демилитаризацию и денацификацию Украины¹, по факту стала триггером глобальных мировых изменений, запустив активную фазу необратимого процесса смены модели мироустройства — с однополярной на многополярную. В этот «переходный» период перед ключевыми странами мира встал вопрос цивилизационного выбора, который будет определять их судьбу на ближайшие десятилетия, а может и столетия.

Для Российской Федерации данный вызов актуален вдвойне, поскольку цивилизационный

конфликт, активная фаза которого началась в 2022 году, сопровождается коренной перестройкой внутреннего развития страны, вызванной отказом от либерально-демократической модели, существовавшей на протяжении последних 30 лет. По сути, никакой другой модели Россия со времен распада СССР не знала, однако сегодня на самом высоком уровне государственного управления публично признано, что это была «скрытая, завуалированная интервенция в отношении нашей страны, направленная на её подчинение интересам каких-то других стран, которые считали, что они имеют на это право»².

Тем не менее, хотя и определено, что Россия больше «не Запад», вопрос «кто мы?» по-преж-

¹ Обращение Президента РФ В. Путина к россиянам 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843>

² Выступление В. Путина на пленарном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 7 ноября 2024 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75521>

нему остается актуальным. Не случайно в научном и общественном публичном пространстве продолжаются жаркие дискуссии вокруг таких понятий, как «идеология», «образ будущего», «общественный договор» и т. д. Принципиально важно, что «рамки» этого дискурса государством очерчены, причем не только в публичной риторике, но и на законодательном уровне³. Эти рамки можно определить понятиями национальный суверенитет, патриотизм, Россия как «государство-цивилизация», традиционные духовно-нравственные ценности.

Наше исследование сосредоточено вокруг понятия «патриотизм». Несмотря на то, что в российском законодательстве отсутствует его четкое определение, президент неоднократно говорил о том, что «у нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма»⁴, что «сплоченность и патриотизм всегда были главными ценностями»⁵ для россиян и «быть патриотом — значит не только с уважением и любовью относиться к своей истории, хотя, безусловно, это очень важно, а прежде всего служить обществу и стране»⁶.

Патриотические настроения в обществе всегда служили предметом особых исследований в российской гуманитарной науке, однако специальная военная операция на Украине изменила акценты, инициировав новый пул работ, посвященных данному феномену. В них фиксируется эффект «сплочения вокруг фла-

га» (Виноградова, 2024; Косыгина, 2023), отмечается преобладание «убежденных» патриотов над «умеренными». Сравнение данных 2020 и 2024 гг. о распространенности различных типов патриотизма позволяет сделать вывод о качественной трансформации: если в 2020 году система патриотических установок россиян находилась в устойчивом состоянии с доминированием модернистских тенденций, то в 2024 году произошла «перекидка» всей системы патриотических убеждений в иное по качеству, но столь же устойчивое состояние, однако уже с доминированием традиционалистских тенденций (Кузнецов, 2024).

Результаты последних общероссийских социологических опросов подтверждают, что подавляющее большинство граждан идентифицируют себя в качестве патриотов. Согласно опросам ВЦИОМ за 2024 год, 94% россиян называют себя патриотами своей страны⁷. Динамика показателей также свидетельствует о позитивных изменениях: в 2025 году 61% граждан отметили, что за последний год стали испытывать гордость за Россию чаще, чем ранее⁸. Патриотизм входит в тройку ключевых ценностей населения⁹. Более того, каждый второй респондент (52%) считает, что специальная военная операция скорее способствовала консолидации российского общества¹⁰. Значимую роль в поддержании этой тенденции играют государственные и общественные институты, реализующие соответствующие проекты, программы и публичные мероприятия (Борщевский, 2024; Поляков, 2025).

Вместе с тем массив теоретических и эмпирических исследований свидетельствует о наличии существенных различий между патриотизмом как эмоциональным отношением и патриотизмом как деятельностью. Патриотически настроенный гражданин в обыденной

³ См., например: Конституция РФ с изменениями, вступившими в силу 4 июля 2020 г.; Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» и т. д.

⁴ Выступление В. Путина на встрече с активом Клуба лидеров 3 февраля 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263>

⁵ Выступление В. Путина на церемонии вручения медалей Героя Труда и Государственных премий Российской Федерации 12 июня 2026 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/80016>

⁶ Послание Президента РФ Федеральному собранию 12 декабря 2012 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699>

⁷ О современном российском патриотизме. 2024 г. // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme>

⁸ У российских — собственная гордость! // ВЦИОМ. 01.09.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/u-rossiiskikh-sobstvennaja-gordost>

⁹ Традиции в эпоху перемен // ВЦИОМ. 29.12.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicii-v-ehpokhu-peremen>

¹⁰ Сила — в единстве! // ВЦИОМ. 01.11.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sila-v-edinстве>

жизни может позволить себе вербальную поддержку патриотических ценностей и установок, уклоняясь от активных практик (Chang, Guo, 2022). Однако подлинный патриотизм предполагает не только эмоциональное отношение и осознание ценности идентичности, но и ее деятельностное отстаивание (Ивченкова, Буханский, 2024). Исходя из этого, считаем необходимым количественно оценить разрыв между патриотическими установками и их потенциальной реализацией в поведении людей.

Предметом данного исследования выступает соотношение патриотической самоидентификации и деятельностных проявлений (активизм, ответственность, влияние) на разных уровнях социальной организации. Цель работы заключалась в выявлении взаимосвязи между уровнем патриотической самоидентификации и самооцениваемыми параметрами гражданской активности, ответственности, а также субъективными представлениями о собственном влиянии на различных уровнях социальной организации на примере одного из регионов России — Вологодской области.

Теоретические основы исследования

В зарубежной исследовательской традиции значимый вклад в понимание деятельностного измерения патриотизма внесли работы Р.Т. Шатца, Э. Стауба, различающих «слепой» и «конструктивный» патриотизм (Schatz et al., 1999; Staub, 2015). «Конструктивный» патриотизм предполагает критическое осмысление проблем страны и готовность к активным действиям по их решению, тогда как «слепой» ограничивается эмоциональной привязанностью и некритической лояльностью. Данное различие имеет прямое отношение к предмету нашего исследования, поскольку позволяет дифференцировать пассивные формы патриотической идентичности от тех, которые потенциально способны трансформироваться в деятельность.

Важно отметить эволюцию западного дискурса, связанную с его длительным сближением с национализмом (национал-патриотизм), который выражался в идеализации нации, чувстве национального превосходства и стремлении к доминированию (Viroli, 1997), что впоследствии породило концепцию «космополитического патриотизма» как реакции на эти тенденции (Bader, 1999). В контексте па-

триотизма космополитизм означает лояльность человечеству в целом и противопоставляется локальному/национальному патриотизму (Nussbaum, 1996; Кузнецова, Кузнецов, 2015; Карнышев, 2017). Д. Миллер выступал с противоположной точкой зрения. По его мнению, гражданская демократия невозможна без патриотизма как механизма социальной солидарности, а космополитическая идентичность не может служить альтернативой национальной привязанности (Miller, 1995).

Российская специфика, напротив, характеризуется укорененностью патриотизма в традиционных ценностях и сильной связью с локальным уровнем (Поломошнов, Поломошнов, 2024), что требует обращения к отечественным исследованиям.

Социологический подход в отечественной науке ориентирован на изучение патриотизма во всех его вариантах, эмпирически зафиксированных в общественном сознании. В рамках этого направления патриотизм рассматривается как одна из форм социальной установки, имеющая в своей структуре эмоциональные, ценностные (когнитивные) и деятельностные (поведенческие) компоненты (Ивченкова, Буханский, 2024; Шувакович, Троцук, 2013). С точки зрения настоящего исследования ключевое значение приобретает деятельностный компонент, который требует не только анализа представлений о должном поведении, но и обращения к реальным практикам. В связи с этим необходимо обратиться к теории социального действия. Согласно деятельностному подходу, восходящему к А. Турену (Турен, 1998), патриотизм раскрывается через помогающие отношения в предметной среде (Решетников, Решетникова, 2020), что позволяет рассматривать патриотическую деятельность не как абстрактную категорию, а как конкретные практики взаимодействия человека с окружающим миром.

С методологической точки зрения для настоящего исследования наибольшую ценность представляет подход И. А. Халий (Халий, 2017а; Халий, 2017b). Опираясь на результаты эмпирического исследования, проведенного в девяти регионах европейской части России в 2013–2015 гг., автор предлагает типологию отношений к Родине, включающую три типа: безоговорочный патриотизм, преобразовательную

любовь и индифферентное отношение. Наиболее значимым для нашего исследования является второй тип — преобразовательная любовь. Он предполагает не только эмоциональное отношение, но и готовность к активным действиям, направленным на улучшение положения дел в стране, регионе, локальном сообществе. Данный тип наиболее близок к пониманию патриотизма как деятельностной позиции, поскольку соединяет ценностное отношение с практической включенностью. Важно отметить, что преобразовательная любовь может быть направлена на объекты разного масштаба — от страны в целом до своего двора или города, причем на локальном уровне она проявляется наиболее отчетливо (Халий, 2017b).

Также заслуживает внимания концепция социального действия О.В. Аксеновой, коллеги А.И. Халий, которая различает «акторское действие», «акторское социальное действие» (инициативную, осмысленную деятельность, где человек выступает полноценным актором) и «технологическое социальное действие» (следование внешним предписаниям, административным алгоритмам) (Аксенова, 2020; Аксенова, 2016). Эта дихотомия соответствует нашей задаче дифференциации патриотического активизма и ритуализированной лояльности.

Хотя настоящее исследование не фокусируется исключительно на молодежи, теоретические наработки в этой области представляются важными для понимания динамики патриотических установок в целом. В работах Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова и коллег показано, что патриотизм и гражданская идентичность формируются не линейно, а через механизмы саморегуляции смысловых ценностей в культурном пространстве, причем коллективистские установки, важные для патриотической идентичности, тесно связаны с активной жизненной позицией, а характер данной взаимосвязи варьируется у разных возрастных когорт (Зубок и др., 2021; Зубок, Чупров, 2019).

Кроме того, концепт патриотизма связан с исследованиями ценностей. По классификации ценностей М. Рокича патриотизм относится к терминальным ценностям, потому что может рассматриваться как ценность, связанная с целями индивидуального существования, направленными на благополучие страны, ее истории,

культуры, населения и других аспектов, значимых для личности или общества (Rokeach, 1973). Р. Инглхарт относил патриотизм к традиционным ценностям. В рамках своей теории и методологии, основанной на данных Всемирного исследования ценностей (WVS), он выделял две основные оси классификации. Первая ось — традиционные ценности против светско-рациональных — отражает сдвиг от религиозности, сильной семьи и национальной гордости к большей секуляризации и рациональности. Другая ось — ценности выживания противопоставляются ценностям самовыражения. В этой ситуации осуществляется переход от акцента на безопасность, материальные блага и выживание к ценностям самореализации, прав меньшинств, участия в принятии решений и экологической ответственности. Патриотизм входит в группу традиционных ценностей, которые противопоставляются секулярно-рациональным. Таким образом, патриотизм у Р. Инглхарта связан с консервативными, исторически сложившимися установками, которые могут сохраняться в обществе в условиях, когда приоритет отдается традициям и национальным интересам (Inglehart, 1997).

Как отмечает А.П. Павлов, «объект патриотизма менялся в зависимости от социального окружения человека и степени развития социума» (Павлов, 2018, с. 176). В основе классификации, предложенной ученым, лежит понятие «объект лояльности», трактуемое как элемент реальности, по отношению к которому возникает социальное чувство. В рамках этой типологии исследователь выделяет виды патриотизма (племенной; местный; национальный; государственный; классовый; корпоративный), которым соответствуют конкретные объекты лояльности (семья, племя; село, город; нация, народ; государство; социальный класс; организация). Представленная классификация демонстрирует динамичность в восприятии патриотизма и позволяет расширить трактовку объекта его внимания, что создает основания для многомерного и дифференцированного понимания сущности патриотизма. Это особенно важно для эмпирического исследования, поскольку позволяет учитывать разную направленность патриотической активности — от заботы о своем дворе до служения государству.

При этом методологической проблемой является разграничение патриотической деятельности и смежных форм активности. Многие исследователи склонны к широкой трактовке, интегрируя в понятие патриотической деятельности разнообразные практики социального участия (Лубский, 2019; Чупров и др., 2014). В этом контексте патриотическая деятельность содержательно сближается с гражданской/социальной активностью, определяемой как действия граждан, направленные на решение общественно значимых проблем (Патрушев, 2009). Р.В. Парма на основе эмпирических данных выделяет ведущие мотивы социальной активности: возможность быть полезным другим людям, исполнить гражданский долг, вместе решать общие задачи, самореализоваться (Парма, 2022). В отличие от гражданской активности патриотическая деятельность в строгом понимании предполагает доминирование в мотивационной структуре именно патриотических мотивов, что существенно сужает круг практик, относимых к этой категории. Однако в реальном поведении граждан патриотические и гражданские мотивы часто переплетаются, что требует более гибкого подхода к их концептуализации.

Ученые доказывают стадийность формирования патриотической деятельности. Так, Ю.Н. Трифонов и А.В. Кузьмин отмечают, что на завершающей стадии формирования любви к Родине патриотическое отношение реализуется на практике в виде конкретных действий и поступков, совокупность которых составляет содержание патриотической деятельности (Кузьмин, Трифонов, 2016). Сходную позицию занимают Д.Е. Яковлев и Г.Ф. Шилова, утверждая, что «современный патриотизм должен иметь активно-деятельностную направленность, превращая чувства и эмоции в социальную деятельность человека на благо Отечества» (Яковлев, Шилова, 2016, с. 93). Исследования авторов позволяют рассматривать патриотическую деятельность не как изолированный элемент, а как закономерный этап развития патриотического сознания, что имеет принципиальное значение для понимания разрыва между декларативным патриотизмом и реальной включенностью граждан.

Для целей настоящего исследования продуктивным представляется выделение широкого подхода к патриотической деятельности, ко-

торая содержательно сближается с гражданской активностью и распространяется на множество объектов заботы, включая локальное сообщество, малую родину, социальную среду. В этом случае под патриотической активностью понимается разноплановое деятельное участие в улучшении условий жизни общества и отдельных граждан, при котором в качестве мотива деятельности могут присутствовать патриотические ценности наряду с иными мотивационными основаниями.

Исследовательский вопрос (гипотеза) заключается в следующем: существует ли статистически значимая связь между уровнем патриотической самоидентификации и реальной гражданской активностью или же высокая самоидентификация сочетается с пассивностью, что позволяет говорить о преобладании декларативного патриотизма над деятельностным?

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования выступили данные социологического опроса, проведенного в апреле 2025 года Вологодским научным центром Российской академии наук на территории Вологодской области. Применялась квотная выборка с контролем пропорций по трем основаниям: тип поселения (город/село), пол и возраст респондентов. Такая конструкция обеспечивает репрезентативность полученных данных относительно генеральной совокупности взрослого населения региона. Объем выборочной совокупности составил 1500 человек. Инструментарий исследования представлял собой стандартизированную анкету, включающую блоки вопросов, направленных на диагностику социально-политических установок, ценностных ориентаций, а также практик гражданского и патриотического участия. Из общего массива данных были отобраны вопросы, позволяющие операционализировать ключевые показатели поэтапно.

На первом этапе с помощью ответов респондентов на вопрос «Считаете ли Вы себя патриотом?» определялась патриотическая самоидентификация (варианты: «однозначно считаю», «скорее считаю», «скорее не считаю», «точно не считаю»). На основе этого вопроса были сконструированы четыре группы. Для анализа социально-демографического профиля эти категории были агрегированы в две укрупненные группы: «патриоты» и «не патриоты».

На втором этапе исследования выявлялись представления респондентов о патриотизме путем анализа ответов на вопросы о содержательных представлениях о Родине и патриотизме, удовлетворенностью жизнью в России, о поступках, которые становятся проявлениями патриотизма с разделением на активные и пассивные формы.

На третьем этапе оценивались деятельностные проявления патриотизма: самооценка социальной активности (по 10-балльной шкале), чувство ответственности и оценка собственного влияния на разных уровнях (от дома до страны). Следует обозначить ограничение, связанное с операционализацией деятельностного компонента патриотизма. Инструментарий исследования измеряет не столько реальные практики гражданского участия, сколько установки в отношении этих практик и самооценки респондентами собственной активности, ответственности и влияния. Например, фиксируется мнение о том, выступает ли служба в армии проявлением патриотизма, но не фиксируется факт прохождения службы. Аналогично респондент оценивает степень участия в общественной жизни по субъективной шкале и чувство ответственности за состояние дел, а не вовлеченность в конкретные действия. Различие между декларируемыми установками и реальным поведением составляет ключевой предмет анализа, но само исследование по своему дизайну остается в поле изучения установок и самооценок.

В работе применялся кросс-табуляционный анализ для выявления взаимосвязей между патриотической самоидентификацией и изучаемыми установками и практиками. Для оценки силы и значимости связи между номинативными переменными использовался коэффициент Крамера (V), статистическая значимость оценивалась на уровне $p < 0,05$. Выбор данного коэффициента обусловлен его устойчивостью к нарушениям нормальности распределения и применимостью для таблиц сопряженности любого размера. Такой подход позволил не только зафиксировать различия между группами с разным уровнем патриотической самоидентификации, но и определить статистическую значимость выявленных закономерностей.

Результаты исследования

Прежде чем перейти к выявлению взаимосвязей, необходимо остановиться на профиле/

портрете патриотов и не патриотов. Среди патриотов наблюдается незначительное доминирование женщин (57%). Более патриотично настроены лица среднего и старшего возраста. При этом возраст не является дифференцирующим фактором при отнесении себя к патриотам: разрыв между двумя группами минимален. Материальное положение и уровень образования выступают выраженными маркерами различия между группами. Суммарно 83% патриотов по самооценкам относят себя к людям со средним и высоким уровнем дохода. В группе «не патриотов» существенно выше доля наименее обеспеченных граждан. Кроме того, наблюдается выраженная территориальная поляризация: патриоты чаще проживают в крупных городах (Вологде и Череповце). Среди тех, кто не считает себя патриотом, большинство составляют жители районов и округов региона (66%; табл. 1).

Выявлена взаимосвязь между уровнем патриотической самоидентификации регионального сообщества и содержательными представлениями о Родине. Значение коэффициента Крамера ($V = 0,200$, $p < 0,001$) показывает наличие статистически значимой связи между двумя номинативными переменными: самооценкой патриотизма и типом идентификации Родины. Чем выше уровень патриотической самоидентификации, тем чаще респонденты называют Россию своей безусловной Родиной. Условный патриотизм наиболее распространен среди групп со средней или неустойчивой идентичностью. Респонденты, уверенно не утверждающие свою патриотичность, чаще других связывают чувство Родины с возможностью улучшения условий жизни. Прагматичный подход к определению Родины преобладает среди тех, кто не считает себя патриотом. Для этой группы ключевыми факторами становятся личный комфорт и качество жизни, а не территориальная или культурная принадлежность. Наблюдается рост рефлексивной неопределенности по мере снижения патриотической идентичности. Те, кто скорее не причисляет себя к патриотам, чаще либо не задумываются о вопросе, где их Родина, либо затрудняются с ответом, что, возможно, свидетельствует о разрыве между официальным патриотическим дискурсом и личными смыслами респондентов (табл. 2).

Таблица 1. Социально-демографический профиль групп с разным уровнем патриотической самоидентификации, %

Социально-демографическая характеристика	Считаете ли Вы себя патриотом?		Разрыв патриоты / не патриоты, п. п.
	Патриоты (Однозначно и скорее считаю)	Не патриоты (Точно и скорее не считаю)	
Пол			
Мужской	43,5	49,3	-6
Женский	56,5	50,7	+6
Возраст			
до 30 лет	14,0	14,4	0
30–55 лет	46,3	45,8	1
старше 55 лет	39,7	39,8	0
Образование			
Среднее и н/среднее	31,9	50,2	-18
Среднее специальное	37,7	30,3	+7
Высшее и н/высшее	30,4	19,4	+11
Доходные группы			
20% наименее обеспеченных	16,8	36,1	-19
60% среднеобеспеченных	61,2	54,1	+7
20% наиболее обеспеченных	22,0	9,8	+12
Территории			
Вологда	29,7	19,4	+10
Череповец	28,6	14,4	+14
Районы / округа	41,7	66,2	-25
В среднем по Вологодской области	85,2	13,4	-72
Источник: данные социологического опроса ВолНИИ РАН.			

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Где твоя Родина?» в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Вариант ответа	Считаете ли Вы себя патриотом?			
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю
Как бы Вы ответили на вопрос «Где твоя Родина?»				
Я считаю Россию своей Родиной	86,9	66,5	40,6	41,7
Я хотел бы считать Россию своей Родиной, при условии, что в ней жить будет лучше, чем в других странах	4,1	10,9	14,5	11,1
Для меня Родина там, где мне комфортно, хорошо жить, независимо от того, где я родился	1,7	7,8	19,4	30,6
Я думал об этом, но пока затрудняюсь ответить	1,8	3,7	7,9	5,6
Я не задумывался над этим вопросом	5,4	11,1	17,6	11,1

V Крамера = 0,200 (p < 0,001) – средняя связь.

Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.

Развивая эту тему, отметим, что особый интерес представляет сравнительный анализ восприятия качества жизни в стране среди различных по уровню патриотизма групп респондентов. Наблюдается взаимосвязь: по мере усиления патриотических чувств растет уровень удовлетворенности своей жизнью в России. Так, среди тех, кто однозначно относит себя к патриотам, абсолютное большинство (78%) «полностью или скорее удовлетворены». В про-

тивоположность этому среди лиц, отрицающих свою патриотическую идентичность, доминирует негативная оценка качества жизни в России (табл. 3). Таким образом, патриотизм и удовлетворенность жизнью выступают не как изолированные, а как тесно взаимосвязанные социально-психологические характеристики, где более сильная патриотическая идентичность коррелирует с ощущением более высокого уровня социального благополучия.

Таблица 3. Удовлетворенность жизнью в Российской Федерации в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Вариант ответа	Считаете ли Вы себя патриотом?			
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю
Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в Российской Федерации?				
Полностью удовлетворен	39,7	10,3	5,5	5,6
Скорее удовлетворен	37,8	50,9	24,2	22,2
Скорее не удовлетворен	7,8	16,2	29,7	44,4
Полностью не удовлетворен	1,7	5,6	7,3	13,9
Затрудняюсь ответить	13,0	17,0	33,3	13,9
V Крамера = 0,220 ($p < 0,001$) – средняя связь.				
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.				

По результатам исследования наблюдается связь между самооценкой населением своей патриотичности и тем, какие именно поступки и действия они относят к проявлениям патриотизма. Чем выше уровень патриотической самоидентификации, тем чаще респонденты склонны связывать патриотизм с конкретными, институциональными и эмоционально окрашенными формами активности. Напротив, среди тех, кто не относит себя к патриотам, значительно выше доля затруднившихся с ответом, что может свидетельствовать как о критическом переосмыслении понятия, так и о дистанцировании от официальной риторики.

Наиболее ярко разница между группами проявляется в отношении традиционных, ритуализированных форм патриотизма. Так, служба в армии и готовность защищать Родину как ключевой признак патриотизма выделяется 58% среди однозначно считающих себя патриотами, тогда как среди скорее не считающих этот показатель снижается до 29%, а среди точно не считающих составляет 25%. Аналогичная, хотя и менее выраженная динамика фиксируется в отношении поддержки президента и руководства страны: 36% против 17% соответственно. Фактически, для респондентов с высокой патриотической самоидентификацией патриотизм тесно связан с лояльностью государственным институтам и готовностью к их защите.

В то же время для всех групп значимыми остаются эмоционально-ценностные компоненты. Любовь к стране и гордость за нее входят в число наиболее частых ответов во всех категориях, однако с уменьшением уровня самоидентификации их значимость снижается. Полагаем, что даже население, отрицающее

свою патриотичность, не исключает эмоциональной связи со страной, но трактует патриотизм иначе, скорее, как внутреннее чувство, не требующее внешнего выражения.

Разделение представлений на активные и пассивные формы показывает, что группа однозначно считающих себя патриотами чаще называет как активные, так и пассивные проявления. При этом активные формы, такие как служба в армии, активная гражданская позиция или сохранение исторической памяти, наиболее характерны именно для этой группы. В то же время для тех, кто не относит себя к патриотам, более значимыми оказываются либо пассивные формы, либо отсутствие определенной позиции. Выделяется вариант ответа «хорошая, добросовестная работа на благо страны», по которому значения выше у абсолютных не патриотов (25%). Показательно, что такие формы, как участие в патриотических мероприятиях или поддержка российских спортсменов, получают минимальную поддержку во всех группах, что позволяет сделать предположение о восприятии их как вторичных или излишне конъюнктурных.

Коэффициент Крамера, рассчитанный для наиболее частотных переменных, демонстрирует наличие статистически значимой, хотя и слабой, связи между патриотической самоидентификацией и представлениями о проявлениях патриотизма (V Крамера от 0,151 до 0,188, $p < 0,001$ во всех случаях). Поэтому различия между группами неслучайны, однако патриотическая самоидентификация не является единственным или определяющим фактором в формировании представлений. Наиболее тесная связь зафиксирована для переменной «служба в

армии, готовность защищать Родину» ($V = 0,188$), что подтверждает ее роль как маркера, разделяющего группы с разным уровнем патриотической самоидентификации (табл. 4).

Ввиду методологических особенностей инструментария исследования анализ патриотической деятельности осуществлялся с опорой на широкую трактовку концепта, включающего проявления социальной и гражданской активности населения региона. Установлено, что респонденты с выраженной патриотической самоидентификацией чаще вовлекаются в общественно-политические практики. Так, среди тех, кто уверенно относит себя к патриотам,

27% оценивают свое участие в социальной жизни как «активное» или «скорее активное», тогда как среди сомневающихся в своей патриотичности этот показатель снижается до 12–15%. Однако даже среди убежденных патриотов доля активно включенных в общественные дела остается относительно небольшой. Более того, 46% респондентов из этой группы открыто заявляют о своей общественной пассивности. Самооценка участия слабо, но статистически значимо связана с самооценкой патриотизма (V Крамера = 0,122, $p < 0,001$). Полученные данные не позволяют утверждать, что патриотизм является ключевым драйвером политической активности (табл. 5).

Таблица 4. Представления о проявлениях патриотизма в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Вариант ответа	Считаете ли Вы себя патриотом?			
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю
Если говорить о жителях нашей страны, то в каких поступках и действиях в первую очередь проявляется патриотизм?				
Активные формы патриотизма				
Служба в армии, готовность защищать Родину	57,8	38,5	21,8	25,0
Активная гражданская позиция, участие в делах страны	29,0	17,8	17,0	19,4
Хорошая, добросовестная работа на благо страны	14,2	18,4	10,3	25,0
Участие в выборах, митингах	13,5	12,8	5,5	8,3
Сохранение исторической и культурной памяти, участие в памятных мероприятиях	21,6	23,4	17,0	25,0
Участие в патриотических мероприятиях, концертах	6,0	4,6	1,2	2,8
Пассивные формы патриотизма				
Отсутствие желания уехать из России	47,8	34,6	23,0	30,6
Любовь, уважение к своей стране, гордость за неё	57,3	48,2	35,2	41,7
Поддержка Президента страны, руководства страны	36,0	24,0	18,2	16,7
Интерес к событиям в стране, их обсуждение	16,2	22,1	11,5	27,8
Стойкость, готовность терпеть трудности	8,8	11,4	9,7	2,8
Поддержка отечественных производителей	17,5	16,6	13,9	11,1
Поддержка российских спортсменов	5,1	9,3	9,1	2,8
Затрудняюсь ответить	15,6	18,6	45,5	33,3
Примечание: коэффициенты V Крамера находятся в диапазоне 0,151–0,188, что свидетельствует о слабой связи между патриотической самоидентификацией и представлениями о проявлениях патриотизма. Во всех случаях $p < 0,001$, связь статистически значима. Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.				

Таблица 5. Оценки активности в общественной и политической жизни в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Вариант ответа	Считаете ли Вы себя патриотом?			
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю
Как бы Вы оценили степень Вашего участия в общественной и политической жизни?				
Активное и скорее активное	27,1	15,5	12,1	22,3
Скорее пассивное и пассивное	46,1	64,0	76,4	61,1
Затрудняюсь ответить	26,8	20,5	11,5	16,7
V Крамера = 0,122 ($p < 0,001$) – слабая связь. Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.				

Логичным этапом исследования представляется анализ степени выраженности и интенсивности проявления социальной активности. Анализ самооценки активности в местном сообществе (по 10-балльной шкале) в зависимости от патриотической самоидентификации позволил выявить положительную связь. Наиболее высокий средний балл участия зафиксирован в группе тех, кто однозначно относит себя к патриотам (4,8), что ожидаемо демонстрирует их установки на консолидацию высокой патриотической идентичности с вовлеченностью в локальную среду. При этом группа абсолютных не патриотов демонстрирует средний балл (4,4), превышающий показатели групп со «смешанной» идентичностью: «скорее считаю» — 4,1 и особенно «скорее не считаю» — 3,4¹¹. При этом уровень патриотизма выше среди вовлеченных в социально значимые практики (спортивные, благотворительные, волонтерские, профессиональные). Среди не участвующих доля «не патриотов» максимальна — 83%, а удельный вес уверенных патриотов — 65%.

В рамках исследования была проанализирована взаимосвязь между уровнем патриотической самоидентификации и восприятием собственной ответственности, а также способности влиять на состояние дел на различных уровнях социальной организации: от локального до национального.

Анализ ответов на вопрос о чувстве ответственности демонстрирует общую закономерность для всех групп респондентов: независимо от уровня патриотической идентичности чув-

ство ответственности закономерно убывает по мере удаления объекта от непосредственного жизненного пространства человека. Наиболее выраженное чувство ответственности у всех категорий респондентов фиксируется на уровне дома или двора (от 36 до 44%). Вместе с тем чувство ответственности за ближайшее окружение не связано с патриотической самоидентификацией (различия статистически незначимы $p > 0,05$). На уровне города или района связь становится статистически значимой, но слабой. Респонденты, полностью отрицающие свою патриотическую идентичность, чаще других ощущают ответственность за свой город или район. Вопреки ожиданиям, те, кто безоговорочно относит себя к патриотам, не являются лидерами по чувству ответственности ни на одном из уровней. В целом патриотическая идентификация не становится значимым фактором чувства ответственности практически ни на одном из уровней, кроме города и района (табл. 6).

Респондентам был задан вопрос о том, могут ли они лично повлиять на состояние дел (потенциальная возможность влиять). В отличие от чувства ответственности, здесь фиксируется статистически значимая, хотя и слабая связь с патриотической самоидентификацией на большинстве уровней. На уровне дома/двора наиболее высокие оценки демонстрируют патриоты. Различия статистически значимы (V Крамера = 0,081, $p < 0,05$). Патриотическая идентификация в этом контексте позитивно связана с верой в свою возможность влиять на локальном уровне. На уровне города/района разрывы становятся более выраженными.

Таблица 6. Оценки ответственности за состояние дел на разных уровнях в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Объект патриотизма	Считаете ли Вы себя патриотом?				V Крамера
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю	
Чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел?					
Дом/двор	41,5	39,8	35,8	44,4	0,056 (p > 0,05)
Город/район	18,9	16,4	12,7	25,0	0,082 (p < 0,05)
Область	12,1	12,8	7,9	19,4	0,061 (p > 0,05)
Страна	11,4	13,1	6,1	19,4	0,069 (p > 0,05)
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.					

¹¹ Формулировка вопроса: «Оцените по 10-балльной шкале, насколько активным участником жизни своего сообщества (двора, села, города) Вы себя считаете (где 1 — совершенно не участвую, 10 — активно участвую)?».

Таблица 7. Оценки потенциальной возможности влиять на состояние дел на разных уровнях в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Объект патриотизма	Считаете ли Вы себя патриотом?				V Крамера
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю	
Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел?					
Дом/двор	37,2	34,0	33,3	22,2	0,081 (p < 0,05)
Город/район	13,5	11,0	4,2	13,9	0,109 (p < 0,001)
Область	9,1	8,3	4,8	8,3	0,079 (p < 0,05)
Страна	9,2	8,5	5,5	8,3	0,077 (p < 0,05)
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.					

На уровне области и страны сохраняется та же закономерность: среди тех, кто однозначно и скорее всего относит себя к патриотам, наблюдаются близкие показатели (8–9%), тогда как «скорее не патриоты» – наименьшие (5%; табл. 7).

При оценке реального, а не потенциального влияния различия между группами становятся еще более контрастными, особенно на локальном уровне. Так, на уровне дома или двора наблюдается доминирование патриотически настроенных групп. Различия значимы (V Крамера = 0,121, $p < 0,001$) и подтверждают, что патриотическая идентификация оказывает хотя и слабым, но предиктором ощущения реального влияния на дела в своем доме или дворе. Наиболее интригующий результат фиксируется на уровне области и страны. Здесь группа не считающих себя патриотами демонстрирует высокие показатели реального влияния (по 25% соответственно), более чем вдвое превышая показатели однозначно относящих себя к патриотам (по 11%), и эти различия также статистически значимы (табл. 8).

Можно сделать вывод, что патриотическая самоидентификация слабо или вовсе не связана с чувством ответственности и ощущением влияния на состояние дел на разных уровнях. Нельзя сказать, что патриоты значительно отличаются от не патриотов по этим показателям.

Дискуссия

Полученные в ходе исследования результаты в целом соответствуют магистральной линии, выявленной в рамках общероссийских и региональных исследований последних лет. Во-первых, подтверждается тезис о преобладании мировоззренческого (эмоционального) компонента патриотизма над деятельностным (Chang, Guo, 2022). В Вологодской области подавляющее большинство населения идентифицирует себя как патриоты (суммарно 85%), однако регулярная и инициативная гражданская активность характерна для меньшинства из них. Даже среди тех, кто однозначно относит себя к патриотам, только 27% оценивают свое участие как активное, тогда как 46% заявляют о своей пассивности. Преобладание эмоционального компонента подтверждается и данными всерос-

Таблица 8. Оценки реального влияния на состояние дел на разных уровнях в зависимости от патриотической самоидентификации, %

Объект патриотизма	Считаете ли Вы себя патриотом?				V Крамера
	Однозначно считаю	Скорее считаю	Скорее не считаю	Точно не считаю	
Как Вы считаете, влияете ли Вы лично сегодня на состояние дел?					
Дом/двор	34,8	31,9	13,3	22,3	0,121 (p < 0,001)
Город/район	18,9	19,3	7,3	19,4	0,114 (p < 0,001)
Область	11,4	12,0	7,2	25,0	0,089 (p < 0,001)
Страна	11,2	11,0	7,1	25,0	0,087 (p < 0,001)
Источник: данные социологического опроса ВолНЦ РАН.					

сийского опроса Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ (за 2020 год). По результатам опроса две трети (67%) респондентов понимали патриотизм как любовь к Родине, тогда как лишь для каждого четвертого (26%) патриотизм ассоциировался с конкретными действиями на благо страны¹². В массовом сознании патриотизм — это прежде всего чувство, а не действие.

Во-вторых, выделяется региональная специфика Вологодской области. Вологодская область демонстрирует более низкий уровень деятельности включенности по сравнению с дальневосточными регионами (Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край), где исследователи фиксируют выраженный деятельностный характер патриотизма (24–32% респондентов готовы лично защищать страну, значительная часть участвует в патриотических акциях, разброс по этим трем регионам составляет 43–65%) (Петрова, 2025). Возможно, это связано с приграничным положением дальневосточных регионов и, как следствие, актуализацией факторов безопасности, что в центральной части России выражено слабее. Вологодская область расположена вблизи столичных центров и, соответственно, больше подвержена государственному патриотическому дискурсу, который стимулирует не столько инициативное действие («акторское социальное действие» в терминологии О.В. Аксеновой), сколько ритуализированные формы лояльности («технологическое социальное действие»).

Сопоставление результатов опроса по Вологодской области с данными исследования в Республике Саха (Якутия) позволяет выявить некоторые общие закономерности и различия. В обоих регионах образование и материальное положение выступают значимыми факторами патриотизма, а возраст не является сильным дифференцирующим фактором. Ключевое различие наблюдается по доле «прагматичного патриотизма». О.В. Васильева выделяет в Якутии «безусловных патриотов» (54%) и «прагматичных патриотов» (47%), т. е. тех, кто готов жить в любой стране, где лучше (Васильева, 2024).

¹² Патриотизм: эмоции или действие? // Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. 24.02.2021. URL: <https://www.hse.ru/news/science/446471871.html>

В Вологодской области доля «прагматичных патриотов» (Родина «там, где комфортно») составляет лишь 7–11%. Такое различие, вероятно, объясняется более сложными климатическими и экономическими условиями Якутии, где фактор условий жизни играет большую роль.

Вопреки ожиданиям, в полиэтнической Якутии этническая принадлежность не оказывает значимого влияния на патриотизм: среди якутов патриотов 75%, среди русских — 76% (Васильева, 2024). В моноэтнической Вологодской области (97% русских по данным опроса) этнический фактор не релевантен.

В Якутии доля «не патриотов» крайне мала (5,5%) и не подлежит детальному анализу. В Вологодской области, напротив, выявлена интересная особенность: респонденты, которые определенно не считают себя патриотами, демонстрируют более высокие показатели ответственности и влияния (как на региональном, так и на национальном уровне) по сравнению с теми, кто однозначно причисляет себя к патриотам. Это одно из отличий Вологодской области.

В-третьих, зафиксирован результат, требующий осторожной интерпретации. Группа точно не относящих себя к патриотам в ряде случаев демонстрирует относительно высокие показатели (например, по чувству ответственности). Однако сила связи в этих случаях слабая, а численность данной подгруппы в выборке невелика. С высокой вероятностью наблюдаемые различия обусловлены малым объемом подвыборки. Мы склонны интерпретировать этот результат как требующий дополнительной верификации на более репрезентативной выборке респондентов с низкой патриотической идентичностью.

Заключение

Подводя итоги исследования, отметим некоторые особенности, требующие отдельного осмысления и дальнейшего изучения.

Трактуя патриотизм как одну из опорных духовно-нравственных ценностей, составляющих мировоззрение граждан (по крайней мере, в желаемом образе будущего России), следует сказать, что результаты проведенного исследования указывают на преобладание в его восприятии мировоззренческого компонента над

деятельностным, что подтверждает высказанную ранее гипотезу. Большинство населения с высокой патриотической самоидентификацией демонстрирует патриотические чувства и установки, однако регулярная и инициативная гражданская активность характерна для меньшинства. Вместе с тем полное отсутствие активности также не подтверждается: на локальном уровне представители группы патриотов ощущают себя реально влияющими на состояние дел. Таким образом, патриотизм реализуется скорее как потенциальная, ситуативная и локально-ограниченная деятельностная позиция, нежели как систематическая гражданская вовлеченность.

Вопреки ожиданиям, зафиксированные в исследовании различия между группой «точно не патриотов» и другими группами не позволяют говорить о систематической закономерности. Высокие показатели ответственности и влияния в этой группе наблюдаются при слабой силе связи (V Крамера = 0,087–0,089) и, вероятно, обусловлены малочисленностью подвыборки. Для подтверждения или опровержения наличия особой «критически настроенной, но социально ответственной» группы требуются дополнительные исследования.

Исследование также позволило выявить асимметрию в распределении показателей «ответственность» и «влияние». Если чувство ответственности статистически значимо не связано с патриотической самоидентификацией на большинстве уровней (кроме города/района, где связь очень слаба), то уверенность в возможности влияния и реальное воздействие на локальном уровне (дом/двор) слабо, но статистически значимо связаны с патриотической идентичностью. Вероятно, это обусловлено тем, что патриотическая идентичность тесно сопряжена с ощущением собственной эффек-

тивности в ближайшем социальном окружении, но не коррелирует с глобальным чувством ответственности.

Установлено, что наиболее пассивной группой являются «скорее не патриоты». Во всех измерениях и на большинстве уровней именно эта категория демонстрирует наименьшие показатели гражданской активности, ответственности и веры в возможность влияния. Это позволяет заключить, что разрыв в гражданской позиции проходит не по линии «патриоты / не патриоты» в целом, а между «скорее не патриотами» и всеми остальными группами.

В целом, выявленные в исследовании закономерности требуют выхода за рамки количественной логики исследования. Дальнейшее развитие работы предполагает интеграцию качественных методов, расширение поведенческих индикаторов, лонгитюдный дизайн и межрегиональные сравнения. Такой подход позволит не только верифицировать полученные выводы, но и перейти к пониманию причинно-следственных механизмов, связывающих патриотическую идентичность с гражданской субъектностью и ответственностью, гражданской активностью.

Отметим также, что дальнейшее исследование не только патриотизма (его понимания и восприятия различными социально-демографическими группами населения), но и всех прочих традиционных духовно-нравственных ценностей, зафиксированных в Указе Президента № 809 от 9 ноября 2022 года, представляет на сегодняшний день актуальную задачу для российской науки, способной (и обязанной), на наш взгляд, внести весомый вклад в унификацию и конкретику трактовки достаточно сложных, многоаспектных понятий, являющихся, тем не менее, системообразующими элементами в образе будущего России.

Литература

- Аксенова О.В. (2016). Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. Москва: Институт социологии РАН. 304 с.
- Аксенова О.В. (2020). Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто? // Вестник Института социологии. Т. 11. № 2. С. 37–53.
- Борщевский Г.А. (2024). Традиционные российские ценности и социальные практики: опыт эмпирической проверки // Социологические исследования. № 3. С. 57–70. DOI: 10.31857/S0132162524030051
- Васильева О.В. (2024). Патриотизм как прагматичный и/или аффективный выбор (на материалах Республики Саха (Якутия)) // Социологические исследования. № 8. С. 94–104. DOI: 10.31857/S0132162524080072

- Виноградова И.М. (2024). Институциональное политическое доверие как фактор консолидации российского общества // Дискурс-Пи. Т. 21. № 3. С. 145–173. DOI: 10.17506/18179568
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. (2019). Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. Т. 10. № 4. С. 164–186.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. (2021). Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. Т. 12. № 3. С. 79–98.
- Ивченкова М.С., Буханский И.И. (2024). Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии // Вестник Института социологии. Т. 15. № 2. С. 81–97. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.6
- Карнышев А.Д. (2017). Особенности отношения к патриотизму и космополитизму в разных странах и регионах России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 20. С. 17–25.
- Косыгина К.Е. (2023). О консолидации общества в условиях геополитической напряженности (по материалам исследования в Вологодской области) // Вестник Института социологии. Т. 14. № 4. С. 199–218. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.11
- Кузнецов И.М. (2024). Вариативность и динамика патриотических установок россиян в контексте СВО // Социологическая наука и социальная практика. Т. 12. № 4. С. 65–81. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.4.
- Кузнецова А.М., Кузнецов А.Е. (2015). Антиномии смыслов: патриотизм vs космополитизм // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. № 14. С. 10–17.
- Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н. (2016). О структуре патриотизма // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. № 6. С. 52–71.
- Лубский А.В. (2019). Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. Т. 8. №. 2. С. 47–66.
- Павлов А.П. (2018). Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. Т. 1. № 4. С. 175–191. DOI: 10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191
- Парма Р.В. (2022). Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. Т. 13. № 2. С. 31–47. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788
- Патрушев С.В. (2009). Гражданская активность: институциональный подход. Перспективы исследования // Полис. Политические исследования. № 6. С. 24–32.
- Петрова Е.В. (2025). Российская идентичность в дальневосточных регионах (Республика Бурятия, Забайкальский край, Приморский край) // Вестник Томского государственного университета. № 515. С. 89–96. DOI: 10.17223/15617793/515/10
- Поломошнов А.Ф., Поломошнов П.А. (2024). Совместимы ли патриотизм и интернационализм? // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 24 (1). С. 99–110. DOI: 10.37482/2687-1505-V325
- Поляков А.А. (2025). Ценности и смыслы патриотизма в политической повестке современной России // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 20. № 3. С. 34–75.
- Решетников В.А., Решетникова Е.В. (2020). Деятельностный патриотизм как социокультурный феномен // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. Т. 32. С. 50–58. DOI: 10.26516/2304-1226.2020.32.50
- Турен А. (1998). Возвращение человека действующего. Москва: Научный мир. 204 с.
- Халий И.А. (2017a). Модернизация и патриотизм: есть ли между ними связь? // Гуманитарий Юга России. № 3. С. 37–57.
- Халий И.А. (2017b). Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. № 2. С. 67–74.
- Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. (2014). Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. Москва: Норма; ИНФРА-М. 352 с.
- Шувакович У.В., Троцук И.В. (2013). Патриотизм как ценность: компоненты социологического анализа (сравнительная характеристика России и Сербии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. № 3. С. 128–147.

- Яковлев Д.Е., Шилова Г.Ф. (2016). Приоритеты патриотического воспитания детей в духовно-пространственной среде России // *Власть*. № 9. С. 93–97.
- Bader V. (1999). For love of country. *Political Theory*, 27(3), 379–397. DOI: <https://doi.org/10.1177/0090591799027003004>
- Chang L., Guo Y. (2022). An analysis of patriotism education for college students from the perspective of “cognition-emotion-action”. *International Journal of Neuropsychopharmacology*, 25(Supplement 1), A85–A86. DOI: 10.1093/ijnp/pyac032.117
- Inglehart R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press.
- Miller D. (1995). *On Nationality*. Oxford: Oxford University Press.
- Nussbaum M.C. (1996). Patriotism and cosmopolitanism. In: Cohen J. (Ed.). *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*. Boston: Beacon Press.
- Rokeach M. (1973). *The Nature of Human Values*. New York: Free Press.
- Schatz R.T., Staub E., Lavine H. (1999). On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*, 20(1), 151–174.
- Staub E. (2015). *The Roots of Goodness and Resistance to Evil: Inclusive Caring, Moral Courage, Altruism Born of Suffering, Active Bystandership, and Heroism*. Oxford: Oxford University Press.
- Viroli M. (1997). *For Love of Country: An Essay on Patriotism and Nationalism*. Clarendon Press.

Сведения об авторах

Ксения Евгеньевна Косыгина — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий центром социокультурных и политических исследований, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Светлана Павловна Макарова — кандидат социологических наук, доцент кафедры, Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего образования «Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники» Министерства обороны Российской Федерации (Российская Федерация, 162622, г. Череповец, Советский пр-т, д. 126; e-mail: svet578@mail.ru)

Kosygina K.E., Makarova S.P.

In Search of Patriotic Activism: Between Declaration and Reality

Abstract. The historical period marked by a shift in the world order and the transition from a unipolar to a multipolar system presents the world's key nations with a set of existential challenges related to spiritual, moral, and cultural self-determination over the strategic horizon. This challenge is especially urgent for Russia, which, since the start of the special military operation in Ukraine, has been undergoing a comprehensive transformation of all spheres of life. At the heart of this transformation lies a rejection of the liberal-capitalist paradigm and the adoption of a sovereign course of national development, based on traditional cultural and moral values and on the country's self-definition as a civilization-state. Although recent legislation has outlined the contours of Russia's desired future, these contours still require further specification, as evidenced by ongoing debates around such concepts as ideology, the image of the future, and so forth. One such concept is patriotism — a term that Presidential Decree 809 of November 9, 2022, includes in the list of traditional values that shape the worldview of Russia's citizens. This circumstance lends urgency to scholarly inquiry into the content and key characteristics of patriotism and into how it is perceived today by various groups of Russian society. The present study aims to contribute to this inquiry. Its objective was to identify the relationship between the level of patriotic self-identification and subjective

assessments of the population's civic engagement – including people's sense of responsibility for the state of affairs at different levels of social life – drawing on the case of the Vologda Region, one of Russia's federal subjects. The empirical basis of the paper includes the findings of a sociological survey conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences in the region in April 2025 (N = 1,500). The data were processed using cross-tabulation analysis, with Cramér's V coefficient computed to gauge the strength and significance of the associations among the nominal variables. The analysis yielded a socio-demographic profile of the respondents who identify themselves as patriots, and an assessment was made of the relationship between the degree of patriotic self-identification across different categories of citizens. In substantive terms, people's perceptions of patriotism were found to be dominated by the worldview component, which prevails over the activity component – a pattern manifesting itself in the combination of a high degree of patriotic self-identification with a relatively low level of civic engagement. The study also compares the data obtained with the results of similar surveys conducted at both the federal and regional levels. Our contribution lies in developing a methodological approach to investigating the characteristics and perceptions of citizens regarding patriotism that rests on empirical data, thereby making it possible to use this approach for comparative analysis in similarly themed research projects, as well as in the practice of public administration.

Key words: patriotism, activism, responsibility, civic engagement, attitudes, homeland, region, identity, values.

Information about the Authors

Kseniya E. Kosygina – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, head of the Center for Sociocultural and Political Studies, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sene4ka.87@mail.ru)

Svetlana P. Makarova – Candidate of Sciences (Sociology), associate professor of department, Federal State Public Military Educational Institution of Higher Education “Zhukov Military University of Radioelectronics” of the Ministry of Defense of the Russian Federation (126, Sovetsky Avenue, Cherepovets, 162622, Russian Federation; e-mail: svet578@mail.ru)

Статья поступила 28.04.2026.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы и графики показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения региона по результатам последней «волны» мониторинга (июнь 2026 г.), а также за период с июня 2025 по июнь 2026 г. (последние 7 опросов, то есть год измерений).

Дается сопоставление результатов исследований со среднегодовыми данными за 2000 (первый год I президентского срока В.В. Путина), 2007 (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2012 (первый год III президентского срока В.В. Путина), 2018 (первый год IV президентского срока), 2023 (последний полный год IV президентского срока) годы.

Представлена годовая динамика данных за 2007–2025 гг.²

В апреле – июне 2026 г. общественное мнение о деятельности главы государства существенно не изменилось: доля положительных оценок составляет 62%, отрицательных – 23%³.

По сравнению с июнем 2025 г. (то есть за последние 12 месяцев) уровень одобрения деятельности Президента РФ незначительно снизился (с 66 до 62%)⁴.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском, Шекснинском муниципальных округах области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru>.

² В 2020 г. было проведено четыре «волны» мониторинга. Опросы в апреле и июне 2020 г. не проводились в связи с карантинными ограничениями в период распространения COVID-19.

³ Здесь и далее во всех таблицах и в тексте: **зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений**. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначительными и отмечаются синим цветом.

⁴ Здесь и далее по тексту в рамке выделены результаты сравнительного анализа данных опроса, проведенного в июне 2026 г., с результатами «волны» мониторинга, осуществленной в июне 2025 г.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?* (в % от числа опрошенных)

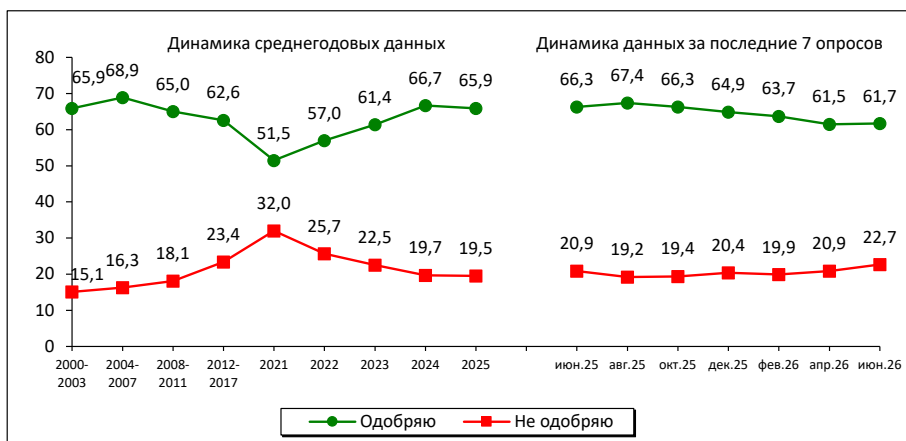
Вариант ответа	Динамика среднегодовых данных										Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	2000	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Фев. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	июнь 2025	апр. 2026	
Президент РФ																			
Одобрю	66,0	75,3	51,7	66,4	51,5	57,0	61,4	66,7	65,9	66,3	67,4	66,3	64,9	63,7	61,5	61,7	-5	0	
Не одобряю	14,8	11,5	32,6	21,7	32,0	25,7	22,5	19,7	19,5	20,9	19,2	19,4	20,4	19,9	20,9	22,7	+2	+2	
Председатель Правительства РФ																			
Одобрю	–	–	49,6	48,0	39,9	45,4	50,1	54,1	54,4	53,0	55,1	55,7	54,0	51,1	48,9	49,1	-4	0	
Не одобряю	–	–	33,3	31,6	37,6	32,0	27,6	24,8	22,5	22,9	20,6	23,1	22,2	21,3	22,8	25,1	+2	+2	
Губернатор области**																			
Одобрю	56,1	55,8	41,9	38,4	36,7	40,9	48,1	51,7	42,5	39,9	41,0	41,8	42,8	40,2	38,2	37,3	-3	-1	
Не одобряю	19,3	22,2	33,3	37,6	40,5	35,8	30,9	28,4	37,2	37,2	39,1	41,3	39,3	39,0	41,2	42,3	+5	+1	

* Здесь и далее: Зеленой заливкой отмечаются позитивные изменения, красной заливкой – негативные, синей – отсутствие изменений. В связи с тем что изменения +/- 3 п. п. попадают в пределы ошибки выборки, они считаются незначимыми и отмечаются синим цветом.

** 31 октября 2023 г. Указом Президента РФ, временно исполняющим обязанности губернатора Вологодской области был назначен Георгий Юрьевич Филимонов. По итогам региональных выборов, состоявшихся 6–8 сентября 2024 г., Г.Ю. Филимонов набрал 62,3% голосов и стал избранным Губернатором Вологодской области.

Примечание. Формулировка вопроса: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность...?». Далее респондентам предлагался список органов власти различных уровней для оценки их работы с вариантами ответов: «полностью одобряю», «в основном одобряю», «в основном не одобряю», «полностью не одобряю», «с деятельностью не знаком», «затрудняюсь ответить».

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность Президента РФ?*
(в % от числа опрошенных, данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Одобрю	-5	0
Не одобряю	+2	+2

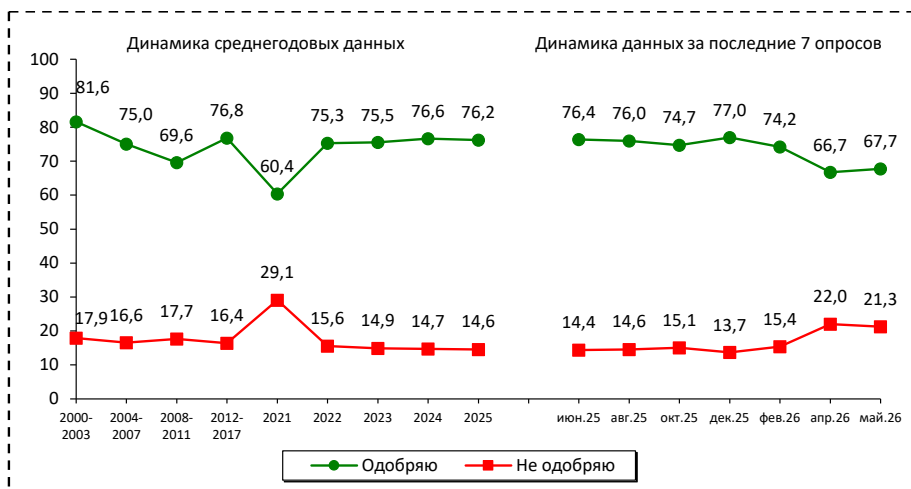
* Здесь и далее во всех графиках представлены среднегодовые данные за 2020, 2021, 2022, 2023, 2024, 2025 гг., а также среднегодовые данные за периоды 2000–2003, 2004–2007, 2008–2011, 2012–2017 гг., соответствующие периодам президентских сроков.

Для справки:

Данные, получаемые в ходе опросов на территории Вологодской области, отражают общероссийские тенденции. Так, по данным ВЦИОМ, уровень одобрения деятельности Президента РФ в апреле – мае 2026 г. сохранился на уровне 67–68%, удельный вес негативных характеристик составил 21–22%.

С июня 2025 по май 2026 г. доля положительных оценок работы главы государства уменьшилась на 8 п. п. (с 76 до 68%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента РФ?
(в % от числа опрошенных; данные ВЦИОМ)

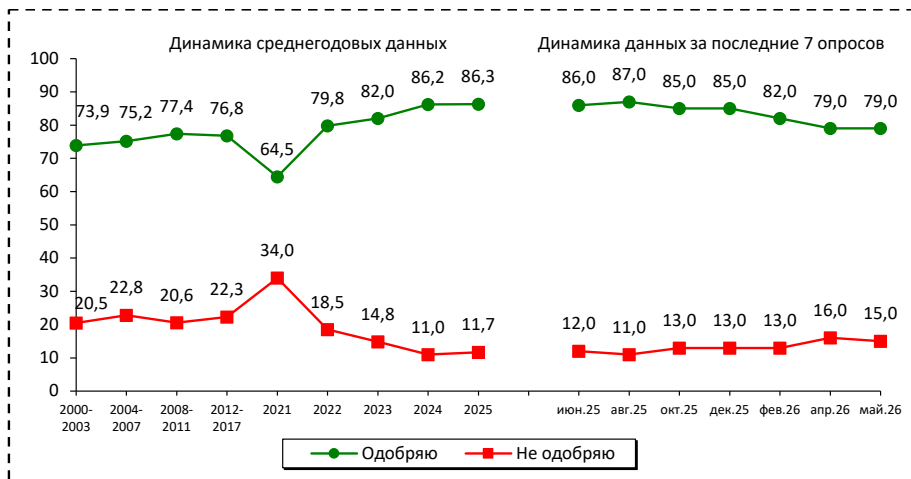
Вариант ответа	Изменение (+/-), май 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Одобрять	-9	+1
Не одобрять	+7	-1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России?».
Источник: данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/>

По данным общероссийских опросов Левада-Центра*, в апреле – мае 2026 г. уровень одобрения деятельности главы государства составлял 79% (удельный вес негативных суждений – 15–16%).

Это также ниже, чем 12 месяцев назад: с июня 2025 по май 2026 г. доля положительных оценок деятельности главы государства снизилась на 7 п. п. (с 86 до 79%).

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту Президента России? (в % от числа опрошенных; данные Левада-Центра*)

Вариант ответа	Изменение (+/-), май 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Одобрять	-7	0
Не одобрять	+3	-1

Формулировка вопроса: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?».

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/>

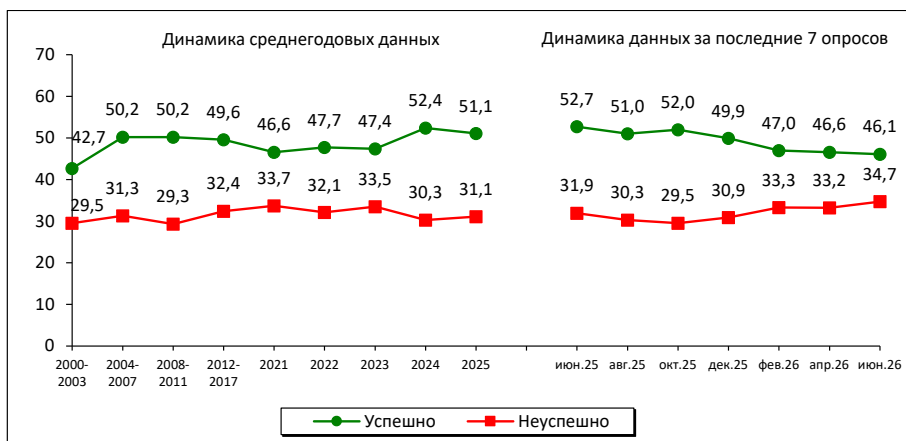
* Внесен в реестр иностранных агентов.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Оценка успешности деятельности Президента РФ по укреплению международных позиций России остается стабильной с февраля 2026 г.: доля положительных суждений составляет 46–47%, отрицательных — 33–35%.

За последние 12 месяцев удельный вес позитивных суждений снизился на 7 п. п. (с 53 до 46%), отрицательных — возрос на 3 п. п. (с 32 до 35%).

Укрепление международных позиций России

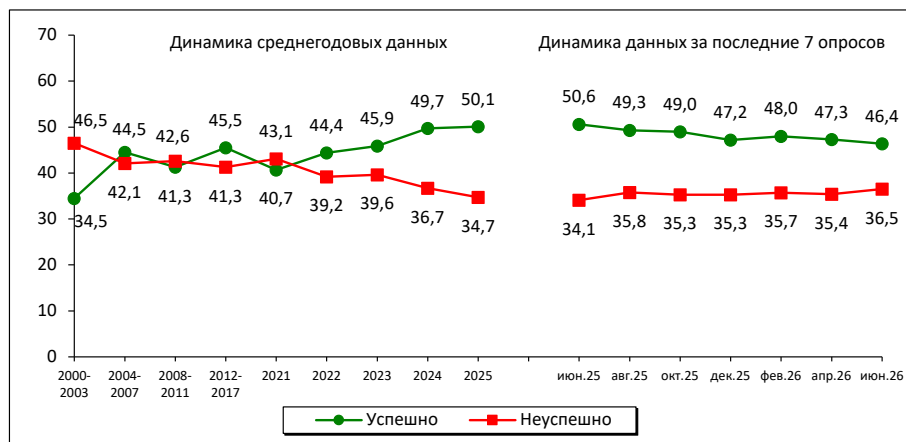

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Успешно	-7	-1
Неуспешно	+3	+2

Доля жителей области, считающих успешными действия главы государства по наведению порядка в стране, как и двумя месяцами ранее, составляет 46–47%; удельный вес тех, кто придерживается противоположной точки зрения, чуть ниже — 35–36%.

При этом в годичной ретроспективе также отмечаются негативные изменения: по сравнению с июнем 2025 г. доля положительных оценок сократилась на 5 п. п. (с 51 до 46%), отрицательных — возросла на 3 п. п. (с 34 до 37%).

Наведение порядка в стране

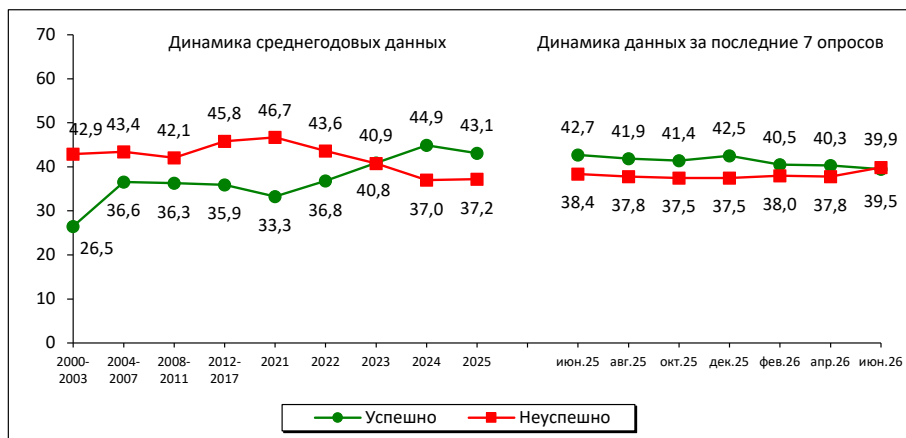

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Успешно	-5	-1
Неуспешно	+3	+1

Доля положительных суждений о решении главой государства проблемы защиты демократии и укрепления свобод граждан также остается стабильной (40–41%), при этом удельный вес негативных характеристик за последние два месяца незначительно увеличился (на 2 п. п., с 38 до 40%).

За год измерений существенных изменений по данному вопросу не наблюдается: доля позитивных оценок составляет 40–43%, негативных – 38–40%.

Защита демократии и укрепление свобод граждан

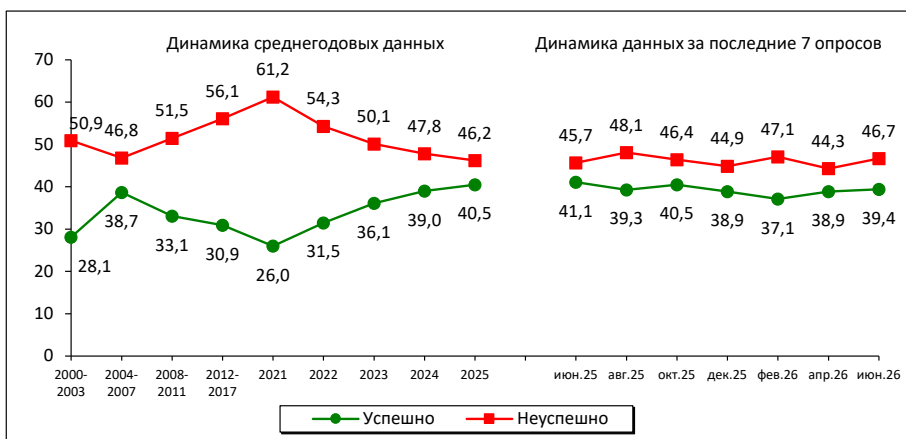

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Успешно	-3	-1
Неудачно	+2	+2

В июне 2026 г. незначительно увеличилась доля жителей области, негативно оценивающих деятельность главы государства по подъему экономики и росту благосостояния граждан (на 3 п. п., с 44 до 47%). При этом удельный вес позитивных характеристик существенно не изменился (39%).

С июня 2025 по июнь 2026 г. мнение жителей области по данному вопросу существенно не изменилось: доля позитивных суждений составляет 39–41%, отрицательных – 46–47%.

Подъем экономики, рост благосостояния граждан

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Успешно	-2	+1
Неудачно	+1	+2

Структура электоральных предпочтений граждан остается стабильной с начала года: доля жителей области, поддерживающих партию «Единая Россия», составляет 37%, КПРФ и ЛДПР – 8–9%, «Справедливая Россия» и «Новые люди» – 3–4%.

За последние 12 месяцев отмечается незначительное снижение уровня поддержки «Единой России» (на 5 п. п., с 42 до 37%), а также увеличение доли людей, считающих, что ни одна из парламентских партий в настоящее время не отражает их интересы (на 6 п. п., с 25 до 31%).

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Партия	Динамика среднегодовых данных													Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июль 2026 к	
	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016 г., факт	2018	2020	Выборы в ГД РФ 2020 г., факт	2021	2022	2023	2024	2025	Июль 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Фев. 2026	Апр. 2026	Июль 2026	июль 2025	апр. 2026
Единая Россия	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	37,9	31,5	49,8	31,7	35,2	39,5	42,9	40,3	41,6	41,2	40,5	38,1	36,1	35,7	36,8	-5	+1
КПРФ	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	9,2	8,4	18,9	9,3	10,1	9,6	8,9	9,6	9,1	11,5	10,5	9,7	9,2	8,1	8,9	0	+1
ЛДПР	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	9,6	9,5	7,6	9,9	7,3	7,0	7,1	8,2	9,4	8,7	7,8	8,6	8,9	7,9	7,6	-2	0
Справедливая Россия – Патриоты – За правду	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	2,9	4,7	7,5	4,7	4,9	4,4	3,5	3,5	3,9	4,2	3,4	4,1	3,1	4,3	3,7	0	-1
Новые люди*	–	–	–	–	–	–	–	5,3	2,3	1,5	1,9	2,0	2,5	2,5	1,8	2,2	2,5	2,4	2,3	2,6	0	0
Другая	1,9	–	2,1	0,3	–	0,7	0,5	–	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0	0
Никакая	29,4	–	31,3	29,4	–	28,5	34,2	–	33,9	30,6	26,5	25,2	25,8	24,9	23,3	24,3	26,1	29,1	31,5	30,5	+6	-1
Затрудняюсь ответить	13,2	–	11,7	12,0	–	11,2	11,1	–	10,0	10,1	11,1	10,3	10,0	8,5	9,2	11,3	10,7	11,0	9,8	9,7	+1	0

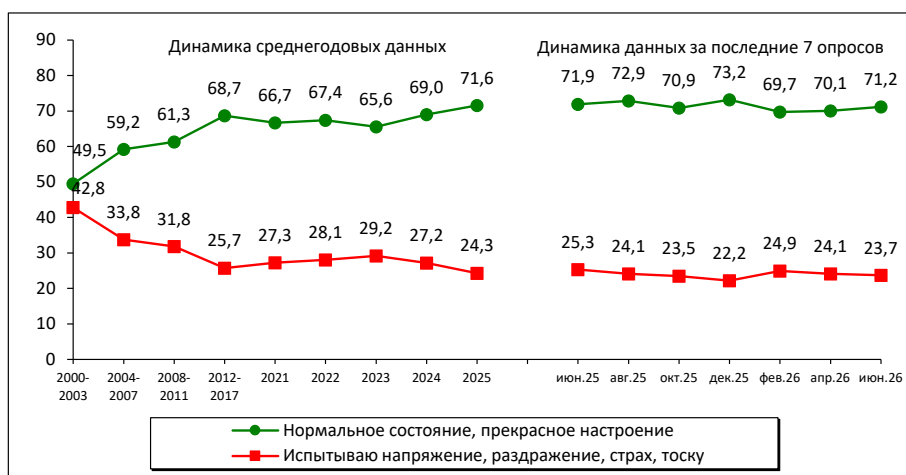
* Партия «Новые люди» впервые получила место в Государственной Думе РФ по итогам выборов, прошедших 17–19 сентября 2021 г.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

В апреле – июне 2026 г. доля жителей области, позитивно оценивающих свое повседневное эмоциональное состояние, составила 70–71%, что значительно выше, чем удельный вес негативных характеристик (24%).

В годовой ретроспективе существенных изменений в динамике социального настроения жителей региона также не наблюдается.

Социальное настроение

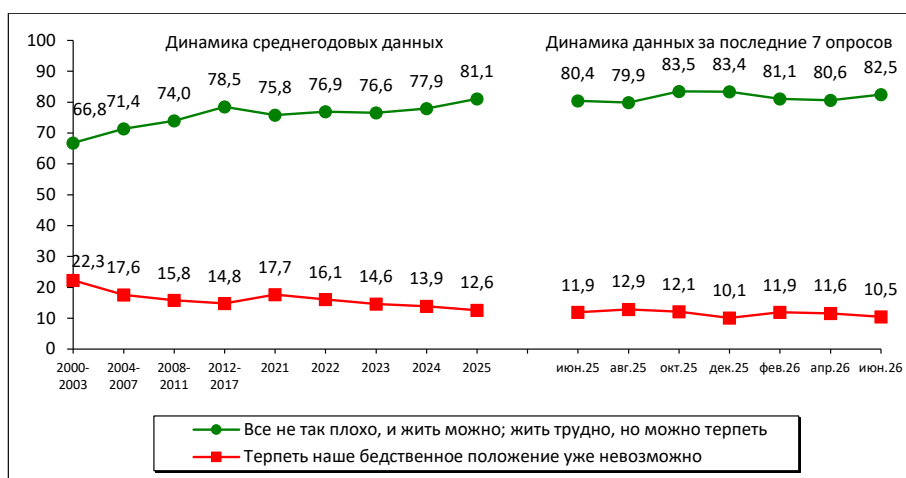

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Нормальное состояние, прекрасное настроение	-1	+1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	-2	0

В июне 2026 г. незначительно увеличилась доля людей, обладающих высоким социальным «запасом терпения» (с 81 до 83%), при этом удельный вес тех, кто считает, что «терпеть их бедственное положение невозможно», сохраняется на уровне 11–12%.

Примерно такие же изменения наблюдаются за последние 12 месяцев: доля людей, отмечающих, что «всё не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», увеличилась на 3 п. п. (с 80 до 83%); удельный вес негативных характеристик остается стабильным на уровне 11–12%.

Запас терпения

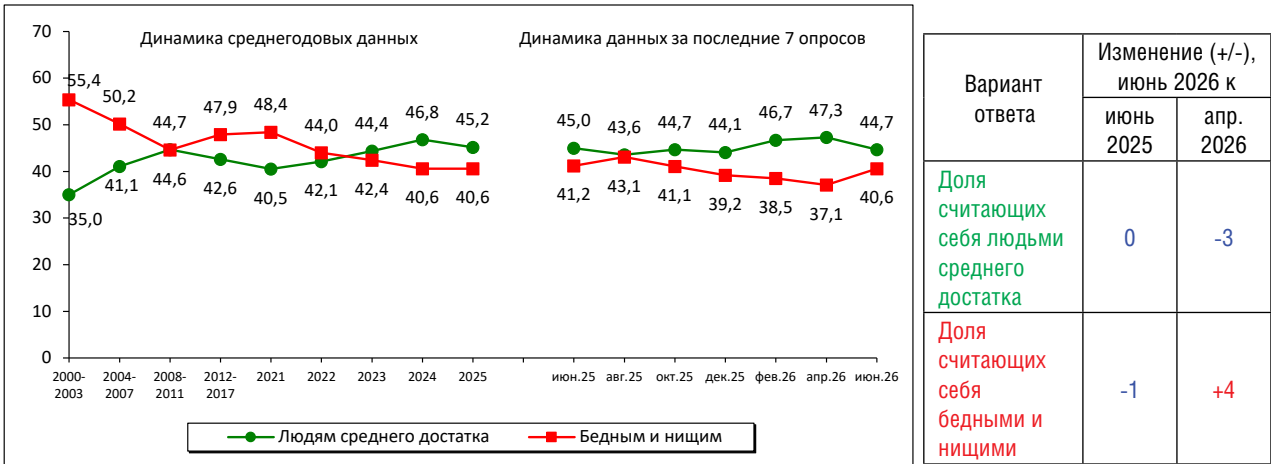

Вариант ответа	Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	июнь 2025	апр. 2026
Всё не так плохо, и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	+2	+2
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	-1	-1

Негативные изменения наблюдаются в динамике социальной самоидентификации. В апреле – июне 2026 г. доля жителей области, субъективно причисляющих себя к категории людей «среднего достатка», снизилась на 3 п. п. (с 47 до 44%), при этом удельный вес тех, кто ассоциирует себя с «бедными и нищими» слоями населения, возрос на 4 п. п. (с 37 до 41%).

По сравнению с июнем 2025 г. существенных изменений в динамике социальной самоидентификации населения не наблюдается.

Социальная самоидентификация

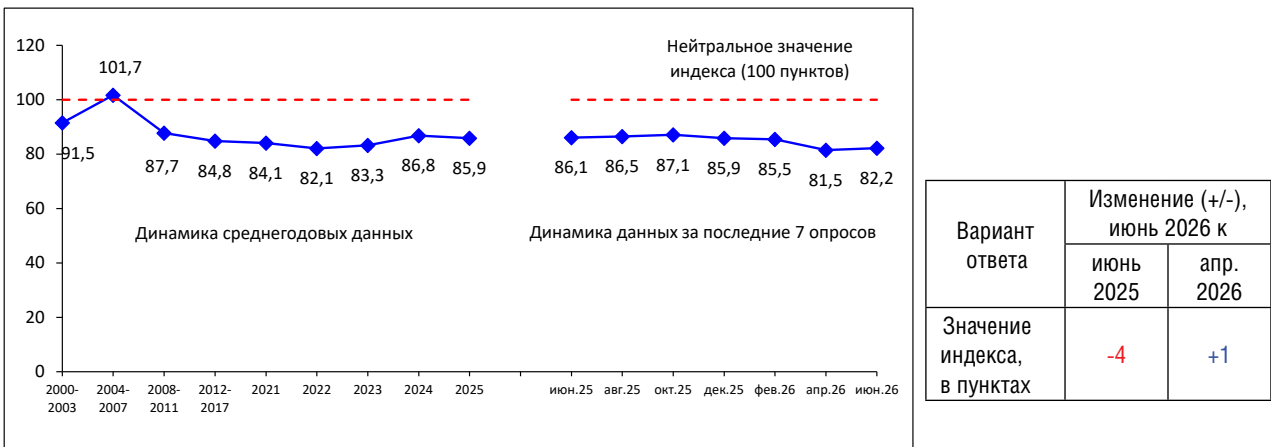

Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?».

Индекс потребительских настроений (ИПН) после ощутимого снижения в феврале – апреле 2026 г. (с 86 до 82 пунктов) стабилизировался и в июне 2026 г. составил 82 п.

Тем не менее его значение по последним данным остается заметно более низким, чем 12 месяцев назад (86 п.).

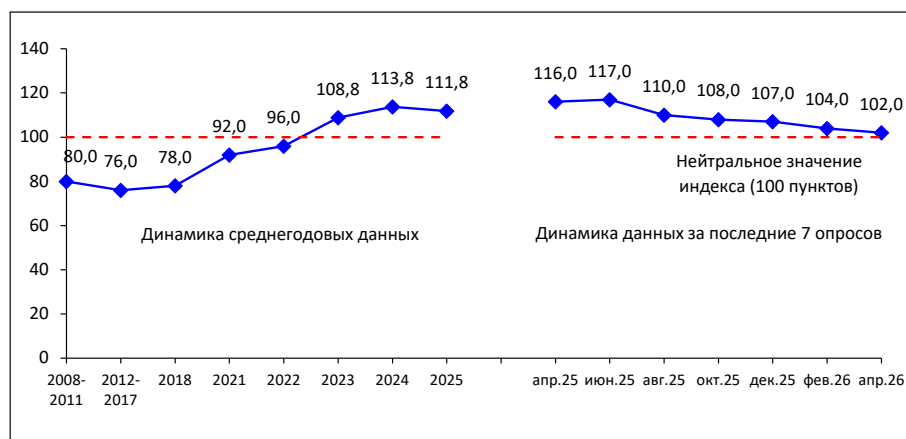
Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные ФГБУН ВолНЦ РАН по Вологодской области)

По данным общероссийских опросов Левада-Центра*, индекс потребительских настроений в стране продолжает снижаться с августа 2025 г. В феврале – апреле 2026 г. он уменьшился на 2 пункта (со 104 до 102 п.).

По сравнению с июнем 2025 г. ИПН снизился на 15 пунктов (со 117 до 102 п.).

Индекс потребительских настроений (ИПН в пунктах; данные Левада-Центра* по России⁵)

Вариант ответа	Изменение (+/-), апр. 2026 к	
	апр. 2025	фев. 2026
Значение индекса, в пунктах	-14	-2

Индекс рассчитывается с 2008 г.

Последние данные – за апрель 2026 г.

Источник: данные Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/sotsialno-ekonomicheskie-indikatory/>

С апреля по июнь 2026 г. в большинстве социально-демографических групп существенных изменений в динамике доли позитивных оценок социального настроения не наблюдается. За исключением двух групп: среди людей с средним и неполным средним образованием доля положительных оценок выросла на 5 п. п.; в 20% группе наименее обеспеченных – на 4 п. п. Отрицательных изменений не фиксируется.

С июня 2025 г. по июнь 2026 г. в социально-демографических группах изменений не наблюдается. Единственная группа, в которой выявлены отрицательные изменения, – молодежь до 30 лет (снижение доли положительных оценок на 11 п. п.).

⁵ С марта 2025 года Левада-Центр* обновил данные по ИПН. ИПН в России рассчитывается с 1993 года на основе пяти вопросов, аналогично индексу, разработанному в 1940-х гг. Институтом социальных исследований при университете Мичигана. Индивидуальные индексы по каждому вопросу рассчитываются как разность долей положительных и отрицательных ответов плюс 100. Совокупный ИПН – среднее арифметическое индивидуальных индексов (диапазон 0–200, где >100 – преобладание позитивных оценок). В 2009 году была введена привязка ИПН к значениям марта 2008 года (база 100%), что было связано с изменением методологии опросов и экономическим кризисом. Однако это привело к тому, что индекс стал отражать изменения только относительно 2008 года. С марта 2025 года принято решение вернуться к оригинальной методике расчета ИПН, отказавшись от привязки к 2008 году, т. к. в 2023 году многие показатели превысили максимумы 2008 года, и старая версия индекса перестала адекватно отражать текущую ситуацию. Возврат к исходной методике призван решить эту проблему. Источник: Обновленный индекс потребительских настроений: показатели февраля 2025 года. URL: <https://www.levada.ru/2025/03/26/obnovlennyy-indeks-potrebitelskikh-nastroenij-pokazateli-fevralya-2025-goda/>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных; данные ФГБУН ВолНЦ РАН)

Категория населения	Динамика среднегодовых данных								Динамика данных за последние 7 опросов							Изменение (+/-), июнь 2026 к	
	2007	2012	2018	2021	2022	2023	2024	2025	Июнь 2025	Авг. 2025	Окт. 2025	Дек. 2025	Фев. 2026	Апр. 2026	Июнь 2026	июнь 2025	апр. 2026
Пол																	
Мужской	65,9	69,1	72,8	65,7	66,8	65,5	66,5	70,7	71,6	72,1	68,2	73,3	69,1	71,9	70,7	-1	-1
Женский	61,7	65,8	69,8	67,4	67,9	65,7	70,9	72,3	72,2	73,5	73,1	73,1	70,1	68,7	71,6	-1	+3
Возраст																	
До 30 лет	71,3	72,3	79,9	73,5	77,6	75,0	76,6	76,8	76,7	78,1	75,2	74,3	69,5	67,6	66,2	-11	-1
30–55 лет	64,8	67,9	72,6	69,5	69,4	68,8	71,3	74,3	74,1	74,9	73,9	78,4	73,6	73,1	73,5	-1	0
Старше 55 лет	54,8	62,1	65,2	60,5	61,1	58,2	63,3	66,5	67,6	68,6	65,9	66,6	64,9	67,5	70,2	+3	+3
Образование																	
Среднее и н/среднее	58,4	57,2	64,8	62,1	64,6	62,0	64,6	67,2	68,4	70,3	68,4	66,1	60,6	60,4	65,0	-3	+5
Среднее специальное	64,6	66,7	72,1	66,7	68,3	66,1	70,3	73,6	74,1	73,6	71,4	75,6	71,6	74,7	73,4	-1	-1
Высшее и н/высшее	68,6	77,0	76,7	71,5	69,5	68,8	72,3	73,9	73,0	74,7	73,1	77,6	74,7	74,0	75,5	+3	+2
Доходные группы																	
20% наименее обеспеченных	51,6	51,5	57,2	54,6	57,0	50,1	53,5	55,2	56,1	58,3	53,3	50,7	48,2	51,3	55,6	-1	+4
60% средне-обеспеченных	62,9	68,7	72,1	67,3	68,1	67,4	70,7	73,2	74,4	73,1	73,1	75,2	72,2	72,7	72,0	-2	-1
20% наиболее обеспеченных	74,9	81,1	82,4	79,9	78,3	73,9	77,6	83,6	84,1	83,8	84,8	89,4	87,7	83,4	84,7	+1	+1
Территории																	
Вологда	63,1	73,6	71,0	60,3	59,8	59,6	66,0	70,2	69,5	72,9	71,4	71,9	68,1	68,8	68,1	-1	-1
Череповец	68,1	76,2	75,7	71,0	71,2	68,1	69,8	73,1	72,5	75,0	73,2	76,3	73,0	73,5	75,3	+3	+2
Районы	61,6	59,8	68,6	67,8	69,5	67,7	70,2	71,6	73,1	71,6	69,3	72,2	68,7	69,0	70,8	-2	+2
Область	63,6	67,3	71,2	66,6	67,4	65,6	69,0	71,6	71,9	72,9	70,9	73,2	69,7	70,1	71,2	-1	+1
Общее количество групп: положительные изменения / нет изменений / отрицательные изменения																14: 0 / 1	14: 2 / 0

РЕЗЮМЕ

Очередная «волна» мониторинга общественного мнения проходила в мае — июне 2026 г. Результаты опроса свидетельствуют о продолжении тенденций, которые российские социологи начали фиксировать в конце 2025 — начале 2026 г.⁶ В целом они характеризуются формированием конструктивного запроса со стороны населения к органам власти относительно динамики уровня и качества жизни в стране, в том числе на фоне относительного «привыкания» людей к повседневности в условиях продолжающейся специальной военной операции.

⁶ См., например: Алфимов В. От зарплаты до победы: как за год изменилось российское общество (интервью с руководителем ВЦИОМ В. Федоровым) // Комсомольская правда. 02.01.2026. URL: <https://www.kp.ru/daily/27763.3/5191948/?ysclid=mkgituc55z530676123>; Обухов С.П., Михальчук А.М., Богачев А.М., Стрелков Д.А., Хамадиева Т.В., Червонцев А.В. Итоги 2025 года от В.В. Путина. Экспресс-анализ послания российскому обществу и зарубежным оппонентам / Центр исследований политической культуры России. 19.12.2025 // Официальный сайт КППФ. URL: <https://kprf.ru/politindx/239901.html?ysclid=mlhmrkgapk916136109>

За два последних месяца значимых изменений по большинству показателей мониторинга общественного мнения не наблюдается. Исключение составляют оценки социальной самоидентификации. В апреле — июне 2026 г. доля жителей области, субъективно причисляющих себя к категории людей «среднего достатка», снизилась на 3 п. п. (с 47 до 44%), при этом удельный вес тех, кто ассоциирует себя с «бедными и нищими» слоями населения, возрос на 4 п. п. (с 37 до 41%).

За год измерений (с июня 2025 по июнь 2026 г.) наблюдается ряд изменений, часть которых носит негативный характер, однако общая картина остаётся сбалансированной:

- уровень одобрения деятельности Президента РФ снизился на 4 п. п. (с 66 до 62%), что сопровождается ухудшением оценок его работы по укреплению международных позиций: удельный вес позитивных суждений снизился на 7 п. п. (с 53 до 46%); в то же время доля отрицательных оценок выросла незначительно, а уровень поддержки главы государства остаётся стабильно высоким, превышая 60%, учитывая условия сложной и турбулентной внешней обстановки;

- поддержка партии «Единая Россия» сократилась на 5 п. п. (с 42 до 37%), при этом доля респондентов, заявляющих, что их интересы не представляет ни одна из партий, увеличилась на 6 п. п. (с 25% до 31%); полученные в ходе опроса данные требуют пристального внимания на фоне предстоящих в сентябре 2026 г. выборов в Государственную Думу РФ (избирательная кампания официально стартовала 16 июня 2026 г., выборы назначены на 18–20 сентября);

- индекс потребительских настроений (ИПН) за год снизился на 4 пункта (с 86 до 82 п.), что указывает на ухудшение ожиданий населения в отношении будущего уровня жизни и экономической ситуации, несмотря на относительно стабильные текущие оценки социального самочувствия;

- в социально-демографическом разрезе наиболее выраженное ухудшение социальных настроений зафиксировано среди молодёжи до 30 лет (снижение доли позитивных оценок на 11 п. п.).

Несмотря на ряд тревожных изменений, фиксируемых в годичной ретроспективе, уровень консолидации общества вокруг президента и национально ориентированной повестки стратегического развития по-прежнему высок, о чём свидетельствуют в целом стабильная картина психологического состояния общества, сохраняющийся высокий «запас терпения» (83%), преобладание позитивного эмоционального состояния (70–71%). Это является важным ресурсом социальной устойчивости и позволяет обществу адаптироваться к внешним вызовам, сохраняя внутренний потенциал для развития.

О дальнейшей динамике общественного мнения жителей Вологодской области будут свидетельствовать результаты следующих «волн» мониторинга ВолНЦ РАН. Уже сейчас можно констатировать, что, несмотря на отдельные негативные тенденции, базовые параметры социальной стабильности и доверия к институтам власти сохраняются.

Материалы подготовили: К.Е. Косыгина, И.М. Бахвалова

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://esc.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей — 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес esc@volnc.ru

Требования к оформлению текста статьи

1. **Поля.** Правое — 1 см, остальные — по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) — 14, гарнитура — Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал — 1,5.
3. **Абзацный отступ** — 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал — индекс ББК. Далее через полуторный интервал — знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.
7. **Требования к ключевым словам.** К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы — не более трех.

8. **Требования к оформлению таблиц.** В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание — по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. **Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.** Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание — по центру. Интервал — одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем — MS WORD, MS VISIO, для создания формул — MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

10. **Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.** Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. **Оформление постраничных сносок.** Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008.

12. **Оформление и содержание списка литературы.** В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем — англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы — не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала — 41319;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо — Грызлова Валерия Игоревна, тел. 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка

И.А. Кукушкина

Оригинал-макет

Т.В. Попова

Корректор

О.В. Лебедева

Подписано в печать 29.06.2026.

Дата выхода в свет 30.06.2026.

Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 32,2. Тираж 500 экз. Заказ № 39.

Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а

Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02

E-mail: common@volnc.ru